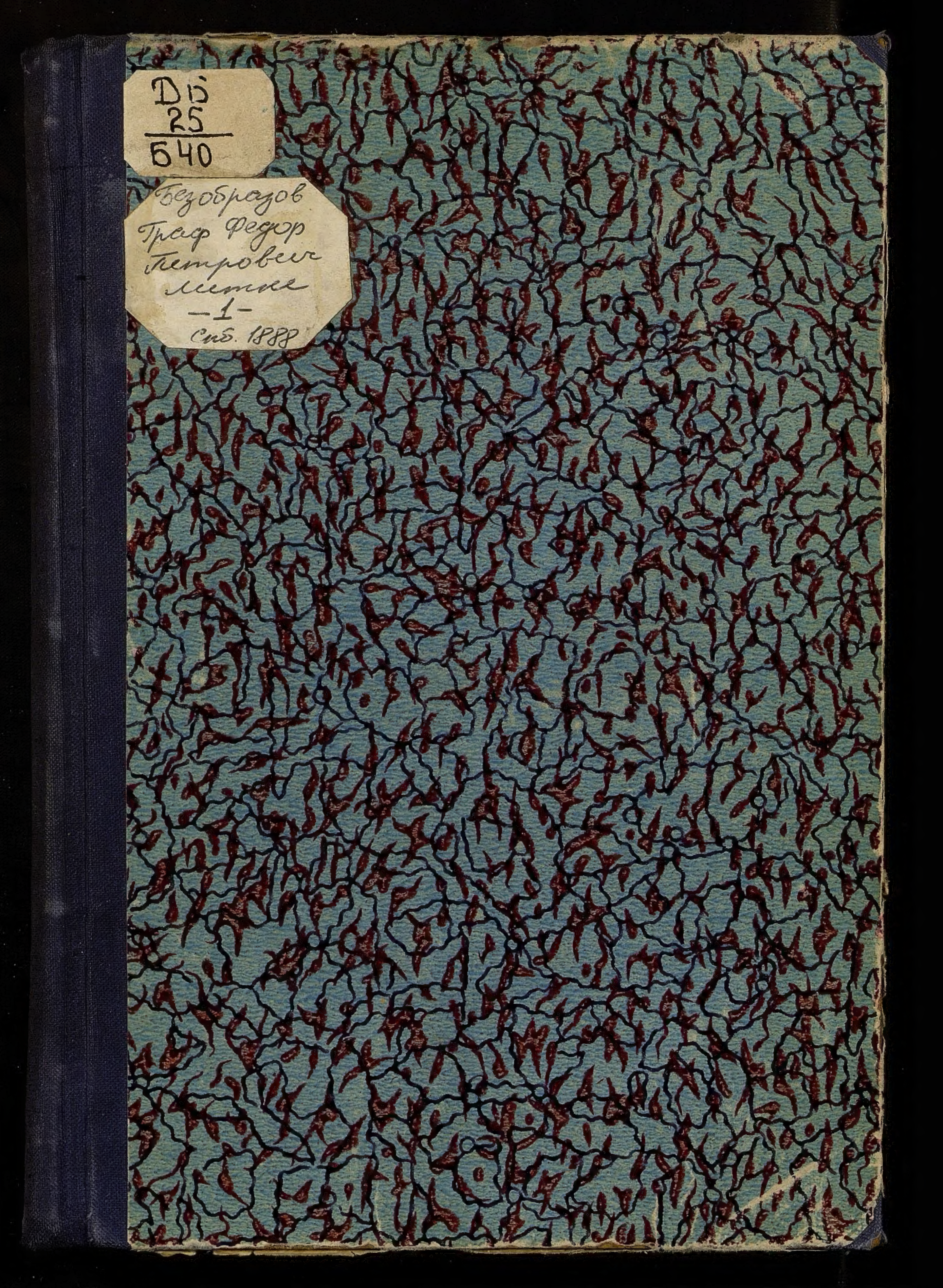
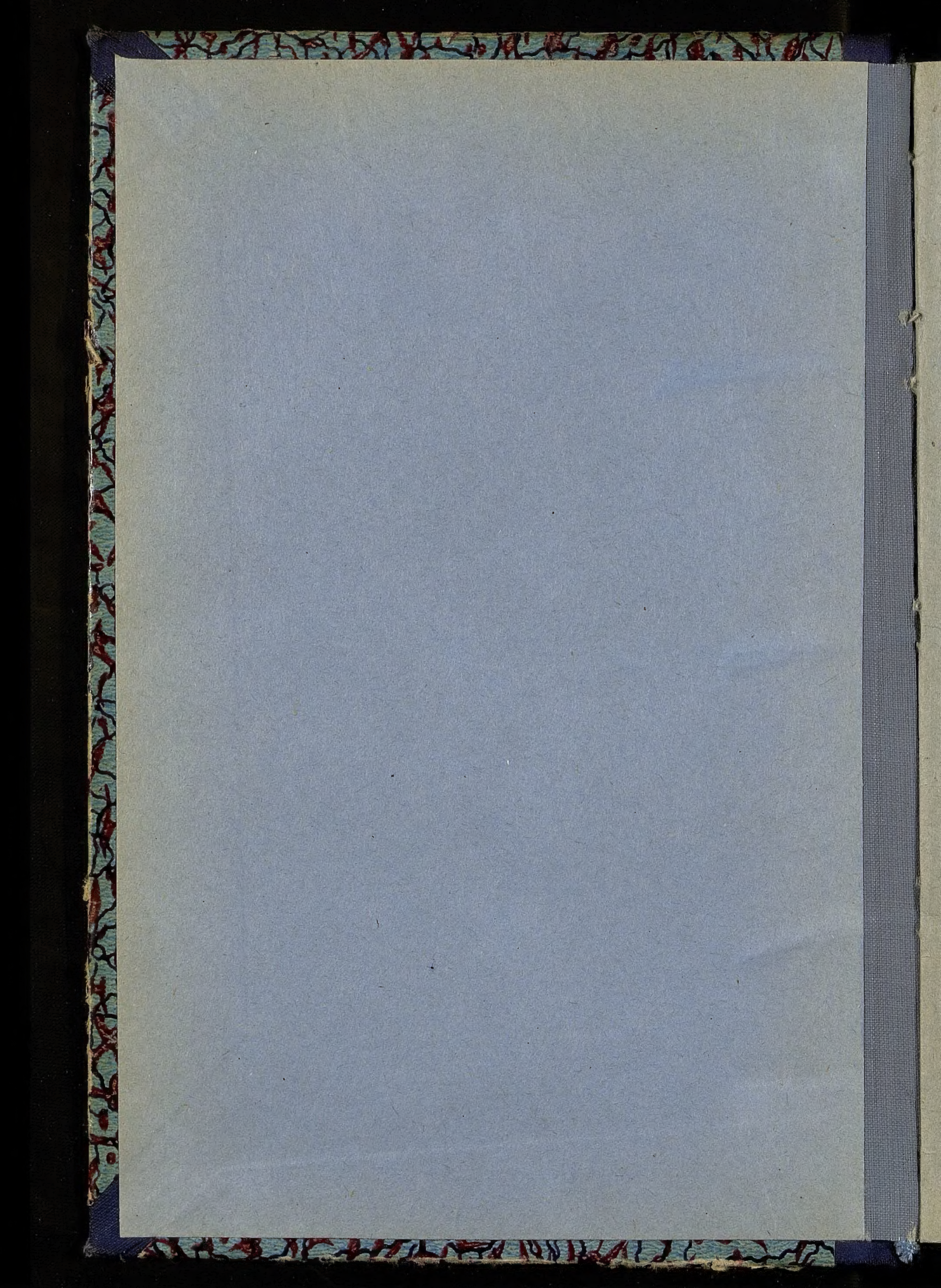
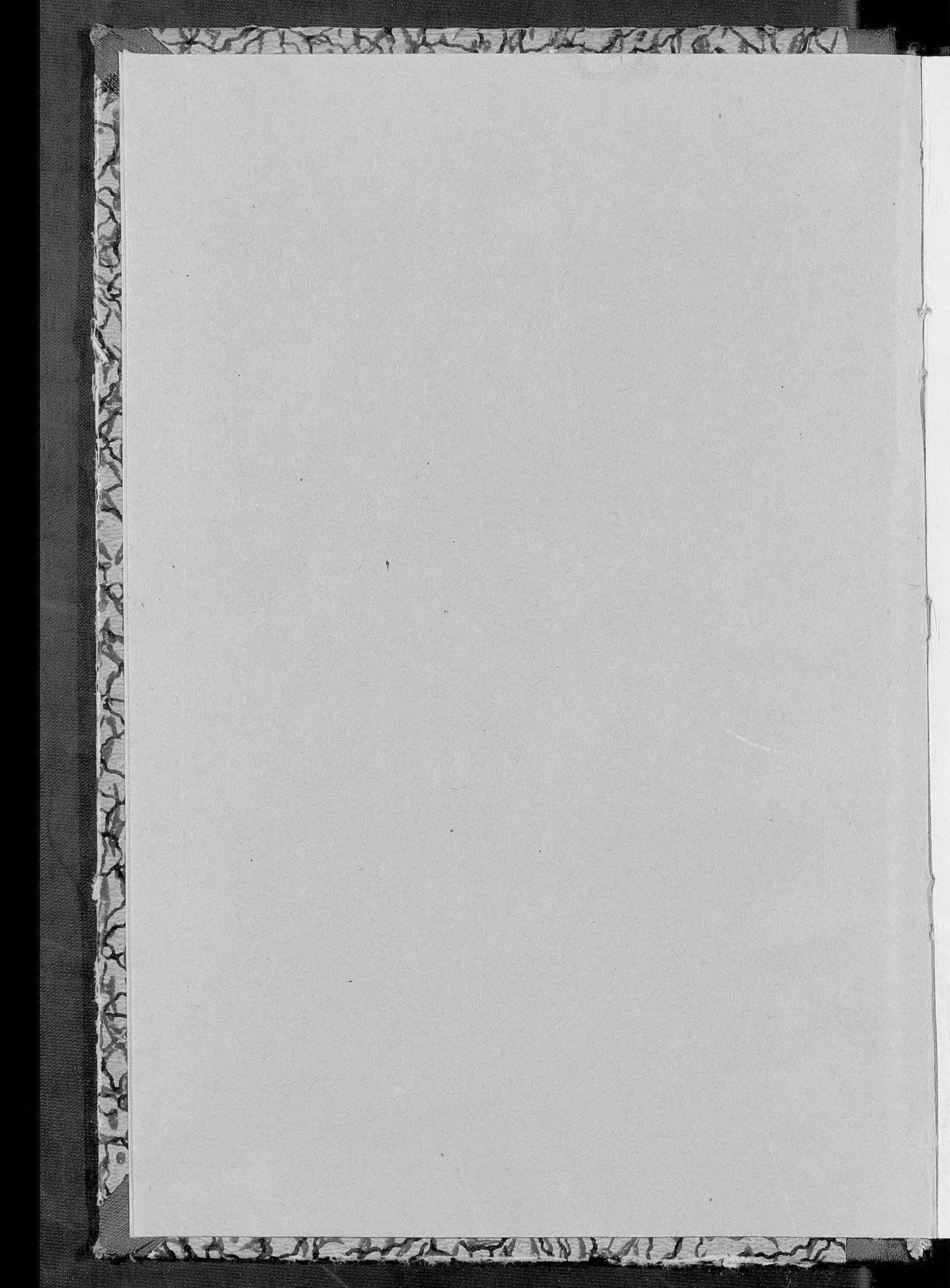


Dб
25
Б40
Безобразов
Граф Федор
Петрович
Метки
-1-
Спб. 1888





ГРАФЪ
ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ
ЛИТКЕ.

В. П. Безобразова.
ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

I.

1797—1832.

ЛОЖЕНІЕ КЪ LVII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1888.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Глазунова, въ С. П. Б. Эгерса и Комп., въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

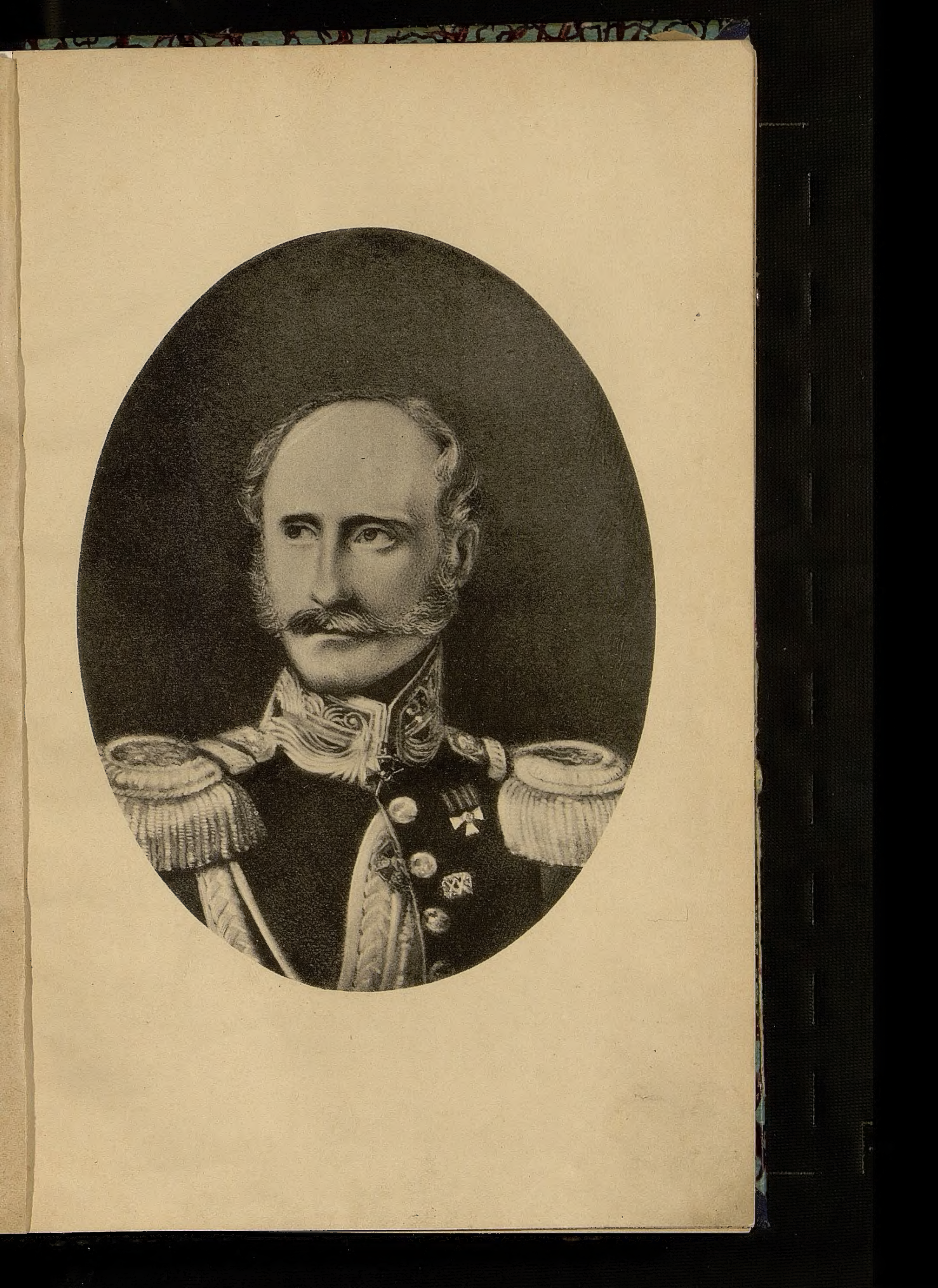
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(В. О., 9 л., № 12.)

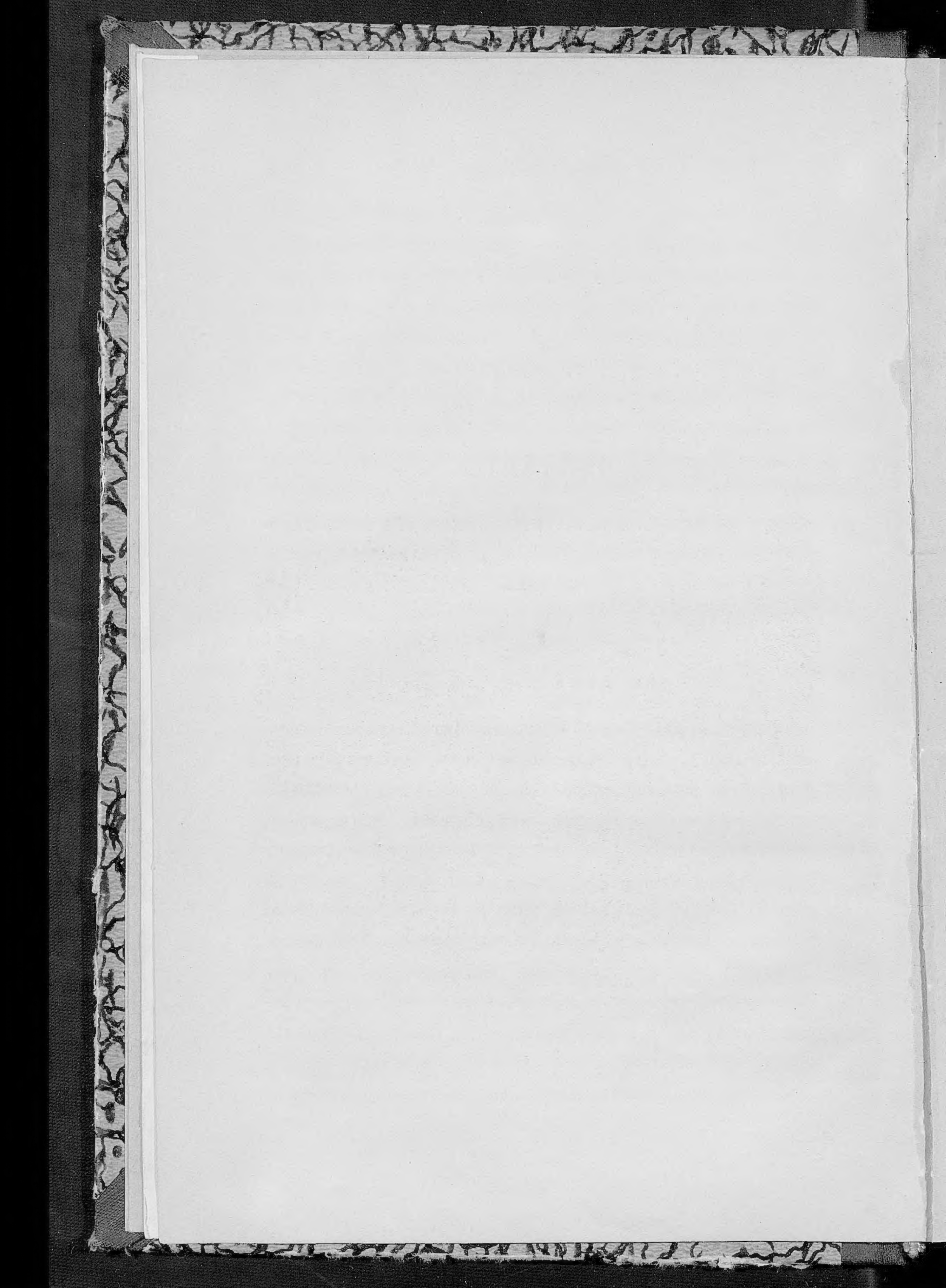
ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ жизни Графа Ѳ. П. Литке; содержаніе настоящаго тома; оставшіяся послѣ Графа Ѳ. П. бумаги; его характеристика.

ПРИЛОЖЕНІЯ.





ВВЕДЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ГРАФА Ѳ. П. ЛИТКЕ; СОДЕРЖАНІЕ НАСТОЯЩАГО ТОМА; ОСТАВШІЯСЯ ПОСЛѢ ГРАФА Ѳ. П. БУМАГИ; ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА.

I.

Общій очеркъ жизни и дѣятельности графа Литке.

Память о графѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Литке (скончавшемся 8 августа 1882 г.), какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія, обязываетъ къ изданію его біографіи. Это изданіе не могло не войти въ кругъ обязанностей Императорской Академіи Наукъ, такъ какъ покойный Графъ, въ теченіе 18 лѣтъ (съ 23 февраля 1864 г. по 25 апрѣля 1882 г.) занималъ должность ея Президента и былъ всею своею душою преданъ ея дѣятельности. Исполненіе этой обязанности всего болѣе относилось къ намъ. Въ этомъ трудѣ заключался долгъ нашей совѣсти передъ незабвеннымъ для насъ человѣкомъ и дань нашей благодарности за его продолжительную (26 лѣтнюю) неизмѣнную дружбу. Вслѣдствіе нашихъ близкихъ отношеній, не только дѣловыхъ, но

и домашнихъ къ графу Ѳедору Петровичу [1]), хотя и въ позднѣйшемъ періодѣ (1856—1882) его дѣятельности, мы были много лѣтъ ближайшимъ свидѣтелемъ его жизни и занятій, довѣреннымъ его мыслей и чувствъ, имѣемъ много свѣдѣній, имъ намъ сообщенныхъ также и о болѣе раннихъ періодахъ его жизни, и могли близко изучить и оцѣнить эту выходящую изъ ряда личность. Сыновья Графа [2]) открыли намъ доступъ къ его обширному домашнему архиву (см. объ этомъ ниже), въ которомъ сохранилось много интересныхъ матерьяловъ какъ для его біографіи, такъ и для исторіи его времени. Сверхъ всего этого, въ нашемъ семействѣ [3]) сохранилось много воспоминаній о молодыхъ годахъ графа Ѳ. П., и отчасти лично, отчасти по свѣдѣніямъ намъ сообщеннымъ изъ первыхъ рукъ, мы знаемъ многихъ людей, ему близкихъ и упоминаемыхъ въ его автобіографіи, ниже помѣщаемой (см. наши примѣчанія къ ней).

Продолжительная (85 лѣтняя) жизнь графа Литке (родился 17 сентября 1797 г., скончался 8 августа 1882), бѣглый очеркъ которой мы считаемъ нужнымъ здѣсь представить [4]), распадается на три весьма разнородные періода его дѣятельности.

---

1) Кромѣ званія академика, мы дважды (съ 1856 по 1858, и съ 1862 по 1865 г.) исполняли обязанности секретаря Имп. Русскаго Географическаго Общества въ то время, когда, гр. Ѳ. П. былъ его вице-предсѣдателемъ.

2) Графъ Ѳ. П. имѣлъ двухъ сыновей. Старшій графъ Константинъ Ѳедоровичъ, бывшій адъютантъ В. К. Константина Николаевича, нынѣ капитанъ флота 1-го ранга и морской агентъ въ Австріи и Италіи. Младшій — графъ Николай Ѳедоровичъ, камергеръ, служившій по Департаменту Удѣловъ, скончался 3 іюня 1887 г.

3) Мой отецъ, выпущенный изъ Морскаго корпуса въ гардемарины, въ 1800 г., служилъ до 1813 г. во флотѣ. Моя мать, близкая родственница Оленинныхъ и жившая въ ихъ домѣ (см. ниже), была коротко знакома съ графомъ Ѳ. П. во время его молодости. Все мое дѣтство, отчасти совпадавшее съ эпохою громкой славы его, какъ мореплавателя, наполнено разсказами объ немъ и его подвигахъ.

4) См. также общій очеркъ его жизни и дѣятельности и его характери-

Первый періодъ, къ которому относятся, послѣ его воспитанія или лучше *самовоспитанія* (см. ниже II) всѣ его путешествія и плаванія (главнѣйше четырекратное изслѣдованіе Новой Земли и окружающихъ ея водъ въ 1821—1824 г.г. и кругосвѣтное плаваніе въ 1826—1829 г.г.), прославившія его имя, не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, продолжался до вступленія его въ должность воспитателя Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Этотъ періодъ подробно описанъ въ настоящемъ томѣ, — самимъ графомъ Ѳ. П. въ его автобіографіи и въ нашихъ къ ней примѣчаніяхъ. Эта автобіографія или семейная записка, какъ она имъ названа (см. ниже II), доведена имъ до дня вступленія его въ упомянутую должность, въ 1832 г. Этотъ періодъ, до наступленія 35 лѣтняго его возраста, совершенно отличенъ отъ всей остальной части его жизни. Въ этомъ періодѣ, графъ Ѳ. П. посвящаетъ себя почти исключительно ученымъ наблюденіямъ и работамъ, находившимся въ связи съ мореплаваніемъ, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ порученій, возлагавшихся на него по службѣ. При врожденныхъ своихъ способностяхъ и душевномъ влеченіи къ морю, подъ вліяніемъ окружавшей его съ дѣтства морской среды (какъ онъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи) и подъ руководствомъ опытныхъ мореходовъ (главнѣйше В. М. Головнина), онъ быстро овладѣваетъ практическимъ морскимъ искусствомъ, которымъ отличается уже съ ранней своей молодости и въ первыхъ своихъ самостоятельныхъ (т. е. совершенныхъ подъ его начальствомъ) плаваніяхъ на Новую Землю. Научная сторона морскихъ путешествій сосредоточи-

---

стику въ прилагаемыхъ къ настоящему изданію рѣчахъ академика О. В. Струве (въ Императорской Академіи Наукъ) и Ген.-Лейт. Ф. Ф. Веселаго (въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ), произнесенныхъ вслѣдъ за его кончиною.

ваетъ на себѣ главное его вниманіе. При его душевной наклонности къ наукѣ, къ умственному труду, преимущественно передъ практическимъ дѣломъ[1]), ученая работа получаетъ, въ этомъ періодѣ, полное господство надъ его умомъ.

Изданныя имъ описанія его путешествій и естественно-историческихъ наблюденій въ посѣщенныхъ имъ странахъ имѣли огромный успѣхъ въ русскомъ и въ особенности иностранномъ ученомъ мірѣ и вводятъ его въ сношенія и переписку съ замѣчательнѣйшими представителями науки въ Россіи и заграницей. Онъ стремится посвятить себя всецѣло наукѣ (какъ говоритъ въ своей автобіографіи), преимущественно математической и физической географіи, которая остается на всю его жизнь любимымъ предметомъ его трудовъ и заботъ,—когда воля Императора Николая I, почти внезапно, отрываетъ его отъ ученаго поприща и даетъ совершенно иное направленіе его жизни, мало имѣвшее общаго съ его молодостью и съ началомъ его карьеры.

Выходившая изъ ряда въ морскомъ мірѣ замѣчательная личность графа Литке, соединявшаго въ себѣ искусство опытнаго практическаго моряка съ спеціальными научными свѣдѣніями и съ обширнымъ общимъ образованіемъ, слава, окружившая его имя и въ Россіи и за границей, послѣ его плаваній и ученыхъ работъ, и также вѣроятно его извѣстность въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества (см. ниже въ автобіографіи), не могли не обратить на него вниманія Государя Николая Павловича, при выборѣ воспитателя къ генералъ-адмиралу Великому Князю Константину Николаевичу. Почти совершенно достовѣрно, что онъ былъ указанъ для этой должности Александромъ Гумбольдомъ, поль-

---

1) Впрочемъ въ характерѣ графа Литке соединялись практическія способности съ теоретическими (см. ниже IV).

зовавшимся особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ Императора. Сверхъ всего этого, Государь познакомился съ нимъ лично при осмотрѣ въ Кронштадтѣ судовъ, на которыхъ графъ Литке возвращался изъ своихъ плаваній, въ 1829 и 1830 годахъ; наконецъ Онъ могъ оцѣнить необыкновенное трудолюбіе графа Ѳ. П. и его высокія нравственныя достоинства при исполненіи имъ въ 1830 г. операцій въ Данцигѣ по продовольствію нашей арміи, дѣйствовавшей въ царствѣ Польскомъ (см. автобіографію). Начинающійся отсюда второй періодъ жизни графа Литке, съ 1832 года до вступленія въ бракъ Великаго Князя Константина Николаевича въ 1848 г., былъ посвященъ имъ исключительно воспитанію Великаго Князя, поглотившему всѣ его труды и заботы. Онъ находился *лично* при Великомъ Князѣ съ пятилѣтняго возраста Его Высочества, въ теченіе 18 лѣтъ, до 1850 года (сперва въ должности воспитателя и потомъ, по достиженіи Великимъ Княземъ совершеннолѣтія 26 іюня 1847 г., въ должности попечителя), до назначенія его въ этомъ году главнымъ командиромъ Ревельскаго порта и Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ [1]).

Относительно всего этого періода [2]) дѣятельности графа Литке, составившаго переворотъ въ его карьерѣ и опредѣлившаго

---

1) Въ должности попечителя при В. К. Константинѣ Николаевичѣ графъ Литке состоялъ до 9 сентября 1852 г. (до полнаго совершеннолѣтія или 25-ти лѣтняго возраста Великаго Князя), въ томъ числѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, когда онъ уже былъ въ Ревелѣ. По непремѣнному и особенному желанію Императора Николая Павловича, графъ Литке оставался при Великомъ Князѣ и послѣ брака Его Высочества, около двухъ лѣтъ, до переѣзда въ Ревель.

2) Въ этомъ періодѣ его жизни (1832—1850 г.г.), графъ Литке былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества (1835), затѣмъ назначенъ генералъ-адъютантомъ (1842), предсѣдателемъ Морскаго ученаго комитета (1846) и произведенъ въ вице-адмиралы (1843); пожалованъ кавалеромъ орденовъ св. Станислава 1 степени (1838), св.

судьбу его жизни, совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ первоначально предполагалъ, мы приведемъ здѣсь только слова духовнаго завѣщанія Императора Николая Павловича (писаннаго въ Царскомъ Селѣ 4 мая 1844 г.), ст. 16: «завѣщаю сыновьямъ моимъ всегда любить и уважать бывшихъ при ихъ воспитаніи Г. А. Кавелина, Литке и Философова и Г. Юревича, Корфа и Лутковскаго. Благодарю ихъ искренно за ихъ попеченіе, замѣнявшее мой отцовскій надзоръ, отвлеченный дѣлами» [1]).

Во время воспитанія Великаго Князя Константина Николаевича Императоръ Николай Павловичъ, видясь, въ теченіе 16 лѣтъ, ежедневно съ гр. Литке, часто по нѣсколько разъ въ день, и безпрерывно ведя съ нимъ продолжительныя бесѣды и о домашнихъ, и о государственныхъ дѣлахъ, весьма съ нимъ сблизился, вполнѣ оцѣнилъ его и получилъ неограниченное къ нему довѣріе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ записки графа Ѳ. П. (см. ниже, III). Вслѣдъ за кончиною Государя, Императоръ Александръ Николаевичъ, 22 февраля 1855 г., призвалъ къ себѣ графа Ѳ. П., обласкалъ его и показалъ ему вышеприведенную выписку изъ завѣщанія Императора Николая. Въ своихъ запискахъ графъ Литке говоритъ между прочимъ слѣдующее объ этомъ свиданіи: «Вы видите, сказалъ Государь, что

Анны 1 степени (1840), Бѣлаго Орла (1846) и св. Владиміра 2 степени (1847 (кромѣ многихъ другихъ Высочайшихъ наградъ). За воспитаніе Великаго Князя Константина Николаевича онъ пожалованъ 1 ноября 1848 г. арендой на 50 лѣтъ, по 4 тысячи рублей въ годъ.

1) Эта выписка изъ завѣщанія была прислана къ графу Ѳ. П. 23 марта 1855 г. исполнителями завѣщанія: В. К. Константиномъ Николаевичемъ, гр. А. Орловымъ и гр. В. Адлербергомъ, за ихъ подписями. Ген.-адъют. *Кавелинъ* и ген. *Юревичъ* состояли при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ; ген. *А. Философовъ* состоялъ при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ; бар. *Василій Сергѣевичъ Корфъ* былъ помощникомъ Философова. Адм. *Лутковскій* былъ помощникомъ гр. Литке при воспитаніи В. К. Константина Николаевича.

Онъ (Императоръ Николай I) думалъ объ васъ; Я съ своей стороны исполню въ точности Его приказанія. Обращайтесь ко мнѣ всегда, когда будете имѣть нужду». Въ теченіе всего царствованія Императора Александра II, котораго гр. Ѳ. П. пережилъ только около полутора года, онъ былъ осыпаемъ милостями Государя (см. ниже).

Къ этому второму періоду жизни графа Литке относится кратковременный бракъ, въ который онъ вступилъ въ 1836 году, съ дѣвицею Браунъ, воспитательницею Великой Княжны Александры Николаевны. Графъ Ѳ. П. имѣлъ необыкновенную любовь, можно сказать обожаніе, къ этой женщинѣ, отличавшейся, кромѣ красоты, высокими достоинствами ума и сердца. Его записки и переписка съ женою свидѣтельствуютъ о счастьи, которымъ онъ наслаждался въ своей краткой брачной жизни. Онъ всегда говорилъ объ этой эпохѣ, какъ о самой счастливой, — если даже не какъ объ единственной вполнѣ счастливой и вполнѣ гармонической эпохѣ,—въ теченіе всей многолѣтней своей жизни. Преждевременная кончина его жены въ 1843 г. привела его въ отчаяніе, отъ котораго онъ не скоро, съ помощью своихъ глубокихъ религіозныхъ чувствъ, оправился; она осталась на всегда открытою въ его сердцѣ раною, которая до конца его дней придавала нѣкоторый меланхолическій оттѣнокъ всему его характеру, не смотря на всѣ напряженные труды, которые наполняли его жизнь, и на порывы веселости, которымъ онъ часто любилъ предаваться, даже въ старости, при всей общей серьезности своихъ мыслей.

Къ концу того-же періода относится учрежденіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Мысль объ этомъ Обществѣ издавна занимала графа Литке, еще съ первыхъ его путешествій; оно основано имъ въ 1845 г., въ средѣ немного-

численнаго сперва кружка его ученыхъ друзей и наиболѣе выдававшихся общественныхъ дѣятелей того времени (преимущественно академиковъ Бэра, Миддендорфа, В. Я. Струве, Гельмерсена, Кеппена, адмирала барона Ф. П. Врангеля, генерала О. Ѳ. Берга, Даля, Надеждина, Чихачева, К. И. Арсеньева, Дмитрія, Николая и Владиміра Алексѣевичей Милютиныхъ, К. В. Чевкина, М. Н. Муравьева и мног. др.). Учрежденіе Географическаго Общества было единственнымъ общественнымъ дѣломъ, къ которому графъ Ѳ. П. отвлекся отъ своихъ занятій при В. К. Константинѣ Николаевичѣ. Съ самаго своего зачатія, это Общество было поставлено подъ главенство В. К. Константина Николаевича, принявшаго на себя званіе его Предсѣдателя, которое Великій Князь сохраняетъ до настоящаго времени. Это Общество, получившее впослѣдствіи такое обширное развитіе, обязано всего болѣе графу Ѳ. П. не только за свое созданіе, но и за позднѣйшія его заботы объ немъ (въ званіи вице-предсѣдателя въ первые 4 года его существованія до отъѣзда въ 1850 г. въ Ревель, и потомъ непрерывно съ 1856 г. до 1873 г., когда онъ по преклонности лѣтъ долженъ былъ сложить съ себя эти обязанности); оно останется на всегда самымъ замѣтнымъ и общеизвѣстнымъ для публики памятникомъ дѣятельности покойнаго Графа на пользу Россіи и всемірной науки. Кромѣ значительныхъ услугъ, оказанныхъ этимъ Обществомъ собственно землевѣдѣнію, всѣмъ сродственнымъ научнымъ отраслямъ (статистикѣ, этнографіи и проч.) и изслѣдованію Россіи, нужно имѣть въ виду, что оно было, въ первые годы своего существованія, (1845 — 1855), единственнымъ у насъ общественнымъ центромъ умственной дѣятельности. Въ его средѣ сгруппировались впервые представители всѣхъ наукъ, можно сказать лучшія умственныя силы Россіи и всѣ наибо-

лѣе замѣчательные общественные дѣятели не только Петербурга, но и провинціи и самыхъ отдаленныхъ краевъ. Оно быстро сдѣлалось самымъ авторитетнымъ и самымъ популярнымъ у насъ общественнымъ учрежденіемъ. Оно всего болѣе обязано графу Литке тою доброю нравственною закваскою и крѣпкою организаціей, которыя вложены были имъ въ это учрежденіе съ самаго его начала, сохранились въ немъ до настоящаго времени, въ теченіе 38 лѣтняго его существованія, и отличаютъ его отъ многихъ другихъ подобныхъ у насъ Обществъ. Устройство Географическаго Общества въ томъ направленіи, какое гр. Литке хотѣлъ ему дать, обошлось не безъ значительныхъ затрудненій и не безъ борьбы, въ которыхъ онъ выказалъ энергію характера и практичность ума, соединявшагося въ немъ съ чисто научнымъ духомъ.

Съ назначеніемъ графа Литке главнымъ командиромъ Ревельскаго порта и Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1850 г., начинается третій и послѣдній періодъ его жизни. Въ теченіе этого періода, продолжавшагося 32 года (графъ Ѳ. П. скончался въ 1882 г.), дѣятельность его, и возлагавшіяся на него правительствомъ обязанности и должности были довольно разнообразны, въ особенности въ началѣ этого періода. Государственныя занятія господствовали въ дѣятельности графа Ѳ. П. за это время, по крайней мѣрѣ, съ *формальной* ея стороны, т. е. по оффиціальному характеру должностей и званій, ему присвоенныхъ. Но по внутреннему своему содержанію, жизнь и всѣ мысли его въ теченіе этихъ 32 лѣтъ, были сосредоточены преимущественно на умственныхъ и научныхъ интересахъ (за исключеніемъ эпохи первой восточной войны), согласно тому общему направленію, которое было врожденно въ его духѣ и весьма рѣзко опредѣлилось трудами его первой мо-

лодости, хотя *личными* учеными работами онъ болѣе не занимался, послѣ того, какъ былъ оторванъ отъ нихъ во второмъ періодѣ своей жизни. Это общее направленіе занятій гр. Литке выразилось какъ въ неутомимомъ, необычайно обширномъ его чтеніи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преимущественно физико-математическихъ, такъ и въ томъ живомъ участіи, которое онъ принималъ въ ученыхъ общественныхъ предпріятіяхъ своего времени и въ покровительствѣ, которое старался по мѣрѣ своихъ силъ имъ оказывать. По этому, при всемъ разнообразіи должностей и званій графа Ѳ. П. въ этомъ періодѣ, самою выдающеюся дѣятельностью его были его труды по званіямъ президента Императорской Академіи Наукъ и вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; съ этими двумя учрежденіями всего болѣе связано для современнаго общества имя гр. Литке, въ послѣдней части его жизни. Этимъ двумъ учрежденіямъ онъ посвятилъ въ этомъ періодѣ всѣ важнѣйшія свои заботы. На обязанностяхъ по этимъ двумъ постамъ, на чтеніи въ своемъ кабинетѣ, и на нѣжной любви къ своимъ сыновьямъ, онъ сосредоточилъ всѣ свои мысли и чувства, въ концѣ этого періода (съ конца 60-хъ годовъ). Отъ придворной и свѣтской жизни онъ совсѣмъ удалился, посѣщая, кромѣ обширнаго своего родства, только ученые, преимущественно академическіе кружки, которые всегда были самымъ любимымъ кругомъ его знакомства. Сверхъ всего этого, самымъ пріятнымъ для него препровожденіемъ времени и единственнымъ развлеченіемъ въ его рабочей жизни была музыка. Къ ней онъ питалъ съ молодости страстную любовь. Въ исторіи музыкальнаго воспитанія нашего общества, въ покровительствѣ музыкальному искусству и въ поощреніи его талантовъ, гр. Литке оставилъ замѣтные слѣды и воспоминанія въ Петербургѣ.

Отмѣтимъ здѣсь главные, преимущественно оффиціальные, факты въ государственной и общественной дѣятельности графа Ѳ. П. за этотъ послѣдній періодъ.

Главнымъ командиромъ Ревельскаго порта и Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ оставался онъ съ 1850 г. по 4-е ноября 1853 г.[1]). Этого послѣдняго числа, онъ назначенъ, на время первой восточной войны, Кронштадтскимъ военнымъ губернаторомъ и главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта[2]); въ этой должности онъ находился до 25 октября 1855 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Призваніе графа Литке къ командованію Кронштадтскимъ портомъ, совершенно для него неожиданное и почти внезапное, мало соотвѣтствовало его желаніямъ и наклонностямъ; скрѣпя сердце (какъ это видно въ его запискахъ), онъ принялъ этотъ постъ, покоряясь, какъ всегда, долгу службы, волѣ Государя Николая Павловича, передъ которою благоговѣлъ, и желанію Великаго Князя Генералъ-Адмирала Константина Николаевича, ставшаго, въ это время, во главѣ нашего морскаго управленія. Двухлѣтнее пребываніе графа Ѳ. П. въ этой должности оторвало его отъ обычныхъ кабинетныхъ и ученыхъ занятій и поглотило его умъ совершенно противуположными трудами — военными, и къ тому же усиленно военными, посреди самаго разгара войны. Эта непродолжительная эпоха была совсѣмъ исключительная, въ сравненіи со всею предыдущею и послѣдующею его жизнью. Не смотря на всю несвойственность этого поста душевнымъ влеченіямъ и всей прежней дѣятель-

1) 22-го августа 1852 г., съ окончаніемъ его обязанностей по званію попечителя В. К. Константина Николаевича, онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

2) 27-го марта 1855 г., онъ былъ произведенъ въ адмиралы.

ности графа Ѳ. П., онъ и здѣсь, при своихъ высокихъ дарованіяхъ и необыкновенномъ трудолюбіи, оказался на всей высотѣ своего положенія, посреди чрезвычайныхъ затрудненій того критическаго времени, которое тогда переживали Россія и въ особенности нашъ флотъ. Независимо отъ прежнихъ своихъ обязанностей по вооруженію Кронштадта и распоряженіямъ относительно находившихся въ немъ военныхъ судовъ, онъ участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ и мѣрахъ, касавшихся защиты балтійскихъ береговъ и балтійскаго флота, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ обширная переписка, оставшаяся въ его бумагахъ за это время (см. ниже, III). По всѣмъ этимъ предметамъ къ нему обращались съ ежедневными вопросами. Высказанныя имъ мнѣнія и многочисленныя и пространныя записки, имъ подававшіяся по этимъ вопросамъ, пользовались значительнымъ авторитетомъ въ глазахъ Императора Николая, его августѣйшаго воспитанника Генералъ-Адмирала и всего морскаго общества того времени. Надо думать, что графу Литке принадлежитъ нѣкоторая доля сравнительно болѣе счастливыхъ (чѣмъ на другихъ театрахъ войны) нашихъ дѣйствій на Балтійскомъ морѣ [1]). Передъ началомъ войны предполагалось возложить на графа Литке главное командованіе всѣмъ балтійскимъ флотомъ; онъ отклонилъ отъ себя это высокое порученіе, объяснивъ, что при всемъ безпредѣльномъ желаніи своемъ служить престолу и отечеству, онъ сознаетъ себя недостаточно способнымъ и подготовленнымъ, чтобы добросовѣстно принять на себя этотъ постъ.

1) Такъ, напримѣръ, онъ энергически и постоянно противился (какъ свидѣтельствуютъ о томъ его бумаги) мысли о вступленіи нашего флота въ бой съ непріятельскимъ, хотя эта мысль воодушевляла въ то время многихъ нашихъ моряковъ и была неоднократно передаваема гр. Литке на обсужденіе. По этому вопросу сохранились любопытныя записки, которыя онъ представлялъ въ то время.

Весьма пространная записка его по этому предмету, представленная имъ Генералъ-Адмиралу и сохранившаяся въ его бумагахъ, весьма характеризуетъ его личность; она свидѣтельствуетъ объ его необыкновенно строгомъ и добросовѣстномъ отношеніи къ долгу службы, его скромности и отсутствіи всякаго честолюбія, — обо всѣхъ этихъ душевныхъ свойствахъ, по преимуществу его отличавшихъ.

Здѣсь нужно упомянуть о массѣ работъ, лично исполненныхъ графомъ Литке по порученію В. К. Константина Николаевича, въ то время (съ 1850 до первыхъ 60-хъ г. г.), когда происходили по инициативѣ Его Высочества коренныя преобразованія по флоту и морскому вѣдомству. Не только относительно всѣхъ этихъ реформъ, но о каждомъ нѣсколько значительномъ распоряженіи, предполагавшемся по морскому вѣдомству, Великій Князь спрашивалъ мнѣніе своего бывшаго воспитателя (даже и въ то время, когда онъ еще былъ въ Ревелѣ). Въ архивѣ графа Ѳ. П. (см. ниже, III) сохранилась огромная переписка по этимъ предметамъ. Онъ представлялъ Великому Князю записки по каждому предлагавшемуся ему вопросу; многія изъ этихъ записокъ по основнымъ вопросамъ объ организаціи морскихъ силъ и морской администраціи (напримѣръ о разныхъ частяхъ проекта новаго морскаго устава) были плодомъ глубокаго теоретическаго и практическаго изученія дѣла и составляли цѣлыя монографіи. Эти работы графа Литке мало извѣстны; мы сами впервые ознакомились съ ними, рязбирая его архивъ. Какое значеніе онѣ имѣли въ ходѣ реформъ по морской части за это время, мы судить не можемъ (см. ниже, III).

Съ 25 октября 1855 г. до своей кончины гр. Ѳ. П. состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта, и съ 1859 г., въ теченіе многихъ лѣтъ, присутствовалъ въ Департаментѣ Законовъ (иногда

даже предсѣдательствуя въ немъ за отсутствіемъ предсѣдателя). Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 15 января 1857 г. до своей кончины, онъ былъ членомъ Комитета 18 августа 1814 г. (такъ называемаго комитета о раненыхъ). Всѣ связанныя съ этими должностями обязанности онъ исполнялъ съ своею обычною безукоризненною добросовѣстностью и аккуратностью, хотя его вниманіе и было всегда преимущественно сосредоточено на умственныхъ занятіяхъ и наукѣ, и онъ не чувствовалъ душевнаго влеченія къ государственнымъ и административнымъ дѣламъ. Но при его необычайномъ трудолюбіи, продолжавшемся въ глубокой старости, у него ставало время на все. Однако, не смотря на вышесказанное, воодушевленный пламеннымъ патріотизмомъ, графъ Ѳ. П. принималъ близко къ сердцу крупные государственные вопросы и серьезные политическіе моменты государства, тревожился ими и проводилъ часто многіе часы въ бесѣдахъ и также въ перепискѣ объ нихъ съ близкими. Но онъ чистосердечно признавалъ себя некомпетентнымъ въ государственныхъ вопросахъ и говорилъ, что случайно, вопреки своему призванію, попалъ въ сферу ихъ рѣшенія. Онъ всегда тщательно изучалъ дѣла Государственнаго Совѣта, подготовлялся къ ихъ обсужденію и обращался за указаніями къ спеціалистамъ, чтобы вполнѣ сознательно подать свой голосъ. Весьма характеризуетъ графа Ѳ. П. одно извѣстное намъ обстоятельство. Когда онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Департаментѣ Законовъ, то въ возрастѣ болѣе 60 лѣтъ, онъ принялся за изученіе права подъ руководствомъ извѣстнаго юриста Бунге. Но при всей многосторонности своего ума и разнообразіи и обширности своихъ свѣдѣній, онъ всегда воздерживался отъ всякаго рѣшительнаго вліянія на ходъ обсуждавшихся вопросовъ и устранялся даже отъ рѣшительныхъ по нимъ мнѣній. Это часто даже

удивляло людей, близко знавшихъ его умныя, просвѣщенныя, здравыя и патріотическія сужденія о государственныхъ дѣлахъ, высказывавшіяся имъ въ обществѣ и домашнемъ кругу.

Главные свои труды въ этомъ періодѣ, наиболѣе продолжительные во всей его жизни, гр. Литке посвятилъ, какъ было уже сказано, Императорской Академіи Наукъ и Императорскому Русскому Географическому Обществу. О послѣднемъ было достаточно говорено выше, и здѣсь нужно присовокупить только немногое. Въ 1872 г., вслѣдствіе упадка своего здоровья, онъ не счелъ для себя возможнымъ продолжать свою дѣятельность по Обществу съ прежнею энергіей, въ особенности когда онъ занималъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность президента Императорской Академіи Наукъ, и счелъ необходимымъ поставить на свое мѣсто болѣе молодыя силы [1]). Здѣсь нужно замѣтить, что, еще и въ то время, при своемъ замѣчательно крѣпкомъ физическомъ организмѣ, необыкновенной и неизмѣнной до послѣднихъ дней жизни бодрости духа и привычкѣ къ труду, не покинувшей его и тогда, графъ Ѳ. П., хотя бы и въ возрастѣ 75 лѣтъ, могъ еще превосходно продолжать исполненіе *обычныхъ* обязанностей, связанныхъ у насъ съ предсѣдательствованіемъ въ ученомъ обществѣ [2]). Но онъ понималъ эти обязанности по своему и никогда и нигдѣ не былъ обычнымъ или обыденнымъ предсѣдателемъ. Онъ и въ этомъ званіи, какъ мы были тому свидѣтелями, лично трудился, входилъ во всѣ по-

---

1) На его мѣсто, на должность вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, былъ избранъ тогда, согласно съ его желаніемъ, *П. П. Семеновъ*.

2) На вице-предсѣдателѣ Географическаго Общества лежатъ всѣ обязанности *дѣйствительнаго* предсѣдателя, а на предсѣдателѣ — только почетныя обязанности этого званія, покровительство и высшее руководство.

дробности и мелочи каждаго дѣла и часто писалъ и работалъ на равнѣ съ секретаремъ [1]).

Труды по званію президента Имп. Академіи Наукъ наполнили собою послѣдніе годы жизни Графа Ѳ. П. Было бы преждевременно произнести здѣсь какое либо сужденіе объ его 18-лѣтней дѣятельности въ этомъ званіи (съ 23 февраля 1864 г. по 25 апрѣля 1882) [2]). Время это слишкомъ къ намъ близко для безпристрастнаго историческаго суда. Скажемъ здѣсь только, что онъ былъ всѣми силами своей души преданъ Академіи, которую чтилъ съ первой своей молодости; посреди всѣхъ высокихъ постовъ и почестей, какихъ онъ достигъ, онъ всегда всего болѣе гордился званіемъ ея президента, какъ и самъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи. Удрученный предсмертнымъ недугомъ, онъ вынужденъ былъ разлучиться съ этимъ званіемъ (25 апрѣля 1882 г.) съ величайшею скорбію, только вслѣдствіе крайней необходимости, за три мѣсяца до своей кончины (8 августа). Также, какъ сказано было выше по поводу его дѣятельности въ Географическомъ Обществѣ, трудился онъ и какъ президентъ Академіи до послѣдней эпохи развитія предсмертнаго недуга, всего менѣе интересуясь почетною стороною этого званія. Между разными заслугами его по Академіи, нужно всего болѣе упомянуть о новой, весьма расширенной организаціи, данной при его содѣйствіи, какъ Пулковской Астрономической Обсерваторіи (см. рѣчь Ак. Струве, въ Прилож. I), такъ и Главной Физической Обсерваторіи [3]), и о значительномъ

---

1) Въ 1863 г., по случаю 50-лѣтняго юбилея службы гр. Литке, Имп. Русск. Географическое Общество украсило свою залу его портретомъ.

2) См. сказанное въ заключеніи рѣчи академика Струве. (Приложеніе I.)

3) Дѣятельность Гр. Литке по организаціи и развитію Главной Физической Обсерваторіи описана въ отчетѣ ея за 1881 и 1882 г. г. (см. Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Имп. Академіею Наукъ, подъ редакціей Вильда, Т. VIII).

увеличеніи денежныхъ средствъ, ассигнуемыхъ правительствомъ на эти учрежденія.

«Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія и въ изъявленіе признательности за долговременное, усердное и полезное служеніе, стяжавшее ему и въ ученомъ мірѣ европейскую извѣстность, а равно и за неизмѣнную преданность, доказанную имъ при исполненіи особыхъ важныхъ обязанностей, Высочайшимъ довѣріемъ ему поручаемыхъ, Указомъ Правительствующему Сенату даннымъ, 28 октября 1866 г., возведенъ Ѳ. П. Литке съ нисходящимъ потомствомъ въ Графское Россійской Имперіи достоинство» (какъ записано въ его формулярномъ спискѣ, со словъ указа)[1]).

Съ 2 февраля 1870 г. Гр. Ѳ. П. состоялъ попечителемъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Константиновичѣ до его полнаго совершеннолѣтія и руководилъ окончаніемъ его образованія[2]).

Не смотря на крѣпкое здоровье Гр. Ѳедора Петровича, продолжавшееся даже въ преклонныхъ лѣтахъ, недуги одолѣли его

1) Кромѣ того Гр. Ѳ. П. Всемилостивѣйше пожалованъ въ этомъ періодѣ: брилліантовыми знаками къ ордену Св. Александра Невскаго (1 января 1858 г.), орденами Св. Владиміра 1 степени большаго креста (26 сентября 1863 г., по случаю 50-лѣтняго юбилея его службы), Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1 января 1870 г.) и алмазными знаками къ этому ордену (1 января 1876 г.). Въ 1855 г., былъ Всемилостивѣйше пожалованъ Графу Литке въ потомственное владѣніе домъ, принадлежавшій морскому вѣдомству въ С.-Петербургѣ, на англійской набережной. Излишне перечислять здѣсь множество иностранныхъ орденовъ, которыми Гр. Ѳ. П. былъ украшенъ отъ всѣхъ европейскихъ правительствъ.

2) Мы можемъ упомянуть здѣсь только о тѣхъ изъ многихъ почетныхъ званій, присвоенныхъ Графу Ѳ. П., которыя намъ извѣстны и которыхъ слѣды остались въ его бумагахъ. Онъ былъ почетный членъ Николаевской Морской Академіи, почетный членъ Имп. Дерптскаго и Харьковскаго Университетовъ, почетный членъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, членъ корреспондентъ Академіи Наукъ въ Парижѣ, почетный членъ Королевскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ и Географическаго Общества въ Антверпенѣ, и проч.

подъ конецъ его 85-лѣтней жизни, и его послѣдніе годы, въ особенности два, были крайне для него мучительны. Его слухъ и зрѣніе ослабли уже нѣсколько лѣтъ до его кончины; онъ лишился главныхъ своихъ наслажденій — чтенія и музыки. Въ послѣдніе два года онъ совсѣмъ ослѣпъ. Чтеніе другихъ, хотя онъ и заставлялъ себѣ читать въ теченіе цѣлаго дня, нисколько его не удовлетворяло, а скорѣе только раздражало. Онъ давно отдалился отъ общества, которое только и можетъ наполнить жизнь человѣка, когда онъ лишился силъ трудиться. Для человѣка, привыкшаго быть постоянно занятымъ и сосредоточеннымъ въ своей личной умственной атмосферѣ, такая жизнь была страшнымъ томленіемъ. При своей непоколебимой вѣрѣ въ безсмертіе духа, Гр. Литке переносилъ эти земныя страданія съ христіанскимъ смиреніемъ и твердостью. Въ послѣдней предсмертной бесѣдѣ съ своимъ духовникомъ, пасторомъ Гессе, онъ сказалъ, приблизительно, что «посреди безусловной тьмы его окружающей, онъ видитъ передъ собою только одинъ свѣтъ — Христа».

II.

Содержаніе настоящей книги и значеніе автобіографіи графа Литке.

Настоящій томъ посвященъ собственно первому періоду жизни графа Литке (до назначенія его на должность воспитателя Великаго Князя Константина Николаевича въ 1832 году). Впослѣдствіи, въ продолженіяхъ этого изданія, могутъ быть описаны остальные два періода до кончины графа Ѳ. П. въ 1882 г. Главное мѣсто въ настоящей книгѣ занимаетъ автобіографія покойнаго графа, написанная имъ въ 1865—1868 г.г. Онъ самъ довелъ ее только до вышеупомянутой эпохи своей жизни и не

счелъ удобнымъ говорить о послѣдующихъ ея періодахъ (1832—1882). Они еще слишкомъ близки къ намъ, дѣятельность графа Литке за это время тѣсно обусловлена событіями и лицами, для которыхъ судъ исторіи еще не насталъ, и потому подробное и безпристрастное описаніе этихъ періодовъ, бѣгло очерченныхъ и характеризованныхъ нами выше, пока невозможно. Важнѣйшіе его труды и личныя отношенія за это время (въ особенности съ 1832 по 1850 г.) еще не могутъ подлежать полной гласности, а оглашеніе лишь нѣкоторой ихъ доли было бы искаженіемъ исторической истины.

Писать біографію графа Литке за то время, которое обнимаетъ его автобіографія, было излишне; мы признали болѣе цѣлесообразнымъ прибавить къ послѣдней примѣчанія [1]), въ которыхъ сообщаются нами дополнительныя свѣдѣнія о событіяхъ и лицахъ, упоминаемыхъ графомъ Ѳ. П., и также объ его работахъ и подвигахъ, описываемыхъ имъ съ излишнею скромностью.

Эта автобіографія написана имъ, подъ названіемъ «семейной записки», собственно для его дѣтей, а не для публики. Но надо думать, что опубликованіе ея нисколько не будетъ противно мыслямъ покойнаго Графа, такъ какъ онъ самъ указывалъ намъ на нее при своей жизни и она весьма интересна не только для его семейства, но также и для публики, даже независимо отъ интереса, связаннаго съ его личностью.

Первенствующій общественный интересъ, связанный съ этою автобіографіей, такъ сказать педагогическій. Онъ прекрасно выраженъ въ слѣдующихъ заключительныхъ ея словахъ:

---

1) Въ составленіи этихъ примѣчаній намъ оказывалъ содѣйствіе сынъ графа Ѳ. П. Литке, графъ Николай Ѳедоровичъ.

«Здѣсь я останавливаюсь. Я не имѣлъ намѣренія писать полной моей біографіи. Цѣль этой записки передать моимъ дѣтямъ свѣдѣнія, какія есть, о прошедшемъ нашего семейства, и представить очеркъ первой половины моей жизни, изъ котораго они могутъ увидѣть, какъ *круглый сирота, въ первые годы своей юности почти заброшенный, безъ всякой протекціи, можетъ, съ помощію Божіей, собственными трудами пробить себѣ дорогу въ жизни и оставить своимъ потомкамъ доброе, незапятнанное имя*».

Въ автобіографіи графа Литке всего любопытнѣе видѣть, какъ онъ могъ выработаться собственными своими силами, достигнуть высшаго общественнаго положенія и сдѣлаться человѣкомъ высокообразованнымъ, даже ученымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко нравственнымъ, съ самыми строгими и тонкими понятіями о нравственномъ долгѣ и чести, не смотря на то, что не былъ ни въ какой школѣ, не получилъ никакого воспитанія отъ родителей и старшихъ, не смотря даже на весьма скверныя условія окружавшей его общественной среды (согласно его собственному чистосердечному разсказу). Можно сказать, что въ дѣтствѣ и отрочествѣ, онъ былъ предоставленъ самому себѣ, жилъ почти на улицѣ! Въ неизвѣстности обо всемъ этомъ, можно было совсѣмъ напротивъ думать, что графъ Ѳ. П., какимъ мы всѣ его знали, получилъ самое строгое воспитаніе и систематическое школьное образованіе. Между тѣмъ онъ былъ самоучка въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ за всю свою нравственную и умственную сущность, кромѣ врожденныхъ душевныхъ способностей и свойствъ, за всю свою блестящую карьеру, которая вывела его изъ ничтожества и довела до высшихъ ступеней государственной іерархіи, даже до близкихъ личныхъ отношеній къ русскому престолу и къ русскимъ Государямъ, обязанъ только самому себѣ, *самовоспитанію и самообразованію.*

Нѣкоторое содѣйствіе и покровительство со стороны своихъ родныхъ и ихъ знакомыхъ, которыя онъ имѣлъ въ первой молодости, ничтожны въ сравненіи съ его самодѣятельностью и собственною личною работою надъ самимъ собою, съ его личнымъ починомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что трудность этого житейскаго пути должна была значительно усиливаться чужестраннымъ происхожденіемъ Литке: его дѣдъ былъ пришлецомъ въ Россіи, не имѣвшимъ никакой извѣстности и никакихъ связей, и сверхъ того, вслѣдствіе своего страннаго и безпокойнаго характера (см. автобіографію), онъ не умѣлъ составить себѣ никакого, даже скромнаго положенія въ обществѣ. Отецъ его, согласно всѣмъ фактамъ имъ сообщаемымъ, былъ человѣкъ, хотя и съ добрыми нравственными качествами, но весьма посредственный, и также весьма мало поднявшійся въ обществѣ. Въ генеалогіи Литке можно замѣтить развѣ только одну нравственную черту, проходящую черезъ три поколѣнія [1]), имъ унаслѣдованную и полученную какъ единственный наслѣдственный даръ: неодолимую наклонность къ умственной дѣятельности и къ наукамъ, воодушевлявшую и его дѣда и отца (хотя обоихъ совсѣмъ безплодннымъ образомъ). Также, въ извѣстной степени, можно считать унаслѣдованною любовь графа Литке къ морю и стремленіе его къ морской службѣ: они зародились въ немъ съ дѣтства и были много привиты къ нему его родственниками, служившими во флотѣ. Во всемъ остальномъ онъ обязанъ самому себѣ, энергіи своихъ личныхъ усилій и своимъ врожденнымъ дарованіямъ.

Блистательный примѣръ самовоспитанія, живописуемый ав-

---

1) Кто былъ отецъ его дѣда и его предки совершенно неизвѣстно, какъ онъ говоритъ въ своей автобіографіи.

тобіографіей гр. Литке, въ высшей степени любопытенъ для педагога. Этотъ примѣръ можетъ, съ перваго взгляда, разрушить вѣру въ значеніе какой бы то ни было педагогической системы и школы, хотя исключительныя личности и дарованія не могутъ служить примѣромъ ни въ какихъ вопросахъ о системахъ воспитанія и школы. Какъ бы то ни было, — и въ этомъ отношеніи жизнь гр. Литке представляется намъ высоко назидательною, въ особенности для подростающихъ поколѣній, — мы видимъ въ ней съ поражающею ясностью *могущество элемента сомовоспитанія* и личной человѣческой воли, торжествующаго надъ всякими препятствіями и пороками семейной и общественной обстановки, надъ всякою правственною и матеріальною нищетою, окружающею человѣка въ дѣтствѣ и первой молодости. Видѣть въ очію, во всей исторической реальности, побѣдоносное дѣйствіе этого личнаго элемента особенно наставительно въ наше время, когда съ извѣстной точки зрѣнія такъ усиленно пропагандируются понятія о подавляющемъ вліяніи общественной среды на судьбу каждой отдѣльной личности, о безпомощности ея личной воли противъ этой силы, о безотвѣтственности личности посреди превозмогающихъ условій общественной жизни. Эти понятія крайне вредоносны для развитія личной энергіи, личнаго труда и почина; съ другой-же стороны, наша общественная жизнь, можетъ быть, всего болѣе нуждается для своего преуспѣянія въ напряженіи этого личнаго элемента — воли, труда и почина. Эта идея о значеніи самовоспитанія и энергіи личной воли въ борьбѣ съ затрудненіями общественной обстановки, окружающей дѣтство, кажется, въ особенности занимала гр. Литке, когда онъ писалъ свою автобіографію (какъ это и видно изъ вышеприведенныхъ заключительныхъ ея словъ), хотя онъ безпрестанно жалуется на недостатокъ систематическаго воспитанія и школы,

какъ на величайшее несчастіе своей жизни и, съ свойственнымъ ему самоуничиженіемъ, говоритъ о вредныхъ послѣдствіяхъ этого зла, отразившихся на немъ до послѣднихъ его дней. Если въ личностяхъ, выдающихся надъ общимъ уровнемъ своими необыкновенными врожденными дарованіями, самовоспитаніе и энергія личной воли могутъ замѣнить систематическое воспитаніе и школу,— какъ мы это видимъ безпрерывно въ исторіи,—то для всякой личности, и крупной и мелкой, и для всякихъ способностей самое лучшее воспитаніе и самая лучшая школа сами по себѣ безплодны безъ этого личнаго элемента самодѣятельности, и онъ необходимъ и возможенъ для всякой самой обыкновенной личности. Въ этомъ всего болѣе и заключается назидательность вышеприведенныхъ фактовъ дѣтства и первой молодости гр. Литке. Если онъ былъ вполнѣ «дѣтищемъ своихъ собственныхъ трудовъ», какъ говорятъ французы (l'enfant de ses œuvres), то въ большей или меньшей степени такимъ можетъ и долженъ быть каждый человѣкъ, съ самыми обыкновенными способностями, не вполнѣ лишенный разума и силы воли. Наконецъ, жизнеописаніемъ гр. Литке рѣзко опровергается весьма распространенное въ нашемъ обществѣ, въ особенности въ послѣднее время, и обусловленное многими нравственными немощами русскаго человѣка, понятіе, что «безъ протекціи у насъ нельзя ничего достигнуть и нельзя сдѣлать никакой карьеры». Въ этомъ отношеніи чтеніе автобіографіи гр. Литке можетъ дѣйствовать особенно наставительнымъ и ободряющимъ образомъ на наше молодое поколѣніе.

Это послѣднее размышленіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ Россіи, въ которой за всѣ періоды ея исторіи, и въ особенности новѣйшій, возвышеніе людей изъ ничтожества, изъ самыхъ низменныхъ и бѣдныхъ общественныхъ слоевъ до высшихъ положеній въ государствѣ и обществѣ, до первостепенныхъ госу-

дарственныхъ постовъ, до знатности и богатства, есть далеко не исключительное явленіе, а напротивъ, весьма обыкновенное, и потому внушительное для молодого поколѣнія и для ободренія его къ работѣ. Хотя весьма многіе иноземцы, преимущественно германскаго происхожденія, дѣлали у насъ подобныя блистательныя карьеры, но нельзя-же предполагать, что имъ свойственны такія племенныя качества, вооружающія ихъ силою воли и личной предпріимчивости, которыя имъ даютъ превосходство передъ русскими людьми, и невозможны для послѣднихъ. Напротивъ, какъ бы велики ни были терпимость и гостепріимство русскаго общества къ иностранцамъ, въ особенности въ прежнее время, все-таки карьера для нихъ сопряжена была даже и прежде, когда они обладали превосходствомъ образованія, съ гораздо бо́льшими затрудненіями, чѣмъ для русскихъ.

Эта послѣдняя національная сторона автобіографіи гр. Литке также весьма интересна и характеристична по отношенію не только къ нему самому, но, еще болѣе, къ исторіи нашего общества. Фамилія Литке обрусѣла уже во второмъ поколѣніи, по прибытіи въ Россію; уже съ этого поколѣнія начались ея многочисленные браки съ русскими. У гр. Ѳедора Петровича было несравненно болѣе родственниковъ русскихъ, чѣмъ иностранныхъ фамилій, составлявшихъ исключеніе въ его родствѣ. Отецъ его, родившійся въ Россіи, сынъ пришлеца-чужеземца, былъ уже совсѣмъ русскій человѣкъ и даже Москвичъ, и былъ бы, какъ говоритъ гр. Ѳ. П. въ своей автобіографіи, удивленъ и возмущенъ, если бы кто нибудь усомнился въ чистотѣ его русской національности и попрекнулъ его иностраннымъ происхожденіемъ. Отецъ гр. Литке совсѣмъ ассимилировался съ русскою національною средою, и не смотря на то, что самъ былъ сыномъ пастора лютеранской нѣмецкой церкви, имѣлъ самыя близкія

связи только съ русскими людьми и, кажется даже не имѣлъ никакихъ связей съ нѣмцами. При весьма скромномъ своемъ общественномъ положеніи, онъ выводилъ въ люди многихъ русскихъ, изъ коихъ иные сдѣлались впослѣдствіи весьма извѣстными. Между прочимъ его покровительству, не смотря на его лютеранское исповѣданіе, много обязанъ знаменитый іерархъ русской церкви, Кіевскій митрополитъ Евгеній. Весьма интересно въ исторіи фамиліи Литке и также для характеристики того времени, что другой высокочтимый іерархъ нашъ, Московскій митрополитъ Иннокентій, обязанъ первыми успѣхами своей дѣятельности графу Ѳ. П. Литке (см. автобіографію).

Эта послѣдняя черта въ исторіи фамиліи Литке, — случайная или неслучайная,—заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Она во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ объ обрусѣніи этой фамиліи уже со втораго поколѣнія послѣ водворенія ея въ Россіи или же съ дѣтей ея предка, пришедшаго къ намъ около половины прошедшаго столѣтія. Такое быстрое обрусѣніе произошло, не смотря на лютеранское вѣроисповѣданіе, строго сохранившееся въ этой фамиліи до сихъ поръ, при всемъ безукоризненно русскомъ ея характерѣ. Нѣкоторую неслучайность упомянутаго факта можно видѣть въ томъ, что въ прошедшемъ столѣтіи и началѣ нынѣшняго національные и вѣроисповѣдные вопросы и конфликты почти не существовали и никогда не обострялись до такихъ племенныхъ антипатій и раздоровъ и до такого возбужденія національныхъ страстей, какъ въ наше время. Объ этомъ упоминаетъ съ горечью гр. Ѳ. П. въ одномъ мѣстѣ своей автобіографіи. Въ виду упомянутаго факта и многихъ другихъ ему однородныхъ въ Россіи за то время, невольно приходится думать, что національный индиферентизмъ, въ которомъ упрекаютъ XVIII вѣкъ и который господствовалъ въ то время

повсемѣстно въ Европѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе усиленныхъ мѣръ со стороны государствъ къ привитію своей національности иностранцамъ и инородцамъ были можетъ быть болѣе благопріятны для поглощенія иноземцевъ господствующимъ племенемъ, чѣмъ нынѣшнее направленіе идей и политики (шовинизмъ) въ Европѣ. При этомъ нужно замѣтить, собственно относительно нѣмцевъ, что они легче ассимилировались съ другими націями въ тѣ времена, главнѣйше потому, что тогда Германія не существовала какъ самостоятельное политическое тѣло.

Самъ графъ Ѳ. П. Литке былъ совсѣмъ русскій человѣкъ, по своимъ чувствамъ и даже наклонностямъ, за исключеніемъ своей иноземной религіи, которая, — въ особенности съ развитіемъ всякаго рода сектъ въ новѣйшее время, — еще не можетъ быть сама по себѣ признакомъ иностранца въ Россіи. Его природный или что называется материнскій языкъ былъ русскій, которымъ онъ отлично владѣлъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ уже отецъ его совершенно обрусѣлъ [1]); гр. Ѳ. П. имѣлъ въ первомъ своемъ дѣтствѣ русскую няньку и провелъ молодость исключительно въ русскомъ обществѣ. Нѣмецкому языку онъ научился только въ школѣ и владѣлъ имъ, не смотря на позднѣйшее глубокое изученіе нѣмецкой науки и литературы и на дружбу съ нѣмцами, хуже, чѣмъ русскимъ языкомъ. Со своими дѣтьми онъ иначе не говорилъ, какъ по русски и другаго языка не было въ домѣ. Въ теченіе всей своей жизни онъ велъ всю свою переписку и свои многолѣтнія дневныя записки и путевые журналы (см. ниже) по русски; во всѣхъ его рукописяхъ, мы не нашли

1) Мать его, урожденная Энгель, скончалась въ день его рожденія. Семейство Энгель было впрочемъ совсѣмъ обрусѣлое, въ родствѣ съ русскими, и носило только фамилію нѣмецкую.

слѣда нѣмецкаго языка. Одна изъ обширнѣйшихъ его переписокъ съ первымъ его другомъ, барономъ Ф. П. Врангелемъ, остзейцемъ, всегда происходила на русскомъ языкѣ, съ обѣихъ сторонъ. Доказательствомъ тому, какъ слабо онъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ въ своей молодости, служатъ письма его, которыя мы нашли въ его архивѣ, и которыя онъ писалъ къ нѣмцамъ въ Германію (между прочимъ къ Карлу Бэру въ Кёнигсбергъ); онъ писалъ ихъ по русски и давалъ переводить другимъ на нѣмецкій языкъ. Когда онъ вынужденъ былъ для разговора или переписки съ иностранцами обращаться къ иностранному языку, онъ предпочиталъ французскій. Такъ, мы нашли въ его бумагахъ ученыя сообщенія, сдѣланныя имъ на французскомъ языкѣ, въ 40-хъ г.г., въ академическомъ кружкѣ, собиравшемся въ Петербургѣ и состоявшемъ преимущественно изъ нѣмцевъ.

Мы нѣсколько распространились по этому предмету собственно потому, что въ послѣднемъ періодѣ жизни гр. Литке, когда онъ сталъ извѣстенъ въ болѣе обширныхъ кругахъ петербургскаго общества, на немъ лежалъ нѣкоторый нѣмецкій оттѣнокъ, которымъ онъ отличался отъ чисто русскихъ людей, хотя этотъ оттѣнокъ былъ иными преувеличиваемъ вслѣдствіе политическихъ предубѣжденій нашего времени. Причиною этого явленія было то, что гр. Ө. П. пріобрѣлъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, имѣніе (Авандусъ) въ Эстляндіи, гдѣ проводилъ каждое лѣто, и вступилъ въ Эстляндское дворянство. Онъ, въ извѣстной степени, подчинился корпоративному духу остзейскаго дворянства, впрочемъ только въ лучшихъ его стремленіяхъ, всегда рѣзко порицая (какъ мы сами это отъ него слышали) всякія одностороннія и своекорыстныя влеченія нашего прибалтійскаго провинціализма и его привилегированнаго общественнаго слоя. Отъ всякихъ политиче-

скихъ замѣшательствъ въ прибалтійскомъ краѣ гр. Ѳ. П. держалъ себя конечно въ сторонѣ. Отсюда произошелъ тотъ нѣмецкій или лучше остзейскій оттѣнокъ, который въ немъ замѣчали въ его старости, и который не имѣлъ ничего общаго съ его происхожденіемъ и со всею его дѣятельностью.

Наконецъ, въ связи со всѣмъ предыдущимъ скажемъ, что хотя бы въ числѣ психическихъ и физіологическихъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась личность гр. Литке, и заключался германскій племенной элементъ, но гр. Ѳ. П. какъ по своимъ убѣжденіямъ и влеченіямъ, такъ и по своему образованію или лучше самообразованію, былъ русскій человѣкъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ вполнѣ европеецъ. Объ этомъ всего лучше свидѣтельствуетъ его автобіографія, и въ этомъ не малый ея интересъ; онъ образовалъ себя въ обще-европейскомъ духѣ, пріобщился ко всемірному знанію, сдѣлался однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Европы, *исключительно на русской почвѣ* и въ русской средѣ. Въ личное прикосновеніе съ другими образованными странами и въ сношеніе съ иностранными учеными онъ вступилъ гораздо позже, вскормивъ себя сперва умственно и нравственно исключительно въ Россіи, въ русскомъ обществѣ [1]) и на русскомъ кораблѣ. Этимъ Россія можетъ гордиться, какъ во многихъ подобныхъ случаяхъ того времени.

Затѣмъ, автобіографія Графа Литке заключаетъ въ себѣ для публики и историческій интересъ, сообщая нѣкоторыя фактическія данныя для исторіи Россіи и для характеристики нашего общества въ первой части нынѣшняго столѣтія (до 1833 г.). Даже и въ этомъ первомъ періодѣ, его жизнь со-

---

1) Онъ провелъ отрочество и первую молодость въ кружкахъ русскихъ образованныхъ людей (напр. домъ Олениныхъ) и моряковъ (см. автобіографію).

прикасалась съ историческими событіями Россіи и съ нѣкоторыми замѣчательными ея дѣятелями, о которыхъ онъ говоритъ. Конечно, въ этомъ отношеніи, записки, которыя онъ велъ въ позднѣйшіе періоды своей жизни, когда онъ стоялъ вблизи всѣхъ государственныхъ людей и дѣлъ, несравненно болѣе интересны. О степени историческаго интереса этихъ записокъ (см. ниже, III), автобіографія, предназначенная Графомъ Ө. П. преимущественно для своего семейства и написанная много лѣтъ (30) спустя, послѣ всего имъ видѣннаго, не даетъ даже приблизительнаго понятія.

Однако, и въ автобіографіи Гр. Литке, кромѣ свѣдѣній о немъ самомъ и его семейныхъ отношеніяхъ [1]), можно найти не мало общеинтереснаго историческаго матеріала. Въ ней сообщаются, изъ личныхъ наблюденій или изъ первыхъ источниковъ, свѣдѣнія обо многихъ замѣчательныхъ личностяхъ Россіи и ихъ характеристическихъ чертахъ; напр. объ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, фельдмаршалѣ Репнинѣ, митрополитахъ Евгеніи Кіевскомъ и Иннокентіи Московскомъ, ст. секр. Энгелѣ, Олениныхъ, Трощинскомъ и многихъ другихъ [2]).

Впрочемъ множество людей, даже и малоизвѣстныхъ для большинства публики, окружавшихъ его, о которыхъ онъ говоритъ, играли въ свое время роль (напр. во флотѣ) и характеризуютъ собою наше общество въ первой половинѣ XIX вѣка. Всѣ, даже мелкія фактическія свѣдѣнія и взгляды на событія и людей, сообщаемые Графомъ Ө. П., имѣютъ историческій интересъ по-

---

1) Если Гр. Литке входитъ въ нѣкоторыя излишнія для публики подробности по этому предмету, то не должно забывать, что онъ писалъ для своихъ дѣтей.

2) Въ этомъ отношеніи записки Гр. Литке съ 1835 г. неизмѣримо превосходятъ его автобіографію.

тому въ особенности, что они излагаются съ чрезвычайною правдивостью, политическимъ безпристрастіемъ и искренностью, съ которою онъ отзывается даже о ближайшихъ къ нему людяхъ и родственникахъ. Сверхъ того, вся автобіографическая записка читается очень легко, такъ какъ изложена съ тою *сжатостью* (concision), точностью и живостью, которыми отличалось все имъ писанное.

III.

Домашній архивъ Графа Литке и его записки.

Драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, оставленное Графомъ Ѳ. П., составляетъ его домашній архивъ [1]), который заключаетъ въ себѣ между прочимъ интереснѣйшіе матеріалы для исторіи двухъ царствованій, Императоровъ Николая I и Александра II. Этими матеріалами, безъ сомнѣнія, воспользуются будущіе историки этихъ царствованій. Этотъ архивъ кромѣ ученыхъ и государственныхъ заслугъ Графа Ѳ. П., сохранитъ на долго память объ немъ и уваженіе къ нему въ потомствѣ.

Имѣя въ виду, что бо́льшая и важнѣйшая часть историческихъ матеріаловъ, заключающихся въ этомъ архивѣ, не можетъ быть предана гласности даже въ близкомъ будущемъ и не скоро увидитъ свѣтъ, мы считаемъ нашимъ долгомъ сдѣлать здѣсь краткій перечень, по крайней мѣрѣ, главнѣйшаго ихъ содержанія,

---

1) Бумаги (въ томъ числѣ и записки или мемуары) оставшіяся (см. ниже) послѣ Гр. Литке и имѣющія сколько нибудь государственный характеръ и историческій интересъ сыновья его повергли въ распоряженіе Государя Императора Александра Александровича. По повелѣнію Его Величества эти бумаги переданы въ Годарственный Архивъ; такимъ образомъ онѣ лучше всего сохранятся для потомства.

для того, чтобы оно было извѣстно будущимъ изслѣдователямъ нашего прошедшаго [1]).

Гр. Ѳ. П. оставилъ огромную массу бумагъ и документовъ, относящихся къ его жизни, къ его занятіямъ и къ дѣламъ, съ которыми онъ былъ въ болѣе или менѣе близкомъ соприкосновеніи. Все это хотя и было собираемо и хранимо имъ въ достаточномъ порядкѣ, на сколько онъ могъ успѣвать дѣлать это лично самъ, при своемъ крайнемъ трудолюбіи, не прибѣгая, даже въ старости, къ помощи секретарей и другихъ лицъ; однако, нужно еще много работы, чтобы разобрать этотъ архивъ, уяснить все въ немъ находящееся и привести его въ полный систематическій порядокъ — какъ хронологическій, такъ и по категоріямъ весьма разнородныхъ предметовъ (напр. обширную частную переписку) [2]).

Мы лично могли до сихъ поръ только *поверхностнымъ* образомъ ознакомиться со всѣмъ содержаніемъ этого архива, преслѣдуя главнѣйше одну цѣль,—различить все существенно важное въ историческомъ отношеніи со второстепеннымъ и привести въ нѣкоторую извѣстность первое, чтобы составить себѣ общее понятіе о значеніи этаго домашняго архива, и сверхъ того, мы старались почерпнуть изъ него свѣдѣнія, необходимыя для общаго біографическаго очерка и характеристики графа Литке, помѣщаемыхъ въ настоящей книгѣ. При этомъ, мы могли успѣть близко изучить только самые первостепенные изъ упомянутыхъ выше историческихъ матеріаловъ (см. ниже). Изслѣдовать всѣ остальные было тѣмъ менѣе для насъ возможно,

---

1) Намъ былъ открытъ, въ видѣ единственнаго исключенія, сыновьями Графа Ѳ. П. доступъ ко всѣмъ безъ изъятія его бумагамъ потому, что это было имъ завѣщано ихъ отцемъ.

2) Послѣ кончины Графа, его бумаги пришли въ нѣсколько бо́льшее разстройство, чѣмъ были при немъ, вслѣдствіе неоднократной перевозки ихъ съ квартиры на квартиру.

что они относятся къ предметамъ чуждымъ нашимъ занятіямъ (отчасти къ исторіи вообще, главнѣйше-же къ исторіи флота и къ морскому дѣлу), и мы не имѣемъ нужныхъ для такой работы спеціальныхъ свѣдѣній.

Главное и первое мѣсто въ этомъ архивѣ занимаютъ *записки* графа Өедора Петровича, которыя мы внимательно читали, и не одинъ разъ. Эти записки, весьма четко написанныя [1]) его рукою заключаются въ *девятнадцати* переплетеныхъ книгахъ (весьма различной величины); въ это число входятъ: одна книга съ автобіографіей, помѣщенной въ настоящемъ томѣ, позднѣйшая по времени ея написанія (1865—1868 г.г.), и еще одна *общая записная* книга, въ которую графъ Литке записывалъ въ разное время самыя разнородныя вещи,—разные слышанные имъ разсказы, особенные случаи своей жизни, извлеченія изъ чужихъ литературныхъ произведеній, курьозы и проч.

Всѣ эти записки, въ своей совокупности (вмѣстѣ съ автобіографіей), обнимаютъ ровно полвѣка, 1817 — 1868 г.г. (въ этомъ году закончена автобіографія). Хотя въ этихъ запискахъ, правильно веденныхъ (за нѣкоторые періоды ежедневно, см. ниже), и было нѣсколько болѣе или менѣе продолжительныхъ перерывовъ (впрочемъ пополняемыхъ другими рукописями и бумагами графа Ө. П., см. ниже), но уже это одно обширное пространство времени, которое онѣ собою обнимаютъ, придаетъ имъ большое историческое значеніе. Это значеніе чрезвычайно возрастаетъ, когда такой замѣчательный человѣкъ, по своему уму, образова-

1) За исключеніемъ первыхъ по времени и наименѣе важныхъ четырехъ книгъ записокъ, веденныхъ графомъ Ө П. въ первомъ его кругосвѣтномъ путешествіи съ В. М. Головнинымъ, въ 1817—1819 гг.; эти четыре книги написаны очень спѣшно, небрежно и неразборчиво. Чѣмъ графъ Ө. П. дѣлается старше, тѣмъ онъ пишетъ крупнѣе и четче.

нію, возвышеннымъ чувствамъ, по своей разнообразной дѣятельности, по своему высокому положенію въ обществѣ, на которое онъ, къ тому-же постепенно поднялся съ весьма скромнаго положенія въ дѣтствѣ и первой молодости (и потому зналъ разнородные общественные круги) и при своихъ личныхъ отношеніяхъ ко столь многимъ,—почти ко всѣмъ,—замѣчательнымъ людямъ и Россіи, и Западной Европы, и другихъ частей свѣта, и при своихъ близкихъ отношеніяхъ къ наиболѣе высокостоящимъ лицамъ въ Россіи и ко многимъ русскимъ и иностраннымъ знаменитостямъ,—когда такой человѣкъ записываетъ, въ теченіе полувѣка, происходившія передъ его глазами событія и факты, свои наблюденія и размышленія надъ совершившеюся вокругъ него, въ теченіе полувѣка, историческою жизнію образованнаго міра и характеризуетъ его дѣятелей, изъ которыхъ со многими онъ былъ въ близкомъ,—съ иными въ ежедневномъ,—соприкосновеніи.

Всѣ эти естественныя ожиданія отъ записокъ графа Литке вполнѣ удовлетворяются ими, въ особенности нѣкоторыми ихъ частями, имѣющими величайшій историческій интересъ. Во всей своей совокупности, онѣ составятъ важный матеріалъ для исторіи Россіи и наукъ, которыми занимался графъ Литке (мореплаванія и географіи), почти за три четверти нынѣшняго столѣтія. Для исторіи царствованія Императора Николая I и его характеристики, онѣ будутъ вѣроятно служить источникомъ *единственнымъ въ своемъ родѣ* (см. ниже), какіе бы ни открылись новые, пока еще не извѣстные источники того времени. Особенными достоинствами записокъ графа Ѳ. П. для потомства, останутся на всегда,—кромѣ его свѣтлаго ума и высокаго образованія,—его необыкновенное политическое и нравственное *безпристрастіе*, при всей его пламенной приверженности къ царскому дому и оте-

честву; его необыкновенное чувство справедливости, подъ часъ весьма *строгой* и даже *суровой*, но соединенной съ теплою христіанскою любовью къ людямъ, которою проникнуто все имъ написанное, и его безусловная независимость отъ всякихъ партій и партійныхъ взглядовъ и страстей, при необыкновенно *скромныхъ* къ тому-же понятіяхъ о себѣ самомъ и даже приниженіи своихъ собственныхъ заслугъ и достоинствъ. Это послѣднее обстоятельство много содѣйствуетъ его нелицепріятію и безпристрастію къ людямъ, правильности его оцѣнокъ ихъ качествъ, недостатковъ и заслугъ. Онъ не скрываетъ своихъ рѣшительныхъ симпатій къ однимъ личностямъ, и такихъ-же рѣшительныхъ антипатій къ другимъ; впрочемъ его симпатіи и антипатіи не произвольны, а всегда основаны на положительныхъ, имъ приводимыхъ фактахъ. Но по глубокому чувству справедливости, онъ всегда старается указать при этомъ на извѣстныя ему темныя черты самыхъ излюбленныхъ имъ личностей, и на оборотъ, упомянуть о свѣтлыхъ сторонахъ и заслугахъ людей, имъ порицаемыхъ и осуждаемыхъ. Исключеній изъ этого общаго направленія его записокъ почти нѣтъ. Онъ говоритъ обо всемъ, что видитъ передъ своими глазами, какъ посторонній наблюдатель и свободный мыслитель, въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Сверхъ того, нужно замѣтить, что необыкновенный интересъ всѣхъ наблюденій и сужденій графа Литке, въ особенности въ періодъ его придворной жизни, обусловливается еще его характеромъ (см. ниже), совсѣмъ исключительнымъ въ той средѣ, въ которой онъ жилъ: по его происхожденію, занятіямъ молодости, и по всѣмъ его наклонностямъ, въ немъ не было ни малѣйшихъ чертъ *придворнаго* человѣка. Отъ этого его взгляды и наблюденія были особенно независимы и свѣжи. Такой случай слишкомъ рѣдокъ, чтобы не придавать особенной цѣнности этимъ

историческимъ мемуарамъ. Наконецъ, не смотря на иноземное происхожденіе своей фамиліи, графъ Литке, согласно тому, что̀ было сказано нами о немъ выше, всегда мыслитъ и чувствуетъ какъ чисто русскій человѣкъ, безгранично преданный прежде всего Россіи.

Всѣ вышеуказанныя достоинства, которыми рѣдко отличаются лѣтописцы, особенно новѣйшіе, придаютъ особенную цѣнность запискамъ графа Литке. Всѣ онѣ написаны на русскомъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, онъ пишетъ по французски,—кажется тогда, когда онъ долженъ говорить о вещахъ особенно интимныхъ и щекотливыхъ. Многія мѣста превосходны даже въ литературномъ отношеніи. Впрочемъ все изложеніе вообще весьма разнородно и неравномѣрно, вслѣдствіе обстоятельствъ, посреди которыхъ графъ Ѳ. П., въ то или другое время, велъ свои записки: то онъ пишетъ очень спѣшно и лаконически (при ежедневномъ веденіи своего журнала и недосугѣ), то — спокойно, пространно и подробно. Но почти всегда онъ записываетъ извѣстные ему факты, слышанные имъ разговоры, и дѣлаетъ характеристики людей безъ длиннотъ и излишнихъ разсужденій, которыхъ онъ избѣгалъ во всемъ что̀ писалъ. Пространныя разсужденія о людяхъ и событіяхъ хотя и появляются въ его запискахъ, но очень рѣдко, только въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Сдѣлаемъ здѣсь бѣглый обзоръ записокъ Графа Литке и другихъ его бумагъ, ихъ дополняющихъ.

Гр. Ѳ. П. неоднократно пытался писать свои записки съ очень ранняго возраста, даже съ 16-лѣтняго (какъ онъ упоминаетъ о томъ въ своей автобіографіи и также въ дошедшихъ до насъ запискахъ). Слѣдовъ всѣхъ этихъ опытовъ, до 1817 г., въ его архивѣ не осталось. Съ 1817 г., какъ онъ впослѣдствіи го-

ворить, онъ ведетъ свой журналъ или записки во всѣ *примѣчательныя* эпохи своей жизни. Изъ сохранившихся и упомянутыхъ выше семнадцати книгъ его записокъ (кромѣ автобіографіи и особой записной книги вышеупомянутой) первыя четыре (1817—1819) заключаютъ въ себѣ ежедневный, самый подробный журналъ, веденный имъ, во время его перваго кругосвѣтнаго плаванія, подъ начальствомъ адмирала В. М. Головнина (см. автобіографію и наши къ ней примѣчанія). Въ журналѣ этомъ подробно описаны океаны, острова и страны, посѣщенныя въ этомъ слишкомъ извѣстномъ плаваніи; главнѣйше Камчатка, наши бывшія С.-Американскія колоніи, Калифорнія, Азорскіе острова, о. св. Елены (во время пребыванія на немъ Наполеона I), Бразилія и пр. Тутъ много любопытнаго для своего времени. Но полное описаніе этого плаванія сдѣлано самимъ Головнинымъ и вышло въ свѣтъ двумя изданіями (см. наши примѣчанія къ автобіографіи). Сверхъ того, со времени этого путешествія (1817—1819 г. г.), въ теченіе 70 лѣтъ, было сообщено, и за границею и у насъ, такъ много свѣдѣній о посѣщенныхъ въ немъ водахъ и странахъ, что эти записки гр. Литке, веденныя имъ для самого себя, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, которымъ мы передавали ихъ на разсмотрѣніе, не представляютъ собою теперь ничего новаго для ученыхъ и ничего интереснаго для современной публики. Такъ, вѣроятно, смотрѣлъ на нихъ и самъ покойный Графъ, не издавъ ихъ въ свѣтъ при своей жизни.

Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ послѣдующія его записки, возобновляющіяся въ 1835 г. (одиннадцать изъ вышеозначенныхъ 17 книгъ); имъ принадлежитъ наибольшее историческое значеніе изо всего что̀ оставлено Графомъ Ѳ. П. [1]).

---

1) Эти одинадцать книгъ записокъ Графа Литке повергнуты его сыно-

Этотъ 16-лѣтній перерывъ въ запискахъ гр. Литке, между 1819 и 1835 г. г., самый въ нихъ продолжительный, но онъ вполнѣ пополняется собственно для его дѣятельности другими опубликованными имъ трудами и также сохранившимися въ его архивѣ бумагами. Въ этотъ промежутокъ времени (до назначенія въ 1832 г. на должность воспитателя В. К. Константина Николаевича), совершены имъ всѣ важнѣйшія его плаванія, путешествія и ученые труды (см. выше, гл. I, также автобіографію и наши къ ней примѣчанія). Всѣ они описаны въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы говоримъ въ нашихъ примѣчаніяхъ къ его автобіографіи. Кромѣ того, въ его архивѣ сохранились дневные журналы всѣхъ его путешествій, обработанные имъ въ его сочиненіяхъ, и вся переписка его съ официальными лицами и учеными, которая относится къ этимъ путешествіямъ и которую онъ велъ въ Россіи и во всѣхъ частяхъ свѣта.

Слѣдующія затѣмъ десять книгъ (съ 1 января 1835 г. по 28 января 1851 г.), начатыя вскорѣ послѣ его вступленія въ должность воспитателя Великаго Князя Константина Николаевича и обнимающія собою этотъ періодъ его жизни и дѣятельности (см. выше, гл. I), составляютъ самую существенную и исторически любопытнѣйшую часть его записокъ. Съ 1835 по 1841 г., въ теченіе шести лѣтъ, Графъ Ѳ. П. ведетъ свой журналъ безусловно ежедневно, записывая все что онъ видитъ и слышитъ, не опуская ни малѣйшей мелочи изъ своей и окружающей его жизни. Съ сентября 1841 г. до вступленія въ бракъ В. К. Константина Николаевича (въ 1848 г.), онъ записываетъ только

вьями въ распоряженіе Государя Императора вмѣстѣ со всѣми другими бумагами.

въ тѣ дни, когда было что нибудь примѣчательное, но и тутъ такъ мало перерывовъ, что и эта часть записокъ (съ 1841 по 1848 г.) читается какъ полная изо дня въ день исторія этого времени. Такимъ образомъ, эти десять книгъ записокъ составляютъ историческую лѣтопись, совсѣмъ исчерпывающую время съ 1835 по 1848 г.; въ ней упомянуты болѣе или менѣе кратко или пространно всѣ безъ изъятія крупныя и мелкія событія этого времени въ Россіи и въ Европѣ, и описаны ихъ отраженія и впечатлѣнія во внутренней жизни Императорскаго Дома, всѣ мельчайшія домашнія обстоятельства этой жизни и всѣ главные наши государственные дѣятели этого времени и приближенныя къ Государю Николаю Павловичу и къ членамъ императорской фамиліи лица. Нужна была вся неутомимость Графа Ѳ. П. къ работѣ, чтобы ежедневно (большею частью вечеромъ, передъ сномъ), вслѣдъ за каждымъ случаемъ, встрѣчею или разговоромъ, тщательно все записывать, не смотря на его непрерывныя воспитательскія заботы, не покидавшія его умъ и сердце ни на одну минуту.

Въ послѣдніе годы того-же періода, съ 1848 по 1850 г. (полъ книги), послѣ брака В. К. Константина Николаевича и до переѣзда Графа Ѳ. П. въ Ревель (на должность военнаго губернатора), когда онъ уже жилъ въ сторонѣ отъ Двора и дѣлъ, лишь посѣщая болѣе или менѣе часто своего бывшаго Воспитанника, онъ записываетъ изрѣдка, съ большими перерывами времени, говоря только о важнѣйшихъ обстоятельствахъ, и къ тому-же преимущественно о своихъ личныхъ и близкихъ ему людей.

Во всѣ тринадцать лѣтъ (1835—1848 г.г.), къ которымъ относится, какъ сказано выше, важнѣйшая и любопытнѣйшая часть записокъ гр. Литке, онъ жилъ почти непрерывно въ по-

мѣщеніи Императорской фамиліи, въ комнатахъ В. К. Константина Николаевича, ежедневно видясь съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ (очень часто нѣсколько разъ въ день), иногда проводя съ Государемъ цѣлые дни (напримѣръ въ лагерѣ и лѣтомъ), почти ежедневно видясь со всѣми членами Царской семьи и всегда находясь неразлучно съ своимъ Воспитанникомъ. Всѣ происходившіе ежедневно съ графомъ Ѳ. П. разговоры, въ особенности объясненія и бесѣды съ нимъ Николая Павловича, часто продолжительныя, каждое слово Государя, записаны въ точности, большею частью буквально. Государь Николай Павловичъ относился къ графу Ѳ. П. съ величайшимъ уваженіемъ, любовью и безусловнымъ довѣріемъ и часто высказывалъ ему самыя сокровенныя свои чувства и мысли, въ особенности по своимъ семейнымъ дѣламъ, а также весьма нерѣдко и по государственнымъ. Почти по поводу каждаго событія въ государственной жизни, каждаго крупнаго правительственнаго распоряженія, каждаго выдающагося происшествія и случая въ придворной и городской жизни, графъ Ѳ. П. сообщаетъ или свои личныя наблюденія, какъ самовидецъ, или разсказы и толки самихъ участниковъ этихъ фактовъ и близкихъ ихъ свидѣтелей; при этомъ онъ сообщаетъ свои собственныя размышленія и свой судъ, всегда безпристрастный, хотя большею частью строгій. Гр. Литке записываетъ по поводу всякаго факта, съ необыкновенною откровенностью, часто съ большою рѣзкостью, все то, что «онъ про себя думаетъ» (какъ онъ самъ выражается).

Историческое значеніе этой части записокъ гр. Литке тѣмъ болѣе велико, что она обнимаетъ собою эпоху, можно сказать кульминаціонную въ царствованіи Императора Николая I, наиболѣе характеристическую для внутренней и внѣшней политики этого царствованія и эпоху наибольшаго его могущества. Кромѣ

самого Императора, на сценѣ записокъ гр. Литке являются всѣ близкія Государю лица и всѣ главные дѣятели его царствованія,— являются передъ нами, какъ живые люди, — дѣйствующими и говорящими. Характеристика самого Государя Николая Павловича составляетъ, разумѣется, господствующій интересъ этого историческаго матеріала; въ этомъ отношеніи едва ли можетъ открыться ему подобный историческій источникъ. Гр. Литке говоритъ въ своей автобіографіи, что онъ въ теченіе 25 лѣтъ ежедневно изучалъ личность Императора Николая. Поэтому, сколько бы мы ни имѣли свѣдѣній объ этомъ Государѣ и его царствованіи, мы узнаемъ изъ записокъ гр. Литке много совсѣмъ новаго и вѣроятно мало кому извѣстнаго, — и можетъ быть не извѣстнаго никому изъ современниковъ. Графъ Ѳ. П. благоговѣлъ передъ Императоромъ, восхищался его доблестями и пламенно его любилъ, не только какъ Государя, но и какъ человѣка; тѣмъ не менѣе гр. Ѳ. П. съ обычнымъ своимъ безпристрастіемъ и независимостью духа, отмѣчаетъ всѣ черныя точки этого царствованія, особенно сгустившіяся въ послѣдніе его годы, и не скрываетъ никакой его черты. Нѣкоторыя наблюденія и размышленія графа Литке (преимущественно относительно недостатковъ арміи и флота, но также и многія другія), записанныя задолго до окончанія этого царствованія, оказались пророческими относительно послѣдующаго времени.

Богатство историческаго матеріала, оставленнаго графомъ Литке за упомянутое время, значительно возрастаетъ потому, что кромѣ собственно записокъ его и приложенныхъ къ нимъ нѣкоторыхъ документовъ и писемъ, въ его архивѣ сохранилась обширная его переписка въ Россіи и за границей, сопровождающая записки, ихъ дополняющая и объясняющая. Тутъ находятся письма всѣхъ сколько нибудь значительныхъ лицъ русскихъ и

иностранныхъ [1]) того времени, всѣхъ безъ изъятія придворныхъ лицъ, самихъ членовъ Императорской фамиліи и наконецъ самого Государя Николая Павловича. Во время отсутствія Государя, графъ Литке безпрерывно Ему писалъ (нѣсколько разъ въ недѣлю), сообщая всѣ, самые мельчайшіе, ежедневные факты изъ жизни своего Воспитанника и окружающей его среды. Количество этихъ донесеній и писемъ (черновыхъ), собранныхъ вмѣстѣ, весьма велико; они составляютъ собою своего рода лѣтопись. Все что пишетъ графъ Ѳ. П. Государю,—даже и то, что облечено въ оффиціальную форму, — преисполнено замѣчательной откровенности и прямодушія; все, что можетъ быть непріятно Государю, никогда не умалчивается. Сюда же принадлежатъ и письма гр. Ѳ. П. къ Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ о В. К. Константинѣ Николаевичѣ.

Вся часть записокъ гр. Литке, обнимающая собою воспитательскую его дѣятельность при В. К. Константинѣ Николаевичѣ и на ней преимущественно сосредоточенная, имѣетъ еще высокій педагогическій и психологическій интересъ. Онъ описываетъ, съ необыкновеннымъ тщаніемъ, изо дня въ день, часто изъ часа въ часъ, всѣ факты и наблюденія по этой своей дѣятельности и сообщаетъ свои размышленія по этому предмету, которымъ всего болѣе заняты были его умъ и сердце [2]).

---

1) Между прочимъ письма иностранныхъ государственныхъ людей всѣхъ европейскихъ государствъ, съ которыми гр. Литке входилъ въ сношеніе, сопутствуя В. К. Константину Николаевичу въ его путешествіяхъ и плаваніяхъ.

2) По этой части, кромѣ записокъ графа Ѳ. П., сохранилась въ его архивѣ также масса матеріаловъ: учебные планы, программы, предначертанія и соображенія, переписка по разнымъ вопросамъ о воспитаніи и обученіи съ воспитателями и преподавателями какъ В. К. Константина Николаевича, такъ и другихъ Великихъ Князей (между прочимъ съ Жуковскимъ, состоявшимъ въ то время при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ), указанія и наставленія Государя Николая Павловича относительно воспитанія своихъ дѣтей и проч. Сверхъ того, сюда же принадлежитъ составляющая особую

Сверхъ всего, въ упомянутыхъ томахъ записокъ гр. Литке много свѣдѣній географическихъ, мореплавательныхъ о Россіи и разныхъ европейскихъ странахъ и также, въ особенности, много данныхъ для исторіи русскаго и иностранныхъ флотовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Эти свѣдѣнія сообщаются по поводу путешествій, которыя дѣлалъ гр. Θ. П. съ В. К. Константиномъ Николаевичемъ.

Съ 1851 по 1853 г., во время пребыванія гр. Литке въ должности военнаго губернатора въ Ревелѣ, записки его прерываются, согласно его правилу вести ихъ только въ примѣчательныя эпохи своей жизни. Послѣ этого перерыва, онъ дѣлаетъ общій очеркъ своего пребыванія въ Ревелѣ. Но и за это время есть въ его архивѣ обширная переписка, главнѣйше съ В. К. Константиномъ Николаевичемъ и съ разными должностными лицами морскаго вѣдомства (см. ниже). Эта дѣятельная переписка гр. Литке позволяетъ слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ это время въ Петербургѣ, въ особенности въ придворной жизни, и пополняетъ этотъ пробѣлъ въ его запискахъ.

Наконецъ, въ послѣдней книгѣ заключаются записки, которыя гр. Θ. П. снова сталъ вести съ 1853 г., съ назначенія его на должность главнаго командира Кронштадтскаго порта до 12 декабря 1856 г., когда онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Тутъ подробно записано все, что относится до всѣхъ распоряженій по оборонѣ Кронштадта, балтійскихъ береговъ, до непріятельскихъ дѣйствій около нихъ и всѣхъ относящихся къ этому обстоятельствъ. Эта часть записокъ также

связку переписка съ графомъ С. Г. Строгановымъ, когда послѣдній былъ занятъ воспитаніемъ Цесаревича Николая Александровича и просилъ графа Θ. П. сообщить ему свѣдѣнія о воспитаніи В. К. Константина Николаевича, и всѣ относящіеся къ нему учебные планы и програмы.

интересна въ историческомъ отношеніи; въ ней можно найти не мало достовѣрныхъ данныхъ и самоличныхъ наблюденій для исторіи первой восточной войны, послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Николая I и его кончины, воцаренія Императора Александра II и перваго времени его царствованія. Въ этой-же книгѣ, послѣ продолжительнаго перерыва, подробно описано въ видѣ *заключенія всѣхъ записокъ* гр. Литке, достопамятное засѣданіе Государственнаго Совѣта 28 января 1861 г. по освобожденію крестьянъ, въ присутствіи Государя Александра Николаевича. Тутъ записаны содержаніе всѣхъ произнесенныхъ рѣчей и слова Государя и сдѣлана характеристика всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ. Послѣ этого гр. Ѳ. П. не возобновляетъ своихъ записокъ, кромѣ автобіографіи, написанной имъ, какъ упомянуто выше, въ 1866—1868 г. г.

За всю эту послѣднюю эпоху дѣятельности графа Литке, съ 1853 г., весьма важнымъ дополненіемъ къ его запискамъ, которыя онъ велъ въ это время бѣгло и съ перерывами, служитъ обширная его переписка, сохраненная имъ въ большомъ порядкѣ. Въ ней много драгоцѣннаго историческаго матеріала для первой восточной войны, преимущественно для морской ея стороны и распоряженій нашего правительства относительно обороны береговъ Балтійскаго моря и Петербурга. Всѣ предположенія по этому послѣднему предмету сообщались на разсмотрѣніе графа Литке. Какъ письма и бумаги, въ которыхъ излагались эти предположенія и ставились ему разные вопросы, такъ и черновыя или копіи съ его отвѣтовъ (въ томъ числѣ съ нѣкоторыхъ пространныхъ его записокъ о наилучшемъ положеніи, которое долженъ, по его мнѣнію, занять нашъ балтійскій флотъ въ связи съ дѣйствіями сухопутныхъ военныхъ силъ) сохранились въ архивѣ графа Ѳ. П. и составляютъ весьма интересную картину прави-

тельственныхъ распоряженій и соображеній относительно войны [1]).

Послѣ записокъ гр. Литке, наибольшее историческое значеніе во всемъ, что̀ осталось въ его архивѣ, имѣютъ бумаги относящіяся къ морскому вѣдомству и флоту съ 1851 до 60-тыхъ годовъ. Количество этихъ бумагъ весьма велико и онѣ отдѣлены и собраны въ одно цѣлое самимъ графомъ Ѳ. П. [2]).

Весьма драгоцѣнный историческій матеріалъ для царствованій Императоровъ Николая I и Александра II заключается тутъ въ перепискѣ о преобразованіяхъ по морскому управленію, флоту и также морской учебной части, начавшихся, подъ руководствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, еще въ послѣдніе годы царствованія Государя Николая Павловича и получившихъ наибольшее свое развитіе при Государѣ Александрѣ Николаевичѣ. Въ теченіе всего упомянутаго времени (съ 1851 до 60-хъ г.г.) всѣ безъ изъятія проекты и предположенія объ этихъ преобразованіяхъ сообщались, то оффиціально, то частнымъ и конфиденціальнымъ образомъ, на разсмотрѣніе гр. Литке. Даже о разныхъ отдѣльныхъ административныхъ распоряженіяхъ, не только о всѣхъ важнѣйшихъ, но часто и весьма мелкихъ, о всѣхъ зна-

---

1) Между прочимъ гр. Ѳ. П. неоднократно съ большою настойчивостью пишетъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ морскихъ силъ, и представляетъ записки противъ сообщавшихся ему на разсмотрѣніе проектовъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ нашего флота, воодушевлявшихъ тогда нѣкоторыхъ нашихъ моряковъ. Онъ доказываетъ невозможность вступленія нашего флота въ бой съ непріятельскимъ, необходимость для перваго держаться чисто оборонительнаго положенія и также невозможность нанесенія Петербургу и прибалтійскимъ берегамъ серьезнаго вреда со стороны непріятеля. Послѣдующій ходъ событій вполнѣ оправдалъ правильность взглядовъ гр. Литке, съ которыми были сообразованы правительственныя распоряженія.

2) Вообще эта часть бумагъ гр. Литке находится въ наибольшемъ порядкѣ и полнотѣ. Тутъ не только всѣ получавшіяся имъ частныя письма и оффиціальныя бумаги, но и его отвѣты на нихъ въ чернякахъ или копіяхъ.

чительныхъ перемѣнахъ въ личномъ должностномъ составѣ спрашивались его мнѣнія и отзывы. Понятно, что эта переписка имѣетъ величайшій историческій интересъ. Въ бумагахъ гр. Литке сохранились какъ всѣ оффиціальныя, такъ и частныя и конфиденціальныя письма, получавшіяся имъ по упомянутымъ предметамъ отъ лицъ, стоявшихъ во главѣ морскаго вѣдомства и направлявшихъ производившіяся въ немъ реформы, и также его отвѣты (въ чернякахъ и копіяхъ), въ томъ числѣ пространныя записки, имъ представленныя по разнымъ вопросамъ о нашемъ флотѣ и морскомъ управленіи, объ ихъ недостаткахъ и нужныхъ въ нихъ улучшеніяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ бумагъ находятся отзывы также и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, привлекавшихся къ обсужденію упомянутыхъ проектовъ (между прочимъ барона Ф. П. Врангеля, — впослѣдствіи морскаго министра). По нѣкоторымъ весьма существеннымъ вопросамъ о производившихся реформахъ, мы находимъ здѣсь цѣлую рукописную полемику, въ которой участвовали самыя авторитетныя лица того времени по морскому дѣлу. Относительно каждаго параграфа вновь составлявшагося морскаго устава, гр. Литке писалъ замѣчанія и цѣлыя записки.

Не касаясь здѣсь ближе этого предмета, который не только намъ чуждъ, но который къ тому-же можетъ быть разработанъ для исторіи только въ будущемъ и при сличеніи съ другими архивными матеріалами, мы ограничимся здѣсь лишь однимъ замѣчаніемъ, относящимся къ характеристикѣ графа Литке. На сколько мы успѣли ознакомиться съ упомянутою перепискою, графъ Ѳ. П., сообразно съ общимъ направленіемъ своего ума и характера, относится ко всѣмъ предлагавшимся ему вопросамъ преимущественно съ *критической* точки зрѣнія, обсуждая чужія мнѣнія и проекты, указывая на ихъ погрѣшности, но не

проектируя большею частью никакихъ преобразованій по собственнымъ своимъ мыслямъ, а только предлагая иногда общія для нихъ идеи (см. ниже, IV). Согласно съ общимъ просвѣщеннымъ направленіемъ своихъ воззрѣній, онъ не могъ быть защитникомъ старыхъ, отжившихъ порядковъ и не могъ враждебно относиться къ готовившимся преобразованіямъ. Въ своихъ запискахъ онъ часто рѣзко порицаетъ положеніе нашего флота, морскаго управленія и морской учебной части въ царствованіе Императора Николая; нѣкоторыя свои замѣчанія онъ высказывалъ прежде самому Государю, вслѣдствіе его вопросовъ. Но въ то же время, гр. Ѳ. П. относится вообще *консервативно* къ предлагавшимся реформамъ, постоянно предостерегая противъ ихъ стремительности и поспѣшности. Между прочимъ, онъ подвергаетъ особенно строгой критикѣ разныя предлагавшіяся позаимствованія изъ законодательствъ и организацій морской администраціи въ другихъ странахъ, близко имъ изученныхъ; онъ указываетъ при этомъ на наши историческія особенности, наши нравы и обычаи.

Послѣ этого, весьма понятно, какой любопытный матеріалъ заключается въ описанномъ отдѣлѣ архива гр. Литке для будущихъ историковъ нашего флота и эпохи морскихъ и государственныхъ реформъ вообще въ царствованіе Императора Александра II. Важность этого историческаго матеріала тѣмъ значительнѣе, что рядъ этихъ реформъ, глубоко преобразившихъ весь государственный и гражданскій строй Россіи, начался съ морскаго вѣдомства. Многія дѣйствовавшія и служившія въ немъ лица заняли впослѣдствіе высокіе государственные посты по другимъ частямъ управленія. Въ связи съ этимъ находится также и переписка по Географическому Обществу, во главѣ котораго находился въ то время гр. Ѳ. П.;

это общество жило въ эту эпоху въ близкомъ соприкосновеніи съ общимъ движеніемъ нашей государственной и общественной жизни, и въ его дѣлахъ принимали участіе всѣ главные дѣятели той эпохи на другихъ поприщахъ. Въ перепискѣ многихъ лицъ съ графомъ Литке, хотя и сосредоточенной главнѣйше на вопросахъ о флотѣ, затрогиваются и многіе другіе вопросы и предполагавшіяся преобразованія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

Въ этомъ отдѣлѣ архива гр. Ѳ. П. можно найти письма почти всѣхъ главныхъ дѣятелей того времени (напр. многочисленныя письма стасъ-секретаря А. В. Головнина, впослѣдствіи министра Народнаго Просвѣщенія), касающіяся всѣхъ вопросовъ и случаевъ государственной и отчасти придворной жизни[1]).

Когда разбираешь и читаешь эту часть архива гр. Литке, то какъ будто снова живешь посреди этой достопамятной исторической эпохи Россіи и бесѣдуешь со всѣми дѣйствовавшими въ ней лицами.

Затѣмъ упомянемъ бѣгло еще о другихъ наиболѣе важныхъ вещахъ, сохранившихся въ бумагахъ гр. Литке, на сколько мы успѣли съ ними до сихъ поръ ознакомиться.

Всего болѣе, разумѣется, должны были обратить на себя наше вниманіе черновыя собственныхъ сочиненій гр. Литке и собранные имъ для нихъ матеріалы. Главное тутъ мѣсто занимаетъ все то, что относится къ его путешествіямъ и плаваніямъ въ первомъ періодѣ его жизни; все это издано въ свѣтъ и въ

1) Эта переписка, весьма частая (иногда нѣсколько разъ въ недѣлю), происходившая между гр. Литке и Головнинымъ, преимущественно въ то время, когда одинъ изъ нихъ отсутствовалъ изъ Петербурга, обнимаетъ много лѣтъ (приблизительно съ 1851 до 70-хъ годовъ) и простирается за предѣлы упоминаемой здѣсь эпохи.

точности описано, какъ въ его автобіографіи, такъ и въ нашихъ къ ней примѣчаніяхъ.

Кромѣ рукописей собственныхъ трудовъ и сочиненій графа Ѳ. П., уже изданныхъ и описанныхъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ настоящаго тома, особенно заслуживаютъ упоминанія между его бумагами довольно многочисленные матеріалы, собранные имъ въ молодости (въ точности время этой работы неизвѣстно) для исторіи русскаго флота и собственноручныя первоначальныя наброски графа Ѳ. П. этого труда, который онъ, кажется, лелѣялъ въ своихъ мысляхъ много лѣтъ. Всю эту часть архива графа Ѳ. П. мы передавали на разсмотрѣніе авторитетнаго по этому предмету лица, генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Веселаго, который сообщилъ намъ слѣдующее: «Всѣ эти бумаги графа Ѳ. П. разложены въ двухъ пакетахъ. Въ наибольшемъ изъ нихъ находятся историческія свѣдѣнія о русскомъ мореходствѣ и флотѣ отъ времени призванія Рюрика до конца царствованія Елизаветы Петровны. Иныя мѣста текста обработаны болѣе, другія — менѣе, а иныя состоятъ только изъ собранія краткихъ отрывочныхъ свѣдѣній. Сколько мнѣ извѣстно, все это нигдѣ не было напечатано, хотя въ свое время, если бы было обработано, могло бы быть интересно. Но, какъ видно, это не назначалось графомъ Литке для печати, а было написано съ другою, особенною цѣлію. Въ настоящее время издавать эти бумаги едва ли будетъ умѣстно; во первыхъ, потому, что все это составлено исключительно по печатнымъ источникамъ; во вторыхъ, потому, что теперь почти все это напечатано полнѣе и при пособіи архивныхъ документовъ. Наконецъ, лишенные окончательной отдѣлки наброски эти не имѣютъ той ясности, опредѣлительности и, если можно такъ выразиться, той строго научной изящности, которыми отличались всѣ труды покойнаго графа. Въ другомъ па-

кетѣ заключаются немногія, преимущественно за царствованіе Елизаветы Петровны, отрывочныя выписки изъ архивныхъ дѣлъ и такія же отрывочныя указанія на печатный матеріалъ. Все это могло имѣть интересъ, и то лишь временной, только для самого автора».

Еще сохранилась довольно интересная неизданная записка гр. Литке, которую онъ написалъ въ 1856 г., въ защиту дѣйствій Нельсона въ Неаполѣ въ 1799 г. по поводу извѣстнаго сочиненія гр. Д. А. Милютина «Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 г.». Въ письмѣ, при которомъ гр. Литке послалъ эту статью къ гр. Милютину, онъ касается также знаменитаго швейцарскаго похода Суворова, критикуя описаніе этого похода въ упомянутой книгѣ. Эта записка и письмо графа Ѳ. П., по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, заслуживаютъ вниманія; они интересны также и потому, что весьма характеризуютъ его личность — его образъ мыслей и его манеру необыкновенно точно и ясно ихъ излагать. По этому мы помѣщаемъ ихъ въ приложеніяхъ (см. прилож. III) вмѣстѣ съ извлеченіями изъ писемъ по этому предмету гр. Д. А. Милютину и генералъ-лейтенанта Г. А. Леера.

Наконецъ, сохранились рукописи двухъ весьма интересныхъ сообщеній или чтеній, которыя гр. Литке дѣлалъ, приблизительно въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, на французскомъ языкѣ въ академическомъ кружкѣ въ Петербургѣ [1]), о

1) Этотъ частный ученый кружекъ (Kränzchen), къ которому принадлежали преимущественно нѣмцы, а также и русскіе ученые былъ основанъ академикомъ Гессомъ и собирался по вторникамъ вечеромъ черезъ двѣ недѣли; послѣ Гесса, эти собранія продолжались главнѣйше у акад. Миддендорфа, а также и у другихъ членовъ кружка, по очереди. Онъ состоялъ не изъ однихъ академиковъ, а также и изъ постороннихъ ученыхъ и вообще друзей наукъ. Въ

жизни моряка и объ общихъ впечатлѣніяхъ въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ. По мнѣнію знающихъ лицъ, которымъ мы передавали эти рукописи на разсмотрѣніе, онѣ и теперь имѣютъ значеніе и могутъ быть прочтены съ величайшимъ удовольствіемъ какъ моряками, такъ и не посвященною публикою. Онѣ сверхъ того весьма характеризуютъ личность гр. Литке; при живости, ясности и остроуміи изложенія, онѣ преисполнены его необыкновенной преданности и любви къ своему дѣлу, его необыкновенной наблюдательности и многихъ глубокихъ мыслей. По этому мы и печатаемъ эти рукописи въ приложеніяхъ (см. Прил. IV). Переводъ ихъ съ французскаго на русскій языкъ излишенъ, такъ какъ онѣ всего болѣе интересны на томъ самомъ языкѣ, на которомъ были написаны, и къ тому-же онѣ могутъ имѣть значеніе только для высокообразованной публики. При этомъ мы должны оговорить, что эти рукописи были ничѣмъ инымъ, какъ черновыми набросками для словесныхъ сообщеній; изложеніе ихъ не окончательно обработано, многое въ нихъ не договорено и пропущено въ подробностяхъ, которыя были дополнены графомъ Литке изустно.

Далѣе, нужно отмѣтить бумаги и переписку (въ двухъ отдѣльныхъ кипахъ), относящіяся до дѣлъ Имп. Академіи Наукъ и Имп. Русскаго Географическаго Общества; онѣ имѣютъ значеніе для исторіи этихъ учрежденій, хотя и не многочисленны, сравнительно съ продолжительностью дѣятельности въ нихъ гр. Литке (большая часть бумагъ и частной его переписки по этимъ учрежденіямъ была передаваема имъ въ ихъ архивы). Также собрана вмѣстѣ довольно многочисленная переписка съ оффи-

---

этихъ собраніяхъ дѣлались сообщенія о новыхъ научныхъ открытіяхъ и трудахъ. Эти собранія, хотя и далеко не столь многочисленныя, какъ въ прежнее время, продолжаются отчасти и до сихъ поръ.

ціальными лицами и учеными по дѣламъ Главной Физической Обсерваторіи, которою всегда особенно интересовался графъ Ѳ. П., и письма ея директоровъ Купфера, Кемца и Вильда. Особую также кипу, не очень обширную, составляетъ переписка по Государственному Совѣту; тутъ едва ли заключается что́ либо особенно важное въ государственномъ отношеніи (см. сказанное выше въ гл. I. о дѣятельности гр. Ѳ. П. по Государственному Совѣту).

Наконецъ, намъ остается упомянуть объ огромной частной перепискѣ, которую графъ Ѳ. П. велъ со множествомъ лицъ, то постоянно и правильно, то случайно, въ теченіе всей своей жизни, до послѣднихъ лѣтъ, когда онъ лишился зрѣнія. Эта переписка, въ которой сохранились даже многія ничтожныя записки, и кромѣ получавшихся графомъ Ѳ. П. писемъ, также и многія черновыя или копіи писемъ (важнѣйшихъ), имъ отправленныхъ, составляетъ обширную, — если даже не самую обширную, — часть его архива. Вся эта переписка еще не разобрана и не приведена въ окончательный порядокъ. Однако почти всѣ письма болѣе или менѣе хранятся въ хронологическомъ порядкѣ, т. е. въ кипахъ, относящихся къ опредѣленнымъ періодамъ жизни покойнаго графа. Письма нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми всего болѣе онъ переписывался или которыми онъ особенно дорожилъ (напр. сверхъ писемъ членовъ Императорской фамиліи и его жены, письма А. В. Головнина, графа М. А. Корфа, акад. Бэра, Гельмерсена, отца Веніамина (митрополита Московскаго Иннокентія), В. А. Жуковскаго, графа А. А. Кейзерлинга, и мн. др.), собраны имъ были вмѣстѣ (въ отдѣльныхъ связкахъ и конвертахъ) еще при жизни [1]). Письма нѣкото-

1) Послѣ кончины графа Ѳ. П. его переписка приведена въ нѣкоторый по-

рыхъ лицъ (напр. барона Ф. П. Врангеля и Тенгоборскаго) за ранніе періоды жизни графа были имъ возвращены ихъ наслѣдникамъ. Вся эта переписка, въ своей совокупности, обнимаетъ собою около 75 лѣтъ нынѣшняго столѣтія; тутъ находятся, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, письма почти всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ и выдававшихся въ государственной и придворной сферѣ, въ наукахъ и искусствахъ и въ общественной жизни людей въ Россіи за этотъ періодъ, и также многихъ знаменитыхъ и извѣстныхъ на этихъ поприщахъ иностранцевъ. По этому, нѣтъ сомнѣнія, что въ этой перепискѣ заключается много исторически любопытнаго; мы не могли достаточно съ нею ознакомиться, чтобы отдать здѣсь точный отчетъ даже и о томъ, что имѣетъ наибольшее значеніе. При ближайшемъ разборѣ этой переписки, могутъ быть сдѣланы въ ней совсѣмъ неожиданныя, по своей исторической или литературной важности, открытія.

На сколько мы успѣли бѣгло осмотрѣть всю эту массу переписки, въ ней, сверхъ писемъ уже упомянутыхъ выше или въ разныхъ другихъ мѣстахъ настоящаго изданія (въ нашихъ примѣчаніяхъ къ автобіографіи), встрѣчаются между прочимъ болѣе или менѣе многочисленныя письма слѣдующихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ: изъ иностранцевъ, А. Гумбольдта, Мурчисона, Эрмана, Шницлера и многихъ, если даже не всѣхъ, иностранныхъ дипломатовъ и придворныхъ лицъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, съ которыми графъ Литке входилъ въ сношеніе по случаю путешествій В. К. Константина Николаевича; изъ русскихъ: М. П. Лазарева, князя А. С. Меньшикова, графа Л. Л. Гейдена, адмираловъ Лутковскаго, Рейнеке и Мофета, и всѣхъ

рядокъ его сыномъ, графомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ, отчасти и нами. Почти ко всѣмъ отдѣльнымъ связкамъ и конвертамъ приложены списки лицъ, письма которыхъ тутъ находятся.

другихъ дѣйствовавшихъ во флотѣ и по морскому вѣдомству лицъ въ теченіе трехъ четвертей нынѣшняго столѣтія; далѣе, Н. Ханыкова, акад. Якоби, Кеппена, Купфера, и Ленца, генер. Шуберта, братьевъ Бунге, Гримма, Постельса, А. М. Княжевича, секретарей Имп. Рус. Географическаго Общества Е. И. Ламанскаго, Ѳ. Г. Тернера, бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена и В. П. Безобразова [1]), и проч. Могутъ открыться письма многихъ другихъ лицъ, гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ всѣ вышеупомянутыя. Многихъ неизвѣстныхъ намъ подписей, въ особенности иностранныхъ, мы не могли разобрать.

Ограничиваемся этими слишкомъ недостаточными замѣтками о домашнемъ архивѣ и перепискѣ графа Литке, предназначенными только для того, чтобы дать нѣкоторое объ нихъ понятіе публикѣ и оставить для свѣдѣнія будущихъ изслѣдователей гласный слѣдъ всего этого историческаго матеріала. Впослѣдствіи, когда упомянутая переписка будетъ ближе разобрана, изъ нея могутъ быть выбраны нѣкоторыя наиболѣе интересныя и доступныя для гласности письма, которыя могутъ быть напечатаны какъ продолженіе настоящаго изданія.

Сверхъ всего вышесказаннаго объ историческомъ значеніи разныхъ отдѣльныхъ частей этого домашняго архива, упомянемъ еще въ заключеніе, что историческая цѣнность его въ *общей его совокупности* явствуетъ уже изъ одного того факта, что нѣтъ событія въ теченіе трехъ первыхъ четвертей ны-

1) Наша переписка съ графомъ Литке обнимала много лѣтъ и довольно обширна. Мы переписывались съ нимъ преимущественно въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда находились въ отсутствіи изъ Петербурга. Предметы этой переписки весьма разнообразны и касались всѣхъ текущихъ вопросовъ времени. Письма наши возвращены намъ сыновьями графа Ѳ. П.; а многочисленныя его письма къ намъ хранятся въ нашемъ домашнемъ архивѣ. Письма другихъ вышеупомянутыхъ секретарей Географическаго Общества касаются только дѣлъ этого Общества.

нѣшняго столѣтія и въ России и въ другихъ странахъ и нѣтъ лица, сколько нибудь выдававшагося въ исторіи нашего отечества и всего образованнаго міра, которыя бы не оставили тотъ или другой за собою слѣдъ въ этой массѣ бумагъ.

IV.

Характеристическія черты гр. Ѳ. П. Литке.

Замѣчательная и весьма характерная личность гр. Ѳ. П. Литке выступаетъ очень рельефно передъ читателемъ въ разныхъ мѣстахъ этой книги, — въ особенности въ его автобіографіи. Ко всему тому, что уже сказано нами объ немъ и выше, во Введеніи, и ниже, въ примѣчаніяхъ къ автобіографіи, мы считаемъ нужнымъ присовокупить еще нѣсколько характеристическихъ его чертъ, на основаніи нашихъ личныхъ наблюденій и нашихъ многолѣтнихъ (1856 — 1882 г.г.) близкихъ къ нему отношеній, благодаря которымъ, мы могли коротко его изучить. Со многихъ сторонъ, было необходимо это изученіе, чтобы вѣрно судить о гр. Литке и не вдаться въ ошибочныя объ немъ мнѣнія, къ какимъ подавали въ обществѣ поводъ, при его жизни, нѣкоторыя свойства его характера и поверхностное съ нимъ знакомство. Излагая здѣсь эти характеристическія черты гр. Литке, на сколько онѣ нами поняты, мы имѣемъ въ виду не столько говорить объ его достоинствахъ и воздавать ему хвалу, сколько выставить то, что ему *индивидуально* принадлежитъ и отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ ему подобныхъ личностей.

Независимо отъ всей публичной дѣятельности покойнаго графа и его разнообразныхъ заслугъ на пользу Россіи, въ те-

ченіе трехъ четвертей нынѣшняго столѣтія, онъ заслуживаетъ вниманія и глубокаго уваженія потомства, какъ *единственный* въ своемъ родѣ образецъ въ нашей высшей государственной сферѣ и въ петербургскомъ обществѣ. Излишне было бы говорить объ его необыкновенной, можно сказать героической государственной честности и неподкупности, не въ тѣсномъ только, а въ самомъ широкомъ смыслѣ, — слишкомъ извѣстныхъ и не допускавшихъ въ его дѣятельности ни малѣйшихъ, даже отдаленныхъ сдѣлокъ съ совѣстью и съ убѣжденіями, вопреки всякимъ соблазнамъ его положенія и окружавшаго его общества. Этими достоинствами, хотя и рѣдкими, отличались и нѣкоторыя другія личности въ той-же сферѣ.

Но гр. Литке былъ единственный въ своемъ родѣ, въ той средѣ, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, прежде всего какъ пламенный, нелицемѣрный почитатель науки, даже прямо какъ *человѣкъ науки*, какимъ онъ былъ въ своей молодости и какимъ остался по своему нравственному существу, въ теченіе всей своей жизни. Онъ былъ представителемъ научной и умственной стихіи въ правительственной и высшей общественной сферѣ Петербурга и съ нимъ всей Россіи. Въ этомъ представляется намъ самая существенная и исключительная особенность этой личности, оставившей послѣ себя пустое мѣсто въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Къ графу Литке могутъ быть примѣнены, съ гораздо большею справедливостью, слова, сказанныя гр. П. Д. Киселевымъ въ его запискахъ, по поводу смерти Тенгоборскаго. Гр. Киселевъ говорилъ, что его общественный кругъ (т. е. правительственная среда) утратилъ со смертью Тенгоборскаго единственнаго въ немъ представителя науки. Хотя Тенгоборскій, даже въ самомъ послѣднемъ періодѣ своей жизни, продолжалъ свои литературные и ученые труды (статистику

Россіи, подъ названіемъ «Etudes sur les forces productives de la Russie»), а гр. Литке *лично* трудился на ученомъ поприщѣ, только въ своей молодости; но по существу характера и наклонностей, по всему духу обѣихъ этихъ личностей, Тенгоборскій былъ гораздо менѣе представитель чистой науки и гораздо болѣе практическій государственный человѣкъ, чѣмъ Литке. Впрочемъ духовное сродство натуръ и умственныхъ наклонностей обоихъ этихъ людей связало ихъ тѣсною дружбою (см. автобіографію). Присутствіе гр. Литке, какъ представителя науки, въ высшей правительственной сферѣ, было развѣ потому менѣе замѣтно, чѣмъ дѣятельность въ ней Тенгоборскаго, что первый, даже какъ членъ Государственнаго Совѣта, принималъ мало дѣятельнаго участія въ правительственныхъ и законодательныхъ дѣлахъ и не имѣлъ къ нимъ, — именно какъ человѣкъ по преимуществу проникнутый духомъ науки и теоріи, — особенной сердечной наклонности; онъ оставался чуждъ этимъ дѣламъ, занимаясь ими только по чувству долга и созерцая ихъ большею частью съ высшей научной, общеисторической и философской точки зрѣнія, — какъ мыслитель. Объ этомъ мы уже говорили и скажемъ еще ниже.

Сколько бы пользы ни принесъ гр. Литке своею дѣятельностью и какой бы глубокій слѣдъ онъ ни оставилъ по себѣ въ обществѣ, можно въ строгомъ смыслѣ считать карьеру его жизни *манкированною*, —какъ и онъ самъ чистосердечно о томъ говорилъ (см. его автобіографію). Впрочемъ, жизненный путь каждаго человѣка, даже самаго замѣчательнаго, подвергнутъ всякимъ историческимъ случайностямъ и почти никогда не бываетъ имъ пройденъ правильно и послѣдовательно. Только въ видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, дано людямъ, даже одареннымъ необыкновенными способностями, цѣльно исполнить свое

призваніе и совершить все то, къ чему они были предназначены по своимъ дарованіямъ и наклонностямъ.

Въ этомъ отношеніи карьера гр. Ө. П. была особенно неправильна. По всей своей духовной натурѣ, какъ ему лично принадлежавшей, такъ и отчасти унаслѣдованной, по своимъ способностямъ и вкусамъ, онъ былъ призванъ къ наукѣ и къ умственной (теоретической) дѣятельности. Это направленіе его природныхъ силъ сказалось въ немъ тѣмъ рѣшительнѣе, что посреди самой печальной умственной обстановки въ своемъ дѣтствѣ, лишенный всякой систематической школы и даже всякаго руководства, онъ самъ собою, посредствомъ энергическаго самовоспитанія и самообразованія, выработалъ изъ себя самостоятельнаго ученаго (см. выше гл. I и автобіографію). Сдѣлаться ученымъ, — собственно ученымъ мореплавателемъ и путешественникомъ, — посвятить себя всецѣло чистой наукѣ, было мечтою, объявшею всѣ мысли и чувства гр. Литке въ его молодости и даже въ отрочествѣ. Это душевное настроеніе не покинуло его до послѣднихъ дней его жизни. Даже въ самой преклонной старости, онъ ежедневно слѣдитъ за движеніемъ своихъ наукъ, поддерживаетъ постоянныя сношенія съ ихъ представителями, и въ Россіи и за границей, и живетъ въ непрерывномъ чтеніи. Этому характеру ученаго соотвѣтствуютъ всѣ его домашнія привычки и весь образъ его жизни, во всѣ разнообразные ея періоды, до его кончины.

Уже первыя его самостоятельныя плаванія (на Новую Землю) и изданные имъ ученые труды, въ первой молодости, обращаютъ на него вниманіе всего ученаго міра, и всѣ дальнѣйшія его работы составляютъ положительный вкладъ во всемірную науку, по части географіи, мореплаванія и физики (см. объ этомъ подробнѣе выше въ гл. I и ниже въ нашихъ примѣчаніяхъ

къ автобіографіи, и въ рѣчахъ гг. Струве и Веселаго въ приложеніяхъ). Всѣ эти работы въ первомъ періодѣ жизни гр. Ѳ. П. и мнѣнія объ нихъ ученыхъ свѣтилъ того времени несомнѣнно убѣждаютъ, что если бы онѣ продолжались, согласно намѣченнымъ имъ еще въ молодости задачамъ, то онъ сдѣлался бы великимъ ученымъ, однимъ изъ двигателей наукъ въ нашемъ столѣтіи. Историческая судьба его жизни рѣшила иначе. Въ то самое время, когда его умственныя и творческія въ наукѣ силы вполнѣ созрѣли и онъ готовился къ новымъ научнымъ подвигамъ, онъ былъ внезапно оторванъ отъ своего призванія и привлеченъ къ совсѣмъ инымъ, чуждымъ его душевнымъ силамъ и наклонностямъ, поприщамъ, — къ воспитательскимъ и педагогическимъ трудамъ, къ придворной жизни, съ которою онъ никогда и до конца своей жизни не имѣлъ ничего нравственно общаго, и затѣмъ къ государственной дѣятельности, совсѣмъ ему несвойственной. Въ этомъ заключается вся ненормальность карьеры гр. Литке, горькое сожалѣніе о которой никогда его не покидало.

Можно глубоко сожалѣть, что такой человѣкъ, какъ гр. Литке, съ такими высокими умственными и нравственными свойствами, съ такою необыкновенною энергіей воли, при такихъ благопріятныхъ для его государственной дѣятельности внѣшнихъ условіяхъ, — главнѣйше при безусловномъ довѣріи къ нему двухъ монарховъ, — не имѣлъ болѣе дѣятельнаго участія въ государственномъ дѣлѣ и не занималъ высшихъ государственныхъ постовъ, не только по почету, но и по власти. Но гр. Литке не чувствовалъ никакого въ себѣ влеченія къ государственной дѣятельности; онъ несъ государственныя должности только по чувству долга, которое было въ немъ всесильно, покоряясь всегда, — иногда даже скрѣпя сердце, — велѣніямъ священной для него верховной власти. Онъ неоднократно, въ

теченіе своей жизни, уклонялся отъ высшихъ государственныхъ постовъ, признавая себя, при необыкновенно строгомъ судѣ о себѣ самомъ и необыкновенной своей добросовѣстности, къ нимъ неспособнымъ.

Графу Ө. П. не доставало многихъ свойствъ, нужныхъ для государственнаго человѣка, и этотъ недостатокъ не только не можетъ быть поставленъ ему въ упрекъ, но именно истекалъ изъ его высокихъ нравственныхъ качествъ, и былъ отчасти обусловленъ особенностями его дѣтства и отрочества. Онъ былъ чуждъ не только всякому тщеславію, но и всякому честолюбію и властолюбію, а безъ этихъ стимуловъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, люди не выступаютъ на трудное и столь отвѣтственное государственное поприще. При этомъ онъ отличался необыкновенною *скромностью* мнѣній о самомъ себѣ и своихъ силахъ, даже самоуничиженіемъ. Ему совершенно недоставало той самоувѣренности, которая необходима для всякой творческой и властной государственной дѣятельности. Эти свойства вполнѣ объясняются печальною обстановкою его дѣтства и отрочества, такъ живо описанною имъ въ его автобіографіи, также и научнымъ настроеніемъ его ума, всего болѣе направленнаго къ изученію явленій природы и исторіи, къ критическимъ воззрѣніямъ на историческія событія и государственные вопросы, и всего менѣе — къ государственнымъ созиданіямъ. Ко всему этому надо еще присовокупить отсутствіе въ характерѣ графа Ө. П. всякой *свѣтскости*, о чемъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи. Эта черта также объясняется первою частью его жизни. Онъ не любилъ сколько нибудь многочисленнаго и не коротко ему знакомаго общества, въ особенности свѣтскаго; его не покидали даже въ старости конфузливость и робость, когда онъ находился въ кругу не близкихъ ему людей и въ осо-

бенности дамъ. Эту слабость онъ никогда не могъ побороть въ себѣ, какъ онъ самъ говоритъ, не смотря на то, что много лѣтъ вынужденъ былъ ежедневно жить посреди придворной и свѣтской атмосферы. Онъ всегда чувствовалъ себя въ ней чужимъ человѣкомъ и чрезвычайно въ ней стѣснялся. Наконецъ, нужно упомянуть о безусловномъ отсутствіи въ характерѣ графа Литке всякаго духа интриги, и въ дурномъ и въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Онъ не только къ ней не былъ самъ способенъ, но и былъ безсиленъ къ ея отпору, когда она затѣвалась противъ него самого (какъ это не разъ случалось во время его придворной жизни). Онъ могъ дѣйствовать противъ враждебныхъ подъ него подкоповъ, когда ихъ замѣчалъ, только на прямикъ, хотя бы ко вреду и для дѣла и для себя. Не смотря на свой свѣтлый умъ и свою многолѣтнюю опытность на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, онъ бывалъ часто просто дѣтски наивенъ относительно пониманія дѣйствовавшихъ около него и подъ его покровительствомъ лицъ и ихъ неискренности и лицемѣрія. Случалось не разъ въ его жизни, что его слѣпымъ довѣріемъ къ людямъ они злоупотребляли и онъ этого не замѣчалъ, или убѣждался въ этомъ гораздо позже, чѣмъ было нужно для дѣла.

Всѣ эти черты своего характера, мало совмѣстимыя съ государственною властью и дѣятельностью, покойный гр. Ѳ. П. самъ въ себѣ сознавалъ и потому, съ своею крайнею добросовѣстностью, онъ искалъ всегда, на сколько позволялъ долгъ службы, быть въ сторонѣ отъ государственнаго дѣла и власти. Мы не разъ слышали отъ него, въ концѣ его жизни, что онъ бы желалъ совсѣмъ удалиться въ отставку и свое деревенское уединеніе, если бы не считалъ себя обязаннымъ трудиться до послѣднихъ дней, послѣ всѣхъ милостей, которыми онъ былъ осыпанъ

отъ Государей. Можно, кажется, сказать безошибочно, что если при всѣхъ упомянутыхъ свойствахъ своего характера, графъ Литке сдѣлалъ такую блистательную карьеру, сравнительно съ своимъ происхожденіемъ и дѣтствомъ, то это совершилось только благодаря безусловному къ нему довѣрію Императора Николая и извѣстной твердости духа этого Государя. Всѣ неоднократно затѣвавшіяся, и часто со стороны весьма высокопоставленныхъ лицъ, противъ графа Ѳ. П. интриги и извѣты, во время его придворной службы, мгновенно смолкали передъ волею Государя, послѣ прямодушныхъ съ нимъ объясненій гр. Литке.

Съ вышенамѣченными нами нравственными чертами гр. Ѳ. П. находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи мнѣніе о немъ многихъ, мало знавшихъ его людей. Онъ представлялся многимъ, человѣкомъ властнымъ и даже деспотическимъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Послѣднее свойство уже никоимъ образомъ не подходило къ его характеру. При всей рѣшительности взглядовъ на дѣло, какіе онъ въ себѣ выработывалъ, онъ всегда охотно выслушивалъ возраженія, даже отъ подчиненныхъ лицъ, всегда уступалъ имъ, если убѣждался въ ошибочности своихъ мнѣній, хотя, вслѣдствіе его темперамента и морскаго воспитанія, отъ него и приходилось, подъ часъ, испытывать, въ этихъ случаяхъ, рѣзкія выходки. При этомъ нужно замѣтить, что никогда самое крайнее разногласіе мнѣній не оставляло ни малѣйшей въ немъ горечи и ни малѣйшаго слѣда въ личныхъ съ нимъ отношеніяхъ. Мы неоднократно сами это испытали, иногда расходясь съ нимъ въ мнѣніяхъ и даже дѣйствіяхъ по дѣламъ, и никогда ни на минуту не расходясь въ дружбѣ. Графъ Ѳ. П. былъ дѣйствительно очень строгъ и требователенъ въ дѣловыхъ и служебныхъ отношеніяхъ; но это нисколько не происходило отъ властолюбія или какой нибудь начальнической надменности, а

было обусловлено въ немъ только сильнымъ чувствомъ долга и духомъ дисциплины, выработаннымъ на кораблѣ. Онъ также строго требовалъ исполненія долга отъ другихъ, какъ и отъ себя самого. Заставляя работать другихъ, онъ первый подавалъ имъ тому примѣръ. Если только онъ находилъ въ своихъ подчиненныхъ и сотрудникахъ любовь къ работѣ и добросовѣстный трудъ, то относился къ нимъ съ величайшимъ снисхожденіемъ и довѣріемъ. Иначе, онъ относился къ нимъ рѣзко противоположно; въ этихъ случаяхъ онъ бывалъ безпощаденъ. При своемъ высокомъ умѣ, онъ никогда не доводилъ однако духъ служебной дисциплины до педантизма; рутинную дисциплину и ея пустой формализмъ онъ презиралъ, и велъ себя съ младшими, которыхъ любилъ и уважалъ, съ необыкновенною простотою, какъ старшій товарищъ. Такимъ онъ бывалъ въ Академіи Наукъ и въ академическихъ кружкахъ.

Подобно всѣмъ людямъ умственно замѣчательнымъ и воодушевленнымъ благородными чувствами, которыя ставятъ ихъ выше зависти и мелкаго самолюбія, графъ Ѳ. П. имѣлъ особенное расположеніе къ людямъ даровитымъ и умнымъ, сближался съ ними; такъ же точно онъ имѣлъ антипатію къ людямъ неспособнымъ и умственно ничтожнымъ, отдалялся отъ нихъ и, при отсутствіи свѣтскаго воспитанія, не маскировалъ передъ ними своихъ чувствъ излишними формами куртуазіи. Отсюда происходило отчасти то мнѣніе о немъ, о которомъ мы упомянули выше. Затѣмъ, онъ вообще держалъ себя очень серьезно, сдержанно, и даже имѣлъ *суровый* видъ въ многочисленномъ обществѣ. Все это объясняется его дѣтствомъ и его обстановкою, какъ онъ самъ о томъ говоритъ, и между прочимъ его *конфузливостью* передъ чужими людьми, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться до конца своей жизни. Конфузливость, какъ извѣстно,

фальшиво придаетъ въ обществѣ внѣшній высокомѣрный видъ добрѣйшимъ и скромнѣйшимъ личностямъ. Вообще графъ Ѳ. П. не чувствовалъ себя самимъ въ обществѣ мало знакомыхъ ему людей; въ публикѣ, онъ почти терялся. Онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ въ кругу близкихъ ему людей и былъ бы неузнаваемъ для постороннихъ, если бы имъ случилось его тутъ видѣть: тутъ онъ бывалъ необыкновенно простъ и милъ, любилъ всякіе шутливые разсказы и разговоры, и предавался часто самой безпечной веселости и гомерическому смѣху. Тутъ, въ присутствіи его, не было ни малѣйшаго стѣсненія, ни для какого возраста. Для близкихъ къ нему людей, препровожденіе съ нимъ времени было плѣнительно: легкіе и веселые разговоры всегда перемежались серьезною бесѣдою о новыхъ открытіяхъ въ наукѣ, новыхъ книгахъ, событіяхъ дня. Уходя изъ гостепріимнаго дома Ѳедора Петровича, всегда каждый чувствовалъ въ умѣ и сердцѣ серьезный слѣдъ его глубокихъ мыслей и чувствъ. Продолжительныя бесѣды съ нимъ наединѣ, въ которыхъ онъ говорилъ о своей жизни, переполненной всѣми историческими и умственными движеніями нашего вѣка, объ историческихъ личностяхъ близко ему извѣстныхъ,—бесѣды въ которыхъ онъ раскрывалъ всю свою возвышенную душу, — оставляли въ каждомъ самыя глубокія впечатлѣнія.

Для характеристики графа Литке, мы обязаны сдѣлать еще одну оговорку относительно того, что было сказано выше о господствовавшемъ въ его характерѣ элементѣ ученаго надъ расположеніемъ къ практическому государственному дѣлу. Этого никакъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ недостатка въ немъ практическаго ума и его преданности къ отвлеченной теоріи. Напротивъ того, онъ былъ необыкновенно способенъ къ практическому осуществленію всякой научной идеи, къ практической организа-

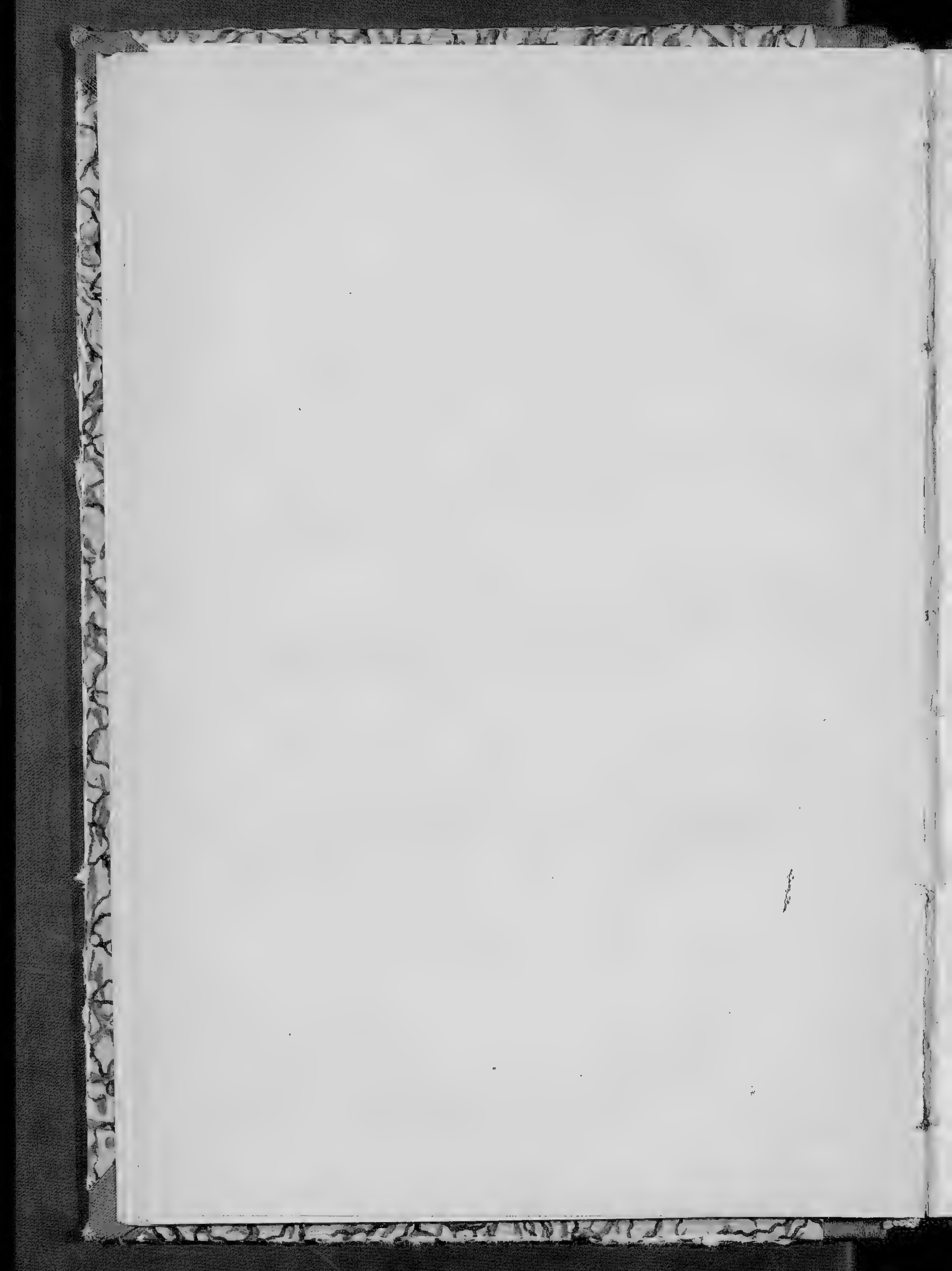
ціп всякаго дѣла; онъ былъ для этого одаренъ энергическою волею и самообладаніемъ, какъ и доказалъ это и въ своихъ мореходныхъ путешествіяхъ и въ своей позднѣйшей учено-административной дѣятельности. Онъ всего менѣе увлекался непрактичными и фантастическими учеными предпріятіями и идеями, и былъ даже крайне къ нимъ враждебенъ. Если мы говорили о господствѣ въ настроеніи его мыслей научнаго, теоретическаго элемента надъ практическимъ, то только въ отношеніи къ государственной дѣятельности, или лучше къ государственной власти, къ которой онъ не чувствовалъ въ себѣ, по упомянутымъ выше причинамъ, никакого влеченія.

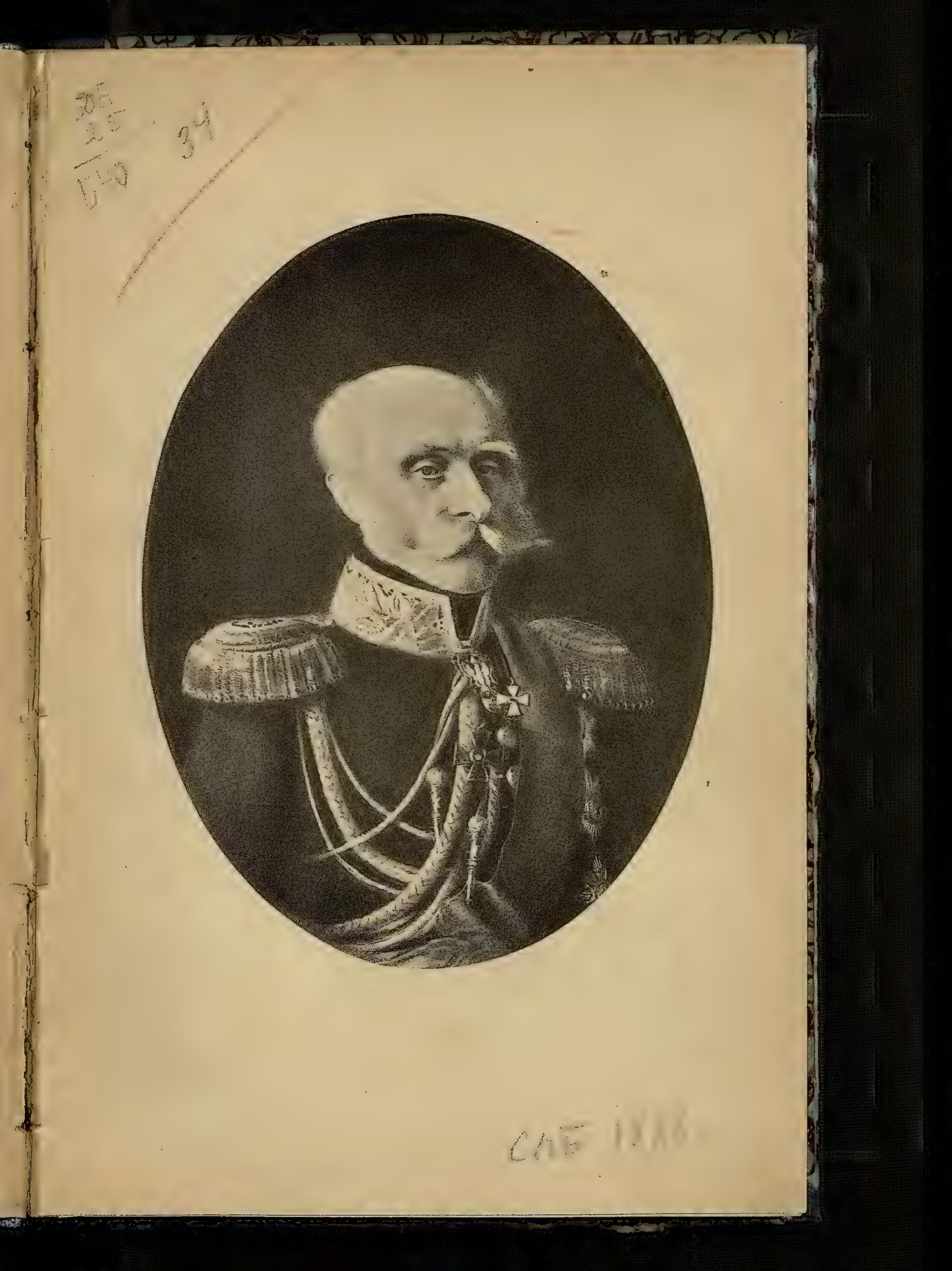
Подобно всѣмъ замѣчательнымъ и богато одареннымъ отъ природы личностямъ, графъ Литке соединялъ въ себѣ весьма разнородныя душевныя свойства и влеченія, — иныя даже какъ бы противоположныя между собою. Всѣ такія выдающіяся изъ общаго ряда психическія натуры весьма сложны, и требуютъ близкаго ихъ изученія, для ихъ пониманія. Подобно тому, какъ съ наклонностью къ чистой наукѣ, къ теоріи, въ немъ связывалась способность къ практическому устройству дѣла, въ немъ также гармонически соединялось въ одно цѣлое многое другое, не совмѣстимое въ обыкновенныхъ людяхъ. Съ вышеописаннымъ крайне строгимъ чувствомъ долга, съ холоднымъ, даже суровымъ съ виду характеромъ, онъ соединялъ самую нѣжную сердечность. Самымъ яркимъ свидѣтельствомъ послѣдней служитъ, кромѣ воспоминаній всѣхъ его родныхъ и близкихъ людей, и кромѣ его автобіографіи, оставшаяся въ его архивѣ переписка съ его женою. Объ его страстной къ ней привязанности мы уже говорили. Онъ былъ сердечнымъ другомъ всѣхъ многочисленныхъ своихъ родныхъ и благодѣтелемъ многихъ изъ нихъ. Съ своею приверженностью къ наукамъ, — именно къ самымъ точ-

нымъ и такъ называемымъ самымъ *сухимъ*, къ физико-математическимъ,—онъ соединялъ страстную любовь къ музыкѣ. Наконецъ, со строгою научностью своего ума и всѣхъ своихъ воззрѣній, онъ соединялъ пламенную христіанскую вѣру, вѣру въ Промыселъ Божій, которая воодушевляетъ его въ каждомъ его дѣйствіи и въ каждой строкѣ его записокъ [1]).

В. Б.

1) Къ настоящей книгѣ приложены три фототипическихъ портрета графа Ѳ. П., въ различномъ его возрастѣ, къ сожалѣнію не вполнѣ удавшіеся: 1) портретъ его въ молодыхъ годахъ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный; 2) портретъ Зарянки въ 1855 г. и 3) фотографія Левицкаго въ самые послѣдніе его годы.

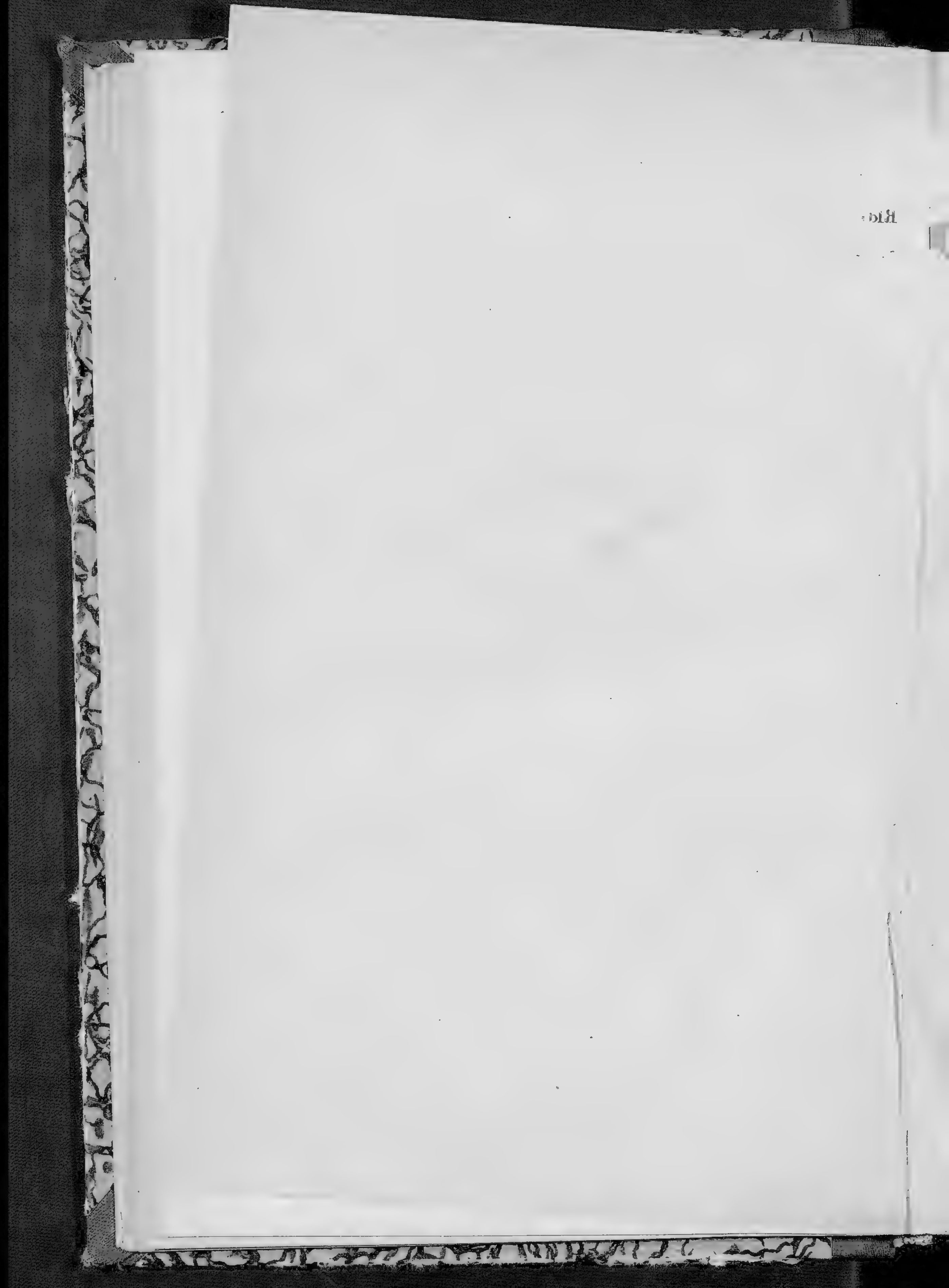




АВТОБІОГРАФІЯ

ГРАФА ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА

ЛИТКЕ.



Нижеслѣдующая автобіографія Графа Ѳедора Петровича Литке написана имъ въ 1865, 1866, 1867 и 1868 гг., во время лѣтнихъ его пребываній, въ его имѣніи Авандусѣ (Эстляндской губ.), подъ заглавіемъ „Семейная записка“, и предназначалась имъ главнѣйше для своихъ сыновей. Она доведена имъ до вступленія его въ должность воспитателя Великаго Князя Константина Николаевича, въ 1832 г. Кромѣ исправленія очевидныхъ описокъ и пропусковъ словъ, эта автобіографія печатается здѣсь безусловно въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана авторомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы, въ скобкахъ, сдѣлали добавленія пропущенныхъ словъ, и

перевели иностранныя слова. Всѣ подстрочныя примѣчанія принадлежатъ намъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя сдѣланы самимъ Графомъ Литке и подписаны его именемъ.

В. Б.

Послѣ отца моего не осталось никакихъ фамильныхъ бумагъ или документовъ. Они безъ сомнѣнія были, но подверглись истребленію при всеобщей раззіи (см. ниже) на все оставшееся послѣ него движимое имущество, какъ вещь не имѣющая цѣны вещественной. Моя мачиха, и тѣ, которые ей помогали, думали только о томъ, какъ бы поскорѣй обратить въ деньги все, что можно было продать. Такъ, обширная, избранная библіотека исчезла безъ слѣда, проданная едва ли не на вѣсъ. Двѣ, три книги, много лѣтъ спустя, достались мнѣ отъ одного знакомаго, купленныя имъ на толкучкѣ. Присмотрѣть за имуществомъ отца было не кому. Насъ осталось 11 человѣкъ сиротъ, изъ нихъ 9 несовершенно - и малолѣтнихъ. Старшій братъ (Евгеній Петровичъ) былъ на службѣ въ Молдавіи; старшая сестра (Наталія Петровна, впослѣдствіи Сульменева), хотя и была на лицѣ, но убитая, чуть не буквально, потерей отца, она не могла ничего предпринять, да и не знала бы какъ за это взяться, не занимавшись никогда дѣлами. Было два человѣка, которые могли бы позаботиться объ участи сиротъ: дядя Энгель [1]) и Алексѣевъ, старинный другъ отца. Для чего они

---

[1]) Объ Энгелѣ будетъ подробно говорено ниже. Мы сочли излишнимъ на передъ присовокуплять свѣдѣнія и объясненія относительно лицъ, упоминаемыхъ Гр. Өедоромъ Петровичемъ, когда онъ самъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи своей автобіографіи, даетъ эти свѣдѣнія и объясненія.

этого не сдѣлали, для чего не учредили дѣятельнаго, честнаго опекунства, — это извѣстно одному Богу. Они ограничились выраженіемъ участія своего инымъ образомъ, какъ увидимъ ниже.

Лѣтъ 15 или 20 послѣ кончины отца моего, получилъ я отъ бывшей, мачихи (во второмъ бракѣ послѣ отца, Завалишиной), кулекъ, гдѣ-то на чердакѣ въ углу у ней завалявшійся и забытый, и случайно отысканный. «Какія-то въ немъ бумаги», велѣла она мнѣ сказать, «можетъ, нѣтъ ли между ними нужныхъ».—И дѣйствительно это были бумаги, какими-то судьбами избѣжавшія всеобщаго auto da fe. Я нашелъ тутъ много писемъ Князя Репнина, Панкратьева и многихъ другихъ, и между прочимъ контрактъ, на нѣмецкомъ языкѣ, заключенный въ 1735 г. Академіей Наукъ съ Магистромъ Іоганномъ Филиппомъ Лютке (моимъ дѣдомъ, Johann Philipp Lütke) [2]), по которому онъ опредѣлился на три года, конректоромъ Академической гимназіи. Контрактъ за подписью «Начальника Академіи Наукъ, Дѣйствительнаго Каммергера Корфа» (des Chefs der Academie der Wissenschaften, Wirklichen Kammerherrn Korff). Жалованья назначалось ему по 350 рублей въ годъ, съ 23 апрѣля 1735 года. Изъ этого единственнаго, подлиннаго фамильнаго документа, до насъ дошедшаго, видно, что семейство наше пришло въ Россію въ половинѣ прошедшаго вѣка. Гдѣ родился мой дѣдъ, я никогда не могъ узнать. Покуда жили старики, могшіе имѣть какія нибудь о томъ преданія, я о томъ не заботился; послѣ, было поздно. Вѣроятно мой дѣдъ родился въ Сѣверной Германіи, гдѣ одинаковыя съ нашей фамиліи встрѣчаются часто. Въ Даніи есть много Lütken'овъ, и теперь, кажется, еще живетъ одинъ адмиралъ датскаго флота Лютkенъ.

Магистръ философіи Литке былъ рекомендованъ извѣстнымъ гуманистомъ Лоттэромъ. Вызванный Академіею на каѳедру кра-

---

[2]) Въ документахъ прошедшаго столѣтія, мы находимъ безразлично и Литке и Лютке, и также Лютkенъ и Лютkенсъ. Самъ Гр. Ѳедоръ Петровичъ всегда писалъ свою фамилію по русски «Литке», а по нѣмецки «Lütke».

сноречія и Греческихъ и Римскихъ древностей, Лоттэръ имѣлъ въ то же время порученіе пріискать въ Лейпцигѣ двухъ надежныхъ лицъ для должностей Ректора и Конректора (Академической гимназіи). На первую онъ рекомендовалъ Христофора Геллерта; на послѣднюю — моего дѣда, который при этомъ случаѣ самъ писалъ къ Президенту (или начальнику Академіи?) Корфу письмо на довольно изящномъ французскомъ языкѣ, предлагая свои услуги. Магистръ Литке былъ мужъ многосторонней учености, писатель по физическимъ наукамъ и теологъ. Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1755 и въ «le Caméléon littéraire» [3]) того же года помѣщены переводы его сочиненія объ огнѣ и свѣтѣ, а въ 1757 явилось во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ сочиненіе его подъ заглавіемъ: «Versuch eines neuen physikalischen Systems, nach physikalischen und chemischen Gründen entworfen» (Опытъ новой физической системы, составленной на физическихъ и химическихъ основаніяхъ), котораго я при всемъ стараніи не могъ нигдѣ добыть, даже и у антикваріевъ. О достоинствахъ этихъ сочиненій, разумѣется, не должно судить по теперешнему состоянію физическихъ наукъ.

Конректоромъ Академической гимназіи дѣдъ мой оставался не долго. Уже въ 1736 принимаетъ онъ, по приглашенію конвента прихода Св. Петра, должность Ректора Петропавловской церковной школы (Petri-Schule). Тутъ ожидали его непріятности. Пасторъ Націусъ (Nazzius), почему-то недовольный этимъ выборомъ, протестовалъ противъ него, требуя, чтобы призванный къ должности подвергся предварительному экзамену, на что тотъ,

---

[3]) Журналъ «*Ежемѣсячныя сочиненія* къ пользѣ и увеселенію служащія» издавался въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. Въ этомъ изданіи за 1755 г. (Январь), стр. 301—309, напечатана статья Литкена «*Объ огнѣ и свѣтѣ*» съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сія диссертація прислана изъ Москвы для напечатанія въ сихъ сочиненіяхъ, и объявлено при томъ, что она сочинена заштатнымъ при Университетской гимназіи учителемъ Литкенымъ. «*Caméléon littéraire*»—первый французскій журналъ въ Россіи, издававшійся Шевалье де Ароси (Барономъ Чуди, род. въ Мецѣ 1714 † въ Парижѣ 1769 г.)

разумѣется, не согласился. Дѣло дошло до общаго собранія прихода и до Патрона, Фельдмаршала Миниха; они выборъ одобрили и утвердили (письмо объ этомъ Миниха изъ Каланчей 2 іюня 1736). Контрактъ заключенъ на 6 лѣтъ, жалованья въ первый годъ 250 р., затѣмъ 300 р. Но этимъ миръ не водворился. Націусъ продолжалъ дѣлать дѣду всевозможныя шиканы. Наскуча всѣмъ этимъ, въ особенности же тѣмъ, что пасторъ Націусъ позволялъ себѣ говорить объ этихъ столкновеніяхъ von der Kanzel, in herben Explicationen (съ каѳедры, въ грубыхъ выраженіяхъ), дѣдъ мой потребовалъ отставки, которую и получилъ 26 января 1737.

Въ это время престарѣлый пасторъ Шаттнеръ прихода Св. Анны просилъ церковный конвентъ назначить ему помощникомъ только что оставившаго Петропавловскую школу дѣда моего. Конвентъ исполнилъ его желаніе. Пасторъ Шаттнеръ благодарилъ зато торжественно свой приходъ 28 января 1737 и въ тотъ же день сдѣлано было чрезъ Генералъ-Маіора Траутфеттера торжественное призваніе моего дѣда. Но тутъ ожидали его новыя, еще большія непріятности, которыя Бюшингъ въ своей «Исторіи нѣмецкихъ церковныхъ общинъ въ Россіи (Geschichte der deutschen Gemeinden in Russland, I Th. p. 250) разсказываетъ слѣдующимъ образомъ. «Нѣкоторые изъ прихожанъ были этимъ избраніемъ недовольны, потому что не каждый порознь былъ спрашиваемъ о его мнѣніи. Эти недовольные, успѣвъ склонить на свою сторону и старика Шаттнера, принесли жалобу въ Юстицъ-Коллегію Лифъ— и Эстляндскихъ дѣлъ, на то, что магистръ Литке навязанъ имъ насильно. Юстицъ-Коллегія, призвавъ на совѣщаніе пасторовъ приходовъ Св. Петра Северина и Шведскаго Левапура (Lewanur), рѣшила 1 февраля 1738, что избраніе Литке незаконно и что вслѣдствіе того всѣ прихожане должны сдѣлать новый выборъ и поднести его на утвержденіе Коллегіи. Конвентъ прихода Св. Анны, почитая это нарушеніемъ своихъ правъ, по которымъ онъ никому не былъ обязанъ отчетомъ въ избраніи пастора, посовѣтовавшись

съ Конвентомъ Петровскимъ, протестовалъ противъ этого рѣшенія, грозя довести это дѣло даже до Императорскаго Величества. М. Литке остался на своемъ мѣстѣ, но не надолго. Юстицъ-Коллегія подъ разными предлогами его арестовала и не прежде освободила, какъ взявъ съ него подъ клятвою обѣщаніе, никогда впередъ не проповѣдовать и не исполнять никакихъ духовныхъ дѣлъ и по первому зову явиться въ Коллегію». Надо думать, что запрещеніе это въ послѣдствіи было снято, потому что дѣдъ мой, въ 1745 г., былъ пасторомъ при маломъ Лютеранскомъ приходѣ въ Москвѣ (Büsching, II, 203).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ явилась новая исторія нѣмецкихъ приходовъ въ С.-Петербургѣ, соч. кистера церкви Св. Екатерины. Разсказавъ описанныя выше происшествія почти тѣми же словами какъ Бюшингъ, авторъ прибавляетъ: «und dieser Ausgang des wider ihn geführten Rechtsganges hatte die Folge, dass er im Jahre 1738 das Land verliess» (и эта развязка поднятаго противъ него судебнаго дѣла имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что онъ, въ 1738 г. покинулъ страну). А въ выпискѣ сказано: «Magister Lütken (эта ошибка въ фамиліи часто встрѣчается въ извѣстіяхъ о моемъ дѣдѣ) ging nach Schweden, wo ihn manche unangenehme Schicksale trafen. Er verliess Schweden und ging nach Polen und von dort über Smolensk nach Moskau. Als guter Gesellschafter und als ein guter Kanzelredner, erhielt er leicht Bekanntschaft, fand bei den angesehensten Mitgliedern der dortigen neuen deutschen Gemeinde Zutritt, nahm sie für sich ein, erwarb sich schon durch seine erste Predigt einen grossen Beifall und wurde 1744 einstimmig zum Prediger erwählt. Allein auch hier entstanden Streitigkeiten, welchenzufolge er sein Amt wieder aufgeben musste; wurde dann Lehrer an der Universität und ging später wieder nach St. Petersburg, wo er als Lehrer beim 1-ten Cadettencorps starb (Магистръ Люткенъ отправился въ Швецію, гдѣ его встрѣтили нѣкоторыя непріятныя обстоятельства. Онъ покинулъ Швецію и поѣхалъ въ Польшу, а оттуда черезъ Смоленскъ въ Москву. Какъ хорошій со-

бесѣдникъ и хорошій проповѣдникъ, онъ легко сдѣлалъ знакомства, нашелъ доступъ къ наиболѣе уважаемымъ членамъ новой нѣмецкой общины, причислился къ ней, пріобрѣлъ къ себѣ уже первою проповѣдью большое сочувствіе, и былъ единогласно избранъ въ 1744 г. на должность ея пастора. Но и тутъ возникли опять споры, вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ разстаться съ своею должностью; затѣмъ былъ назначенъ преподавателемъ въ университетѣ и позже переѣхалъ опять въ Петербургъ, гдѣ онъ умеръ въ должности преподавателя 1-го кадетскаго корпуса [4]). Авторъ нигдѣ не указываетъ своихъ источниковъ, а потому и неизвѣстно, къ сожалѣнію, откуда онъ почерпалъ свѣдѣнія объ Одиссеѣ моего дѣда, въ которой впрочемъ ничего нѣтъ невозможнаго. Но положительно невѣрно, что онъ умеръ въ Петербургѣ. Онъ жилъ въ Москвѣ до самой чумы. О судьбахъ его за послѣднія 15 лѣтъ его жизни мнѣ ничего не извѣстно. Тогда былъ обычай при торжественныхъ актахъ говорить рѣчи на 4-хъ языкахъ: латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмец-

---

[4]) Въ исторіи евангелическихъ общинъ въ Москвѣ Фехнера (Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, zusammengestellt von A. W. Fechner, Moskau, 1876, I B pp. 495—505, 507, 510; II 18. 502 и слѣд., 518), которая была издана 10 лѣтъ послѣ того, какъ гр. Литке писалъ свою автобіографію, и которая осталась, кажется, ему неизвѣстною, хотя онъ и скончался только въ 1882 г., находятся нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о пребываніи его дѣда въ Москвѣ. Эти свѣдѣнія относятся къ пасторской дѣятельности Магистра Лютке, преимущественно за 1749 г. и не противорѣчатъ всему тому, что сказано гр. Федоромъ Петровичемъ. Мы считаемъ излишнимъ здѣсь ихъ излагать, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего обще-интереснаго для исторіи того времени; они касаются исключительно личности М. Лютке, которая не имѣетъ никакого интереса, помимо своего внука. Эти свѣдѣнія не заключаютъ въ себѣ никакихъ данныхъ, интересовавшихъ покойнаго Графа относительно послѣднихъ лѣтъ жизни его дѣда. Въ этихъ свѣдѣніяхъ мы находимъ главнѣйше подробности относящіяся къ рѣзкимъ пререканіямъ, которыя происходили между М. Лютке и старѣйшими церковными лютеранскими властями и также нѣкоторыми должностными лицами въ Москвѣ. Какъ изъ этого источника, такъ и изо всего, что разсказано самимъ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ, мы не можемъ видѣть въ какой степени были вѣрны жестокія обвиненія, возводившіяся съ разныхъ сторонъ на Магистра Лютке, но можемъ только вывести одно безошибочное общее заключеніе, что онъ былъ крайне безпокойнаго и неуживчиваго характера.

комъ. Нѣмецкая рѣчь поручалась обыкновенно моему дѣлу, какъ видно изъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій».

Въ жизнеописаніи кн. Потемкина, Русскій Архивъ, 1867, № 4, стр. 596, въ примѣчаніи, видно, что будущій Князь Таврическій ходилъ учиться въ Москвѣ въ Нѣмецкую слободу въ учебное заведеніе какого-то Литкена (это былъ безъ сомнѣнія мой дѣдъ).

Когда въ Москвѣ открылась чума, дѣдъ уѣхалъ въ Калугу; тамъ занемогъ. Его сочли чумнымъ, оцѣпили его домъ и Богъ знаетъ, что сталось бы со всѣмъ семействомъ, если бы не нашелся какой-то благодѣтельный мѣщанинъ, который объ немъ позаботился, доставлялъ пищу и пр. Дѣдъ умеръ, а жена его съ двумя младшими сыновьями и дочерью (отецъ былъ въ это время на службѣ въ Молдавской арміи) уѣхала въ Петербугъ, гдѣ скоро скончалась. На комъ былъ женатъ дѣдъ мой, намъ неизвѣстно. Послѣ него осталось пятеро дѣтей: 4 сына и дочь. Судьбы старшаго, Ивана, мнѣ неизвѣстныя, были плохи, и конецъ плачевный. Я помню, что въ первомъ же году по кончинѣ отца моего, приходилъ онъ однажды, а можетъ быть и былъ приводимъ къ дядѣ Энгелю, въ какомъ-то неблагообразномъ видѣ. Послѣ слышалъ, какъ-то мелькомъ, что его видѣли, между колодниками, просящимъ подаянія... Второй сынъ, Петръ (Peter August), мой отецъ, родился въ мартѣ 1750 г.; дочь Елизавета и два младшихъ сына, Карлъ и Александръ, были отъ 10 до 15 лѣтъ моложе моего отца.

Здѣсь должно разсказать довольно интересный случай. Лѣтъ 25 послѣ кончины дѣда, когда отецъ мой былъ уже въ Петербургѣ, а дядя Александръ жилъ у него, встрѣчаютъ они однажды на улицѣ нищаго, просящаго у нихъ милостыни. Дядя вглядывается въ него и узнаетъ мѣщанина, такъ много объ нихъ заботившагося въ Калугѣ. Натурально, что старика призрѣли, и когда онъ скоро потомъ умеръ, честно его похоронили.

Былъ ли отецъ мой студентомъ Московскаго Университета,— мнѣ неизвѣстно. Кажется нѣтъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ учился

въ Университетской гимназіи, подъ руководствомъ отца своего, и лучшаго руководителя онъ конечно имѣть не могъ.

Слѣды этого руководства видны между прочимъ въ страсти къ химіи, которую отецъ мой имѣлъ въ теченіе всей своей жизни. У него въ домѣ была и химическая лабораторія, въ которой онъ работалъ съ лаборантомъ своимъ, крѣпостнымъ человѣкомъ, маленькимъ Өедоромъ (былъ въ домѣ еще другой Өедоръ, буфетчикъ, котораго звали большимъ), и мы дѣти тоже должны были иногда помогать. Относительно этой несчастной страсти отца моего къ химіи есть любопытное письмо князя Ник. Вас. Репнина [5]) Въ 1786 г. Князь помышлялъ о продажѣ Воронежскаго своего имѣнія Репьевки (Петровское тожъ), которымъ завѣдывалъ мой отецъ и гдѣ былъ между прочимъ купоросный заводъ. Отецъ просилъ князя продать ему этотъ заводъ, надѣясь впрочемъ пріобрѣсти отъ этого выгоды, но главное, найти случай и просторъ для химическихъ экспериментовъ. Князь отвѣчалъ (отъ 10 іюня): «Помочь Вамъ на устроеніе Вашего и Вашихъ домашнихъ состоянія, я не откажусь, особливо потому по Вашему примѣчанію, что я могу умереть, и Вы съ семьей останетесь въ нуждѣ. И потому Вы можете купоросный заводъ считать своимъ, коло не стану я кровавымъ потомъ Вашимъ и Вашей семьи корыстоваться, не продамъ его Вамъ, а такъ отдамъ; мнѣ же сіе разницы въ моихъ дѣлахъ никакой не сдѣлаетъ. Боюсь я только, чтобы *Ваше химическое пристрастіе Васъ не завело*, и тѣмъ бы вмѣсто прибыли Вамъ раззоренія не произвело. Пожалуй, мой другъ, сего остерегись. Впрочемъ, я продавать Петровскую слободу еще не совсѣмъ рѣшился». Князь Репнинъ былъ правъ: химія не помѣшала отцу моему умереть въ бѣдности.

---

[5]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 11 марта 1734 г., умеръ 12 мая 1801 г.) извѣстный фельдмаршалъ. Онъ управлялъ вновь пріобрѣтеннымъ Сѣверо-Западнымъ краемъ. См. о немъ *«Русскій Вѣстникъ»* 1886 г., № 11, стр. 266, и *«Русскій Архивъ»* 1876. О Репнинѣ графъ Өедоръ Петровичъ много говоритъ впослѣдствіи и сообщаетъ нѣсколько весьма характеристическихъ его чертъ.

Но химія была не единственная наука, которую отецъ мой любилъ. Онъ вообще интересовался и много занимался науками и литературой, и имѣлъ, какъ уже выше замѣчено, обширную и отборную библіотеку. Онъ и самъ не мало писалъ и переводилъ. Нѣсколько лоскутковъ его работъ нашлось въ кулькѣ, о которомъ я говорилъ. Всѣ онѣ носятъ характеръ мистическій,—направленіе, довольно общее въ то время. Не знаю, склонялся ли онъ къ мартинизму, въ чемъ бы не было ничего удивительнаго, по многолѣтней интимной связи своей съ кн. Репнинымъ, извѣстнымъ мартинистомъ. Но онъ былъ, какъ и всѣ, масономъ, и занималъ какую-то значительную должность въ одной изъ Петербургскихъ ложъ. Человѣкъ искренне религіозный, безъ всякаго ханжества, онъ любилъ заниматься вопросами, относящимися къ религіи, и бесѣдовать съ духовными лицами безъ различія исповѣданія. О тѣсной связи его съ однимъ высокимъ сановникомъ православной церкви будетъ мною говорено въ своемъ мѣстѣ. То было счастливое время въ Россіи, когда различіе племени и вѣроисповѣданія не порождало вражды между людьми. Не забывая своего происхожденія, оставаясь вѣренъ вѣрѣ своихъ отцевъ, онъ былъ въ душѣ русскій, и почиталъ себя всегда Москвичемъ, и никому не приходило въ голову называть его нѣмцемъ. Какъ бы разразился онъ своимъ громкимъ, заразительнымъ смѣхомъ, если бы ему кто нибудь сказалъ, что дѣтей и внуковъ его будутъ называть нѣмцами. До такого безобразія суждено однако же было дожить намъ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ [6]).

Два младшихъ брата, Александръ и Карлъ, привезенные, какъ сказано выше, по смерти отца ихъ въ Петербургъ, были отданы въ Морской Корпусъ, изъ котораго выпущены въ офицеры, въ 1782 году, вмѣстѣ съ Ант. Вас. Моллеромъ, Коробкой, Быченскими, Спафарьевымъ, Перфильевымъ, кото-

---

[6]) Эти горячія слова очевидно написаны покойнымъ Графомъ, въ своемъ эстляндскомъ имѣніи (въ 1866 г.), подъ впечатлѣніемъ какихъ либо прискорбныхъ для его русскихъ и глубоко вѣрноподданническихъ чувствъ столкновеній между русскими и нѣмцами въ прибалтійскомъ краѣ (см. наше Введеніе).

раго я послѣ зналъ Архангельскимъ губернаторомъ. Карлъ Ивановичъ служилъ въ Турецкую войну и былъ убитъ подъ Измаиломъ. Всѣ сверстники описывали его, какъ браваго офицера. О томъ же свидѣтельствуютъ и письма кн. Репнина къ батюшкѣ. Въ одномъ письмѣ изъ Елисаветграда, 8 дек. 1787, онъ говоритъ: «Меньшаго Вашего брата я видѣлъ, онъ мнѣ показался молодецъ очень изрядный... Г. Адмиралъ Мордвиновъ отдавалъ обоимъ имъ справедливость, отзываясь мнѣ о нихъ, какъ о весьма хорошихъ и исправныхъ офицерахъ». Въ другомъ письмѣ, безъ числа, уже съ театра войны, кн. Репнинъ пишетъ: «Вашимъ братомъ, служащимъ во флотѣ, самъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ весьма доволенъ, о чемъ къ Вашему удовольствію Вамъ сообщаю»[7]). Память о любимомъ братѣ заставляла отца желать, сдѣлать изъ меня моряка. Стеченіе обстоятельствъ, которыхъ никто не могъ тогда предвидѣть, привело къ тому, чего онъ желалъ. Александръ Ивановичъ не долго служилъ во флотѣ, перешелъ въ гражданскую службу, былъ подъ конецъ инспекторомъ Радзивиловскаго таможеннаго округа; онъ оставилъ это мѣсто въ 1810 г. По пріѣздѣ моего отца изъ Калуги въ Петербургъ съ моею матерью, жили они у придворнаго зильбермейстера (т. е. серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера) Константина Кузьмича Куличкина. Это повело къ тому, что дядя мой Александръ Ивановичъ женился въ послѣдствіи на дочери его (Куличкина) Аннѣ Константиновнѣ, сестрѣ лейтенанта Василія Константиновича Куличкина, который, служа волонтеромъ въ англійскомъ флотѣ, взлетѣлъ на воздухъ съ кораблемъ «Queen Charlotte». Отецъ мой, еще въ молодости, оставилъ отцовскій домъ. Невступно 18 лѣтъ, поступилъ онъ на службу, вахмистромъ, въ Нарвскій карабинерный полкъ (янв. 1768), съ которымъ былъ въ Турецкомъ походѣ; участвовалъ, въ 1770, въ дѣлахъ при Ларгѣ и

---

7) О Карлѣ Ивановичѣ Литке, капитанѣ 2-го ранга, упоминается въ статьѣ «Жизнь и дѣянія Г. А. Потемкина-Таврическаго». Русскій Архивъ 1867 года; т. 2, стр. 1,548.

Кагулѣ, и въ 1771 и 72 въ Польскомъ походѣ. Въ 1772 г. произведенъ въ корнеты въ Кіевскій кирасирскій полкъ и участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ этого полка, въ 1773 и 1774 гг., и между прочимъ въ легкой партіи Любимова къ Шумлѣ, за которую Любимовъ, въ чинѣ маіора, получилъ Георгія 3-го класса. Въ 1775 и 76 годахъ отецъ мой былъ въ конвоѣ, сопровождавшемъ посольство кн. Репнина въ Константинополь. Молодой кирасирскій офицеръ вѣроятно понравился князю Репнину, по тому что въ слѣдующемъ году (1777) былъ уже взятъ въ штабъ генералъ-аншефа, флигель-адъютантомъ и былъ съ нимъ на Тешенскомъ конгрессѣ въ 1778 г. Съ этого времени и до кончины князя былъ съ нимъ отецъ мой въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Въ то время генеральскіе адъютанты были домашними людьми своихъ генераловъ, которые, въ мирное время, употребляли ихъ, какъ хотѣли. Князь Репнинъ употреблялъ отца моего по разнымъ своимъ дѣламъ. Въ 1781 и 82 гг. отецъ управлялъ Ветлужскими имѣніями князя, который однакожъ не совсѣмъ былъ доволенъ его управленіемъ, между прочимъ за то, что отецъ мой далъ себя обмануть Фурману (см. ниже) заключеніемъ какого-то невыгоднаго контракта на поставку поташа. На мѣсто его кн. Репнинъ откомандировалъ секретаря своего штаба Панкратьева. Въ 1783 былъ отецъ мой произведенъ въ секундъ-маіоры въ Рязанскій пѣхотный полкъ. Извѣщая его объ этомъ, кн. Репнинъ писалъ ему, что «теперь надо на что нибудь рѣшиться; если онъ хочетъ продолжать службу, то должно явиться въ полкъ; если же онъ теперешними занятіями доволенъ и желаетъ продолжать ихъ, то необходимо ему выдти въ отставку». Отецъ рѣшился на послѣднее и въ іюлѣ 1784 уволенъ отъ службы, натурально тѣмъ же чиномъ, такъ какъ онъ не болѣе полугода въ немъ состоялъ. Эта отставка тѣмъ же чиномъ подала поводъ, три года спустя, къ примѣчательной перепискѣ. Не имѣя всѣхъ писемъ (по этому предмету), мы не знаемъ всѣхъ подробностей. Должно думать, что сверстники отца были въ то время произведены и что ему

это показалось обидно. Отвѣтъ князя Репнина отцу такъ характеризуетъ и взгляды князя на вещи и отношенія его къ отцу, что мы помѣщаемъ здѣсь его письмо отъ слова до слова:

«Село Архангельское, іюля 1787.

На конфидентное Ваше письмо, мой другъ Петръ Ивановичъ, полученное съ г. Рихтеромъ, симъ отвѣтствую. Я первый, и всѣ мы имѣемъ наши слабости, и такъ пенять въ томъ другъ другу не можемъ. Однако не могу я, безъ сердечнаго сожалѣнія, глядѣть на слабости моихъ пріятелей, и сожалѣніе то отъ того происходитъ, что я пріятелей моихъ люблю. Въ семъ точно положеніи я нахожусь противъ Васъ, и не хочу того скрыть по дружбѣ и откровенности въ Вамъ. Поколь мы не находимъ въ собственной своей душѣ нашего покоя и благополучія, потоль напрасно мы того искать станемъ въ заключеніяхъ о насъ публики, а напротивъ, умножая тѣмъ внутреннее свое безпокойство, будемъ представлять себѣ такія публики о насъ заключенія, о которыхъ она николи мысли не имѣла, и чрезъ то самое умножать болѣе и болѣе наше безпокойство. Вотъ въ чемъ состоитъ Ваше, мой другъ Петръ Ивановичъ, внутреннее положеніе; и удивляюсь, что токовое сѣтованіе, при Вашемъ благоразуміи, могло помѣститься въ Вашемъ разсудкѣ. Разсмотримъ теперь съ сердечною и дружескою откровенностью основаніе Вашихъ гадательныхъ опасностей, въ коихъ Вы себѣ представляете, что публика Васъ почитаетъ брошеннымъ негодяемъ, за то, что Вы оставлены секундъ-маіоромъ, выслужа у меня все время адъютантскаго чина. Можно бы подлинно о томъ усомниться, ежели бы всякую связь разорвавъ, не остались со мной въ пріятельскомъ обхожденіи; но какъ таковую мысль имѣть можно, когда мы не только остались въ дружеской связи, но я поручилъ Вамъ управлять знатную часть моего имѣнія, чего мнѣ сдѣлать нельзя, не имѣя къ Вамъ довѣренности и не полагая на Васъ надежды; слѣдовательно и не можно подумать, чтобы Вы отъ меня брошены были какъ негодяй, видя то и по Вашему состоянію и жребію, которые, думаю, того не оказываютъ; и такъ

публика по сему, напротивъ, заключить можетъ, что Вы поспѣшили идти въ отставку, не дождавшись преміеръ-маіорскаго чина для того, чтобы скорѣе вступить въ правленіе моего имѣнія, и тѣмъ мнѣ дружескую, въ сей части, помощь подать. Сіе мое гаданіе я думаю столько же вѣроподобно, а можетъ быть и вѣроятнѣе какъ Ваше, которымъ Вы сердечно безпокоитесь. Наконецъ же, всего онаго вѣроятнѣе то, что ни того, ни другаго публика не смыслитъ и нами совсѣмъ не занимается, ибо то обыкновенно, что изъ глазъ и изъ ума предметы вдругъ почти выходятъ, и даже государей весьма скоро забываютъ, почему и намъ должно быть на семъ пунктѣ спокойнымъ, и отнюдь внутренняго спокойства не нарушать, но поведенія своего не учреждать по какимъ либо гадательнымъ и мнимымъ заключеніямъ публики, ибо честь наша въ насъ и въ нашихъ поступкахъ, а не въ легкомысліи и празднословіи публики состоитъ. При всемъ томъ, мой другъ, обнимая тебя искренно, хотя и стыжусь твоей слабости, подобной женскому похотѣнію, однако желалъ бы удовлетворить твоему желанію. Но скажи, какъ то сдѣлать можно? Мнѣ нельзя требовать въ адъютанты, кромѣ какъ изъ находящихся въ службѣ, а не изъ отставныхъ. Просить, чтобы перевершками обыкновенными сіе учреждено и смазано было, сего я крѣпко надѣюсь, что Вы, любя меня, не пожелаете. Что же остается сдѣлать? другъ мой любезный! Мы сами себѣ собственными нашими слабостями всѣ наши безпокойства наносимъ. Какой и щетъ можетъ быть въ старшинствѣ между служащими и уже не служащими! Моя благодарность за Вашу помощь должна относиться къ моимъ домашнимъ дѣламъ, а не къ чинамъ службы. *Горько на то глядѣть, что сіи двѣ вещи смѣшиваются.* Съ другой стороны, какъ можно мыслящему человѣку себя почитать возвышеннымъ чрезъ чинъ? Достоинство человѣка и его поведеніе честь чину дѣлаетъ, а не чинъ человѣка перемѣняетъ. Сами Вы сіе знаете. Дивлюсь, мой другъ, что дѣйствіемъ тому не слѣдуете. Здѣсь же тѣмъ окончу, что до возвращенія моего въ слободу никого въ адъютанты на вакансію требовать не

стану, а пріѣхавъ къ Вамъ, съ Вами охотно посовѣтую, и желаю Васъ удовольствовать, но съ пристойностью и безъ увертокъ, а не инако. Всѣмъ Вашимъ домашнимъ кланяюсь, а Васъ, мой другъ, душевно обнимаю. К. Н. Репнинъ.» «P. S. Я ни Вашего письма, ни своего никому не казалъ, и содержанія ихъ никто отъ меня знать не будетъ.»

По выходѣ въ отставку, отецъ мой взялъ на аренду Воронежское имѣніе князя Репнина, Репьевку или Петровское, гдѣ и поселился и въ томъ же году (1784, 15 декабря), женился на дочери жившаго въ Москвѣ доктора Энгеля, Аннѣ Ивановнѣ, и взялъ къ себѣ сестру свою Елизавету Ивановну. Въ 1785 году родился у него первый сынъ Евгеній, котораго воспріемникомъ былъ кн. Репнинъ. Въ Репьевкѣ же родилась дочь Наталья, въ 1789, и Анна, въ 1793. Были еще и другія дѣти, умершія въ маладенчествѣ. Обо всемъ 11-лѣтнемъ Репьевскомъ періодѣ (жизни моего отца), мнѣ почти ничего не извѣстно, и я имѣю упомянуть только объ одномъ семейномъ событіи. Въ 1787 г., кн. Репнинъ взялъ двухгодовой отпускъ, въ намѣреніи провести это время въ Воронежскихъ своихъ имѣніяхъ. Онъ пріѣхалъ въ Репьевку, но не долго наслаждался своей виллежіатурой, получа уже въ октябрѣ Высочайшее повелѣніе ѣхать въ Кременчугъ. Но это появленіе Репнина въ Репьевкѣ имѣло послѣдствіе для нашей семьи. Бывшій съ нимъ секретарь его Панкратьевъ узналъ тетку мою Елизавету Ивановну, полюбилъ ее, и свадьба ихъ тутъ же совершилась. Панкратьевъ уѣхалъ съ своимъ генераломъ, а жена его въ Москву, гдѣ оставалась подъ протекціею супруги Репнина, которая въ сентябрѣ слѣдующаго года увѣдомила батюшку о рожденіи племянника Никиты (будущаго генералъ-адъютанта [8]). Съ Петромъ Панкратьевичемъ Панкратьевымъ батюшка былъ конечно и прежде уже знакомъ; но

[8]) Генералъ-адъютантъ Никита Петровичъ Панкратьевъ былъ губернаторомъ Варшавы и лице приближенное къ фельдмаршалу князю Паскевичу. О младшихъ братьяхъ его Теофилѣ и Владимірѣ, сверстникахъ графа Ф. П., будетъ сказано имъ ниже. Сынъ Никиты Панкратьева Владиміръ

съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ родство, сблизились они самою тѣсною братскою пріязнію, не прекращавшеюся во всю жизнь и перешедшую и на дѣтей ихъ.

Пристроивъ сестру, батюшка успѣлъ пристроить и 18-лѣтняго шурина своего, Ѳедора Ивановича Энгеля (см. объ немъ ниже), тогда только что вышедшаго изъ Московскаго Университета. Князь Репнинъ взялъ его съ собою, и въ декабрѣ писалъ батюшкѣ изъ Елисаветграда: «Шурина Вашего, котораго отдали Вы мнѣ на мое попеченіе, опредѣлилъ уже я въ свой штабъ секретаремъ. Онъ будетъ получать здѣсь 250 рублей жалованья, чего ему на первый случай службы будетъ весьма довольно, только бы онъ велъ себя порядочно и былъ бы усерденъ, и прилеженъ по всему тому, что ему поручено будетъ, въ чемъ я и не сомнѣваюсь». Видно дядя не обманулъ ожиданій князя, потому что 10 лѣтъ безотлучно при немъ находился. Въ первое время руководство новаго родственника Панкратьева было ему весьма полезно, за что онъ ему всегда былъ благодаренъ.

Въ Репьевкѣ, батюшка подружился съ тамошнимъ священникомъ Ефиміемъ Алексѣевичемъ Болховитиновымъ, будущимъ митрополитомъ Евгеніемъ [9]). Тогда, еще молодой чело-

---

до сихъ поръ живетъ въ имѣніи своемъ, въ Царствѣ Польскомъ. Дочь была замужемъ за сенаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Ливеномъ и матерью бывшаго министра Госуд. Имуществъ кн. А. А. Ливена.

[9]) Знаменитый Митрополитъ Кіевскій Евгеній родился 18 декабря 1767 г., скончался въ 1838 г. См. объ немъ «*Сборникъ статей читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*», томъ V, выпускъ I. С.-Петербургъ, 1868 г. Въ этой книгѣ (стр. 210 и слѣд.) помѣщены письма митрополита Евгенія къ Карлу Карловичу Гирсу, женатому на родной сестрѣ гр. Литке (отцу нынѣшняго министра Иностранныхъ Дѣлъ).

Въ первомъ письмѣ сказано: «P. S. Есть ли не ошибаюсь, покойный мой другъ и благодѣтель Петръ Ивановичъ Литке вамъ свой по дочери его Аннѣ Петровнѣ. Сіе обстоятельство умножаетъ мою къ вамъ приверженность, съ почтеніемъ. Евгеній, митрополитъ Кіевскій». Къ этому Акад. Я. К. Гротъ въ примѣчаніи замѣтилъ «К. К. Гирсъ былъ женатъ на сестрѣ нынѣшняго президента Академіи Наукъ, гр. Ѳ. П. Литке; отецъ ихъ былъ адъютантомъ князя Н. В. Репнина и живя въ Воронежскомъ имѣніи послѣдняго, *Репьевкѣ*, познакомился съ Болховитиновымъ, который по окончаніи своего

вѣкъ, онъ былъ однако же уже извѣстенъ статистическими работами по Воронежской губерніи. Имя митрополита Евгенія знаменито и въ церкви и въ литературѣ. А многіе ли знаютъ, кому онъ обязанъ первыми успѣхами своими на поприщѣ, доставившемъ ему знаменитосъ? Отецъ Ефимій оставался еще въ Репьевкѣ по отъѣздѣ оттуда батюшки. Когда онъ овдовѣлъ, батюшка выписалъ его въ Петербургъ, принялъ его у себя, убѣдилъ постричься въ монахи и посредствомъ своихъ связей облегчилъ ему первые шаги на новомъ его поприщѣ. Евгеній никогда не забывалъ услугъ, оказанныхъ ему отцомъ моимъ, и всегда называлъ его своимъ благодѣтелемъ, глубоко чтя его память. Я неоднократно слышалъ это изъ устъ его, навѣщая его нерѣдко во время пребыванія его въ Петербургѣ, въ 1824 — 26 годахъ.

Въ началѣ 1793 былъ выписанъ изъ Петербурга для брата учитель Карлъ Яковлевичъ Рашетъ, отецъ всѣхъ Карловичей Рашетовъ, столь извѣстныхъ въ Петербургѣ[10]). Онъ оставался тутъ только два года и былъ отпущенъ, когда батюшка оставилъ Репьевку. Батюшка его очень любилъ, и Рашетъ взаимно былъ ему преданъ, будучи карьерой своей обязанъ его покровительству. Лѣтъ 15 или 20 по кончинѣ батюшки, Рашету, уже знаменитому лицу въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, случилось

воспитанія сдѣлался священникомъ при тамошней церкви. Тамъ началась и дружба съ домомъ П. И. Литке. Когда въ 1799 г. отецъ Ефимій овдовѣлъ, то Петръ Ивановичъ убѣдилъ его переселиться и принять монашество, за что Болховитиновъ, какъ самъ онъ часто говорилъ впослѣдствіи, считалъ себя всегда обязаннымъ своему другу. *Евгеніемъ* назвался онъ по имени старшаго сына П. И. Литке. Онъ былъ нрава веселаго и насмѣшливаго; рѣчь его была поспѣшна и отрывиста».

Вѣрный своей старой дружбѣ, митрополитъ Евгеній былъ близокъ ко многимъ членамъ семейства Литке, и между прочимъ къ Сульменевымъ (см. о нихъ ниже).

[10]) Одинъ изъ этихъ Рашетовъ (сыновей Карла Рашета) былъ не такъ давно директоромъ Горнаго Департамента, другой, гораздо раньше,—управляющимъ Канцеляріей бывшей Коммиссіи Прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ.

быть въ Радзивиловѣ, гдѣ жила замужняя уже сестра моя Анна [11]). Въ одномъ обществѣ, сидя за картами, видитъ онъ даму, черты которой напоминаютъ ему что-то знакомое. Спрашиваетъ, и узнавъ кто эта дама, бросаетъ карты посреди игры, кидается ей на шею и со слезами говоритъ, какъ онъ счастливъ обнять дочь своего благодѣтеля. Вышла сцена патетическая, дѣлавшая честь и облагодѣтельствованному и памяти благодѣтеля.

Идиллическая жизнь въ Репьевкѣ не могла продолжаться всегда. Семья прибывала, а скудныя средства не увеличивались. Изъ одного письма князя Репнина видно, что за уплатою отцемъ аренды, въ его пользу оставалось у него не болѣе 900 рублей. Надо было помышлять о другихъ ресурсахъ, а гдѣ было найти ихъ иначе какъ на службѣ. Тутъ старыя его связи ему пригодились. Изъ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ при Репнинѣ, онъ наиболѣе сдружился съ Трощинскимъ и Алексѣевымъ [12]). Ихъ связывала самая тѣсная, интимная дружба, какъ видно и изъ писемъ послѣднихъ, писанныхъ часто бурш-козпымъ тономъ. Они называли отца не иначе какъ Петрухой.

---

[11]) Анна Петровна Литке была замужемъ за начальникомъ Радзивиловской таможни, Карломъ Карловичемъ Гирсомъ, отцомъ трехъ братьевъ Гирсовъ,—покойнаго Александра Карловича, сенатора и товарища министра Финансовъ, Николая Карловича, нынѣшняго министра Иностранныхъ Дѣлъ, и Ѳедора Карловича, члена Совѣта министра Внутреннихъ Дѣлъ. Всѣ трое были присланы въ Петербургъ на попеченіе гр. Литке и воспитывались подъ его наблюденіемъ.

[12]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій (род. 26 окт. 1749 году) въ 1774 г. былъ пожалованъ во флигель-адъютанты капитанскаго чина и состоялъ при князѣ Н. В. Репнинѣ; съ сентября 1793 былъ статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II и министромъ Юстиціи при Императорѣ Александрѣ I, скончался 26 февраля 1829 года (см. «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. III, 1868 г. С.-Петербургъ, стр. 3 и слѣд.). Любопытно относительно П. И. Литке письмо кн. Н. В. Репнина къ Трощинскому отъ 11 декабря 1781 года: «я, мой другъ Дм. Пр., возвращаю Литкена (Литке) въ Москву, гдѣ онъ и останется до моего пріѣзда, свѣдавъ, что Ты пожелаешь въ своемъ настоящемъ положеніи его какъ друга съ собой имѣть, и т. д.»

Алексѣевъ, сенаторъ, очень богатый человѣкъ, по смерти Петра Ивановича Литке, усыновилъ двухъ младшихъ его дѣтей, Владиміра и Розу.

Трощинскій былъ тогда уже статсъ-секретаремъ, и человѣкомъ сильнымъ при Дворѣ. Постоянный его благодѣтель, кн. Репнинъ, былъ генералъ-губернаторомъ въ новопріобрѣтенномъ западномъ краѣ. При этихъ условіяхъ отцу не трудно было получить мѣсто. Въ октябрѣ 1794, назначенъ онъ былъ членомъ Верховнаго Литовскаго Правленія съ производствомъ въ премьеръ-маіоры, и въ началѣ слѣдующаго года отправился къ мѣсту своего служенія въ Гродно. Управленіе Репьевкою князь Репнинъ поручилъ на первое время матушкѣ, снабдивъ ее на это формальною довѣренностью. Въ Гроднѣ, батюшка оставался не долго. Въ томъ же году, въ іюнѣ, назначенъ онъ былъ въ С.-Петербургскую Казенную Палату совѣтникомъ Таможенныхъ дѣлъ. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ окончательно поселился, выписавъ изъ Репьевки и семейство. Тутъ скоро родилась у него третья дочь Елизавета, 26 іюня 1795 [13]). Въ новой своей должности батюшка скоро успѣлъ отличиться, принявъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго общаго тарифа, при поднесеніи котораго лично Императрицѣ, удостоился получить изъ рукъ Ея Величества брильянтовый перстень; и въ томъ же, 1796 г., за нѣсколько дней до кончины Императрицы, произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Я ни мало не сомнѣваюсь, что такіе успѣхи по службѣ, въ послѣдніе два года, совершенно соразмѣрны были съ заслугами отца; нельзя однако же не подозрѣвать тутъ и содѣйствія друга его Трощинскаго. Въ февралѣ 1797, назначенъ онъ былъ членомъ Коммерцъ-Коллегіи и инспекторомъ Петербургской и Кронштадтской таможенъ, и оставался въ этой должности до конца дней своихъ. Въ то же время пожалованъ ему *за труды, понесенные во время управленія Королевскою Экономіею въ Литвѣ* (такъ сказано въ формулярномъ спискѣ), 250 душъ въ мѣстечкѣ Мосты и деревнѣ Стефаниткѣ, Гродненскаго уѣзда, — прекрасное имѣніе на Нѣманѣ, какъ сказывали мнѣ люди, знающіе эту мѣстность. При хорошемъ управленіи оно

---

[13]) Елизавета Петровна Литке была замужемъ за барономъ Розеномъ.

могло бы обезпечить все семейство. Но нуждаясь въ деньгахъ батюшка скоро продалъ это имѣніе, и, какъ я слышалъ, очень невыгодно, благодаря усердію одного близкаго родственника, которому онъ поручилъ это дѣло.

Приближался между тѣмъ роковой часъ для нашей семьи; приближался первый и несчастнѣйшій часъ моей жизни. Здоровье матери моей давно было разстроено, она безпрестанно хворала, и по словамъ митрополита Евгенія только тогда чувствовала себя лучше, когда бывала беременна. Но частое повтореніе этихъ промежутковъ сравнительно меньшихъ страданій, съ другой стороны, все болѣе и болѣе потрясали ослабѣвавшій организмъ и привели наконецъ къ окончательной катастрофѣ. 17 сентября 1797 г. сдѣлался я убійцею моей матери. Появленіе мое на свѣтъ пережила она не болѣе двухъ часовъ. Но въ эти два часа, конечно, мать моя, ты усердно молилась о младенцѣ твоемъ, потому что однимъ святымъ твоимъ молитвамъ долженъ я приписать благословеніе Божіе, сопровождавшее меня на пути жизни, среди тысячи напастей, которыми онъ былъ усѣянъ. Сопоставленіе начала и вечера моей жизни объяснитъ мою мысль. Вотъ отрокъ, не знавшій никогда ласкъ матери, на одинадцатомъ году лишающійся и отца, — круглый сирота, остающійся безъ призора, безъ всякаго воспитанія и ученія, въ самые опасные годы юношества окруженный примѣрами разврата, самыхъ грубыхъ нравовъ и всякаго соблазна, — что̀, по всей человѣческой вѣроятности, должно было выдти изъ этого несчастнаго? Не долженъ ли онъ былъ погибнуть въ безднѣ невѣжества и разврата? И чтожъ? Этотъ мальчикъ, во всю жизнь свою не имѣвшій ни одного порядочнаго учителя, дѣлается подъ старость президентомъ Академіи Наукъ, этотъ несчастный, обреченный на погибель въ развратѣ, удостоивается чести быть воспитателемъ одного изъ сыновей Царскихъ (В. К. Константина Николаевича), этотъ заброшенный, не видѣвшій впереди ничего кромѣ бѣдности и нищеты, доживаетъ свой вѣкъ въ довольствѣ! Не явенъ ли тутъ Промыселъ Божій, руководившій сироту? Не явно ли, что духъ

матери служилъ ему ангеломъ хранителемъ на тернистой стезѣ жизни?

Отецъ мой былъ совершенно убитъ потерею жены и друга. До какой степени всѣ силы души его были уничтожены, видно изъ того, что на него находила даже мысль, — страшно сказать, — лишить себя жизни. Онъ самъ объ этомъ говорилъ въ письмѣ къ другу своему, Ефиму Алексѣевичу Болховитинову, котораго копія сохранилась между его бумагами. Но милосердный Богъ, посылая испытанія, даетъ и силы переносить ихъ. Опомнясь отъ удара, надо было думать, какъ устроить домъ. Самая близкая и естественная мысль была пригласить къ себѣ мать покойной жены, мою бабушку, Елизавету Касперовну Энгель, съ которой и вошли въ сношеніе, а меня на первое время отдали на попеченіе вдовы Пальмъ, жившей гдѣ-то въ Кирочной, потому что дома некому было за мной ходить. Бабушка жила въ то время въ Кіевѣ, у другаго зятя своего, Фурмана, того самаго, за котораго батюшкѣ разъ досталось отъ князя Репнина, какъ упомянуто выше. За нимъ была единственная сестра моей матери. О Фурманѣ и его семействѣ будетъ еще говорено въ другомъ мѣстѣ. Негоціацію съ бабушкой о переѣздѣ ея въ Петербургъ взялъ на себя дядя Энгель, бывшій тогда съ княземъ Репнинымъ въ Вильнѣ. Онъ ѣздилъ для того въ Кіевъ, и по возвращеніи въ Вильно отдалъ батюшкѣ отчетъ въ своей поѣздкѣ, въ письмѣ, которое мы не безъ цѣли приводимъ здѣсь отъ слова до слова:

«Вильно, 25 января 1798. Вы, можетъ статься, знаете уже, милостивый благодѣтель, о непріятномъ случаѣ моего неприбытія въ Петербургъ: отъѣзжая въ Кіевъ, я чаялъ лишь проѣхать черезъ Вильно, но вмѣсто того нашелъ здѣсь княжее повелѣніе остаться. Прискакавши вчера весьма спѣшно, проспалъ я сегодня, и не успѣваю Вамъ подробностей моей коммисіи донесть, и предоставляю себѣ то на будущую почту; теперь же имѣю важнѣйшее для меня самаго повѣдать. Матушку нашелъ я хотя слава Богу здоровую, но въ великомъ отъ общей нашей потери

огорченіи. Я скоро узналъ истинное ея желаніе видѣть дѣтей Вашихъ, и намѣреніе ея, *коли для Васъ то пріятно будетъ и Вамъ нужнымъ покажется*, — точныя слова ея, — пріѣхать въ Петербургъ. Сказывала она мнѣ объ отвѣтѣ, который къ Вамъ писала, но тогда еще не могла ни на что рѣшиться. Нынѣ же я точно могу Васъ увѣрить, что она охотно поѣдетъ въ Петербургъ, и мнѣ ни малѣйшаго не стоило труда ее на то уговорить. Вотъ успѣхъ моей ѣзды, дай Боже, чтобы онъ былъ Вамъ угоденъ. Лишь просила меня матушка о скоромъ увѣдомленіи, и я въ чаяніи скораго въ Петербургъ прибытія обѣщалъ ей оное, и въ случаѣ Вашего согласія, прислать тотъ же часъ и человѣка, который бы ее, коли можно по зимнему еще пути, проводилъ. Я Вамъ собственно отдаю на разсужденіе, что въ семъ случаѣ дѣлать, и, конечно, не имѣю нужды просить, чтобы Вы вывели матушку изъ невѣдѣнія на счетъ будущаго ея житья. Но за себя позвольте мнѣ убѣдительно попросить увѣдомить меня о Вашемъ въ дѣлѣ семъ намѣреніи. Отъ него зависитъ во многомъ душевное мое спокойствіе, и я увѣренъ, что Вы ко мнѣ еще довольно милостивы, и не откажите мнѣ въ сей просьбѣ. Прощайте, милостивый благодѣтель мой, и *вѣрьте, что я на вѣкъ* благодарнѣйшій и преданнѣйшій Вашъ слуга. Энгель».

Мы увидимъ въ свое время, какъ свѣжо осталось въ памяти писавшаго это увѣреніе, когда пришлось пріютить осиротѣлаго сына его *милостиваго благодѣтеля*, и послѣдняго внука его матери.

Бабушка пріѣхала въ Петербургъ и поселилась въ домѣ батюшки, но не надолго, ибо скоро случилось слѣдующее.

У Марьи Ивановны Пальмъ, которой я былъ отданъ, были три пригоженькія дочери, Марія, Роза и Екатерина Андреевны, которыя попеременно со мной нянчились. Посѣщая меня часто, отецъ мой не могъ не познакомиться и не сблизиться съ хорошенькими нянькаии, изъ которыхъ младшая особенно ему нравилась. Помнящіе то время люди разсказываютъ разное объ этихъ отношеніяхъ; но вѣрно только то, что едва только мино-

валъ годъ траура, какъ отецъ мой женился на Екатеринѣ Андреевнѣ Пальмъ.

Этотъ второй бракъ отца моего имѣлъ самыя горестныя послѣдствія для нашей семьи; онъ отравилъ всю послѣдующую жизнь отца, и можетъ быть былъ причиною преждевременной его смерти. Екатеринѣ Андреевнѣ было тогда 16 или 17 лѣтъ,— она была болѣе 30 лѣтъ моложе отца. Она была весьма хороша собой, но кромѣ этого не имѣла ни одного качества, которое бы давало ей право быть подругою такого человѣка, какъ мой отецъ. Ума весьма ограниченнаго, образованія никакого, даже и внѣшняго, общественнаго,—характера тяжелаго, двуличнаго,—она не имѣла даже и той простой сердечной доброты, которою прикрываются многіе недостатки; да и нравственностью она была не Лукреція. Непостижимое увлеченіе страсти въ человѣкѣ подъ 50 лѣтъ! Можетъ быть видя, какъ нѣжна она со мной, какъ нянчится, подумалъ онъ, что она будетъ доброю матерью всѣмъ его дѣтямъ; но какъ жестоко онъ ошибся! Какимъ грустнымъ чувствомъ должна была наполняться душа его при воспоминаніи о моей матери, которую всѣ знавшіе ее описываютъ женщиною умною, образованною и ангельской души. Года два по кончинѣ отца, мачиха моя вышла замужъ за Завалишина, бывшаго лѣтъ сорокъ директоромъ Ассигнаціоннаго банка; онъ сторицею выместилъ на ней все претерпѣнное отъ нея отцемъ моимъ.

Когда отецъ женился, бабушкѣ уже не приходилось у него оставаться и она переѣхала къ своему сыну (Энгелю), перешедшему между тѣмъ на службу въ Петербургъ, сначала правителемъ канцеляріи Орденскаго Капитула, а потомъ директоромъ Вспомогательнаго Банка. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о моемъ дядѣ — Энгелѣ.

По тогдашнему обычаю былъ онъ записанъ семи лѣтъ въ Семеновскій полкъ капраломъ, въ 1778 г. произведенъ въ фурьеры, въ 1783 г. въ каптенармусы, а въ 1787 г., предъ окончаніемъ курса въ Университетѣ, уволенъ отъ службы поручикомъ. Въ томъ же году, какъ мы видѣли выше, опредѣленъ онъ въ

штабъ князя Репнина секретаремъ. Въ то время генеральскіе секретари удерживали военные чины, были въ нихъ производимы, участвовали въ дѣлахъ и получали награды за воинскіе подвиги. Такъ, дядя Энгель, кажется, за Мачинское дѣло получилъ Владиміра съ бантомъ, а дядя Панкратьевъ—Георгія. Въ 1791 г. произведенъ Энгель въ секундъ-маіоры Таврическаго гренадерскаго полка, въ 1795 въ премьеръ-маіоры, а въ слѣдующемъ уже году въ подполковники, и тогда же перешелъ въ гражданскую службу. О десятилѣтней его службѣ при князѣ Репнинѣ никакихъ подробностей до насъ не дошло; извѣстно только, что князь его очень любилъ, что̀ впрочемъ доказывается и быстрымъ его производствомъ. Еще быстрѣе была его карьера при Императорѣ Павлѣ. Въ 1798 г. произведенъ онъ въ коллежскіе совѣтники, черезъ годъ въ статскіе, съ переводомъ въ Иностранную Коллегію, въ 1801 г. 1 января въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а за нѣсколько дней до кончины Павла I назначенъ статсъ-секретаремъ. Впрочемъ, до назначенія еще въ это званіе имѣлъ онъ уже личный докладъ у Государя по дѣламъ Иностранной Коллегіи. О первомъ своемъ докладѣ разсказываетъ онъ слѣдующее. Иностранною Коллегіею управлялъ тогда графъ Ростопчинъ. Разъ, будучи нездоровъ, послалъ онъ вмѣсто себя къ Государю съ дѣлами дядю. Въ назначенное время отворяется дверь кабинета Государя; Кутайсовъ [14]), протягивая руку, говоритъ: «Ѳедоръ Ивановичъ, пожалуйте». Дядя, думая, что онъ требуетъ дѣла, подаетъ ему портфель, но Кутайсовъ беретъ его за руку и вводитъ въ кабинетъ, и вотъ дядя лицемъ къ лицу съ грознымъ царемъ, который ему говоритъ: «На силу-то, сударь, я вижу, что не бездѣлица за Вами волочиться» (къ чему это относилось не знаю). «Ну, начнемте, докладывайте!» Озабоченный и сконфуженный такою неожиданностію, дядя растерялся, едва могъ перевести духъ. Видя это, Государь говоритъ: «Не торопитесь, я вижу, Вы устали,

---

[14]) Кутайсовъ, извѣстный фаворитъ Императора Павла.

отдохните, вѣдь Вы мнѣ не на одинъ день нужны». Ну, словомъ, говорилъ дядя, такъ бы кажется только и цѣловаться съ нимъ въ засосъ!—Но всѣмъ было извѣстно, что такія розовыя минуты были только исключеніемъ. Ѣхать къ докладу было то же, что идти на сраженіе: не знаешь, чѣмъ оно для тебя кончится! Докладчики пріѣзжали обыкновенно за четверть часа до назначеннаго времени; это, говорили, на *лихорадку*. Въ послѣдствіи разсказывалъ мнѣ кн. Голицынъ (Александръ Николаевичъ) о моемъ дядѣ, объяснявшемъ ему эту лихорадку. У Императора Павла I на концѣ косы былъ волосокъ, который въ спокойномъ состояніи его духа держался прямо, а когда начинала въ немъ бродить желчь, то закручивался. Въ такія минуты Государь поминутно бралъ въ руки косу и разсматривалъ роковой волосокъ. Однажды, при докладѣ взглянулъ дядя на Государя и видитъ насупленныя брови, надутыя щеки и стиснутыя губы, съ которыми онъ разсматривалъ кончикъ косы; дядя такъ испугался, что чуть не потерялъ нити доклада и едва оправился. Къ счастію его, Государь, слишкомъ занятый своимъ волоскомъ, этого не замѣтилъ. Государь вообще благоволилъ къ дядѣ, но поднялась и для него черная туча. Это было въ самое послѣднее время царствованія, кажется даже, наканунѣ катастрофы. Докладывалъ дядя ноту, которую ему велѣно было написать въ Вѣну. Государь былъ уже очень не въ духѣ, недоволенъ работой, находилъ, что нота не передаетъ его мыслей, написана не въ томъ рѣшительномъ тонѣ, какъ онъ приказывалъ, и пр. «Виноватъ, Государь, я можетъ быть не понялъ», сказалъ дядя. — «А! Вы не поняли? Однакожъ Вы умѣете понимать, когда захотите. Такъ я Васъ, сударь, выучу понимать мои приказанія», и пошло и пошло. Но замѣчательнѣе всего то, что въ продолженіе этой гнѣвной выходки, Кутайсовъ, тутъ же бывшій, трепалъ Государя по плечу, приговаривая: «Ну, ничего, ничего, ужъ мы его, ужъ мы его». Не знаю къ чему, и къ кому эти слова относились, говорилъ дядя. Вышедъ изъ кабинета Государя, дядя встрѣчаетъ Императрицу, которая по лицу его сейчасъ догадалась, что было что-то неладно.

«Il parait que vous avez eu une séance orageuse» (Вы, кажется, имѣли бурную аудіенцію), говоритъ она.—«Oui, Madame, l'Empereur est extrêmement irrité, si Votre Majesté pouvait le calmer» (да, Государыня, Государь очень сердитъ; если бы Вы могли его успокоить). На другой день везетъ дядя исправленную ноту къ докладу, уже прямо въ лихорадкѣ, и думаетъ: куда-то придется оттуда отправляться? Ужъ на пути къ Михайловскому замку удивляетъ его необыкновенное движеніе на улицахъ: кареты снуютъ туда и сюда, встрѣчается то тотъ, то другой. Въ замкѣ ужасная конфузія. — Государь скончался. Непонятные взгляды, фразы, намеки... Ѣдетъ онъ домой, и за кофеемъ и трубкой ждетъ развязки.

Пріѣзжаютъ отецъ мой, дядя Панкратьевъ, другіе, — все объясняется. Выпили за здравіе юнаго Царя! — Тетка Елизавета Ивановна задумчиво смотритъ и слушаетъ, покачивая головой. «Вы всѣ знаете, чѣмъ Вы обязаны покойному Государю; посмотримъ еще каково-то будетъ житье съ новымъ». Женскій инстинктъ, какъ часто бываетъ, и при этомъ случаѣ былъ дальновиднѣе ума умниковъ. Ни одинъ изъ присутствовавшихъ не ушелъ далеко въ новое царствованіе. Дядя Энгель, во все 25-лѣтнее царствованіе, получилъ только двѣ награды, Анну 1-ой ст., въ день бракосочетанія Великой Княгини Екатерины Павловны, и чинъ тайнаго совѣтника въ 1810 г. Въ первые годы Императоръ Александръ былъ къ нему милостивъ, пріѣзжалъ даже къ нему пить чай, но скоро послѣдовало отчужденіе. Первымъ признакомъ этого была откомандировка въ экспедицію Пустошкина въ 1807 г. на Требизондъ [15]), въ которой Бѣгичевъ командовалъ десант-

---

[15]) Относительно этой экспедиціи, сообщены намъ изъ дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1807 году генеральный консулъ въ Требизондѣ (Рубо-де-Понтеве) представилъ записку о пользѣ для Россіи захватить Анатолію съ тѣмъ, чтобы провинцію эту присоединить къ Имперіи, или образовать изъ нея отдѣльное самостоятельное владѣніе подъ управленіемъ Таяръ Бея, весьма преданнаго Россіи и занимавшаго тогда постъ анатолійскаго губернатора по назначенію отъ Турціи. Главнѣйшею политическою вы-

ными войсками, а на дяду возложена была дипломатическая часть. По возвращеніи оттуда, вступилъ онъ въ прежнюю должность докладчика, по Иностранной Коллегіи, дѣлъ неполитическихъ, писемъ на Высочайшее Имя изъ заграницы и пр., а при преобра-

---

годою отъ такого предпріятія признавалась возможность пользоваться, въ видахъ нашихъ, вліяніемъ Таяръ Бея на турецкихъ губернаторовъ кавказскаго побережія и Ерзерума, и даже имѣть въ немъ лице, всегда готовое, съ незначительною помощью съ нашей стороны безпокоить Турцію и Персію. Затѣмъ изложены и другія второстепенныя выгоды, а именно: 1) Возможность вывесть изъ Анатоліи значительное количество жителей, преимущественно греческихъ семействъ для заселенія Крыма. 2) Пріобрѣтеніе значительной флотиліи съ 9000 опытныхъ и отважныхъ матросовъ. 3) Обширныя пространства корабельныхъ лѣсовъ. Записка эта произвела такое впечатлѣніе, что для осуществленія мысли Рубо-де-Понтеве въ маѣ 1807 года была снаряжена съ большою поспѣшностью экспедиція, состоявшая изъ 33 судовъ разныхъ наименованій, въ числѣ коихъ 4 корабля и 5 фрегатовъ. Главное начальствованіе надъ этою эскадрою, на которой, кромѣ 5894 чиновъ морскаго вѣдомства, находилось еще 2612 человѣкъ сухопутныхъ десантныхъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣгичева, было возложено на контръ-адмирала Пустошкина. При экспедиціи находился также Дѣйств. Ст. Сов. Энгель съ нѣсколькими чиновниками. Въ инструкціи, данной Энгелю, предписывалось: 1) По взятіи Требизонда принять на себя главное начальство надъ областью, поручивъ управленіе гражданскою и политическою частями бывшему тамъ генеральному консулу нашему, Рубо-де-Понтеве, на дружескія отношенія коего къ мѣстнымъ турецкимъ властямъ возлагались особыя надежды. 2) Французскихъ консуловъ и вообще французовъ выслать или въ Константинополь или къ нашимъ берегамъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ отечество. 3) Привести въ исправность укрѣпленія. 4) Составить изъ мѣстныхъ грековъ и вообще христіанъ особый отрядъ въ случаѣ нужды обороны отъ непріятеля. 5) Завязать дружескія сношенія съ турецкими властями черноморскаго побережія. 6) Содѣйствовать переселенію въ Крымъ возможно большаго числа Христіанскихъ семей. На чрезвычайные расходы г. Энгеля отпущено 3500 голландскихъ червонцевъ. Эскадра выступила изъ Севастополя 31 мая 1807 г., но приближаясь къ Требизонду, встрѣтила противные вѣтры и была отнесена ими къ Платани, гдѣ обстрѣливала городскія батареи и взяла въ плѣнъ 2 купеческихъ судна. Отойдя затѣмъ въ Требизондъ, она встрѣтилась съ чрезвычайно неблагопріятными вѣтрами и, убѣдившись, что качество морскаго дна не даетъ возможность надежной стоянки судовъ, при свирѣпствовавшихъ буряхъ, и ставитъ ихъ въ опасность быть выброшенными на берегъ, удалилась, а по рѣшенію военнаго совѣта отъ 12 іюня отплыла обратно въ Севастополь; это было тѣмъ болѣе необходимо, что расположеніе жителей Требизонда оказалось намъ вполнѣ враждебнымъ. Маркизъ-де-Траверсе морской министръ) былъ въ отчаяніи отъ неблагопріятнаго (исхода предпріятія и выражалъ мнѣніе, что экспедицію слѣдовало бы повторить, если бы не опасенія появленія противъ насъ сильнаго турецкаго флота въ Черномъ морѣ.

зованіи Государственнаго Совѣта 1-го янв. 1810 назначенъ Статсъ Секретаремъ Департамента Экономіи. Личные доклады кончились, и началась служба чисто канцелярская, работа неблагодарная, которая не могла ему не надоѣсть. Къ этому присоединились домашнія дѣла, о которыхъ скажемъ ниже. Все это понуждало его удалиться изъ Петербурга. Въ 1819 выпросилъ онъ себѣ мѣсто градоначальника въ Ѳеодосіи, но уже въ слѣдующемъ году былъ отозванъ, вслѣдствіе какихъ-то столкновеній съ военнымъ вѣдомствомъ, и посаженъ въ Сенатъ. Императоръ Николай Павловичъ, въ началѣ искавшій повсюду способныхъ дѣятелей, и также между людьми заброшенными въ прежнее царствованіе, обратилъ на него вниманіе, употреблялъ по разнымъ дѣламъ, въ 1828 назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній. Въ 1829 и 30 гг. дядя управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ за отсутствіемъ министра. Во время Польскаго мятежа 1831, онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Временнаго Правленія Царства Польскаго. По возвращеніи изъ Варшавы 1832 г. предсѣдательствовалъ до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 1837 г., въ Департаментѣ Польскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта.

Энгель былъ человѣкъ ума необыкновеннаго. Хотя, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, онъ и очень молодымъ вышелъ изъ Университета, но вынесъ оттуда весьма солидное образованіе, и не переставая работать умственно въ продолженіе всей своей жизни, пріобрѣлъ обширныя, многостороннія свѣдѣнія. Умная его бесѣда, любезность обращенія, тонъ высшаго общества, хорошія манеры (de grandes manières) пріобрѣли ему многочисленныхъ друзей. Съ кѣмъ изъ его современниковъ ни случалось мнѣ говорить о немъ въ послѣдствіи, всѣ отзывались о немъ, какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей той эпохи. Одного, важнѣйшаго, ему не доставало,—характера, того рыцарскаго духа, который побуждаетъ человѣка убѣжденія свои ставить выше личныхъ разсчетовъ. Этотъ недостатокъ былъ можетъ

быть въ связи съ отсутствіемъ религіозныхъ убѣжденій, которыя замѣнялись въ немъ совершеннымъ индифферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры. Сослуживцы его по Государственному Совѣту, Коммисіи Прошеній и пр. разсказывали, что первая его мысль, первый взглядъ на вещи всегда были свѣтлы, правдивы, практичны, но ему не доставало характера поддерживать и проводить ихъ. Малѣйшее препятствіе его обезкураживало, онъ махалъ рукой, laissait faire, и подписывалъ противъ своего убѣжденія. Въ Совѣтѣ (Государственномъ) его никогда не слышали говорящимъ. Эта безхарактерность, сгубивъ его государственное значеніе, не допустила его быть счастливымъ въ частной жизни. Не взирая на всѣ убѣжденія бабушки, онъ, будучи въ зрѣлыхъ лѣтахъ, никогда не рѣшался жениться, хотя между лучшими невѣстами для него могло быть только затрудненіе въ выборѣ. Онъ всегда довольствовался метрессами, отъ одной изъ которыхъ, г-жи Фризель (M-me Frisel), имѣлъ дочь Надежду, въ послѣдствіи баронессу Розенъ.

Покуда жила бабушка, всѣ такія связи прикрывались завѣсою приличія; когда ея не стало, этотъ слабый человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться жертвой первой попавшейся гетеры. Въ 1808 г. познакомился онъ съ Анной Карловной Адамовичъ, женой отставнаго маіора морскихъ батальоновъ. Эту даму знали многіе изъ нашихъ моряковъ, когда она жила съ мужемъ въ Кронштадтѣ, и помнили, какъ однажды учредитель и старшина Кронштадтскаго клуба, Иванъ Петровичъ Бунинъ [16]), вывелъ ее изъ собранія за неприличное поведеніе; это обстоятельство, много лѣтъ спустя, когда дядя управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, а Бунинъ былъ инспекторомъ нѣмецкихъ колоній около Петербурга, дало поводъ къ комическимъ опасеніямъ Бунина мести, со стороны дяди. Связь эта продолжалась года два, какъ всѣ прежнія; но въ 1810 г. дядя, уже совершенный рабъ

---

[16]) Дочь Бунина, Александра Ивановна, была замужемъ за Александромъ Карловичемъ Гирсомъ.

своей любовницы, долженъ былъ взять ее къ себѣ въ домъ. Я помню живо эту сцену, когда онъ вывелъ ее къ обѣду, и à la Louis XIV, представилъ обществу comme sa maîtresse en titre (какъ свою оффиціальную метрессу). Съ этого времени она завладѣла всѣмъ домомъ. Нахлынула многочисленная сволочь ея родныхъ и знакомыхъ, а всѣ прежніе, натурально, его оставили, и бѣдный дядя мой, соединявшій въ себѣ всѣ условія, чтобы основать блистательнѣйшій домъ въ Петербургѣ, сжатый въ желѣзныхъ лапахъ своей Ксантипы, уже никогда не могъ вырваться изъ этого заколдованнаго круга. Подобные примѣры къ несчастію не рѣдки! Многіе замѣчательные люди... испытали такую же жалкую участь. Къ чему умъ, къ чему самыя блестящія дарованія, когда нѣтъ въ основѣ твердаго характера! По возвращеніи изъ Крыма, Анна Карловна явилась уже законною супругою, какъ г-жа Энгель, хотя никому не было извѣстно, когда и гдѣ совершился бракъ. Прошли годы, и десятки лѣтъ, старое забылось, образовался около дяди кое какой, болѣе приличный кружокъ, среди котораго единообразно и мрачно доживалъ онъ послѣдніе годы.

Я вошелъ во всѣ эти подробности о моемъ дядѣ потому, что онѣ имѣли вліяніе и на мою судьбу.

Переѣхавъ къ сыну, бабушка взяла и меня къ себѣ. Подъ ея крыломъ оставался я покуда меня отдали въ школу, въ 1804 году. Обо всемъ этомъ періодѣ остались во мнѣ только самыя смутныя воспоминанія. Однакожъ нѣкоторые моменты сохранились въ памяти. Я помню, что комната моя была возлѣ кабинета дяди Энгеля, и когда я закапризничаю, то дядя постучитъ только въ двери, и я примолкну. Я боялся дяди, меня имъ пугали; «вотъ увидитъ дядя, надастъ тебѣ *щипанцевъ*», говаривала бабушка. Помню встрѣчу на улицѣ съ Императоромъ Павломъ; нянька, вышедши со мной на рукахъ изъ саней, сняла съ меня шапку и говоритъ: кланяйся, батюшка! А я во все горло: здравствуй Государь! Нянька перетрусила, пріѣзжаетъ домой, говоритъ бѣда случилась, думала, что меня съ ней по крайней мѣрѣ въ Сибирь

сошлютъ. Помню церемонію погребенія Императора, которую мы смотрѣли изъ дома Кусова, у Тучкова моста (нынѣ больница Маріи Магдалины). Не помню, учили ли меня въ это время чему нибудь, должно быть, что учили, потому что, поступая въ пансіонъ, я умѣлъ уже кое-какъ читать и марать каракульки перомъ. Содержатель пансіона былъ Ефимъ Христофоровичъ Мейеръ, прежде учитель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Какъ теперь смотрю на грозную его фигуру, высокій, худой, смуглый, съ большимъ орлинымъ носомъ; напудренная голова, букли и предлинная коса. Въ существѣ былъ онъ не дурной и не злой человѣкъ, но по педагогической системѣ того времени считалъ палку альфой и омегой всего воспитанія,—буквально палку, потому что экзекуціи свои производилъ не розгами, а тоненькими камышевыми тросточками. Онъ слѣдовалъ правилу премудраго Соломона, только съ маленькимъ измѣненіемъ въ редакціи: «кто любитъ своего сына, тотъ не жалѣетъ своей палки». Это и просто, и не хлопотливо, и дешево. Пансіонъ нашъ въ свое время былъ на хорошемъ счету, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что товарищемъ нашимъ былъ одно время, хотя и не долго, Алексѣй Перовскій, въ послѣдствіи попечитель Харьковскаго Университета и писатель подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Посѣщенія отца его, графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, бывали у насъ всегда эпохой, по благовонію, распространявшемуся по всему дому отъ его платковъ и всей его персоны. Кромѣ его и дипломата Габбе (Habbe), да еще канатнаго фабриканта Гота и Карла Марша, въ послѣдствіи кавалериста, не помню, чтобы съ кѣмъ нибудь изъ соучениковъ моихъ случилось мнѣ позже встрѣчаться на пути жизни. Ученики были по большой части изъ коммерческихъ домовъ. Пансіонъ помѣщался у Тучкова моста, на углу переулка, отдѣлявшаго его отъ дома Кусова. Домъ этотъ болѣе полустолѣтія оставался въ прежнемъ видѣ, и недавно только совершенно перестроенъ.

Въ пансіонѣ оставался я до кончины батюшки, около 4-хъ

лѣтъ. Что сказать объ этомъ времени? Лучшею характеристикою его будетъ, если скажу, что этотъ періодъ, какъ и вообще все мое дѣтство, не оставилъ во мнѣ ни одного пріятнаго воспоминанія, ни одного изъ тѣхъ воспоминаній, которыя, въ воображеніи большей части людей, рисуютъ дѣтство въ такомъ розовомъ цвѣтѣ. Не знать ласкъ матери есть уже большое несчастіе. Но меня, кромѣ бабушки, никогда никто не ласкалъ. Бабушка называла меня своимъ Herzens-Blättchen (любимцемъ сердца). Но и отъ нея я былъ удаленъ уже въ томъ возрастѣ, когда ясное самосознаніе начинаетъ только развиваться. Будучи у Мейера полнымъ пансіонеромъ, я приходилъ домой только по праздникамъ, и на каникулы. Просидя шесть дней въ четырехъ стѣнахъ, въ седьмой находилъ я дома тѣ же четыре стѣны, и въ нихъ отца серіознаго, озабоченнаго, и какъ бы не обращавшаго на меня никакого вниманія. Я не помню, чтобы онъ когда нибудь меня приласкалъ, хотя бы потрепалъ по щекѣ, но *трёпку* другаго рода мнѣ случалось испытывать, большею частію по наговорамъ мачихи. Неестественно, невозможно, чтобы человѣкъ религіозный, въ душѣ добрый, не пропускавшій никогда случая сдѣлать добро ближнему, оставившій по себѣ славу человѣка благотворительнаго, невозможно, чтобы такой человѣкъ, какимъ былъ мой отецъ, могъ не любить кого нибудь изъ дѣтей своихъ. Есть примѣры, что отцы не любили, не могли заставить себя любить своихъ дѣтей, причинившихъ смерть ихъ матерей. Ничего подобнаго невозможно предположить въ отцѣ моемъ. Онъ назвалъ меня при рожденіи своимъ Веньяминомъ, — Benön (это мое второе имя), das Kind meines Schmerzes (дитя моей скорби). Есть отцы, которые, по принципу, не ласкаютъ и не хвалятъ своихъ дѣтей, чтобы ихъ не избаловать. Отецъ мой, можетъ быть, держался этого правила. Какъ бы то ни было, но въ памяти моей остался одинъ только случай, что отецъ обратилъ на меня вниманіе. Когда мнѣ было лѣтъ девять, послали насъ смотрѣть галлерею восковыхъ фигуръ, въ которой меня особенно фрапировала група, изображавшая весьма извѣстный сюжетъ: старика въ темницѣ, осужден-

наго на голодную смерть, котораго дочь кормитъ грудью. Услышавъ, что мнѣ болѣе всего понравилось, отецъ приказалъ мнѣ разсказать эту исторію. Еще подъ вліяніемъ сюжета, глубоко меня тронувшаго, я разсказалъ ее гладко, связно, и съ чувствомъ. Отецъ слушалъ меня внимательно, и когда я кончилъ, обратился къ старшему брату со словами: видишь, Евгеній! Брату было тогда за 20 лѣтъ. Слабый, болѣзненный, нервно-раздражительный съ самаго дѣтства, онъ мало утѣшалъ отца. Можетъ быть къ этому относилось краткое замѣчаніе его на мой разсказъ.

Что я изъ школы не вынесъ никакого пріятнаго воспоминанія, это очень натурально. Я былъ младшій изъ воспитанниковъ: при оставленіи пансіона мнѣ было не болѣе $10\frac{1}{2}$ лѣтъ. Стало быть товарищества, я ни съ кѣмъ связать не могъ, да и вообще товарищества у насъ не было; самая система воспитанія не допускала его образоваться. И теперь еще мало такихъ воспитательныхъ заведеній, гдѣ бы обращаемо было должное вниманіе на нравственное и физическое развитіе дѣтей; что же было за 60 лѣтъ назадъ? Въ промежутки между классами мы сидѣли въ тѣхъ же классахъ, или долбя уроки, или ничего не дѣлая. Не было ни рекреацій, ни игръ, столь необходимыхъ въ юномъ возрастѣ; да не было для нихъ и мѣста; не было даже веселыхъ разговоровъ или бесѣдъ. Только что раздается чей нибудь голосъ, сейчасъ въ отвѣтъ ему изъ сосѣдней комнаты грозный голосъ Мейера «Ruhig» (тише или молчать). Гулять насъ тоже не водили. Шалостей такая система не предупреждала, но шалости эти были тайныя, дрянныя, вялыя, ничего такого, въ чемъ бы по крайней мѣрѣ могло обнаружиться молодечество. Учебная система была столь же мало раціональна. Механическое затверживаніе уроковъ, и ничего болѣе. Результатомъ 4-хъ лѣтняго моего пребыванія въ школѣ было весьма плохое лепетаніе по нѣмецки, по французки и по англійски, 4 правила ариѳметики съ именованными числами и дробями, да изъ географіи названія главныхъ странъ и городовъ. При всей этой учености, я былъ физически и

умственно совершенно не развитъ. Отъ недостатка постоянныхъ тѣлесныхъ упражненій, я былъ слабосиленъ, хотя и здоровъ; неувѣренность въ себѣ дѣлала меня боязливымъ, застѣнчивымъ, ненаходчивымъ. Однажды послалъ меня отецъ съ письмомъ къ купцу Водовозову, жившему на одномъ дворѣ съ нашимъ пансіономъ. Была осень, гололедеца и сильный вѣтеръ. Въ 1-й линіи попалъ я на скользкое мѣсто, на которомъ никакъ не могъ справиться съ вѣтромъ, и не придумалъ ничего лучшаго, какъ остановиться, и плакать, покуда одинъ прохожій не взялъ меня за руку и не помогъ добраться до угла.

О нравственной развитости и говорить нечего. Никогда и ни отъ кого не слышалъ я ни слова о правдивости и честности. Сдѣлавъ какую нибудь шалость, первою мыслью былъ страхъ наказанія; а потомъ, — какъ бы отъ него увернуться, хотя бы и въ ущербъ правдѣ. Я былъ вспыльчивъ, обидчивъ, недотрога, и какъ всѣ слабые любилъ дуться. Somme toute, — я былъ совсѣмъ дрянной мальчикъ.

Недостатки первоначальнаго воспитанія, и совершенное отсутствіе воспитанія послѣ того, отозвались на всю послѣдующую мою жизнь. Много работы стоило мнѣ, въ тяжкой школѣ опыта, чтобы избавиться отъ этихъ недостатковъ,—не знаю, избавился ли я отъ всѣхъ.

Здоровье отца моего все болѣе разстроивалось. Не знаю, въ чемъ состояла его болѣзнь, но не помню его иначе, какъ на лѣкарствѣ. За годъ до кончины, находилъ онъ самъ состояніе свое серіознымъ и писалъ объ этомъ брату своему Александру, выражая заботу о томъ, куда дѣнется дочь его Наталія, когда его не станетъ. Это видно изъ отвѣтнаго письма дяди, у меня сохранившагося. Въ началѣ 1808 г., онъ серіозно занемогъ; въ послѣдній разъ видѣлъ я его, сидящаго въ креслахъ, худаго, молчащаго, и только могъ поцѣловать его руки. 8-го марта онъ скончался. Я былъ въ школѣ; за мной прислали, когда уже все было кончено, и я остался безъ предсмертнаго отцовскаго благословенія. Кому было обо мнѣ подумать?

Какъ молодъ и неразвитъ я ни былъ, но то, что меня встрѣтило, когда я пришелъ домой, на вѣки врѣзалось въ мою память. Въ залѣ, на столѣ лежитъ отецъ; лакей поднялъ меня, чтобы поцѣловать его руку; дрожь пробѣжала по моимъ жиламъ. Я не плакалъ, какъ будто не могъ себѣ отдать отчета въ томъ, что все это значило. Въ сосѣдней столовой комнатѣ нѣсколько знакомыхъ и подчиненныхъ отца; за нѣсколькими столами пишутъ (извѣщеніе объ его смерти), весело разговаривая и смѣясь. Никого изъ своихъ, ни отъ кого ни слова участія, ни даже какого нибудь вниманія. Мачиха и старшая сестра больныя въ своихъ спальняхъ; послѣдняя дѣйствительно схватила горячку, отъ которой не скоро оправилась. Обѣ другія мои сестры были тогда въ институтѣ. Смерть представилась, въ первый разъ, ребенку въ самой холодной, прозаической своей обстановкѣ. Я былъ ошеломленъ, но не тронутъ душевно. Однакожъ этотъ день и послѣдующія событія сдѣлали на меня глубокое впечатлѣніе, и когда я пришелъ въ себя, то глубоко почувствовалъ свою потерю. При всемъ легкомысліи дѣтства, тоска и грусть долго меня не оставляли.

Пришелъ день выноса. Мы были собраны въ комнатѣ больной сестры. Какой-то шутникъ (тогда они были въ модѣ), разными буфонствами, старался развеселить компанію. Вдругъ сестра, въ бреду, вскакиваетъ и бросается въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ; её насилу удержали. При началѣ церемоніи её привели къ тѣлу, посадили на стулъ. Докторъ Гассе (Hasse) говоритъ суперинтенденту Рейнботу: Machen Sie die Sache schnell ab (дѣлайте поскорѣй). Домъ опустѣлъ на другой день похоронъ. Мы ѣхали въ каретѣ съ мачихой, съ которой безпрестанно дѣлались истерики. До кладбища не доѣхали. Отца положили возлѣ матери. Мѣсто его покоя многіе десятки лѣтъ оставалось ничѣмъ не означеннымъ. Теперь поставленъ надъ нимъ памятникъ [17]).

---

[17]) Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ гр. Өедоръ Петровичъ описываетъ, какъ онъ, когда сдѣлался самостоятеленъ, устроилъ мѣсто погребенія своего

Судьба не дала отцу моему обширной сферы общественной дѣятельности, но память его долго сохранялась въ многочисленномъ кругѣ его друзей и лицъ, имъ облагодѣтельствованныхъ. Не занимая самъ высокаго государственнаго поста, отецъ мой, по связямъ своимъ со многими вліятельными лицами, имѣлъ часто случай дѣлать добро, и никогда не пропускалъ такого случая. Въ теченіи многихъ лѣтъ по кончинѣ его, случалось мнѣ не рѣдко встрѣчать людей, мнѣ незнакомыхъ, которые узнавъ, кто былъ мой отецъ, низкимъ поклономъ отдавали почтеніе его памяти.

Доброе имя было единственное, но драгоцѣнное наслѣдство, оставленное имъ дѣтямъ. Его домъ, въ которомъ онъ послѣднее время жилъ и умеръ (на В.-О., по Большому проспекту, между 3 и 4 лин.), былъ имъ самимъ проданъ Бухмейеру. Архитекторъ Брюловъ, купившій его у послѣдняго, совершенно его перестроилъ и продалъ теперешнимъ владѣльцамъ. Никогда не прохожу я мимо него безъ особеннаго чувства. Я помышлялъ когда-то о пріобрѣтеніи его. Но теперь я слишкомъ къ тому старъ, а для дѣтей не можетъ онъ имѣть той цѣны.

Ни вдовѣ, ни дѣтямъ батюшки не было назначено никакой пенсіи. Можетъ быть это было и согласно съ закономъ, но вѣроятно также, что причиною тому было и нерасположеніе къ нему тогдашняго Министра Коммерціи, графа Румянцева. Отношенія между ними были весьма натянутыя. При этомъ приходитъ мнѣ на память анекдотъ, слышанный мною отъ старика Карла Николаевича Берда (одного изъ тѣхъ почитателей батюшки, о которыхъ я упомянулъ выше). Однажды гр. Румянцевъ предложилъ батюшкѣ выдти въ отставку. Батюшка отвѣтилъ: «я подожду, чтобы Ваше Сіятельство показали мнѣ примѣръ». Такой отвѣтъ не могъ расположить министра къ попеченію объ его се-

---

семейства (на Волковомъ кладбищѣ, въ лютеранскомъ отдѣленіи, близъ дома смотрителя, гдѣ былъ погребенъ и самъ графъ Ѳедоръ Петровичъ подлѣ своей жены), поставилъ памятникъ на могилѣ отца, и какъ долго и много озабочивало его это дѣло.

мействѣ. Репнина тогда давно не было въ живыхъ; Трощинскій былъ въ отставкѣ.

Unglück kommt nie allein (пришла бѣда, отворяй ворота). Немногія семейства испытали справедливость этой пословицы въ такой степени, какъ наше, въ разныя эпохи. За батюшкой послѣдовала чрезъ два мѣсяца и бабушка, скончавшаяся въ маѣ, 63-хъ лѣтъ отъ рожденія. Сколько я помню, бабушка не была хворою женщиною; мнѣ памятна одна только серіозная ея болѣзнь. Но смерть моего отца, котораго она нѣжно любила, была для нея ударомъ свыше силъ ея. Останки ея преданы землѣ по близости моей матери. При этомъ случаѣ увидѣлъ я, въ первый разъ, памятникъ надъ могилой матушки. Сколькихъ милыхъ сопроводилъ я послѣ того къ тому же мѣсту упокоенія! На долго ли отсроченъ и мой путь туда же?

Добрая бабушка была нашимъ провидѣніемъ. Съ потерей ея мы совершенно осиротѣли. Куда дѣваться сиротамъ? Насъ разобрали дяди. П. П. Панкратьевъ взялъ къ себѣ въ Кіевъ старшую сестру Наталью; двухъ младшихъ, Анну и Елизавету, которыхъ по кончинѣ батюшки взяли изъ Екатерининскаго института (какъ меня изъ пансіона, потому что некому было за насъ платить), увезъ къ себѣ дядя Александръ Ивановичъ въ Радзивиловъ. Меня же взялъ къ себѣ дядя Ѳедоръ Ивановичъ Энгель.

Самые критическіе въ жизни человѣка отроческіе годы были для меня и самые несчастные. Дядя взялъ меня къ себѣ, но какъ берутъ съ улицы мальчика, чтобы не дать ему умереть съ голоду. Онъ не обращалъ на меня никакого вниманія, какъ развѣ для того только, чтобы меня побранить или выдрать за уши. Я оставался безъ всякаго надзора, безъ всякаго руководства, не имѣлъ ни одного учителя,—и все это съ 11 до 15 лѣтъ! Потерю такихъ 4 лѣтъ я никогда уже послѣ не могъ вознаградить никакими трудами. Я назвалъ себя выше дряннымъ мальчикомъ, я можетъ и былъ такимъ, но я имѣлъ хорошія умственныя способности и жажду познаній, которая именно въ эту пору

стало во мнѣ развиваться. Въ рукахъ хорошаго наставника изъ меня могло бы выдти что нибудь путное. Я не упрекаю дядю за то, что онъ не приставилъ ко мнѣ гувёрнера; очень вѣроятно, что онъ не имѣлъ на то средствъ, потому что всегда былъ въ финансовыхъ затрудненіяхъ и жилъ долгами, пока не прибрала къ своимъ рукамъ вмѣстѣ съ нимъ и дѣла его помянутая выше дама. Но не понятно, и можетъ быть только объяснено совершенною безпечностію, отчего онъ не отдалъ меня въ какой нибудь корпусъ, что̀ для него было бы весьма легко, тѣмъ болѣе, что не задолго до кончины батюшки была написана уже просьба о принятіи меня въ морской корпусъ. Но объ этомъ я не сожалѣю; потому что въ корпусѣ не вышло бы изъ меня вѣроятно и того, что я многолѣтнимъ трудомъ самъ изъ себя выработалъ. Если я послѣ, во всю мою жизнь, много работалъ, то можетъ быть обязанъ этимъ тяжкой четырехълѣтней школѣ, въ которой былъ предоставленъ самому себѣ. Но такая автодидактическая работа рѣдко приводитъ къ какому нибудь полному результату. Не имѣя прочнаго основанія въ предварительномъ, серіозномъ ученіи, умъ кидается на все и не доводитъ ничего до конца; огромный капиталъ времени и умственныхъ силъ потрачивается не производительно, развитость его остается всегда незаконченною. Такъ было и со мной. Меня все интересовало, я брался за все, но всѣ пріобрѣтенныя свѣдѣнія были отрывочныя, заимствованныя; изъ себя произвести я никогда ничего не могъ. Попадись я въ то время въ руки хотя бы какого нибудь нѣмецкаго педанта, который бы посадилъ меня за латынь, то, при моихъ способностяхъ, изученіе древнихъ языковъ было бы для меня легко, и основаніе къ классическому образованію было бы положено. То же долженъ я сказать о математикѣ. Затѣмъ, съ самаго дѣтства обнаруживалось во мнѣ музыкальное расположеніе; я легко удерживалъ всякую мелодію, пытался, когда былъ случай, брянчать на фортепіано. Нѣсколько музыкальныхъ уроковъ въ то время могли бы сдѣлать изъ меня музыканта. Но все это оставалось подавленнымъ, погребеннымъ. Само собою разумѣется,

что при такой обстановкѣ не обращаемо было никакого вниманія на образованіе моего характера, на внушеніе мнѣ правилъ чести и нравственности, на религіозное воспитаніе, и столь же мало на упражненія, столь необходимыя для тѣлеснаго развитія. Обо всемъ этомъ никто и не думалъ. Въ продолженіе всей моей жизни было это предметомъ глубокаго для меня сокрушенія; и теперь, въ старости, не могу я безъ грусти подумать объ этихъ несчастныхъ четырехъ годахъ.

Первое лѣто (1808) жили мы на маленькой дачѣ на Каменно-островскомъ проспектѣ, на углу перваго переулка отъ Карповскаго моста, на лѣво. Присматривалъ за мной Петръ Ивановичъ Петерсонъ, бывшій нѣчто въ родѣ приватнаго секретаря дяди, завѣдывавшій въ то же время и хозяйствомъ его. Это былъ человѣкъ добрый, но болѣзненный, слабый, и ни сколько не способный, ни словомъ, ни примѣромъ, имѣть какое-нибудь полезное вліяніе на ребенка. Да еще заботилась обо мнѣ старая моя нянька Настасья, которая еще няньчила и дядю. Къ осени переѣхали мы въ домъ Барбазона, на углу Владимірской и Невскаго проспекта, противъ Вшивой Биржи. Тутъ дядя вздумалъ дать мнѣ товарищей. Мысль хорошая, еслибъ съ ней соединились два необходимыя условія: хорошій выборъ товарищей и назначеніе имъ опредѣленныхъ занятій подъ путнымъ руководствомъ. Ни того, ни другаго не было.

Былъ у дяди товарищъ по университету, В. М. Б. [18]), съ которымъ онъ, съ самаго того времени, былъ въ пріятельской связи. Этотъ Б. былъ женатъ на актрисѣ или танцовщицѣ Московскаго театра, съ которою еще до брака прижилъ пятерыхъ дѣтей, 4 сына и дочь. Младшіе изъ сыновей его, и были сдѣланы моими товарищами, впрочемъ на одну только зиму, вѣроятно потому, что ихъ родители увидѣли, что изъ этого товарищества ни для ихъ дѣтей, ни для меня никакого толку не выходило. Чтобы дать

---

[18]) Сынъ его впослѣдствіи женился на старшей дочери сестры графа Ѳедора Петровича.

понятіе о томъ, какъ мы жили, надо сказать о расположеніи комнатъ. Изъ прихожей на лѣво, во первыхъ, столовая, потомъ нѣсколько комнатъ, гдѣ помѣщалась канцелярія и жилъ Петерсонъ, и еще нѣсколько другихъ комнатъ. На право, во первыхъ, наша комната, потомъ гостиная, кабинетъ дяди и пр. При этомъ расположеніи квартиры, пріѣзжавшіе къ дядѣ должны были проходить черезъ нашу комнату; черезъ нее также шли къ столу. Въ нашей комнатѣ поставленъ былъ широкій турецкій диванъ, на которомъ мы всѣ спали въ повалку. Тутъ мы умывались, одѣвались и проводили весь день, ничего не дѣлали, только дурачились и дрались, — или, справедливѣе сказать, меня били, какъ младшаго изъ всѣхъ и слабѣйшаго. Въ особенности въ этомъ отличался одинъ изъ сыновей Б., мальчикъ грубый, вздорливый, и уже тогда совершенно испорченный; Андріанъ былъ поскромнѣе, и съ нимъ мы кое-какъ уживались. Побоище кончалось тѣмъ, что я расплачусь, на крикъ придетъ дядя или кто нибудь другой, и мнѣ же доставалось. Постояннаго надзора не было за нами никакого; постоянныхъ занятій — тоже. Мы безпрестанно якшались съ лакеями и курьерами, сидѣвшими въ сосѣдней передней. Можно вообразить, чего я тутъ насмотрѣлся и наслышался. По воскресеньямъ ходили мы обѣдать къ Б. гдѣ, по крайней мѣрѣ, приласкивала меня иногда хозяйка, женщина простая и совершенно необразованная, но незлобивая.

Изъ этой зимы памятенъ мнѣ въѣздъ короля прусскаго, на который мы смотрѣли изъ оконъ Б-выхъ, жившихъ на Фонтанкѣ; помню при этомъ фейерверкъ въ Таврическомъ дворцѣ, въ жестокій морозъ, на которомъ я чуть не замерзъ. Какая-то купчиха, сжалясь, взяла меня подъ свою шубу, и только твердила: «топчи, топчи, батюшка, ножками». Еще помню двое торжественныхъ похоронъ, проходившихъ мимо нашихъ оконъ, — адмирала В. Я. Чичагова, героя Выборга и Ревеля, и генералъ-адъютанта князя Долгорукова, любимца Государева, убитаго въ Финляндіи. Впрочемъ всѣ дни проходили въ такомъ ничтожномъ однообразіи, что у меня въ памяти не осталось ничего

кромѣ глупости, грубости и нравственной грязи, да еще сильной оплеухи, полученной мною отъ дяди за то, что я назвалъ его Ѳедоромъ Ивановичемъ; онъ требовалъ, чтобы я его называлъ не иначе, какъ дядюшкой. Къ лѣту (1809) дядя переѣхалъ на дачу; на ту же, гдѣ жилъ въ прошломъ лѣтѣ, а я съ Б-ми къ ихъ родителямъ, жившимъ рядомъ съ дядей, въ домѣ отставнаго актера Рахманова. Этотъ домъ каменный стоитъ и теперь. Между Б-ми и Рахмановыми была какая-то связь, не знаю, родственная или по профессіи, и они жили тутъ вмѣстѣ. Много тутъ бывало театральнаго люда, изъ котораго стоитъ упомянуть только о тенорѣ В. М. Самойловѣ, отцѣ артистической плеяды, украшавшей впослѣдствіи нашу сцену. Кристина Ѳедоровна Рахманова отличалась въ роляхъ брюзгливыхъ старухъ. Она тогда была уже въ отставкѣ. Жилъ тутъ также нѣкто Краснопольскій, переводчикъ множества пьесъ Коцебу и другихъ. Онъ былъ большой мастеръ приготовлять фейерверочныя штуки и все лѣто провелъ за этой работой, въ которой и мы участвовали; толкли уголь, приготовляли мякоть, дѣлали гильзы, набивали ихъ, а потомъ и зажигали фейерверки. При этомъ я пріобрѣлъ хоть какія нибудь новыя понятія. Впрочемъ лѣто прошло такъ же безалаберно, какъ и зима; меня такъ же обижали и били, какъ и прежде, только не двое, а трое, потому что къ Б. присоединился еще сынъ Рахманова, а ласки не было ни отъ кого. Мы много таскались по островамъ, а въ воскресенье посѣщали Строгановскій садъ, гдѣ играла музыка, и гдѣ публика гуляла вмѣстѣ съ гостями хозяина. Въ память мою врѣзалась бронзовая фигура Багратіона, съ большимъ орлинымъ носомъ, всегда тамъ бывавшаго.

Въ это время, дядя Энгель купилъ домъ въ 1-ой ротѣ Измайловскаго полка, куда мы къ осени и перебрались. Домъ былъ двухъ-этажный съ мезониномъ. Въ мезонинѣ помѣстился дядя, на одну сторону его кабинетъ, на другую его спальня и гардеробъ. Въ бель-этажѣ столовая и пріемныя комнаты, канцелярія, тутъ же и Петерсонъ,—и тутъ же на стульяхъ постилалась

постель и для меня. Въ этомъ же этажѣ, въ небольшой комнатѣ, жила личность, о которой нельзя не упомянуть. Кавалеръ де Сенъ-Жюль (chevalier de St-Jules), отставной маіоръ нашей службы, былъ преоригинальный типъ французскаго эмигранта. Отчаянный роялистъ, вольнодумецъ, безъ религіи, безъ всякаго солиднаго образованія, онъ находилъ весьма естественнымъ жить у насъ на счетъ другихъ. «Всѣ говорятъ о дружбѣ ко мнѣ г. Энгеля, говаривалъ онъ, но что-же тутъ удивительнаго, онъ *обязанъ* имѣть эту дружбу (il me doit cette amitié)». Онъ былъ принятъ во многихъ лучшихъ домахъ, у Нарышкиныхъ, Лаваля, Олениныхъ, и вездѣ считалъ себя какъ дома. У насъ же онъ просто разыгрывалъ роль деспота. Когда ему случится запоздать домой и не поспѣть къ ужину, то онъ раскричится, — «Que diable! Vous vous couchez avec les poules» (чортъ знаетъ Васъ, Вы ложитесь спать съ курицами). Въ ежедневномъ обращеніи съ нимъ, я навострился во французскомъ языкѣ, но научился и многому другому, не столь полезному,—разнымъ французскимъ пѣсенкамъ, далеко не нравственнымъ, и т. п. На своихъ часахъ носилъ онъ огромную связку съ неприличными изображеніями. Разъ я утащилъ эту связку и сталъ брать оттиски съ этихъ назидательныхъ печатей. Меня поймали, кажется высѣкли, но поправили ли этимъ вредъ? Подъ конецъ сталъ кавалеръ де Сенъ-Жюль сильно пить, сошелъ съ ума, и умеръ въ 1812 г. въ *желтомъ домѣ* (какъ тогда называли больницу для душевныхъ болѣзней).

Въ эту зиму стали меня занимать въ канцеляріи Энгеля, заставляли переписывать разныя бумаги, докладныя записки, журналы и проч., частью на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Эта чисто писарская работа, продолжавшаяся съ перерывами года два, осталась для меня не безъ пользы. Она ознакомила меня съ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, разными канцелярскими формами и пр., что мнѣ въ послѣдствіи очень пригодилось. Но учителей не давали. Я по большей части былъ одинъ, или въ обществѣ лакеевъ и курьеровъ. Тутъ къ спасенію моему

стала сильно развиваться во мнѣ жажда къ познаніямъ, потребность серіозныхъ занятій. Не имѣя никакого руководства, могъ я удовлетворить этому только чтеніемъ, которое обратилось у меня въ страсть. Въ канцеляріи стояла библіотека дяди, изъ которой я могъ брать что хотѣлъ. Письма русскаго путешественника Карамзина и нѣсколько книжекъ журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени» проглотилъ я разомъ. Прочелъ нѣсколько путешествій, не помню какихъ; это уже доказываетъ, что я ихъ прочелъ безъ пользы. Попалась мнѣ, между прочимъ, книга «La Mégalanthropogénésie» — искусство производить великихъ людей. Прочелъ и ее, разумѣется, не понявъ ничего, кромѣ того, что для меня совсѣмъ лишнее было знать. Въ энциклопедіи Крюница интересовали меня болѣе всего картинки. Что бы стоило пожертвовать нѣсколькими рублями и купить мнѣ Basedow, Campe, или т. п. Но объ этомъ никто не думалъ. Я очень любилъ общество старшихъ, и когда у дяди бывали гости, старался остаться какъ можно долѣе въ ихъ кругу, покуда меня не прогоняли; прислушивался къ разговорамъ, схватывалъ многое на лету, что до нѣкоторой степени способствовало моему развитію. Понедѣльникъ былъ для меня всегда праздникомъ; въ этотъ день обѣдали гости у дяди. Тутъ бывали Алексѣй Николаевичъ Оленинъ (президентъ Академіи Художествъ, государственный секретарь и проч.), генералъ Феньшъ (Fanshawe) съ сыновьями, князь Иванъ Сергѣевичъ Мещерскій, Василій Евграфовичъ Татищевъ, Крыловъ, Путятины, князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій, Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, Алекс. Ѳедотовичъ Клокачевъ и многіе другіе, которыхъ не упомню. Весь этотъ кругъ былъ почтенный и образованный, впослѣдствіи покинувшій моего дядю, какъ я выше говорилъ. Изъ своихъ, посѣщали его двоюродные мои братья Фурманы. Назвавъ фамилію Фурманъ, я вспоминаю, что ничего еще не сказалъ объ этомъ родственномъ мнѣ семействѣ [19]).

---

[19]) О семействѣ Фурмановъ сообщаемъ ниже (въ подстрочныхъ примѣ-

О Фурманѣ отцѣ, я упоминалъ выше, по случаю одного письма кн. Репнина къ батюшкѣ. Онъ, кажется, не задолго до того пріѣхалъ изъ Саксоніи [20]). Около того же времени онъ женился на сестрѣ матушки, Елизаветѣ Ивановнѣ (Энгель), отъ которой имѣлъ сыновей Романа, Антона, Александра и Ѳедора, и дочерей Елизавету, Екатерину и Анну (см. ниже). Овдовѣвъ онъ женился на Софіи Любимовнѣ Гильдебрантъ, отъ которой имѣлъ сына Андрея и дочь Наталію. О карьерѣ Фурмана, отца, мнѣ мало извѣстно. Знаю только, что онъ долго жилъ въ Кіевѣ, потомъ въ Дерптѣ, въ Ревелѣ, а послѣдніе 3 или 4 года въ Петербургѣ, гдѣ умеръ въ 1827 г. Я его зналъ только въ это послѣднее время. Старикъ былъ умный, и интересный своими разсказами о прошедшемъ времени. Всѣ его сыновья отъ перваго брака были люди весьма одаренные. Старшій, Романъ Ѳедоровичъ [21]), менѣе другихъ образованный, былъ большой дѣлецъ, и умѣлъ лучше другихъ сдѣлать карьеру и устроить свои дѣла [22]).

Онъ служилъ при Ѳеодосійскихъ градоначальникахъ Феньшѣ и Клокачевѣ, былъ потомъ директоромъ Коммерческаго банка, директоромъ Департамента Внѣшней торговли при гр. Канкринѣ. Въ 1831 г., дядя Энгель взялъ его съ собой въ Варшаву, гдѣ онъ былъ назначенъ директоромъ Правительственной Коммисіи Финансовъ, т. е. Министромъ Финансовъ, чѣмъ и остался до отставки, въ концѣ сороковыхъ годовъ; умеръ въ

чаніяхъ) дополнительныя къ изложенію графа Литке свѣдѣнія, доставленныя намъ сыномъ Анны Ѳедоровны Оомъ, рожденной Фурманъ (см. ниже), Ѳедоромъ Адольфовичемъ Оомомъ (почетнымъ опекуномъ, секретаремъ Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны).

[20]) Ѳедоръ Андреевичъ Фурманъ прибылъ изъ Саксоніи въ Россію, вызванный русскимъ правительствомъ, какъ извѣстный агрономъ, поступилъ на государственную службу и потомъ поселился въ пріобрѣтенномъ имъ небольшомъ имѣніи въ Кіевской губерніи, гдѣ занялся воспитаніемъ своихъ дѣтей.

[21]) Романъ Ѳедоровичъ Фурманъ служилъ при Феншѣ, Клокачевѣ и при герцогѣ Ришелье въ Одессѣ, гдѣ ему поручено было устройство карантина и таможни.

[22]) До сихъ поръ автобіографія писана гр. Ѳедоромъ Петровичемъ въ 1865 г.; слѣдующее за этимъ писано въ 1866 г.

1851 г. въ Петербургѣ, оставя многочисленное потомство отъ второй жены, дочери Анны Карловны Энгель (Софьи Семеновны Адамовичъ), на которой женился около 1820 г., и которая умерла прежде. Его считали значительнымъ капиталистомъ, что и не могло быть иначе; но по смерти его къ изумленію всѣхъ не оказалось портфеля, въ которомъ хранились всѣ его документы, и все, что онъ имѣлъ или могъ имѣть, пропало безъ слѣда, и дѣти его, за исключеніемъ старшаго сына [23]), къ которому перешелъ маіоратъ въ Польшѣ, остались безъ ничего. Одной изъ дочерей, Маріи, дядя отдалъ Минское свое имѣніе Хорваль.

Антонъ Фурманъ былъ умный, образованный и пріятный человѣкъ, служилъ по горной части, былъ директоромъ Златоустовскаго завода, по злобѣ Мечникова попалъ подъ судъ и отставленъ. Жена его, Хрущова, обокрала его, и сама была обокрадена любовникомъ, и онъ бѣдный кончилъ жизнь въ самомъ бѣдственномъ положеніи и въ нѣкотораго рода умопомѣшательствѣ.

Александръ Фурманъ, очень даровитый, началъ службу по квартирмейстерской части, потомъ мыкался по разнымъ вѣдомствамъ, и умеръ, въ 1828 г., въ Молдавіи отъ чумы. Безпутная жизнь и безумная женитьба помѣшали его карьерѣ, которая, по его талантамъ, могла бы быть не дюжинная.

Наконецъ, младшій Фурманъ, Ѳедоръ, началъ воспитаніе въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ. Тамъ сдѣлалась у него золотушная опухоль на лѣвомъ локтѣ. Его лѣчили по тогдашнему, рѣзали, да ковыряли, и кончилось тѣмъ, что у него сдѣлалась костоѣда. Дядя взялъ его изъ корпуса; призванные лучшіе врачи признали необходимымъ отнять руку и отняли выше локтя (въ 1810 г.). Выздоровѣвъ, онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ и потомъ на службу по дипломатической части, и умеръ въ 40-хъ годахъ отъ апоплексическаго удара въ Римѣ, въ званіи совѣтника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ былъ очень способный человѣкъ, прекрасно владѣлъ перомъ, и вообще былъ уважаемъ

---

[23]) Умеръ въ 1836 г.

въ Министерствѣ (Иностранныхъ Дѣлъ); по карьерѣ его, кажется, нѣсколько повредила женитьба его на итальянской пѣвицѣ, Juditta Fioravanti, извѣстной въ послѣдствіи высшему Петербургскому обществу, какъ г-жа Лабенская, а потомъ по третьему браку Эверсъ.

Изъ трехъ дочерей Фурмана старшая, Елизавета, въ замужествѣ Бунге, была матерью двухъ нашихъ ученыхъ—юриста Ѳедора Андреевича и ботаника Александра Андреевича Бунге. Вторая, Екатерина, была замужемъ за д. с. с. Коростовцевымъ, умершимъ въ Астрахани, въ должности губернатора. Третья, незабвенный мой другъ, Анна Федоровна Оомъ, жила со мною у общей нашей бабушки Елизаветы Каспаровны Энгель, до кончины послѣдней. Тутъ узнала и полюбила ее другъ бабушки, Елизавета Марковна Оленина [24]), которая по кончинѣ бабушки взяла ее на свое попеченіе.

Сестрѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ было тогда лѣтъ 16. Оленина окончательно ее образовала. Прекрасная собой, умная, добрая, она была любимицей всего семейства. Скоро нашелся и женихъ [25]), поэтъ Гнѣдичь, бывшій у Олениныхъ почти своимъ. Кривой, безобразный, Гнѣдичь натурально не могъ внушить дѣвушкѣ нѣжныхъ чувствъ. Однакожъ, она сначала согласилась, можетъ быть по убѣжденіямъ Олениной; но когда дѣло пришло къ

---

[24]) Елизавета Марковна Оленина, жена Алексѣя Николаевича Оленина (урожденная Полтарацкая, родная сестра, весьма извѣстныхъ Марковичей Полтарацкихъ, въ томъ числѣ Павла Марковича, отца моей матери (Елизаветы Павловны Безобразовой), находившейся въ тѣсной дружбѣ съ Олениными и одно время, въ своей молодости, жившей въ ихъ домѣ. Мать моя была очень дружна съ Анной Ѳедоровной Фурманъ (бывшей впослѣдствіи въ замужествѣ за Оомомъ и затѣмъ начальницей Николаевскаго Института, см. ниже); дружба эта началась въ домѣ Олениныхъ и продолжалась до кончины Анны Ѳедоровны. Я, лично знакомый съ этой замѣчательной женщиной, могъ также убѣдиться въ ея необыкновенныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, признанныхъ впрочемъ всѣмъ петербургскимъ обществомъ. Анна Федоровна Оомъ мать почетнаго опекуна Ѳ. А. Оома.

[25]) См. дополнительныя ко всему этому разсказу свѣдѣнія въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ

окончательному рѣшенію, она бросилась въ ноги своей благодѣтельницы и объявила рѣшительную невозможность для нея выйти за Гнѣдича. Такъ дѣло и разошлось. Чрезъ нѣкоторое время отецъ потребовалъ дочь къ себѣ въ Дерптъ. Съ грустью разсталась Оленина съ своей фавориткой, но и разставшись, не переставала быть ея благодѣтельнымъ другомъ, ея провидѣніемъ. Попеченіе о ней повело даже къ совершенному разрыву дяди Энгеля съ Олениными, между которыми была прежде тѣсная дружба. Дядя тоже любилъ племянницу и желалъ её нѣсколько обезпечить; но не имѣя никогда денегъ, онъ далъ ей вексель, обезпечивъ его домомъ, въ 1-й ротѣ Измайловскаго полка, купленнымъ въ 1809 г. Когда воцарилась въ этомъ домѣ извѣстная особа (близкая къ Энгелю), про вексель забыли и о процентахъ не помышляли, такъ что Оленина рѣшилась наконецъ протестовать и домъ былъ проданъ съ публичнаго торга, чего ей дядя никогда не могъ простить. Около 1820 г., Анна Ѳедоровна вышла замужъ за купца Оома [26]), который, года три спустя, лишившись всего состоянія, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ снискивалъ скудное пропитаніе, давая уроки нѣмецкаго языка. Въ наводненіе 7 ноября маленькій домикъ, занимаемый ими на Маломъ проспектѣ Вас. О., наполнился водой *до потолка*, и бѣдная Анна Ѳедоровна съ двумя малютками, и беременная третьимъ ребенкомъ, должна была просидѣть цѣлый день на чердакѣ. Твердость и спокойствіе духа, съ которыми она переносила всѣ эти испытанія, не могли не поселить глубокаго уваженія къ этой необыкновенной женщинѣ. Въ 1826 г., она родила еще сына [27]),

---

[26]) Фамилія Оомъ, голландскаго происхожденія, принадлежала къ имперскому дворянству. Въ шведской хроникѣ XVI столѣтія упоминается объ Оомѣ, крупномъ землевладѣльцѣ въ Лифляндіи. Мужъ Анны Ѳедоровны былъ единственнымъ представителемъ этой отрасли фамиліи Оомъ, и будучи ратманомъ г. Ревеля, велъ обширныя коммерческія дѣла, кончившіяся потерею всего состоянія. Другая отрасль имѣетъ нынѣ представителемъ своимъ директора Лиссабонской обсерваторіи.

[27]) Ѳедора Адольфовича Оома, секретаря Государыни Императрицы Марьи Ѳедоровны и почетнаго опекуна.

а въ слѣдующемъ лишилась мужа, умершаго отъ чахотки, и осталась безъ куска хлѣба. Провидѣніе, въ лицѣ Олениной, спасло её. Черезъ посредство послѣдней, она получила мѣсто начальницы Воспитательнаго Дома, что нынѣ Николаевскій Сиротскій Институтъ, и занимала это мѣсто до своей смерти въ 1850 г. Всѣмъ памятно, какъ утрата ея была незамѣнима. Императрица Марія Ѳедоровна съ перваго раза её угадала и встрѣтясь однажды съ Е. М. Олениной, сказала ей: «M-me Olénine, cherchez un peu dans vos poches, si vous n'y trouvez pas une seconde perle comme M-me Oom, je vous la prendrai à l'instant» (поищите немножко въ Вашихъ карманахъ, не найдете ли Вы такую же женщину какъ г-жа Оомъ; я тотчасъ взяла бы её). Императрица Александра Ѳедоровна также её очень любила [28]).

---

[28]) Весь этотъ разсказъ гр. Литке долженъ быть пополненъ и отчасти исправленъ въ нѣкоторыхъ неточностяхъ, въ которыхъ память гр. Ѳедора Петровича измѣнила ему, слѣдующими свѣдѣніями, сообщенными намъ Ѳ. А. Оомомъ. Женихъ для Анны Ѳедоровны Фурманъ нашелся не скоро, какъ говоритъ гр. Ѳедоръ Петровичъ, а напротивъ; только тогда А. Н. Оленинъ рѣшился заявить ей о предложеніи Гнѣдича, когда предстоялъ ей отъѣздъ въ Дерптъ, куда вызывалъ ее отецъ для воспитанія родившейся отъ втораго его брака дочери Натальи. Качествами ума и сердца, Анна Ѳедоровна плѣняла многихъ, сама того не сознавая. Въ числѣ соискателей руки ея являлись почти одновременно поэты Гнѣдичь (учитель ея) и Батюшковъ. Послѣдній, убѣдившись въ безнадежности любви своей къ Аннѣ Ѳедоровнѣ (на что онъ жалуется и въ стихотвореніяхъ своихъ и въ перепискѣ съ Е. Ѳ. Муравьевою), впалъ въ глубокую меланхолію, обратившуюся въ болѣзнь, отъ которой онъ умеръ (ср. сочиненія Батюшкова, СПб. 1887 г., стр. 190). Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ 1850 г. графъ Литке написалъ въ день кончины А. Ѳ. Оомъ, 7 октября 1850 г., слѣдующее: «Могилами милыхъ сердцу считаю я дни мои. Сегодня въ 9 часовъ утра упредила насъ въ лучшій міръ сестра Анна Ѳедоровна Оомъ. Потеря жестокая для всѣхъ ее знавшихъ. Въ моей жизни оставляетъ она новую, ничѣмъ незамѣнимую пустоту. Друзья съ дѣтства, послѣдніе 20 лѣтъ особенно насъ сблизили,—а со времени кончины моей Юліи (супруги гр. Ѳедора Петровича), семейство ея было сладчайшимъ моимъ убѣжищемъ. Необыкновенный умъ, твердый и благородный характеръ, теплое сердце, любезность и веселость — этими качествами привлекала она къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ и распространяла около себя гармонію и счастіе, не взирая на то, что жизнь ея совсѣмъ не была усѣяна розами. Не только дѣти и друзья ея, но все заведеніе, котораго она 23 года была начальницей, погружены въ глубокую горесть. Можно сказать, что она была подавлена бременемъ обузы на ней лежавшей. Теперь

Фурманъ отъ второй жены имѣлъ двухъ дѣтей, сына Андрея, который былъ военнымъ, по глупости замѣшался въ исторію 14 декабря и умеръ въ Сибири, и дочь Наталію, бывшую въ послѣдствіи женою брата моего Александра. О ней будемъ говорить послѣ.

Возвращаюсь къ моимъ собственнымъ судьбамъ. Въ то время, до котораго я дошелъ (въ моихъ воспоминаніяхъ), приближался кризисъ моей жизни. Два событія произвели этотъ кризисъ: замужество старшей моей сестры Наталіи и пріѣздъ въ Петербургъ двоюродныхъ моихъ братьевъ Панкратьевыхъ.

Осенью 1809 г., скончалась тетка моя Елизавета Ивановна Панкратьева. При этомъ я испыталъ на себѣ удивительный примѣръ дѣтскаго предчувствія. На меня напали грусть, тоска; отъ которыхъ я не зналъ куда дѣваться. Я ходилъ какъ шальной, и безпрестанно плакалъ. Приписывая это капризамъ, меня бранили, но ничего не помогало. Разъ, Петерсонъ, въ сущности не дурной человѣкъ, спросилъ меня съ нѣкоторымъ участіемъ: «Что это значитъ, что ты все хандришь?» — «Не знаю, Петръ Ивановичъ, но мнѣ такъ грустно, такъ грустно, что я увѣренъ, что случится какое нибудь несчастіе». Надо мной посмѣялись, а на другой же, кажется, день получено было извѣстіе о кончинѣ тетки. Дядя Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ, котораго здоровье давно было разстроено, не перенесъ этой потери и скоро за ней послѣдовалъ (въ февралѣ или мартѣ 1810 г.). Сестру Наталію, у него жившую, дядя Александръ Ивановичъ взялъ къ себѣ въ Радзивиловъ. Лѣтомъ въ томъ же году проходили чрез Радзивиловъ возвращавшіяся въ Россію команды судовъ нашихъ, проданныхъ Французамъ въ Тріестѣ [29]). Одну изъ колоннъ велъ Михаилъ Тимо-

---

дадутъ ей полную цѣну, нашедъ, что она незамѣнима. Императрица чрезвычайно сокрушалась уже о болѣзни ея».

[29]) Въ числѣ этихъ командъ возвращался изъ Тріеста и мой отецъ, служившій въ то время во флотѣ. Вѣроятно тутъ онъ и сошелся съ Сульменевыми, о которыхъ будетъ много говорено ниже. Въ моемъ дѣтствѣ и первой

ѳѣевичъ Быченскій, товарищъ по корпусу дяди моего, который радъ былъ случаю оказать гостепріимство въ своемъ домѣ старому камраду и также всѣмъ его офицерамъ. Между послѣдними былъ командиръ взятаго при Аѳонской горѣ турецкаго корабля «Седъ-эль-бахръ», капитанъ-лейтенантъ Сульменевъ. Увидѣвъ сестру Наталію, онъ полюбилъ ее и сдѣлалъ предложеніе; получить ея согласіе было дѣломъ нѣсколькихъ дней. Вторая моя сестра, Анна, была въ то время невѣстою пограничнаго почтмейстера Карла Карловича Гирса и свадьба ихъ была назначена на 29 іюня. Вмѣсто одной, сыграно было въ этотъ день двѣ свадьбы, и на другой же день новобрачные (Сульменевы отправились догонять команды, выступившія уже прежде въ дальнѣйшій путь.

Такъ нежданно, негаданно совершилась судьба сестры моей. Говорятъ, отъ судьбы своей не уйдешь, и суженнаго конемъ не объѣдешь. Не знаю, выражаютъ ли эти афоризмы непреложный законъ; но можно съ достовѣрностью предположить, что если бы не круглое сиротство, не обѣщавшее ничего лучшаго въ будущемъ, то умная, образованная дѣвушка едва ли бы рѣшилась почти внезапно (du jour au lendemain) вручить судьбу совершенно незнакомому ей человѣку. Не красна была судьба ея въ теченіе 38-лѣтняго супружества. Но причиною тому была преимущественно всегдашняя ея болѣзненность, при постоянной борьбѣ съ матеріальнымъ недостаткомъ. Мужъ ея, Иванъ Савичъ [30]), былъ

молодости, я много слышалъ отъ моего отца о Сульменевыхъ, какъ о людяхъ ему близкихъ и глубоко имъ и въ морскомъ обществѣ уважаемыхъ. Лично я могъ быть знакомъ только съ младшимъ ихъ поколѣніемъ (см. ниже).

[30]) Иванъ Саввичъ Сульменевъ род. въ 1773 году. Въ Морской корпусъ вступилъ въ 1786 году и въ 1789 году произведенъ въ мичманы. Участвовалъ почти во всѣхъ морскихъ кампаніяхъ противъ непріятеля, какъ простымъ офицеромъ, такъ и командиромъ разныхъ судовъ. Умеръ въ чинѣ адмирала, предсѣдателемъ Морскаго Генералъ-Аудиторіата въ 1851 году. Покойный Государь Николай Павловичъ очень любилъ Сульменева и часто въ шутку называлъ его «дѣдушкой русскаго флота», такъ какъ онъ былъ старшимъ по спискамъ адмираломъ. Одна изъ дочерей И. С. Сульменева (Анна Ивановна) была замужемъ за Дягилевымъ (на ея дочери женатъ членъ Государствен-

человѣкъ не глупый, но стараго закала и такого только образованія, какое могли дать морской корпусъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія и постоянное вращеніе въ кругу людей той же степени образованности. Но всѣ эти недостатки покрывались необыкновенною, можно сказать, ангельскою добротою души, и чувствительностію почти женскою. Во всю жизнь мою не встрѣчалъ я добрѣйшаго человѣка, болѣе готоваго служить и быть полезнымъ всякому съ полнымъ самоотверженіемъ. Съ самой первой минуты нашего знакомства, онъ полюбилъ меня какъ сына, и я его какъ отца. Эти чувства, эти отношенія не измѣнились въ теченіе болѣе 40 лѣтъ ни на одну минуту. Тѣ же чувства перенесъ онъ, уже въ старости, на жену и дѣтей моихъ. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ и истинный христіанинъ и благодарность, до гроба за любовь твою!

Сульменевы, по возвращеніи, жили въ Кронштадтѣ, гдѣ Иванъ Савичъ командовалъ однимъ изъ только что учрежденныхъ *корабельныхъ* экипажей, и потому я сперва видѣлся съ ними только урывками и на короткое время. Но и этого было уже довольно, чтобы влить въ жизнь мою новый жизненный элементъ. Душа юноши инстинктивно жаждала любви, ласки, сочувствія, ободренія, поддержки, и ничего подобнаго не находила въ средѣ его окружавшей, въ которой онъ былъ какимъ-то паріей. Сестра взяла меня подъ крыло и отогрѣла. Природная моя веселость развернулась, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая бодрость и самостоятельность. Это было величайшимъ для меня благодѣяніемъ. Еще нѣсколько лѣтъ такой жизни, какую я велъ до того, и сердце мое

наго Совѣта статсъсекретарь В. Д. Философовъ), а другія двѣ, Екатерина и Наталья Ивановны жили, послѣ смерти своего отца у гр. Ѳедора Петровича Литке (рано овдовѣвшаго), до самой его кончины. Самая нѣжная дружба связывала покойнаго Графа и его дѣтей съ этими его племянницами Сульменевыми,—въ особенности съ Наталіей Ивановной, на которой лежали всѣ попеченія объ его домѣ, хозяйствѣ, дѣтяхъ, а подъ конецъ его жизни, во время его продолжительной и тяжкой болѣзни, объ немъ самомъ; съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ посвятила Наталья Ивановна Сульменева большую часть своей жизни этому долгу.

могло бы зачерствѣть на всегда. Я погибъ бы нравственно и физически.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, съ нравственнымъ моимъ оживленіемъ шло рядомъ и умственное. Дядя Энгель, видѣвшій всегда въ покойномъ Панкратьевѣ своего благодѣтеля, счелъ обязанностію, по кончинѣ его, взять къ себѣ двухъ младшихъ его сыновей, Владиміра 16, и Теофила 14 лѣтъ, которые въ началѣ лѣта 1810 и были привезены въ Петербургъ старшимъ ихъ братомъ Никитой, бывшимъ тогда уже адъютантомъ Кутузова. Ихъ помѣстили вмѣстѣ со мной въ одной комнатѣ нижняго этажа. Имъ дали учителей, чтобы приготовить въ училище колонновожатыхъ, въ которое они вскорѣ и поступили.

Старшій изъ братьевъ, Владиміръ, былъ очень умный малый, одаренный сверхъ того не совсѣмъ обыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, какъ доказываютъ нѣкоторыя сохранившіяся у меня его стихотворенія. Къ тому-же онъ былъ острякъ и весельчакъ, когда бывалъ въ духѣ. Сердце имѣлъ доброе, но характеръ вспыльчивый, неукротимый. Къ несчастію, превратное воспитаніе дало способностямъ его ложное направленіе и привело его къ преждевременному несчастному концу. Онъ попалъ въ руки къ гувернеру французу, отъявленному волтеріанцу и якобинцу, отравившему на всегда его душу этими тлетворными началами. Выпущенный въ артиллерію, онъ дѣлалъ походъ 1812—14 г., безъ особеннаго блеска, но съ честію. Послѣ войны, онъ былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерію; потомъ —въ войско, стоявшее въ Польшѣ. Вездѣ онъ портилъ свою службу строптивымъ, неугомоннымъ характеромъ, несоблюденіемъ дисциплины, неуваженіемъ къ начальству, и долженъ былъ наконецъ оставить военную службу. Не лучше шли дѣла его и въ гражданской службѣ; наконецъ онъ спился до безобразія.

Никита Панкратьевъ попробовалъ взять своего брата къ себѣ въ домъ, когда былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Варшавы, но принужденъ былъ его удалить, и онъ послѣдніе годы своей жизни провелъ у двоюроднаго брата Романа Пан-

кратьева, въ Харьковѣ. Такъ погибаютъ самыя блестящія способности, не поддерживаемыя религіознымъ и нравственнымъ характеромъ.

Теофилъ Панкратьевъ составлялъ совершенный контрастъ съ Владиміромъ. Ума солиднаго, хотя и не столь блестящаго, онъ былъ тихъ, кротокъ, добръ, разсудителенъ; дурное направленіе начальнаго воспитанія, отъ котораго погибъ его братъ, проскользнуло у него только по поверхности, не пустивъ глубоко корней. Трудная школа жизни не раздражила его, а умудрила. Произведенный (въ офицеры) послѣ брата, онъ въ войнѣ не участвовалъ. Вскорѣ по производствѣ, онъ былъ переведенъ въ Гвардейскій Егерскій полкъ, съ которымъ послѣ Бѣшенковичскаго похода (1821) зимовалъ въ Вильнѣ. Тамъ произошла у нихъ въ полку преглупая исторія. Надо припомнить духъ, господствовавшій въ тогдашней молодежи. Офицеры пошли скопомъ требовать какого-то объясненія или удовлетворенія отъ баталіоннаго, или чуть ли не полковаго командира. Достаточно вспомнить, что дивизіоннымъ ихъ командиромъ былъ Великій Князь Николай Павловичъ, чтобы угадать, чѣмъ такая исторія должна была кончиться. Всѣхъ этихъ офицеровъ выгнали въ армію тѣми же чинами, съ допущеніемъ представлять ихъ къ наградамъ и увольнять въ отпускъ и въ отставку.

Года четыре бѣдный Теофилъ маялся такимъ образомъ въ какомъ-то полку въ Кіевѣ, перешелъ потомъ въ гражданскую службу, получилъ мѣсто управляющаго Одесской таможней, женился на дочери Ант. Антон. Фонтона, Селестинѣ, имѣлъ нѣсколькихъ дочерей, и жилъ покойно и счастливо. Вдругъ случилась опять исторія; умираетъ скоропостижно казначей, оказывается неявка въ суммахъ, и Теофила Панкратьева отдаютъ подъ судъ. Судъ продолжается нѣсколько лѣтъ, его оправдываютъ, но разумѣется безъ всякаго вознагражденія за страданія и потерянное время. Князь Воронцовъ принялъ въ немъ участіе и доставилъ ему мѣсто Херсонскаго губернатора (около 1844 г.), на которомъ онъ и умеръ, въ началѣ 60 годовъ. Конецъ его жизни былъ

отравленъ семейными горестями. Жена его, съ которою онъ былъ очень счастливъ, занемогла чахоткой, уѣхала лѣчиться въ Италію, попалась тамъ въ руки монаховъ, которые всѣхъ ея дочерей обратили въ католичество (сама она была католичка), и вскорѣ умерла. Вѣроятно эта горесть ускорила смерть Теофила.

Мы прожили такимъ образомъ вмѣстѣ около двухъ лѣтъ. Эти два года прошли для меня не безъ пользы. Хотя я былъ по прежнему брошенъ на произволъ судьбы, но судьба сама обо мнѣ позаботилась. Уже сообщество двухъ товарищей, и не такихъ какъ Б-вы, вмѣсто прежняго одиночества, было для меня полезно. Игры, споры, иногда драки не допускали застоя; но всего полезнѣе было то, что братья Панкратьевы учились, а я, глядя на нихъ, тоже. Я переписывалъ для нихъ записки, перечерчивалъ чертежи и проч. Къ нимъ присланъ былъ большой ящикъ французскихъ книгъ, изъ которыхъ на каждой была надпись: «Ex libris Gabrielis Justinianii, Abbé des Landes» (изъ книгъ Габріеля Юстиніана, Аббата Ландскаго). Не помню теперь, былъ ли этотъ аббатъ прежній гувернеръ Панкратьевыхъ, или нѣтъ. Тутъ были сочиненія самаго разнообразнаго содержанія: математика, исторія, литература, философія, все тутъ было. Я бросился на эти книги съ жадностію и давай все читать, разбирать, переводить. Чего я въ это время не перевелъ: цѣлые курсы геометріи (едва ли не принимался за Евклида), разные историческіе отрывки, Моліеровы комедіи; сдѣлалъ выписки изъ случившагося тутъ же историческаго словаря. Все это pêle mêle, безъ толку и системы; но все это поддерживало дѣятельность ума и удовлетворяло врожденной потребности работать. Я былъ безпрестанно занятъ. Не могу не повторить при этомъ сѣтованія, что меня такъ безсовѣстно оставили безъ всякаго руководства. При малѣйшемъ указаніи, эта умственная работа могла бы принести совсѣмъ иные плоды. Теперь же образовался въ головѣ только хаосъ отрывочныхъ понятій, безъ всякой связи. Но даже и это пригодилось мнѣ въ послѣдствіи. Я долженъ еще прибавить, что между прочимъ я выучилъ наизусть много стихотвор-

наго. Это, при превосходной памяти, не стоило мнѣ почти никакого труда. Я ознакомился съ Державинымъ, Крыловымъ и т. д. Нельзя сказать, чтобы дядя совсѣмъ не думалъ о необходимости для меня учиться. Онъ намѣревался помѣстить меня въ образовавшійся тогда Царскосельскій Лицей, о чемъ самъ мнѣ сказалъ. Не могу описать радости моей при этомъ извѣстіи. Я только о томъ и мечталъ. Досталъ программы лицейскихъ занятій, переписалъ ихъ, выучилъ наизусть. Дядѣ стоило только сказать одно слово *Ев. Ант. Энгельгардту*[31]), своему старому пріятелю; но при эгоизмѣ и безхарактерности, его и на это не стало. Тѣмъ мои мечтанія и покончились. Потомъ, по предложенію зятя Сульменева, была рѣчь о помѣщеніи меня въ Морской Корпусъ, но и для этого надо было сказать слово морскому министру, маркизу-де-Траверсе, на что дядя, всякій понедѣльникъ, имѣлъ случай въ Государственномъ Совѣтѣ. И это было для него слишкомъ трудно. Онъ какъ будто махнулъ рукой, въ увѣренности, что изъ меня, что ни дѣлай, все-таки никогда ничего не выйдетъ!

Я не могу умолчать, что между книгами, изъ которыхъ я могъ заимствовать полезное, попались мнѣ въ руки и такія, которыя только загрязняли мое воображеніе и имѣли другое вредное на меня вліяніе. Богъ одинъ спасъ меня, не давъ на всегда погрязнуть въ этой тинѣ.

Такъ прожили мы съ Панкратьевыми около двухъ лѣтъ, до производства ихъ въ офицеры. Съ Владиміромъ я не могъ порядочно сблизиться, по слишкомъ рѣзкому различію нашихъ характеровъ; но между Теофиломъ и мною образовалась тѣсная дружба, никогда потомъ не прекращавшаяся и поддерживавшаяся постоянною перепиской, когда мы бывали въ разлукѣ, т. е. почти всегда. Пути жизни нашей разошлись такъ, что мы рѣдко бывали вмѣстѣ.

Лѣтомъ 1811 г. я часто ѣздилъ въ Кронштадтъ къ сестрѣ,

---

[31]) Извѣстный. Е. А. Энгельгардтъ, навсегда незабвенный въ лѣтописяхъ Императорскаго Царскосельскаго (нынѣ Александровскаго) Лицея, былъ въ то время его директоромъ.

гдѣ провелъ большую часть лѣта. Тогда о пароходахъ не было еще и помину; сообщенія происходили на такъ называемыхъ «сенатскихъ» катерахъ (потому что останавливались у Сената), да на пассажботахъ, одномачтовыхъ катерахъ (по нынѣшнему *тендерахъ*), управляемыхъ старымъ боцманомъ. Я всегда ѣздилъ на нихъ. Цѣна за проѣздъ была 50 коп. мѣдью. Судьба моя была встрѣтить всегда противный вѣтеръ, иногда крѣпкій, и идти лавировкой до самаго Кронштадта, куда я рѣдко приходилъ ранѣе ночи. Повороты и разные другіе маневры меня очень занимали. Иногда я самъ принимался за работы, вытянуть кливеръ-шкотъ, раздернуть грота-топенантъ. Иногда меня пускали даже постоять на рулѣ. Старики боцманы всѣ меня знали. Качка и тогда меня не безпокоила. Иногда, чтобы погрѣться, заберусь въ матросскую каюту, попрошу сухарика, сижу и слушаю росказни стариковъ о Сенявинскомъ и еще болѣе раннихъ походахъ. Такимъ образомъ, самъ того не замѣчая, я дѣлался помаленьку морякомъ. Въ Кронштадтѣ, я безпрестанно бѣгалъ по адмиралтейству, все замѣчалъ, записывалъ, даже измѣрялъ глубину и ширину доковъ (ниточкой съ привѣшаннымъ къ ней ключемъ). Принялся даже составлять описаніе Кронштадта.

Очень занимала меня старая паровая, называвшаяся тогда обыкновенно *огненною*, машина для осушенія доковъ, и когда она была въ дѣйствіи, я всякій день на нее бѣгалъ и изучалъ ея механизмъ. По цѣлымъ часамъ сиживалъ я на стѣнкѣ купеческой гавани, смотрѣлъ какъ приходятъ и уходятъ суда, и замѣчалъ разные при этомъ маневры и работы. Военныхъ судовъ было очень мало на рейдѣ; разрывъ съ Англіей заграждалъ намъ путь въ море. Было всего только два брига, конвоировавшіе чухонскія суда до Біорке-Зунда. На одномъ изъ нихъ, Меркуріѣ, подъ командою П. И. Сущова, былъ старшимъ лейтенантомъ Егоръ Ерем. Куличкинъ (см. выше), нашъ дальній родственникъ, который часто бралъ меня къ себѣ, давалъ случай кататься подъ парусами на яликахъ, и пр.—У зятя собирались его сослуживцы, толковали о разныхъ морскихъ бывальщинахъ; я внимательно

ко всему прислушивался. Такимъ образомъ все сложилось такъ, чтобы подготовить меня къ той карьерѣ, на которую судьба меня назначила и отецъ прочилъ. Все морское такъ меня заинтересовывало, что я даже началъ самъ строить корабликъ; разумѣется, изъ этого ничего не вышло.

Около этого времени офицеръ морскаго корпуса, Дмитрій Михайловичъ Головнинъ, братъ будущаго моего командира (знаменитаго мореплавателя, см. ниже) и внучатный братъ зятя, полюбя меня и видя, что я ничему не учусь, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ ариѳметики и географіи. И это мнѣ въ послѣдствіи пригодилось.

На зиму Сульменевы переѣхали въ Петербургъ и помѣстились на маленькой квартирѣ, на Вас. О., въ 10 линіи, а весной получили они казенную квартиру въ Галерной гавани, на которой прожили 4 года. Я былъ счастливъ близостью роднаго дома и проводилъ большую часть моего времени у нихъ, избѣгая по возможности трущобы (я могу употребить это выраженіе безъ преувеличенія) Измайловскаго полка (т. е. домъ Энгеля). Меня по временамъ рекламировали еще въ канцелярію (дяди) для работы второстепеннаго писца, но я начиналъ эмансипироваться и безъ церемоніи уходилъ, когда мнѣ вздумается. Впрочемъ, время мое,—золотое время, мнѣ былъ 15-й годъ,—проходило такъ же безтолково, какъ и прежде. Праздень я не былъ, всегда чѣмъ нибудь занимался, читалъ все, что попадалось въ руки, и полезное и вредное, безъ толку и связи. Въ домѣ сестры находилъ я обильную пищу для сердца, но мало для удовлетворенія жажды познаній и для развитія умственнаго. Сестра и зять меня не баловали, часто журили, и было за что̀; но это только болѣе скрѣпляло нашу сердечную связь, и скрѣпило на всю жизнь.

Между тѣмъ приближались событія 1812 года, произведшія окончательный поворотъ и въ моей судьбѣ. Въ Петербургѣ было построено 100 трехпушечныхъ канонерскихъ лодокъ для дѣйствій на нашихъ прибрежьяхъ. Флотилія эта была раздѣлена на отряды по 21 лодки; однимъ изъ нихъ назначенъ былъ коман-

диромъ мой зять. Всею флотиліей начальствовалъ контръ-адмиралъ Антонъ Васильевичъ Моллеръ [32]). Отрядъ зятя отправился изъ Петербурга въ маѣ; назначеніе флотиліи на этотъ разъ было защищать Ригу. Разставаніе сестры съ мужемъ сдѣлало на меня глубокое впечатлѣніе. Она взяла съ него слово, по окончаніи войны, никогда болѣе съ ней не разлучаться, и они съ 1814 г. дѣйствительно болѣе не разлучались. Одиночество сестры давало мнѣ поводъ быть у ней еще чаще, и я провелъ почти все лѣто въ Галерной гавани, и довольно весело. Я познакомился съ нѣсколькими молодыми людьми, съ которыми вмѣстѣ дѣлалъ прогулки, катался на яликахъ, которыми снабжалъ насъ шкиперъ Галернаго порта Соколовъ (Ивановъ тожъ), — тотъ самый, который 20 лѣтъ спустя, былъ такъ извѣстенъ въ Петергофѣ подъ названіемъ Нептуна [33]).

Жила тогда въ Галерной гавани старушка, вдова Опочинина, съ тремя дочерьми, пожилыми дѣвами. Она была старая знакомая зятя, который съ сыномъ ея былъ товарищъ по корпусу. Какъ теперь смотрю на старушку въ старомодномъ чепцѣ, въ большихъ пуховыхъ креслахъ, на спинкѣ которыхъ большой котъ, играющій съ ея чепцомъ. Бесѣда умной старушки очень меня привлекала, и я часто у ней бывалъ. Она очень одобряла намѣреніе мое вступить въ морскую службу, дѣльно разбирая всѣ ея преимущества. Это была бабка столь извѣстнаго въ Петербургѣ Владиміра Петровича Опочинина [34]). Сосѣдство двухъ братьевъ Сафоновыхъ было совсѣмъ другаго рода. Старшій, Африканъ, отставной морякъ, нажилъ состояніе игрой, построилъ

---

[32]) Извѣстный адмиралъ Антонъ Васильевичъ Моллеръ былъ морскимъ министромъ въ началѣ царствованія Императора Николая (между маркизомъ Траверсе и княземъ Меншиковымъ).

[33]) Шкипера Соколова графъ Ѳ. П. взялъ съ собой въ свое четырехкратное путешествіе на Новую Землю; впослѣдствіи онъ его пристроилъ въ Петергофѣ, и Великіе Князья, зная его, прозвали его Нептуномъ.

[34]) Владиміръ Петровичъ Опочининъ, контръ-адмиралъ (нынѣ въ отставкѣ), извѣстный любитель музыки, такъ много восхищавшій высшее Петербургское общество своимъ замѣчательнымъ голосомъ (баритономъ).

домъ почти насупротивъ занимаемаго Сульменевыми, изукрасилъ его, развелъ садъ. Младшій, Василій, тогда еще служившій, былъ лейтенантомъ на корветѣ «Флора», въ Сенявинской эскадрѣ, который потерпѣлъ крушеніе у Далматскаго берега. Василій Сафоновъ былъ человѣкъ очень даровитый и хорошій живописецъ. Въ 10 или 12 большихъ картинахъ акварелью изобразилъ онъ главные моменты бѣдствія Флоры, послѣдовавшаго затѣмъ плѣна у турокъ, и наконецъ прибытія въ Одессу. Разсказы его объ этомъ времени были очень интересны, и я слушалъ ихъ съ жадностью. Я почти всякій день бывалъ у Сафоновыхъ [35]); иногда попадалъ на картежную партію, и вообще насмотрѣлся и наслышался тамъ многому, рѣдко назидательному, но все-таки показывавшему мнѣ свѣтъ и жизнь съ новой стороны. Капитаномъ гребнаго флота былъ тогда Степанъ Ивановичъ Миницкій [36]), 15 лѣтъ послѣ того такъ несчастно кончившій свою карьеру въ должности Архангельскаго генералъ-губернатора. У него я также бывалъ не рѣдко.

Голова и перо въ то же время не уставали у меня работать. Попался мнѣ въ руки, не помню, какой-то глупый романъ. Воображеніе мое разыгралось и я принялся писать страстный романъ, котораго героемъ былъ я самъ. Нашелъ я въ библіотекѣ у дяди какое-то путешествіе по Рейну,—давай переводить его, и перевелъ чуть-ли не все. Очень занимало меня чтеніе библіотеки путешествій Кампе. Памятно мнѣ, что читая путешествіе Беренца, я вскочилъ въ восторгѣ, закричавъ: «Боже мой! удастся ли мнѣ когда нибудь побывать тамъ-же!» Не воображалъ я тогда, что мнѣ дѣйствительно было написано на роду идти по слѣдамъ Беренца. Сестра послѣ того часто объ этомъ вспоминала. Велъ я въ

---

35) Отецъ Сафоновыхъ былъ старый морякъ и товарищъ И. С. Сульменева и Василія Михайловича Головнина. Изъ сыновей никто ничѣмъ не отличился.

36) Миницкій, будучи генералъ-губернаторомъ въ Архангельскѣ, попался въ какую-то исторію съ таможней, былъ отданъ подъ судъ и плачевно кончилъ свою жизнь, живя гдѣ-то, подъ Петербургомъ, на Карповкѣ.

это время и поденную записку [37]) обо всемъ, что слышалъ о тогдашнихъ событіяхъ. Очень памятенъ мнѣ день полученія извѣстія о Бородинской битвѣ. Былъ Александровъ день, погода ясная и жаркая. Я пошелъ въ Казанскій соборъ и сталъ у клироса, возлѣ группы дамъ, по видимому изъ высшаго общества. Вдругъ прибѣгаетъ кто-то и сообщаетъ имъ что-то. Начинаются разговоры: «Слышали? Михайла Ларіоновичъ (кн. Кутузовъ) далъ генеральное сраженіе и разбилъ французовъ на всѣхъ пунктахъ. Ай да Михайла Ларіоновичъ». Я чуть не бѣгомъ бросился въ Галерную гавань сообщить радостное извѣстіе сестрѣ. При полученіи извѣстія о взятіи Москвы, я видѣлъ дядю Энгеля,—едва ли не единственный разъ въ своей жизни,—прослезившимся [38]).

Всеобщее патріотическое движеніе того времени увлекло и меня. Я непремѣнно хотѣлъ идти сражаться за отечество. Въ ребяческомъ бреду думалъ даже записаться въ ополченіе; хорошъ бы былъ ратникъ! Съ Кутузовымъ, по возвращеніи его изъ Молдавіи и до назначенія главнокомандующимъ, жилъ въ Петербургѣ братъ Никита Панкратьевъ, бывшій адъютантомъ Кутузова. Я присталъ къ нему: «хочу служить, опредѣли меня». Серіозно ли, или только, чтобы успокоить меня, онъ обѣщалъ просить генерала Фельта, получившаго тогда какую-то команду, но Панкратьевъ вскорѣ уѣхалъ съ своимъ генераломъ въ армію, и изъ всѣхъ моихъ мечтаній, къ счастію, ничего не вышло. События 12 года должны были инымъ путемъ подѣйствовать на будущую судьбу мою.—Они помогли мнѣ вырваться изъ дома дяди Энгеля, гдѣ жизнь моя становилась болѣе и болѣе несносною. Этому содѣйствовало косвеннымъ образомъ послѣднее пребываніе брата Никиты Панкратьева въ

---

[37]) Поденныхъ записокъ графа Ө. П. за это время не сохранилось въ его бумагахъ, но изъ этого можно видѣть, какъ рано (въ возрастѣ едва 16 лѣтъ) онъ началъ вести свои записки, которыя получили впослѣдствіи такое обширное развитіе (см. Введеніе).

[38]) До сихъ поръ (съ вышеобозначеннаго мѣста, въ примѣч. 9) автобіографія была писана въ 1866 г.; нижеслѣдующее писано въ 1867 г.

Петербургѣ. Онъ остановился сначала въ домѣ дяди; его помѣстили вмѣстѣ съ нами внизу. Натурально, онъ не могъ тутъ долго выдержать и переѣхалъ къ генералу Фельту, старинному другу его отца, и тоже дяди Энгеля, сказавъ однако же послѣднему, что онъ долженъ переѣхать къ своему начальнику Кутузову. Разъ, въ понедѣльникъ, Фельтъ пріѣзжаетъ обѣдать къ намъ, кланяется дядѣ отъ брата, говоритъ, что онъ не могъ пріѣхать съ нимъ по нездоровью, и пр. Тутъ только дядя узналъ, что братъ (Панкратьевъ) не сказалъ ему правды, и по лицу его было видно, какъ онъ этимъ обидѣлся. Между тѣмъ еще до переѣзда брата къ Фельту, сестра моя Наталья (Сульменева), не бывавшая въ домѣ дяди ни разу съ тѣхъ поръ, какъ переѣхала къ нему извѣстная особа, пріѣзжала навѣстить брата (Панкратьева), когда онъ былъ нездоровъ. Можно себѣ вообразить, какъ прогнѣвался дядя Энгель, узнавъ объ этомъ и видя въ томъ знакъ неуваженія къ нему сестры моей. Вся эта накопившаяся желчь противъ брата и противъ сестры должна была излиться на меня, ни въ чемъ неповиннаго.

Разъ, какъ-то разсердившись на меня за что-то за столомъ, дядя взялъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ, сталъ жестоко бранить и укорять; приплелъ къ тому и сестру, осмѣлившуюся быть у него въ домѣ и не явиться къ нему и проч. Это наконецъ такъ меня возмутило, что я, робкій, запуганный, рѣшился сказать ему сквозь слезы: «Если я передъ вами виноватъ, то вы меня и браните, но за что же вы трогаете мою сестру». Такая неожиданная выходка, съ моей стороны, такъ его озадачила, что онъ остановился, съ какою-то сардоническою улыбкою, сдѣлалъ мнѣ baisemain и сказалъ: «Прекрасно, это доказываетъ, что вы очень любите вашу сестрицу, но я очень хорошо знаю, какая это женщина, и пр.» Съ этой поры я натурально еще болѣе привязался къ сестрѣ, какъ къ единственному моему убѣжищу. Такою она и оказалась для меня. Избавленіе мое, и кризисъ въ моей жизни приближались.

Наступила осень. Непріятель удалился отъ Риги, и флоти-

ліи, тамъ дѣйствовавшей, велѣно было идти на зимовку въ Свеаборгъ. Извѣщая объ этомъ сестру, зять Сульменевъ просилъ ее пріѣхать къ нему туда, на что сестра натурально тотчасъ же и рѣшилась. По просьбѣ моей рѣшилась она взять съ собою и меня. Дядя, довольный, что отъ меня избавится, очень холодно изъявилъ свое согласіе. Нужно было думать о средствахъ переѣзда. Въ нихъ не было недостатка. Въ неизвѣстности о томъ, что предприметъ Наполеонъ послѣ Москвы, и опасаясь за Петербургъ, въ это время вывозили изъ него разныя сокровища (напр. Эрмитажныя). Балтійскій флотъ положено было отправить въ Англію на сохраненіе, и удалить изъ Петербурга военно-учебныя заведенія; между прочимъ морской корпусъ и штурманское училище перевезти въ Свеаборгъ. Послѣднее отправлялось на фрегатѣ Поллуксѣ, которымъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Николаевичъ Бутаковъ (отецъ извѣстныхъ трехъ братьевъ моряковъ). Сестра послала меня къ нему въ Кронштадтъ съ письмомъ. Старый сослуживецъ и пріятель зятя тотчасъ же распорядился прислать фрегатскій баркасъ за багажемъ, и мы, не теряя времени, явились на фрегатъ, уже готовый къ отправленію. Сестра была съ сыномъ Петромъ, бывшимъ у кормилицы, и служанкой. Фрегатъ скоро снялся съ якоря со свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ. Былъ исходъ октября.

Это первое мое плаваніе никогда не изгладится изъ моей памяти. Кажется, я и теперь еще слышу этотъ новый для меня шумъ воды подъ рулемъ, при большомъ ходѣ фрегата (мы были помѣщены, разумѣется, въ капитанской каютѣ), эту монотонную перекличку сидящаго у компаса штурманскаго ученика съ рулевымъ: «Право одерживай! Есть, одержано! Такъ держи! Есть, тааакъ!» Меня все интересовало; при всякой работѣ на верху я всегда шнырялъ, чтобы все видѣть, такъ что капитанъ однажды прикрикнулъ на меня: «Да не вертитесь вы все подъ ногами», а послѣ шутя разсказывалъ объ этомъ сестрѣ. Мы должны были стать на якорь у Наргена. Я не прежде успокоился, какъ когда мнѣ объяснили, зачѣмъ мы остановились, и что намъ нужно

для продолженія пути? Учителемъ моимъ при этомъ случаѣ былъ второй лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ Селивановъ, которому было суждено, 18 лѣтъ послѣ того, служить подъ моей командой. На другой день мы снялись и пришли въ Свеаборгъ. Меня очень удивило, когда я увидѣлъ капитана на вантахъ подъ самымъ марсомъ, смотрящаго въ зрительную трубу впередъ.

Въ Свеаборгѣ мы флотиліи еще не застали. Сестра съ ребенкомъ помѣстилась у Опочининыхъ. Петръ Александровичъ Опочининъ, сынъ старушки Марьи Васильевны (отецъ вышеупомянутаго Владиміра Петровича), о которой я выше уже говорилъ, товарищъ по корпусу и закадычный пріятель зятя, служилъ въ это время контрольнымъ совѣтникомъ въ Свеаборгѣ. Опочинины приняли сестру какъ родную. Это было началомъ самой интимной связи на всю жизнь между Марьею Ѳедоровной Опочининой и моей сестрой Сульменевой. Я остался покамѣсть на фрегатѣ. Легши спать на рундукѣ въ капитанской каютѣ, я подслушалъ разговоръ капитана съ старшимъ лейтенантомъ о томъ, какъ возможно было посылать флотилію черезъ заливъ въ это время года, почти на явную гибель. Однакожъ вся флотилія пришла благополучно на другой же день. Зятю отвели крошечную квартиру въ ковчегѣ. Тѣснота въ Свеаборгѣ, когда нахлынула туда эта масса командъ и офицеровъ, была такая, что покуда успѣли большую часть ихъ размѣстить по уѣздамъ, пришлось очистить нѣсколько мастерскихъ въ портѣ, и помѣстить тамъ офицеровъ, какъ на бивакѣ. Въ маленькой квартирѣ зятя не было для меня мѣста. Егоръ Еремеичъ Куличкинъ, также зимовавшій въ Свеаборгѣ, удѣлилъ для меня уголокъ, хотя и его квартира состояла изъ двухъ маленькихъ комнатъ.

Мы застали въ Свеаборгѣ Архангельскую эскадру адмирала Кроуна, которая также должна была отправиться въ Англію. Въ день снятія ея съ якоря Куличкину надо было съѣздить на одинъ изъ кораблей. Я, разумѣется, съ нимъ. Все это движеніе чрезвычайно меня интересовало. Кажется, уже былъ ноябрь мѣсяцъ; сильно морозило. Какъ теперь вижу адмиральскій корабль

уже въ морѣ подъ всѣми парусами; на немъ какой-то сигналъ, и пушка за пушкой, по обыкновенію Кроуна. «Ну, распалился!» замѣтилъ старый рулевой, стоявшій уже у штурвала. Вдругъ говорятъ, что одинъ корабль сталъ у Грохару на мель. Всѣ бросились на обсерваторію, чтобы лучше видѣть и я туда же. То былъ корабль «Саратовъ», капитанъ Языковъ; онъ тутъ остался и былъ разобранъ. Зимой случилось на этомъ кораблѣ происшествіе, которое могло бы мнѣ стоить жизни. Я подружился со многими молодыми морскими офицерами и между прочимъ съ двумя братьями Наумовыми и ихъ двоюроднымъ братомъ Новосельцевымъ. Однажды, вечеромъ, у Наумовыхъ Новосельцевъ говоритъ, что на другой день будутъ вынимать мачты на «Саратовѣ» и что онъ тамъ будетъ съ рабочей командой. Положено было и намъ идти туда, смотрѣть на эту работу. Утро было ясное, морозное; ледъ какъ зеркало. Тутъ я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ подробности этой операціи. Заходили шпили. Я стоялъ на шкафутѣ,—когда гротъ-мачта поднялась на одну треть высоты, я гляжу на верхъ, и вдругъ вижу, что одна стрѣла, немного по ниже гинь-блока переломилась. Понявъ опасность моего положенія, я бросился бѣжать на бакъ, думая оттуда какъ нибудь спуститься на ледъ. Раздался ужасный громъ отъ падающихъ на пустой, замерзлый корабль обломковъ стрѣлъ. Не успѣлъ я еще спуститься на гальюнъ, какъ все затихло. Ни одинъ обломокъ меня не коснулся. «Нѣтъ ли ушибленныхъ» закричали снизу. Оказался одинъ матросъ, именно команды Новосельцева. Этотъ пострѣлъ ужасно засуетился. «Ушибленнаго надо скорѣй въ госпиталь, фельдшера сюда». Тутъ были одни сани, на которыхъ пріѣхалъ капитанъ-лейт. Абрамовъ, завѣдывавшій работой. Новосельцевъ сажаетъ ушибленнаго съ фельдшеромъ въ сани, самъ садится за кучера, а намъ говоритъ: «ну, садитесь, братцы, какъ умѣете, я васъ довезу домой». Погналъ и во всю дорогу подтрунивалъ надъ *старикомъ Ламакинымъ* (sobriquet Абрамова), какъ онъ поплетется пѣшкомъ; матросъ, кажется, на другой день умеръ. Громъ съ «Саратова» слышенъ былъ ясно въ

Свеаборгѣ; сестра и зять очень обрадовались, увидя меня здравымъ и невредимымъ.

Меня взяли въ Свеаборгъ натурально не для того, чтобы я билъ баклуши: надо было подумать о моей будущности. Очевидно, что мнѣ надо было вступить въ службу, а вопросъ о томъ, въ какую, рѣшился такъ сказать самъ собою. Вся теперешняя моя обстановка вела къ тому, что служба эта могла быть только морская. Такимъ образомъ судьба привела меня къ исполненію всегдашняго желанія покойнаго отца. Но чтобы вступить въ службу, надо было къ ней приготовиться, и прежде всего учиться. Въ средствахъ къ тому, въ эту минуту, въ Свеаборгѣ недостатка не было. При морскомъ корпусѣ и штурманскомъ училищѣ было тамъ довольно учителей. Не знаю какими судьбами, можетъ быть и изъ за экономіи, выборъ палъ на наименѣе способнаго, Ѳедора Васильевича Груздова,—нѣчто въ родѣ полиграфа послѣдняго разряда, который въ низшихъ классахъ училъ и математикѣ, и исторіи, и русской грамматикѣ. Онъ взялся приготовить меня, но только изъ математики, за 10 руб. ассигн. въ *мѣсяцъ*. Я ходилъ къ нему всякій день послѣ обѣда. Эти прогулки зимой, во всякую погоду, во фризовой шинели (другой у меня не было), очень мнѣ памятны. Путь былъ не короткій. Груздовъ жилъ въ казематѣ, на другомъ концѣ крѣпости, въ Варчекѣ.—Кислая рожа, которую я часто при этомъ имѣлъ, побудила шутниковъ сказать, что шинель моя вѣрно подбита ренскимъ уксусомъ. Но причина этой кислоты была чисто внѣшняя — холодъ, потому что я ходилъ учиться очень охотно. При этомъ обнаружились, невѣдомо мнѣ самому, плоды той умственной работы, которой я по внутреннему побужденію предавался въ послѣдніе годы. Отличная память вѣрно удержала все то, чего я набрался по лоскуткамъ въ безпорядочныхъ моихъ занятіяхъ, особенно съ Панкратьевыми. Умъ привыкъ къ логической работѣ. Все, что преподавалъ мнѣ Груздовъ, было для меня понятно, а часто и не ново. Такимъ образомъ ученіе шло очень быстро, и я въ теченіи зимы прошелъ всѣ три отдѣла геометріи, плоскую тригонометрію и алгебру

до уравненій 2-й степени. Позднѣе взяли штурмана, съ которымъ я прошелъ сферическую тригонометрію и часть навигаціи по Гамалѣю. Къ веснѣ я готовъ былъ къ экзамену для поступленія на службу.

Зима эта послужила къ развитію моему и въ другомъ отношеніи. Я много терся между людьми. У Опочининыхъ, гдѣ мы безпрестанно бывали, собиралось часто все свеаборгское общество. Бывалъ я часто въ кружкахъ молодыхъ морскихъ офицеровъ. Въ клубѣ бывали часто балы, гдѣ я усердно танцовалъ и учился обращенію съ дамами. Заговорило и ребяческое сердце: мнѣ было 16-й годъ! Предметомъ моего обожанія была дочь плацъ-маіора Гершке, Кристина Ивановна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за лейтенанта Посьета, — мать нынѣшняго адмирала и воспитателя Вел. Кн. Алексѣя Александровича [39]). Былъ устроенъ спектакль любителей въ залѣ главнаго командира, въ которомъ и я участвовалъ въ женскихъ роляхъ: Софіи, въ «Недорослѣ» фонъ Визина и Кризоталіи, въ глупѣйшей трагедіи Грузинцова «Электра и Орестъ», и заслужилъ похвалу.

Такъ прошла зима. Поступленіе мое на службу, по тогдашнимъ патріархальнымъ порядкамъ, произошло слѣдующимъ образомъ. Зять написалъ къ министру военныхъ и морскихъ силъ, что шуринъ его N.N., обучившійся морскимъ наукамъ и сдѣлавшій уже компанію на морѣ, желаетъ опредѣлиться на службу во флотъ. Министръ даетъ предписаніе: проэкзаменовать г. N.N. и опредѣлить на гребную флотилію волонтеромъ въ должность мичмана, до Высочайшаго утвержденія его въ этомъ чинѣ. На представленіе министра объ этомъ послѣдовала собственноручная Высочайшая резолюція: «Прослужить ему гардемариномъ одну кампанію, и по окончаніи оной объявить мичманскій чинъ». И вся недолга. Никакихъ документовъ или свидѣтельствъ, ни о происхожденіи, ни о лѣтахъ не требовалось. Назначена была

---

[39]) Адмиралъ Константинъ Николаевичъ Посьетъ нынѣ министръ Путей Сообщеній.

коммиссія экзаменаціонная подъ предсѣдательствомъ капитанъ-командора Скотта; членомъ въ ней былъ между прочими Григорій Ивановичъ Платеръ[40]). Другихъ членовъ не помню. Собрались у Платера. Старикъ[41]) Скоттъ былъ боленъ, и я его видѣлъ послѣ только одинъ разъ; онъ вскорѣ потомъ умеръ. Экзаменовали меня изо всѣхъ предметовъ, которые я зналъ, и даже которыхъ не зналъ, наприм. изъ артиллеріи, и аттестовали — отлично. Сказать откровенно, экзаменъ этотъ былъ только необходимою формальностью. Меня всѣ знали и даже любили, зятя всѣ уважали, и такъ все совершилось келейно, отчасти съ шуточками и прибаутками. И вотъ я волонтеръ въ должности мичмана.

Между тѣмъ флотилія вооружалась поспѣшно. Меня покамѣсть не употребляли, а ходилъ я на вооруженіе фрегата «Амфитриды»; капитанъ его былъ Тулубьевъ (Иринархъ Степановичъ, слывшій отличнымъ морякомъ), но къ несчастію очень преданный слабости, весьма обыкновенной въ то время между моряками. Онъ умеръ десять лѣтъ послѣ того, въ морѣ, близъ мыса Доброй-Надежды, на пути въ Ситху. Старшимъ лейтенантомъ на фрегатѣ былъ Алексѣй Антиповичъ Шестаковъ, отецъ теперешняго адмирала[42]), отличный офицеръ, бывшій волонтеромъ въ Англіи. Не могу сказать, чтобы я многому научился на «Амфитридѣ», потому что мною никто не руководилъ. Во второй половинѣ апрѣля флотилія вышла на рейдъ. Она раздѣлена была на три отряда, по 21 лодки въ каждомъ. Отрядами командовали: первымъ—мой зять, вторымъ—капитанъ-лейтенантъ Мендель, третьимъ — капит.-лейт. Казинъ, Василій Михайловичъ. Отрядные командиры сидѣли на галетахъ. Зять имѣлъ свой брейдъ-

---

[40]) Гр. Ив. Платеръ, впослѣдствіи адмиралъ и сенаторъ, былъ предшественникомъ гр. Ѳ. П. по званію главнаго командира и военнаго губернатора Кронштадта.

[41]) Скоттъ былъ контръ-адмираломъ, командиромъ эскадры и ничѣмъ не отличался.

[42]) Нынѣшняго управляющаго морскимъ министерствомъ.

вымпелъ на галетѣ «Аглая». Лодки были палубныя, трехпушечныя (двѣ пушки на носу, одна на кормѣ), двухмачтовыя съ латинскими парусами. Онѣ имѣли очень хорошія морскія качества. Каждою лодкой командовалъ офицеръ, имѣвшій маленькую каюту.

Флотилія вышла изъ Свеаборга 23 апрѣля. Я былъ, разумѣется, на «Аглаѣ». Командиромъ галета былъ лейтенантъ Ф., недурной морякъ, но не такой же человѣкъ,—пьяненькій, развратненькій. Флагъ-офицеромъ у зятя былъ лейтенантъ Лука Ѳедоровичъ Богдановичъ, тогда уже старый офицеръ. Былъ еще, не помню въ какой должности, баронъ Шлиппенбахъ, Егоръ Антоновичъ, женившійся въ послѣдствіи на старшей дочери графа Гейдена (см. ниже). Я забылъ сказать, что всей флотиліей командовалъ капитанъ-командоръ гр. Гейденъ, имѣвшій свой флагъ на шлюпѣ «Лизетѣ» (капитанъ Ег. Ив. Платеръ). На галетѣ, кромѣ командира, былъ еще штурманъ. Какого нибудь систематическаго росписанія для службы и работъ не было. Я не имѣлъ никакого опредѣленнаго назначенія; иногда стоялъ я вахту, подъ надзоромъ Шлиппенбаха. Натурально, что прямой службы и дисциплины при такомъ порядкѣ научиться было нельзя; но за то тутъ начался мой жизненный опытъ. Я осрамился на первомъ шагу въ морѣ; при незначительной качкѣ у меня сдѣлалась рвота. Всѣ подумали, что меня укачало, и зять подтрунивалъ надо мною пословицею: «что, братъ! Не успѣлъ отъ берегу, да ужъ и онучи сушишь!» — Но дѣло было въ томъ, что я наканунѣ еще испортилъ желудокъ и, вставши по утру, уже чувствовалъ тошноту; качка только ускорила кризисъ. Къ качкѣ я привыкъ уже въ частыя мои поѣздки въ Кронштадтъ на пассажботахъ и никогда и послѣ не былъ подверженъ морской болѣзни.

Въ Ригѣ простояли мы до іюля мѣсяца, ожидая дальнѣйшаго назначенія. Было перемиріе; когда оно приходило къ концу, получено было повелѣніе: флотиліи идти въ Данцигъ, для содѣйствія въ осадѣ этой крѣпости. Переходъ въ Данцигъ совершился благополучно; мы держались близко Курляндскаго берега. Я помню, что мнѣ особенно понравился видъ Либавы, которая послѣ

въ мечтаніяхъ моихъ играла важную роль. Гребную флотилію поставили за мысомъ Гела, въ бухтѣ Путцигеръ Викъ (Putziger Wiek), у замка Руцана (Rutzan), принадлежавшаго графу Кейзерлингу. Лодки стояли у самаго берега, галеты довольно далеко. Парусныя суда стояли на якорѣ ближе къ Данцигу, противъ мѣстечка Клейнъ-Каца (Klein-Katz), гдѣ жилъ адмиралъ Грейгъ[43]), главный начальникъ морскихъ силъ осады. Всѣмъ осаднымъ корпусомъ командовалъ герцогъ Александръ Виртембергскій. Парусныя суда были: фрегатъ «Поллуксъ», на которомъ Грейгъ имѣлъ свой флагъ, бомбардирскія суда «Перунъ», «Молнія», «Бодрый» и, кажется, еще одно, и нѣсколько транспортовъ. Пришло также одно англійское бомбардирское судно. Въ составѣ гребной флотиліи были также бомбарды, по одной или по двѣ въ каждомъ отрядѣ.

Долго стояли мы въ бездѣйствіи въ Путцигеръ Викѣ. Скучно мнѣ было. Зять жилъ на берегу, куда я могъ только рѣдко съѣзжать, по большому отдаленію. Служебныхъ занятій на суднѣ не было никакихъ, компаніи никакой, или хуже чѣмъ никакой. По обыкновенію, я занимался сколько могъ, съ помощью немногихъ бывшихъ у меня книгъ, но безъ большаго толку.

Наконецъ, насъ потребовали къ Данцигу, вѣроятно въ то время, когда требовалось болѣе стѣснить крѣпость, которую до того содержали въ блокадѣ. 21 августа флотилія имѣла первое дѣло. Сколько я могу теперь сообразить, это была только рекогносцировка. Мы подошли на пушечный выстрѣлъ къ батареямъ на Вестеръ-Платте (Wester-Platte), въ устьѣ Вислы, и послѣ канонады, продолжавшейся нѣсколько часовъ, отошли. Въ этотъ разъ на берегу ничего не происходило. 22 августа, велѣно было бомбардирскимъ судамъ бомбардировать крѣпость.

---

[43]) Извѣстный адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, любимецъ Имп. Екатерины II и Павла, отецъ также извѣстнаго А. С. Грейга (главнаго командира Черноморскаго флота) и дѣдъ С. А. Грейга, бывшаго министра финансовъ.

Они подошли къ берегу, на сколько глубина позволяла, бросили нѣсколько бомбъ въ Вейксельмюнде (главная крѣпость внѣ выстрѣловъ съ моря), и отошли. 23 августа, сухопутныя войска атаковали форштадтъ Лангфуръ (Langfuhr), лежащій близъ берега, а флотиліи, вѣроятно для диверсіи, велѣно было опять атаковать батареи на Вестеръ-Платте. Опять канонада, нѣсколько болѣе продолжительная, чѣмъ первая, и опять отступленіе безъ всякаго результата. Затѣмъ, насъ отправили обратно въ Путцигеръ-Викъ, но не надолго. Въ концѣ мѣсяца, флотилію опять потребовали. На этотъ разъ, кажется, затѣвалось, что-то посерьознѣе. Приготовленъ былъ десантъ; командирамъ лодокъ даны были наставленія о порядкѣ высадки, и пр. 4 сентября произошло дѣло; оно продолжалось цѣлый день до вечера, отряды смѣнялись передъ Вестерплатскими батареями, на самомъ близкомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Бомбардирскія суда бросали бомбы, палили, палили, и въ сумерки отступили, и больше уже не возвращались. Моя роль въ этихъ дѣлахъ состояла въ разъѣздѣ на катерѣ между лодками и въ передачѣ приказаній отряднаго начальника. Большой трусости я не чувствовалъ, да сказать правду, и опасности большой не было. Ядра перелетали черезъ головы или рикошетировали вблизи, не нанося вреда. Для меня всегда оставалась загадкой цѣль этихъ морскихъ сраженій. 4 сентября, было вѣроятно цѣлью срыть Вестерплатскіе шанцы, сдѣлать высадку и укрѣпиться на устьѣ Вислы. Но еслибъ это и удалось, то не видно, какъ бы это могло ускорить овладѣніе Данцигомъ; для этого нужна была правильная осада. Въ дѣлѣ 4 сентября, у насъ взлетѣла на воздухъ одна лодка. Командиръ ея уцѣлѣлъ только по случаю. У него уже была такая потеря въ людяхъ, а въ лодкѣ столько пробоинъ, что онъ поѣхалъ къ отрядному командиру просить позволенія выдти изъ линіи; но не успѣлъ онъ доѣхать до лодки отряднаго командира, какъ его лодку взорвало. Уцѣлѣлъ только онъ, да его 4 гребца. Вообще, потеря наша въ этихъ дѣлахъ состояла убитыми и ранеными до 400 человѣкъ.

Флотилія возвратилась на прежнее свое мѣсто, и въ концѣ сентября 1813 г. перешла на зимовку въ Кёнигсбергъ. Для приготовленія квартиръ посланъ былъ впередъ капитанъ Разговоровъ, а съ нимъ и я, въ званіи переводчика. Мы отправились на катерѣ (тендерѣ) «Жемчугъ». Къ вечеру подошли къ Пиллавѣ и стали на якорь. Поутру съѣхали въ Пиллаву, поправились, напились кофе, и на томъ же катерѣ отправились въ Кёнигсбергъ. Вскорѣ пришла и флотилія. Зятю отведена была квартира въ какомъ-то большомъ отелѣ; я, разумѣется, жилъ съ нимъ.

Два или три мѣсяца, проведенные, въ этотъ разъ, въ Кёнигсбергѣ, не представляютъ ничего особеннаго, кромѣ того, что мнѣ въ это время былъ объявленъ чинъ мичмана. Жизнь была скучная, безтолковая. Я по привычкѣ занимался и работалъ, но безъ большаго толку. Ходилъ ко мнѣ штурманъ преподавать астрономію, по Гамалѣю; но я больше самъ читалъ.

Въ декабрѣ зять получилъ командировку въ Петербургъ. Въ Германіи ходили въ это время русскія ассигнаціи во множествѣ, которыя по вымѣнѣ отправляемы были обратно въ Россію. Для этого были учреждены въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ и въ Кёнигсбергѣ, банковыя конторы. Кёнигсбергская контора должна была отправить въ декабрѣ 2 или 3 милліона бумажекъ; отвозъ былъ порученъ зятю. Немногіе помнятъ теперь состояніе почтовыхъ дорогъ и почтовой ѣзды въ Пруссіи въ то время, до радикальной реформы Наглера. Чего не натерпѣлись мы въ пути до Мемеля. Мы ѣхали въ двухъ огромныхъ фурахъ; съ нами было человѣка четыре конвоя изъ моряковъ. Дорога шла по Frisch-Nehrung, т. е. дороги собственно не было, а ѣхали по голышамъ и валунамъ, по берегу моря, часто однимъ колесомъ въ морѣ. Отчаянно тихая ѣзда, грубость коммиссаровъ и почтарей, отвратительные пріюты дѣлали ѣзду несносною. До Мемеля ѣхали мы, кажется, двое сутокъ. За Мемелемъ вскорѣ встрѣтили санный путь. Какое блаженство! На первой же станціи, я заснулъ такъ крѣпко, что потерялъ шапку съ головы. Я замѣтилъ это только проснувшись по пріѣздѣ на слѣдующую

станцію. Къ счастію, у повара Логина нашлась какая-то старая, засаленная шапка, которой я обрадовался какъ кладу, и доѣхалъ въ ней до Петербурга. Въ Ригѣ остановились мы на сутки, чтобы обсушиться и дать людямъ отдыхъ. Въ Петербургъ пріѣхали вечеромъ; зять проѣхалъ прямо въ крѣпость сдавать деньги, а я отправился домой, въ галерную гавань. Сестра насъ ожидала, и была натурально осчастливлена пріѣздомъ мужа. Въ продолженіи нашей разлуки, сестра потеряла сына Петра и родила дочь Надежду.

Мы прожили въ Петербургѣ до весны. Зима 1814 г. прошла для меня не безъ пользы. Охота къ умственнымъ занятіямъ не пропадала во мнѣ, скорѣе увеличивалась. У одного учителя морскаго корпуса дослушалъ я астрономію Гамалѣя. Упражнялся въ астрономическихъ вычисленіяхъ. Много читалъ, — увы! не всегда путное: уже и тогда можно было абонироваться въ книжныхъ лавкахъ. Много тоже я переводилъ. Въ посту я конфирмовался. Къ несчастію и этотъ важный актъ въ жизни долженъ былъ я сдѣлать какъ нибудь. Мы принадлежали всегда къ Анненскому приходу. Но ходить изъ галерной гавани на Литейную казалось и для молодыхъ ногъ слишкомъ далеко. Я рѣшился обратиться къ пастору Буссе, Екатерининскаго прихода (на Васильевскомъ островѣ), старому пріятелю батюшки. Буссе прежде всего спросилъ меня, почему я не обращаюсь къ суперинтенденту Рейнботу? Я сказалъ ему откровенно причину и Буссе согласился взять меня «въ ученье» (in die Lehre). Но какъ долженъ былъ онъ удивиться, скажу ужаснуться, увидя, что молодой человѣкъ, являющійся, чтобъ быть конфирмованнымъ, не вѣдалъ и перваго слова изъ того, что онъ долженъ былъ знать! Въ пенсіонѣ Мейера были у насъ конечно уроки священной исторіи и катихизиса, но все это уже давно у меня вылетѣло изъ головы. По теперешнимъ моимъ понятіямъ строгій законоучитель долженъ бы былъ сказать мнѣ: «молодой человѣкъ, отложите совершеніе этого священнаго акта на нѣсколько мѣсяцевъ. Изучите прежде основательно и поймите то, чему вы должны вѣрить, и

тогда приступайте къ этому акту». Буссе догадался вѣроятно, что говоря такъ, онъ этимъ поставилъ бы меня въ весьма затруднительную, и въ ту минуту безвыходную, дилемму; не желая, чтобы сынъ уважаемаго имъ человѣка оставался долѣе язычникомъ, онъ рѣшился сдѣлать это проще. Онъ далъ мнѣ большой и малый катихизисъ, указалъ мѣста, которыя я особенно долженъ былъ запомнить, и въ которыя долженъ былъ вникнуть, и назначилъ дни и часы, когда я долженъ къ нему приходить. Я былъ у него, кажется, разъ пять или шесть. Его объясненія имѣли видъ бесѣды. Наконецъ, онъ назначилъ одно воскресенье для совершенія обряда. И теперь я не могу вспомнить безъ грусти объ этомъ днѣ. Послѣ службы, Буссе призвалъ меня къ алтарю; сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые я, помнится, отвѣчалъ очень дурно, заставилъ прочесть «Отче нашъ» и Символъ вѣры, и пріобщилъ. Тогда мнѣ все это казалось очень натурально и въ порядкѣ. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, я долженъ былъ упущенное наверстывать впослѣдствіи, посредствомъ самовоспитанія и саморазмышленія.

Время проходило не скучно. Къ зятю пріѣхали изъ деревни братъ и три сестры...... Все это до такой степени необразовано, какъ только могли быть необразованы деревенскіе дворяне того времени. Когда вся эта компанія нахлынула, въ домѣ стало не то, чтобы болѣе жизни, а болѣе шума. Для молодаго, развитаго мальчика и этого было довольно. Но для молодой женщины и тогда уже не богатырскаго здоровья, — какова была моя сестра, не подходившая къ нимъ, ни по характеру, ни по правиламъ, ни по образованію, — такая фаланга золовушекъ была слишкомъ не подъ силу. Она отдохнула только тогда, когда компанія эта весной отправилась обратно во свояси.

Дядя Энгель принялъ меня довольно ласково, но безъ всякихъ épanchements (безъ задушевности), которые были не въ его характерѣ. Не знаю, замѣтилъ ли бы наблюдатель, и болѣе меня опытный, какіе нибудь въ немъ слѣды или удовольствія къ доброму началу моей службы, или сожалѣнія о томъ, что было

прежде. Мы съ зятемъ обѣдали у него постоянно по понедѣльникамъ; сестра къ нему все еще не показывалась. Мы встрѣчали тамъ иногда довольно большое и разнообразное общество,— бесѣды веселыя и серіозныя, которыхъ умный дядя былъ всегда душой. Его понедѣльники я очень любилъ, и они мнѣ были очень полезны. Дядя показалъ мнѣ однако же знакъ своего вниманія подаркомъ книги, «Cours élémentaire de tactique navale, par Audibert Ramatuelle» (Элементарный курсъ морской тактики Одибера Раматюеля), на которую я, по своему обыкновенію, набросился съ жадностью; я сталъ тотчасъ ее переводить и перевелъ больше половины. Рукопись эта должна еще быть между моими бумагами. Бывалъ я также (въ 1814 г.) у Олениныхъ, жившихъ тогда у Обухова моста, гдѣ меня всегда принимали какъ роднаго, — особенно безподобная старушка, тогда еще, впрочемъ, совсѣмъ не старая, Елизавета Марковна. Къ сожалѣнію, я бывалъ у нихъ не такъ часто, какъ они того желали, какъ уговаривала меня сестра Анна Федоровна Фурманъ, у нихъ жившая, и какъ бы то слѣдовало для собственной моей пользы. Я не понималъ тогда, какая школа для образованія молодаго человѣка былъ домъ Олениныхъ [44]). Что же удерживало меня? Не то, чтобъ мнѣ было непріятно тамъ бывать; напротивъ, я уносилъ всегда самыя пріятныя оттуда впечатлѣнія. Чувство, меня удерживавшее, могу я сравнить только съ чувствомъ человѣка, боящагося холодной воды. Онъ всегда очень радъ, когда выкупается, чувствуетъ, что ему хорошо, но броситься въ воду, ему всегда стоитъ большаго труда. Все это было послѣдствіемъ прошедшей, несчастной моей юношеской жизни, непривычки къ тону хорошаго об-

---

44) Достаточно извѣстный и упоминаемый во всѣхъ историческихъ описаніяхъ нашей литературы и искусства домъ Олениныхъ (Алексѣя Николаевича Оленина) былъ центромъ образованнаго и лучшаго общества Петербурга въ то время. Мы лично, вслѣдствіе родства съ Олениными (см. выше), имѣемъ много свѣдѣній объ ихъ домѣ и всѣхъ упоминаемыхъ гр. Ѳедоромъ Петровичемъ лицахъ. Эти свѣдѣнія только подтверждаютъ все имъ сказанное. Объ Олениныхъ писано такъ много, что нѣтъ надобности здѣсь объ нихъ распространяться.

щества. Непринужденность, развязность молодыхъ людей, моихъ сверстниковъ, когда я сравнивалъ ихъ съ моею неловкостью, наводили на меня какую-то робость, застѣнчивость, затрогивая вмѣстѣ съ тѣмъ мое самолюбіе. Эта нерѣшительность, неувѣренность въ себѣ сдѣлались чертою моего характера, оставшеюся на всю жизнь и не исчезнувшею даже и въ старости. Для меня и теперь нужно нѣкоторое усиліе (eine Selbstüberwindung, борьба съ самимъ собою), чтобы ѣхать въ чужой домъ безъ положительнаго зова.

Посѣщалъ я часто и театръ, единственный въ то время *Малый театръ*, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго Александринскаго. Идти пѣшкомъ изъ галерной гавани къ Аничкову мосту и обратно, не смотря ни на какую погоду, было мнѣ ни почемъ. Яковлевъ, двѣ сестры Семеновы, Зловъ, Самойловъ, Югюстъ, Колосова, и только-что явившіеся тогда на сцену Брянскій, Сосницкій, Пальниковъ, Рамазановъ, отличались на этой сценѣ и доставляли публикѣ истинное наслажденіе. Это время принадлежитъ къ числу пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній.

Въ маѣ, мы съ зятемъ отправились обратно въ Кёнигсбергъ; этотъ путь, хотя и совершенный на перекладныхъ, былъ, въ сравненіи съ прежнимъ, почти прогулкою. Мы нашли флотилію дѣятельно приготовляющеюся къ походу; война кончилась, и флотиліи велѣно было возвратиться въ Россію. Нѣсколько недѣль, остававшіяся до ея отправленія, прошли очень пріятно. Прогулки по разнымъ загороднымъ мѣстамъ, въ прекрасную погоду, доставляли пріятное развлеченіе. Мы вышли въ море въ началѣ іюня. Плаваніе было благополучное. Пройдя Либаву, захватилъ насъ крѣпкій N вѣтеръ, и тутъ лодки имѣли случай выказать прекрасныя свои морскія качества. Подъ огромными своими латинскими парусами, бѣжали онѣ прекрасно, и къ вечеру того же дня отрядъ нашъ въ полномъ составѣ бросилъ якорь въ Монзундѣ. Шедшій за нами отрядъ долженъ былъ укрыться въ Либавѣ. Дня черезъ два вся флотилія собралась въ Свеаборгѣ.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ Свеаборгѣ (въ 1814 г.),

принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ воспоминаніямъ первой моей молодости. Общество свеаборгское оживилось съ прибытіемъ флотиліи, гдѣ было много любезныхъ молодыхъ людей. Заключенный миръ располагалъ всѣхъ къ веселію. Главный командиръ, адмиралъ Бодиско (съ конца 12 года), любилъ гостепріимство. Пошли безпрестанные праздники, обѣды и танцовальные вечера у адмирала, балы въ клубѣ, пикники, поѣздки многочисленнымъ обществомъ по островамъ, въ шкерахъ, откуда возвращались, когда солнце стояло уже высоко. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ принималъ я живое участіе. Я былъ представленъ, тотчасъ по прибытіи, адмиралу Бодиско, который, какъ старый знакомый батюшки, принялъ меня очень ласково, также и премилое его семейство. Жена его, Каролина Ивановна, урожденная Вистингаузенъ, была предобрая и премилая женщина. Двѣ старшія дочери, красавицы, Екатерина и Амалія (послѣдняя въ послѣдствіи генеральша Мирковичъ)[45], были душею дома. Сверхъ того, жила у Бодиско въ это время жена его зятя, Вистингаузена, съ семействомъ, изъ котораго одна только старшая дочь, Изабелла, была взрослая. Христіанъ Ивановичъ Вистингаузенъ служилъ нѣкогда подъ начальствомъ моего отца и былъ имъ облагодѣтельствованъ. Поэтому Луиза Өедоровна[46]), его жена, приняла меня какъ роднаго. Въ этомъ домѣ я, какъ сыръ въ маслѣ, катался; однакожъ это сдѣлалось не вдругъ. Въ началѣ моя застѣнчивость, о которой я выше говорилъ, заставила меня держаться въ сторонѣ. Однажды, когда собрались всѣ къ обѣду, хозяинъ, увидя меня, какъ бы удаляющагося отъ молодаго кружка, говоритъ:

---

[45]) Ея мужъ генералъ Мирковичъ былъ въ послѣдствіи генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ.

[46]) Луиза Өедоровна Вистингаузенъ, извѣстная начальница Патріотическаго Института, о которой и понынѣ вспоминаютъ съ уваженіемъ всѣ знавшіе ее. Двѣ дочери ея: Софія Христіановна была замужемъ за А. М. Княжевичемъ, бывшимъ министромъ финансовъ при Императорѣ Александрѣ II, и Александра Христіановна была замужемъ за г. Христіани. Послѣдняя жила у овдовѣвшаго А. М. Княжевича, была хозяйкою въ его домѣ и пользовалась уваженіемъ всего петербургскаго общества.

«Да что ты, братецъ, такъ стоишь тутъ, вотъ тамъ твое мѣсто», и схватя за плечи, силою толкнулъ меня въ кружекъ дѣвицъ. Сначала я совсѣмъ растерялся, хотѣлось быть сто саженъ подъ землею; внутренно я далъ себѣ обѣщаніе никогда болѣе не являться въ этотъ домъ. Но это было не на долго: la glace était rompue. Любезная веселость барышенъ ободрила и увлекла меня, и я скоро былъ какъ дома. Скоро родилась и маленькая flirtation съ Изабеллою Вистингаузенъ, прелестнымъ существомъ однихъ лѣтъ со мною; съ нею я и послѣ того остался въ тѣсной дружбѣ до самой ея смерти. Съ этой минуты вообще началась интимная связь наша съ семействомъ Вистингаузенъ, изъ котораго осталась теперь въ живыхъ одна только Александра Христіановна Христіани[47]).

Какъ въ прошломъ году (1814) изъ Кёнигсберга, такъ и нынѣ зятю пришлось везти деньги въ Петербургъ, только теперь не бумажки, а золото и серебро, оставшіяся отъ принятыхъ заграницей. Мнѣ такъ было весело въ Свеаборгѣ, что я просилъ зятя не брать меня съ собой въ Петербургъ; эта идея была конечно ребяческая, изъ которой, разумѣется, ничего не вышло. Но обнаружилось это забавнымъ образомъ. Однажды вечеромъ, у Вистингаузена, барышни вздумали заставить меня играть на фортепіано. Я отнѣкиваюсь; вдругъ подходитъ Луиза Ѳедоровна и говоритъ: «какъ, ты не хочешь?» Я, воображая, что дѣло идетъ о фортепіано, еще сильнѣе протестую: «ни за что, не умѣю». Оказалось, что она совсѣмъ не о томъ, а услыша отъ зятя, что я не желаю ѣхать въ Петербургъ, пришла меня уговаривать. Естественный отвѣтъ мой былъ: «какъ прикажутъ». Въ августѣ пріѣхали въ Петербургъ, въ гаваньскую резиденцію зятя[48]).

Мнѣ выхлопотали отпускъ и я прожилъ въ Петербургѣ до февраля. Время прошло скоро. Оба брата Панкратьевы были

---

[47]) См. выше примѣчаніе 46.

[48]) Съ этого мѣста до конца, автобіографія была писана графомъ Литке въ 1868 г.

тогда въ Петербургѣ. Владиміръ воротился съ гвардіею чуть ли не капитаномъ гвардейской артиллеріи; Теофилъ былъ переведенъ въ гвардейскіе егеря. Мы часто бывали вмѣстѣ. Я провелъ и эту зиму довольно весело. Много ли нужно семнадцатилѣтнему мальчику, чтобы веселиться? Но не забывалъ я дѣло. Съ учителемъ морскаго корпуса, котораго имени теперь не запомню, прошелъ я еще астрономію по Гамалѣю. Почти такъ же какъ 2 года назадъ, съ Груздовымъ прошелъ всю математику, однакожъ не безъ пользы, потому что теперь, какъ и всегда, самоученіе было для меня главнымъ дѣломъ. Я внимательно читалъ Гамалѣя, а главное, много вычислялъ по астрономическимъ задачамъ, даннымъ мнѣ учителемъ, что̀ было отличною подготовкою для будущаго. Въ ноябрѣ (8-го) сестра опять родила дочь Екатерину, четвертаго ребенка въ 4 года. Испытанія эти для бѣдной женщины не скоро должны были прекратиться.

Наконецъ, надо было отправляться къ настоящей командѣ въ Свеаборгъ. Въ февралѣ (1815 г.) меня снарядили и отправили. Сестра со слезами благословила меня въ путь, да и мнѣ не легко было увидѣть себя въ первый разъ одинокимъ; но въ томъ возрастѣ скоро ко всему привыкаешь. Было очень морозно, амуниція моя была мичманская. Я отморозилъ пальцы; но ничего, доѣхалъ благополучно. Главный командиръ Н. А. Бодиско принялъ меня ласково, и приказалъ быть при себѣ по особымъ порученіямъ. Должность моя состояла въ томъ, чтобы дежурить все утро передъ кабинетомъ адмирала и всякій день у него обѣдать. Я имѣлъ разъ или два какія-то порученія, которыя, помнится, исполнилъ довольно плохо. Добрѣйшая адмиральша меня ласкала; милыя ея дочери были по прежнему любезны. Опочинины и Л. Ѳ. Вистингаузенъ приняли меня какъ роднаго. У адмирала часто танцовали, въ клубѣ также, и я въ этотъ годъ сталъ очень развертываться. Бывали и домашніе спектакли. Однажды, былъ назначенъ спектакль, въ которомъ Изабелла Вистингаузенъ должна была играть мужскую роль, въ какой-то комедіи Коцебу (кажется «Zwei Nieten für einen»). Вдругъ мать

ея получаетъ извѣстіе, что мужъ ея Христіанъ Ивановичъ опасно заболѣлъ въ Петербургѣ; она тотчасъ же туда отправилась, взявъ съ собою и Изабеллу. Какъ быть? Спектакль, до котораго осталось не болѣе двухъ или трехъ дней, разстраивается. Мнѣ предлагаютъ взять роль Изабеллы; я беру, выучиваю, и за игру получаю даже похвалу. Въ такой обстановкѣ время до весны прошло для меня скоро и пріятно. Къ открытію навигаціи (въ 1815 г.) назначили меня на знакомый мнѣ галетъ «Аглаю», подъ команду капитанъ-лейтенанта Егора Ивановича Вистингаузена. Галетъ назначенъ былъ занимать брандвахтенный постъ на маломъ западномъ фарватерѣ къ Гельсингфорсу. Мы вытянулись на рейдъ при первомъ вскрытіи льда и простояли на своемъ посту до заморозковъ, около 7 мѣсяцевъ. Во все это время, мы ничего другаго не дѣлали, какъ только опрашивали мимо идущія лайбы. И при всемъ томъ я не могъ сказать, чтобы я это время провелъ скучно. Въ свободные отъ службы дни я съѣзжалъ на берегъ, гдѣ, какъ всегда, было довольно развлеченій; въ вахтенные дни много занимался. Я снова прочелъ тщательно навигацію Гамалѣя со всѣми прибавленіями. Въ практикѣ Гамалѣя прочелъ лоцію Финскаго залива, слѣдя подробно по картѣ. Въ темныя ночи изучалъ по Гамалѣю-же созвѣздія. Нехитрымъ октантомъ нашего штурмана пробовалъ брать разстоянія и т. д. Все это впослѣдствіи мнѣ очень пригодилось. Читалъ много и другаго, получая книги изъ клубной библіотеки или отъ Л. Ѳ. Вистингаузена. Пробовалъ даже, — что впрочемъ дѣлалъ и прежде, — писать замѣчанія на прочитанное или свои мысли. Единообразіе такой жизни было нарушено однимъ только эпизодомъ, — практическимъ плаваніемъ. Приказано было всѣхъ находившихся при портѣ мичмановъ посылать, по очереди, въ море, для практики. Назначенъ былъ для этого бригъ «Молнія»; капитанъ Зенбулатовъ. Въ нашу очередь, было насъ человѣкъ 15-ть. Если бы цѣль была показать молодымъ офицерамъ, какъ служба не должна отправляться, то нельзя бы ничего лучшаго придумать. Пятнадцать шелопаевъ, напичканныхъ въ тѣсные

предѣлы брига, невозможно занять путнымъ образомъ. Мы ничего и не дѣлали, а только школьничали; на вахтѣ спали, чему вахтенные лейтенанты подавали намъ примѣръ. Я былъ въ вахтѣ у лейтенанта Панкрата Глазатова. Разъ ночью онъ мнѣ говоритъ: «Ну, Фризушка, паруса и снасти въ твоей власти», завалился на рундукъ и заснулъ. Скоро вѣтеръ зашелъ, и я вышелъ изъ вѣтра и не зналъ порядочно какъ распорядиться. Разбуженный шумомъ, Панкратъ первымъ дѣломъ счелъ ругаться. Проснулся и капитанъ, и призвавъ вахтеннаго командира, разбранилъ его. Капитанъ нашъ всякій вечеръ имѣлъ свою партію бостона, а къ ночи раздѣвался совершенно и ложился въ койку; тогда являлся къ нему сказочникъ изъ матросовъ, который, присѣвъ на корточки у койки, говорилъ ему сказки, пока капитанъ не засыпалъ. Какова школа для молодыхъ офицеровъ! Кампанія наша продолжалась съ недѣлю или дней десять. Мы заходили въ Ревель, потомъ дошли до Оденсгольма и воротились во свояси, послѣ чего насъ раскомандировали по старымъ мѣстамъ.

Какимъ образомъ я при этомъ заслужилъ репутацію отличнаго офицера, я рѣшительно самъ не понимаю; но такъ было. Зенбулатовъ такимъ рекомендовалъ меня главному командиру. Это произошло отъ того, можетъ быть, что я всетаки немного больше другихъ старался заниматься дѣломъ. Вооруженный маленькой своей трубченкой, смотрѣлъ съ баку вѣхи, когда было нужно, бросалъ лагъ. Пробовалъ становиться на руль и при работахъ кое-какъ старался распоряжаться. Какъ бы то ни было, но такая рекомендація внушила мнѣ высокое о себѣ мнѣніе, что мнѣ впослѣдствіи много повредило.

Когда пришло извѣстіе о высадкѣ Наполеона и о томъ, что наши войска опять идутъ во Францію, мною овладѣлъ духъ воинственный. Я писалъ зятю, что желаю поступить въ армію и просилъ его похлопотать о моемъ переводѣ. Но мнѣ не суждено было имѣть своихъ ста дней. Едва ли не съ обратной почтой зять отвѣтилъ мнѣ: «Желаніе вашей милости отпустить усы (я тогда еще не брился) и сѣсть на коня пришло поздно; мы сей-

часъ получили извѣстіе, что Бонапартъ разбитъ при Бель-Аліансѣ, и все кончено».

Въ октябрѣ (1815 г.) общество свеаборгское было поражено внезапною кончиной адмирала Бодиски отъ апоплектическаго удара. На меня этотъ случай произвелъ впечатлѣніе потрясающее, — такое, какое могла бы произвести только кончина моего отца, еслибъ я въ то время не былъ еще ребенкомъ. Обласканный Бодиской и его семействомъ, я привязался къ нему сердечно. Живыя чувства юноши не испытывали доселѣ такого удара и были поражены тѣмъ сильнѣе. Печаль моя была непритворна и я не скрывалъ ее. Меня возмущало, что я не только не встрѣчалъ въ другихъ сочувствія къ себѣ, но иногда насмѣшку надъ моею сентиментальностью. Горькій опытъ жизни тогда еще не очерствилъ моего сердца.

На мѣсто адмирала Бодиски назначенъ былъ главнымъ командиромъ мой старый начальникъ Л. Гейденъ. [49]), бывшій до того въ Або. Съ нимъ и семействомъ его я на этотъ разъ не успѣлъ сойтись, потому что вскорѣ послѣ того, какъ мы галетъ нашъ поставили на зимовку, я взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Своихъ нашелъ я еще въ Галерной гавани, но зять вскорѣ потомъ былъ назначенъ въ морской корпусъ маіоромъ (такъ назывался въ то время помощникъ директора), и туда переѣхалъ.

Зима 1815—16 гг. не оставила въ памяти моей никакихъ особенныхъ слѣдовъ; она прошла какъ всѣ другія, а весной я опять возвратился въ Свеаборгъ. Графъ Гейденъ, знавшій меня съ самаго вступленія моего въ службу, оставилъ меня при себѣ для

---

[49]) Графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ, извѣстный адмиралъ, участвовавшій во второмъ Наваринскомъ сраженіи совмѣстно съ И. С. Сульменевымъ. Онъ умеръ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ Ревеля въ 1850; на мѣсто его былъ назначенъ графъ Литке. Онъ былъ отецъ адмирала и генералъ-адъютанта графа Логина Логиновича, члена комитета о раненыхъ, и графа Ѳедора Логиновича, генералъ-адъютанта, бывшаго начальника главнаго штаба и нынѣшняго Финляндскаго генералъ-губернатора.

исправленія адъютантской должности, и я былъ принятъ въ семью какъ родной, подобно какъ въ прошломъ году у Бодиски. Но характеръ этой семьи былъ совсѣмъ другой. Серіозный Бодиско держалъ молодыхъ людей на разстояніи; гр. Гейденъ, умный, образованный, но въ то же время добродушнѣйшій человѣкъ и весельчакъ (ему тогда было съ небольшимъ 40 лѣтъ), допускалъ гораздо большее сближеніе и даже фамильярность. Графиня Анна Ивановна, урожденная Д'Агелинъ (D'Aguelin), падчерица адмирала Вилима Петровича Фанъ-Дезина, была дама умная, образованная, характера тихаго, строго нравственная и благочестивая. Взрослыхъ дѣтей у нихъ тогда еще не было; старшей дочери Маріи (впослѣдствіи баронесса Шлиппенбахъ, во второмъ бракѣ Ивкова) было тогда лѣтъ 14; сыновья Логинъ (см. выше) и Александръ были еще мальчиками. Фрица (теперь генералъ-адъютантъ и начальникъ Главнаго Штаба, см. выше) тогда еще не было на свѣтѣ. Жизнь была тихая, чисто семейная. Собранія бывали, но рѣдко. По вечерамъ бывали игры (petits jeux de société, jeux d'esprit); много играли на бильярдѣ. Графъ любилъ разсказывать прежнія свои похожденія, случаи изъ прежней своей службы и т. д., позволяя и намъ принимать участіе въ бесѣдѣ. Во всемъ этомъ я принималъ участіе съ врожденною мнѣ живостью ума и воображенія, и поставленный по милости и добротѣ хозяевъ на ногу почти члена семейства, я не умѣлъ держать себя всегда въ должныхъ границахъ. Я былъ тогда какъ разъ въ шаловливомъ возрастѣ (der Flegeljahre), и долженъ признаться, что былъ иногда настоящимъ флегелемъ (шалуномъ). Не могу даже не удивляться, какъ меня терпѣли. Но доброта Гейденовъ никогда не измѣнялась. Графъ иногда вспылитъ, иногда оборветъ, — а чрезъ полчаса видишь на его лицѣ опять добрую улыбку. И теперь, послѣ полувѣка слишкомъ, я не могу вспомнить безъ чувства любви и благодарности отеческой ихъ ко мнѣ снисходительности. Графъ не измѣнился ко мнѣ и потомъ; до самой кончины своей (1850 †) онъ показывалъ мнѣ прежнюю пріязнь. Могъ ли я тогда воображать, что мнѣ

суждено будетъ чрезъ 35 лѣтъ быть его преемникомъ въ должности? [50]) Будучи уже главнымъ командиромъ въ Ревелѣ, я часто навѣщалъ старушку графиню на ихъ дачѣ на Перновской улицѣ и проводилъ очень пріятные часы въ ея умной бесѣдѣ. Служба моя при графѣ Гейденѣ ограничивалась нѣкоторыми порученіями, при исполненіи которыхъ я постоянно дѣлалъ blunders (промахи). Графъ поворчитъ, а потомъ расхохочется. Добрѣйшая душа!

Но время мое проходило не безъ пользы. Охота къ занятіямъ меня не оставляла. У графа была порядочная библіотека, которою мнѣ позволено было пользоваться. Я много читалъ, дѣлалъ выписки, переводы. Между прочимъ написалъ очеркъ похода Сенявина въ Средиземное море, по экстракту журнала корабля «Твердый». Эта работа, кажется, уцѣлѣла между моими бумагами [51]). У графа жилъ штурманъ Никифоровъ, дававшій уроки его сыновьямъ и постоянно повѣрявшій хронометръ графа по соотвѣтствующимъ высотамъ. Разумѣется, я не пропустилъ этого случая, выучиться наблюденіямъ въ артифиціальный горизонтъ, и это пригодилось.

Но скоро мои занятія получили опредѣленную цѣль. Однажды получаю я письмо отъ зятя, въ которомъ онъ писалъ: «Я тебя запродалъ; снаряжается на будущій годъ экспедиція въ Камчатку, подъ начальствомъ В. М. Головнина [52]), который по

---

[50]) Въ должности Ревельскаго военнаго губернатора.

[51]) Эта работа не была найдена въ бумагахъ графа Ѳ. П.

[52]) Знаменитый мореплаватель Василій Михайловичъ Головнинъ, отецъ скончавшагося въ 1886 г. Александра Васильевича Головнина, члена государственнаго совѣта и бывшаго министра народнаго просвѣщенія, въ царствованіе Александра. II См. Н. Греча, Жизнеописаніе Васил. Михайлов. Головнина, разныя свѣдѣнія о родѣ его и собраніе фамильныхъ старинныхъ актовъ дворянъ Головниныхъ, С.-Петербургъ, 1851; Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное на военномъ шлюпѣ Камчатка, въ 1817—1819 г.г. флота капитаномъ Головнинымъ, С.-Петерб., 1822, въ двухъ частяхъ. Тоже другой разъ отпечатано въ слѣдующемъ изданіи: Сочиненія и переводы В. М. Головнина, въ четырехъ томахъ, и сверхъ того, записки въ плѣну у японцевъ В. М. Головнина, сокращенное изданіе для дѣтей старшаго возраста,—издан-

просьбѣ моей обѣщалъ взять тебя съ собой». Можно вообразить себѣ мое восхищеніе! Сдѣлать дальній вояжъ, «сходить въ безъизвѣстную», какъ тогда еще говорили, было всегда моей мечтой. Еще въ прошлую зиму, въ Петербургѣ, старался я попасть на корабль Сѣверо-Американской компаніи «Кутузовъ» (команд. Л. А. Багсмейстеръ), отправленный въ колоніи въ 1816 г. Тогда это не удалось.

Получа такое радостное извѣстіе, я набросился на путешествія, какія только могъ найти въ Свеаборгѣ. Прочелъ Крузенштерна, Лисянскаго, Сарычева, Кука, Ансона; я совершенно жилъ въ будущемъ. Между свеаборгскими знакомыми, сблизился я особенно, еще съ 12-го года, съ лейтенантомъ М. И. Муравьевымъ. Не взирая на различіе лѣтъ (онъ былъ лѣтъ 10 или 15 старше меня), мы съ нимъ очень сдружились. Человѣкъ умный, начитанный по тогдашнему, предобрый, но нѣсколько флегматическій и лѣнивый, онъ почему-то особенно меня полюбилъ. Назначенію моему онъ, натурально, порадовался, и разъ какъ-то въ разговорѣ сказалъ, какъ бы и ему хотѣлось идти съ Головнинымъ, но не знаетъ, какъ это сдѣлать. Я написалъ объ этомъ зятю; тотъ сказалъ Головнину, и Муравьевъ былъ назначенъ. Это насъ еще болѣе сблизило.

Въ Свеаборгѣ же, и тоже въ 1812 году, сблизился я съ лейтенантомъ Чилавскимъ (Иваномъ Богдановичемъ). Это былъ человѣкъ умный, пріятный собесѣдникъ и поэтъ. Мнѣ памятны два его стихотворенія: шуточная ода на производство въ лейтенанты и акростихъ на двухъ сестеръ Герике, начинавшійся словами:

ныя въ 1864 г. его сыномъ А. В. Головнинымъ. Съ этого времени начинаются близкія отношенія графа Литке къ семейству Головниныхъ и отсюда первое начало позднѣйшей тѣсной пріязни его къ бывшему министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину, съ которымъ онъ сверхъ того сблизился во время службы А. В. Головнина при В. К. Константинѣ Николаевичѣ и въ морскомъ министерствѣ. Въ бумагахъ графа Литке сохранилось много писемъ Василія Михайловича Головнина, доказывающихъ, что не смотря на свой суровый характеръ, онъ принималъ сердечное участіе во всей позднѣйшей дѣятельности графа Ѳ. П.

«Корабль подъ властію моею». Я съ нимъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, въ теченіи многихъ лѣтъ послѣ того (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ). Въ описываемое время онъ сдѣлался женихомъ Изабеллы Вистингаузенъ, что̀ насъ однако же не раздружило. Моя привязанность къ ней была чисто платоническая, прекратившаяся впрочемъ только съ ея смертью. Въ это время, все семейство Вистингаузенъ переѣхало въ Петербургъ, куда и я отправился по первому зимнему пути.

Съ окончательнымъ удаленіемъ изъ Свеаборга кончился періодъ моей службы, который я могу назвать школьничьимъ; начался періодъ ученическій, въ который я долженъ былъ окончательно образоваться для полной самостоятельной дѣятельности. Мнѣ посчастливилось попасть для этого въ наилучшую школу. Но и трудная была эта школа.

Головнинъ зналъ меня съ самаго своего возвращенія изъ Японіи, посѣщая тогда зятя Ив. Сав. Сульменева, который приходился ему внучатнымъ братомъ. Но Головнинъ былъ не такого рода человѣкъ, котораго подобная (т. е. родственная) связь могла наклонить къ какому нибудь фаворитизму, — скорѣй напротивъ. Умный, по тогдашнему образованный, серіозный, по службѣ строгій, — и прежде всего къ самому себѣ, — онъ держалъ себя совершеннымъ деспотомъ, неизмѣримо высоко надъ всѣми подчиненными. Въ его глазахъ всѣ были равны, съ однимъ исключеніемъ, о которомъ скажемъ послѣ. Ни малѣйшаго ни съ кѣмъ сближенія. Всегда и вездѣ командиръ; steif (непреклонный и недоступный) до нельзя; никто никогда не видѣлъ него ни ласки, ни любезности. Словомъ, гуманности никакой. его очень боялись, но вмѣстѣ и уважали за его чувство д честность и благородство.

Составъ нашей каютъ-компаніи былъ слѣдующій. Старшій изъ 3-хъ лейтенантовъ былъ М. И. Муравьевъ, о которомъ я говорилъ выше. Званіе старшаго офицера тогда еще не существовало; у Головнина всѣ были равны, онъ самъ всѣмъ распоряжался. Какъ старшій между нами и чиномъ и лѣтами, онъ

могъ бы пріобрѣсти вліяніе надъ нашимъ кругомъ и предупредить тѣмъ разныя столкновенія и непріятности; но онъ былъ для этого слишкомъ безхарактеренъ, апатиченъ и лѣнивъ. Но впрочемъ его всѣ любили. Второй лейтенантъ Н. Ф., служившій гардемариномъ и потомъ мичманомъ на «Діанѣ». Головнинъ питалъ всегда особенную и весьма естественную привязанность ко всѣмъ служившимъ на «Діанѣ», какъ къ участникамъ освобожденія его изъ японскаго плѣна. Поэтому онъ и взялъ къ себѣ на Камчатку, кромѣ Ф., и бывшихъ писаря Савельева и фельдшера Скородумова — горькаго пьяницу, сдѣлавшагося клеркомъ и лѣкарскимъ помощникомъ. О двухъ послѣднихъ можно сказать только то, что они были безполезны; но что Головнинъ взялъ Ф., офицера очень посредственнаго, а человѣка пренегоднаго, это доказывало до ослѣпленія доходившее пристрастіе его ко всѣмъ діанскимъ. Этому негодяю, его интригамъ, его наушничеству, обязаны мы были всѣми смутами, всѣми непріятностями, возникшими скоро въ каютъ-компаніи. Головнинъ могъ, кажется, порядочно раскусить этого человѣка въ эту кампанію; не менѣе того, въ слѣдующемъ же году, при снаряженіи отряда Тулубьева, по рекомендаціи Головнина, Ф. былъ назначенъ командиромъ брига «Аяксъ», который онъ самымъ безпутнымъ образомъ посадилъ на песчаный берегъ Голландіи и, объявя погибшимъ, бросилъ со всей командой. Недѣли двѣ спустя, бригъ былъ приведенъ цѣлехонекъ въ Тексель голландскими рыбаками и со всѣмъ грузомъ. Только судовая казна неизвѣстно ...-то пропала. Послѣ этого Ф. не могъ оставаться во флотѣ, ...ндовалъ послѣ гардкотами на Волгѣ и, куда впослѣдствіи ...лся, не знаю. Третій лейтенантъ Ѳ. К. ничтожный, глупый человѣкъ и кутила, попавшій къ намъ, вѣроятно, какъ пасынокъ Миницкаго, фаворита Аракчеева.

Старшимъ мичманомъ былъ я, вторымъ Врангель, называвшійся тогда еще Ѳедоромъ Петровичемъ, по которому мы, по неудобству носить двумъ тоже имя возвратили настоящее его имя Фердинанда. Для меня было большимъ счастіемъ найти такого то-

варища: одинакія лѣта, одинакое направленіе скоро насъ сблизили и положили основаніе дружбѣ, болѣе полувѣка продолжающейся [53]).

---

[53]) Знаменитый мореплаватель баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель управлявшій морскимъ министерствомъ въ концѣ 50-хъ годовъ, былъ съ этого времени (т. е. совмѣстнаго плаванія подъ командою Головнина) до своей смерти (въ 1870 г.) самымъ близкимъ другомъ графа Ѳедора Петровича. Ф. П. Врангель достаточно извѣстенъ всему образованному міру, чтобы нужно было сообщать здѣсь объ немъ свѣдѣнія (см. его біографію, написанную его дочерью Е. Ф. Енгельгардъ: Ferdinand von Wrangel und seine Reisen etc. von L. v. Engelhardt, Leipzig, 1885). Мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что имѣли счастье лично его знать и даже имѣли нѣкоторыя дѣловыя съ нимъ отношенія, и приэтомъ могли убѣдиться въ возвышенныхъ свойствахъ его ума и сердца, и въ необыкновенномъ благородствѣ его характера. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *лучшихъ* людей, какихъ намъ пришлось встрѣтить въ нашей жизни. Дружба барона Врангеля съ графомъ Литке, неизмѣнно продолжавшаяся съ ихъ первой молодости до глубокой старости, заключала въ себѣ много трогательнаго; она доказываетъ между прочимъ теплую сердечность ихъ обоихъ, не смотря на то, что оба они жили преимущественно умственною жизнью. Непрерывнымъ взаимнымъ обмѣномъ мыслей, они, при различіи своихъ характеровъ, другъ друга пополняли, другъ друга воспитывали и другъ другу духовно помогали и взаимно нравственно себя поддерживали въ своей дѣятельности. Мы сами лично были, въ теченіи многихъ лѣтъ, свидѣтелями этой дружбы. Вотъ, что говоритъ объ этомъ біографъ Ф. П. Врангеля, г-жа Энгельгардтъ: «Въ этомъ путешествіи (на «Камчаткѣ»), молодой мичманъ Врангель сдружился съ съ другимъ молодымъ мичманомъ Литке такъ крѣпко, что эта дружба, не смотря на различіе ихъ характеровъ и воззрѣній, сохранилась на всю ихъ жизнь. Литке также достигъ впослѣдствіи ученой славы и высокаго положенія; онъ скончался послѣдній въ этомъ дружественномъ кружкѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1882 г. Постоянная, въ теченіи 50 лѣтъ, оживленная переписка между двумя друзьями должна служить обильнымъ источникомъ для изученія великихъ переворотовъ, происшедшихъ въ Россіи, въ теченіи этого полустолѣтія (Engelhardt, Ferdinand v. Wrangel, p. 11). Это послѣднее предположеніе мы не можемъ считать вѣрнымъ, — по крайней мѣрѣ относительно перваго періода этой переписки въ первомъ періодѣ жизни графа Ѳ. П., — на сколько она намъ извѣстна. Сынъ барона Ф. П. Врангеля благосклонно доставилъ намъ всѣ письма его отца къ гр. Ѳ. П. Литке, съ 1819 по 1835 г. (т. е. въ томъ періодѣ, — до назначенія гр. Литке воспитателемъ В. К. Константина Николаевича,—который преимущественно обнимаетъ настоящее изданіе); эти письма сохранялись у гр. Литке въ замѣчательномъ порядкѣ (подобно большей части его бумагъ и его переписки) и были при жизни его переданы имъ сыновьямъ бар. Врангеля. На основаніи этихъ писемъ, мы можемъ признать обширную переписку между двумя друзьями весьма интересною въ психологическомъ отношеніи, для характе-

Штурманомъ былъ Никифоровъ, о которомъ я выше говорилъ, педальній, необразованный, тихій, онъ никому не мѣшалъ. Набивши руку, какъ наблюдатель, онъ въ этомъ отношеніи былъ хорошимъ помощникомъ капитану, который въ существѣ былъ самъ первымъ штурманомъ.

Къ нашему же кругу принадлежалъ Матюшкинъ, лицеистъ перваго выпуска, назначенный къ намъ въ должность гардемарина, — лице всѣмъ извѣстное[54]). Настоящихъ гардемариновъ было трое: двое Лутковскихъ, — братьевъ невѣсты Головнина, и Артюковъ. Младшій Лутковскій, Ѳеопонтъ, былъ, 20 лѣтъ спустя, моимъ помощникомъ[55]).

ристики ихъ обоихъ (и для этой цѣли мы воспользовались ею въ нашемъ введеніи), но для характеристики времени, событій и дѣйствовавшихъ лицъ, мы почти ничего не нашли въ этой перепискѣ. Содержаніе ея почти исключительно, такъ сказать, *душевное*; оно главнѣйше посвящено взаимному обмѣну чувствъ, мыслей и впечатлѣній. Поэтому мы ничего не могли извлечь изъ этой переписки любопытнаго для публики. Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, — позднѣйшая, еще не разобранная и намъ еще не достаточно извѣстная переписка между графомъ Литке и бар. Врангелемъ, въ томъ ихъ возрастѣ, когда они сдѣлались дѣйствующими лицами въ обществѣ, имѣетъ другой характеръ. О перепискѣ съ барономъ Врангелемъ графъ Ѳ. П. говоритъ самъ ниже въ своей автобіографіи.

54) Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ, товарищъ Пушкина по Царскосельскому Лицею, умеръ въ 70-хъ г.г., въ чинѣ адмирала и званіи сенатора.

55) Братьевъ Лутковскихъ было двое. Старшій *Петръ* Степановичъ былъ старый холостякъ, большой оригиналъ, шелъ обыкновеннымъ служебнымъ путемъ и скончался въ 1882 году въ чинѣ адмирала и въ должности члена Адмиралтействъ Совѣта.—Младшій *Ѳеопонтъ* Степановичъ былъ какъ-то замѣшанъ въ исторіи 14-го декабря 1825 г. и сосланъ въ Астрахань на службу въ каспійскую флотилію, откуда по личному ходатайству графа Литке передъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, онъ былъ назначенъ помощникомъ графа по должности воспитателя В. К. Константина Николаевича. Весьма трогательно, — и оно доказываетъ великую душу и благородство характера государя Николая Павловича, — было объясненіе, которое имѣлъ съ нимъ графъ Литке по этому поводу. Графъ Ѳ. П., со свойственною ему откровенностью, сознался Императору, что въ то время (въ 1825 г.) всѣ молодые люди занимались политикой, не исключая и его самаго, и что при той или другой случайности и онъ могъ бы попасться, подобно Лутковскому; но что все это ребяческія давно забытыя бредни. Этотъ разговоръ графа Ѳ. П. съ Государемъ записанъ въ запискахъ графа. Ѳеопонтъ Степановичъ скончался въ 1853 году въ званіи Свиты Его Имп. Вел. контръ-адмирала.

Должно еще упомянуть о трехъ, данныхъ намъ для отвоза въ колоніи, компанейскихъ мореходахъ: лейтенантъ Андрей Деливронъ, пустой и безпокойный чудакъ, — Эталинъ,[56] теперь контръ-адмиралъ въ отставкѣ, и Шмидтъ, бывшій потомъ мичманомъ Финскаго экипажа.

О путешествіи нашемъ я говорить не буду; оно довольно извѣстно изъ книги Головнина, а дѣтямъ моимъ также изъ подробнаго журнала [57]), веденнаго мною во все время. Скажу здѣсь только объ этихъ моихъ ученическихъ годахъ, въ отношеніи собственно ко мнѣ.

Съ самаго начала, мнѣ не повезло; капитанъ меня не взлюбилъ, главнымъ образомъ по собственной моей винѣ, но отчасти и вслѣдствіе разныхъ случайностей, для меня неблагопріятныхъ, но безъ моей прямой вины. Излишняя живость характера, необдуманность, въ первое время незнаніе порядка службы (гдѣ мнѣ было ей научиться?), избалованность прежними начальниками,— все это должно было въ глазахъ капитана давать мнѣ видъ какого-то шалопая. Другой на его мѣстѣ, двумя, тремя внушительными замѣчаніями, тотчасъ бы меня образумилъ; но не таковъ былъ Головнинъ. Это было бы ниже его достоинства; гораздо было натуральнѣе не обращать никакого вниманія на маль-

---

[56]) Эталинъ былъ послѣ бар. Фердинанда Петровича управляющимъ американскою компаніей и умеръ въ Финляндіи въ своемъ помѣстьи въ исходѣ 70-хъ годовъ.

[57]) Весьма извѣстное кругосвѣтное путешествіе В. М. Головнина на Камчаткѣ, въ 1817, 1818 и 1819 гг., подробно описано въ III томѣ его сочиненій (вышеупомянутыхъ). Веденный графомъ Ѳ. П. журналъ, на который онъ здѣсь ссылается, составляетъ четыре первые тома его рукописныхъ записокъ, о которыхъ мы говоримъ въ нашемъ введеніи. Этотъ журналъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной наблюдательности, умственной самодѣятельности и пытливости, развившихся въ Ѳедорѣ Петровичѣ, еще въ такомъ юномъ возрастѣ. Но во всѣхъ сообщаемыхъ имъ здѣсь наблюденіяхъ и описаніяхъ видѣнныхъ имъ странъ, нѣтъ (по мнѣнію компетентныхъ лицъ, которымъ мы передавали эту рукопись для прочтенія) ничего новаго и заслуживающаго теперь опубликованія, послѣ сочиненій самаго В. М. Головнина и всѣхъ свѣдѣній объ этихъ странахъ, изданныхъ съ тѣхъ поръ.

чишку мичмана, отозваться о немъ презрительно, а при случаѣ и оборвать его. Къ тому же я поссорился съ Кутыненымъ, моимъ вахтеннымъ командиромъ (тогда еще не было въ обычаѣ стоять на четыре и на пять вахтъ, а по уставу Петра Великаго стояли всегда на три, и старшій мичманъ поступалъ подъ вахту къ младшему лейтенанту), изъ за какихъ-то пустяковъ, въ театрѣ въ Ріо-Жанейро, и вооружилъ противъ себя Филатова, который, безъ сомнѣнія, повредилъ мнѣ въ мнѣніи капитана. Положеніе мое стало такъ непріятно, что мнѣ пришла даже мысль, по прибытіи въ Камчатку, сказаться больнымъ и оставить шлюпъ. Только дружба Врангеля удержала меня отъ этого необдуманнаго поступка, который испортилъ бы всю мою карьеру. Подъ конецъ кампаніи, капитанъ сталъ со мною ласковѣе, а потомъ самъ же далъ мнѣ первый толчекъ въ служебной моей дѣятельности.

Въ это тяжелое время дружба Фердинанда (Врангеля), съ которымъ мы жили душа въ душу, хотя иногда и ссорились, и постоянныя занятія меня поддерживали. Кромѣ аккуратно веденнаго журнала, я много читалъ, дѣлалъ выписки, переводы, астрономическія наблюденія и вычисленія. Капитанская библіотека была обильно снабжена путешествіями, преимущественно англійскими. Поконча со всѣми не англійскими книгами, что было мнѣ дѣлать? По англійски я, правда, учился въ пансіонѣ Майера, но въ 10 лѣтъ имѣлъ время все перезабыть; оказалось, однакожъ, что посѣянное не совсѣмъ пропало, ожидало только поливки и разработки. Надо было попробовать: взялъ Ванкувера и словарь, и прежде чѣмъ кончилъ третій томъ путешествія, словарь уже сталъ не нуженъ. Съ тѣхъ поръ я вполнѣ достаточно усвоилъ себѣ англійскій языкъ.

Не взирая на всѣ невзгоды, путешествіе на Камчаткѣ оставило мнѣ много пріятныхъ воспоминаній. Выдающимися моментами были: Бразилія, чудная природа и радушное гостепріимство Лангсдорфа [58]), спутника Крузенштерна; Лима; первое по-

[58]) Лангсдорфъ былъ нашимъ консуломъ въ Ріо-Жанейро.

явленіе вънача́лѣ мая Камчатки, съ покрытыми до подошвы снѣгомъ сопками, знакомство съ Рикордомъ и его женой; Ситха и типичная личность Баранова [59]); Сандвичевы острова и король ихъ Тамсамса I, котораго, кажется, прозвали Великимъ; Манилла и первое знакомство съ Эшаппарромъ [60]); Фаялъ (Азорскіе острова), показавшійся намъ раемъ земнымъ, послѣ неудачнѣйшаго перехода изъ Маниллы и безплодной остановки у ост. Св. Елены; наконецъ Англія и Лондонъ, занимающіе особый отдѣлъ въ моемъ журналѣ. Все это воспоминанія, до сей минуты остающіяся для меня свѣжими.

Въ Спитгедѣ встрѣтили мы отряды Беллинсгаузена и Васильева, отправлявшіеся къ разнымъ полюсамъ.

Въ Кронштадтъ пришли въ первыхъ числахъ сентября 1819 г. Принявъ посѣщеніе министра, Маркиза де Траверсе, вошли въ гавань и шабашъ кампаніи. Въ мое отсутствіе, я былъ произведенъ (въ 1818 г.) въ лейтенанты.

Въ началѣ похода, какъ выше сказано, я не имѣлъ никакого понятія о службѣ; воротился же настоящимъ морякомъ, но морякомъ школы Головнина, который въ этомъ, какъ и во всемъ, былъ своеобразенъ. Его система была думать только о существѣ дѣла, не обращая никакого вниманія на наружность. Мнѣ памя-

---

[59]) Барановъ былъ долгое время управляющимъ нашими Сѣв.-Американскими колоніями; личность весьма энергическая и дѣятельная. На его мѣсто впослѣдствіи былъ назначенъ баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель (въ началѣ 20-хъ годовъ).

[60]) Эшаппарръ былъ французъ въ испанской службѣ, поселившійся на Маниллѣ; онъ весьма гостепріимно принималъ у себя нашихъ офицеровъ. Впослѣдствіи, во время кругосвѣтнаго плаванія на «Сенявинѣ», гр. Литке засталъ Эшаппарра совсѣмъ разорившимся, и обремененнаго огромной семьей. Это побудило его взять двухъ сыновей его съ собой въ Россію, на свое попеченіе. Изъ нихъ старшій *Діего Яковлевичъ Дюбрейль - Эшаппарръ* былъ весьма замѣчательный инженеръ-механикъ, женился на дѣвицѣ Фулонъ (племянницѣ А. Ѳ. Львова) и преждевременно умеръ въ 1867 г. въ чинѣ полковника, оставивъ большую семью. Младшій *Педро Яковлевичъ*, храбрый до самозабвенія юноша, служилъ сначала въ гвардіи, перешелъ на Кавказъ и былъ въ 40-хъ годахъ убитъ въ стычкѣ съ горцами, совершивъ чудеса храбрости.

тенъ отвѣтъ его Муравьеву, вооружавшему «Камчатку» и вѣроятно спрашивавшему что нибудь о рангоутѣ: «Помните, что объ насъ будутъ судить не по блочкамъ и другимъ пустякамъ, а по тому, что мы на другомъ концѣ свѣта сдѣлаемъ хорошаго или дурнаго». Щегольства у насъ никакого не было, ни въ вооруженіи, ни въ работахъ, но люди знали отлично свое дѣло, всѣ марсовые были въ то же время и рулевыми, мѣняясь черезъ склянку, и всѣ воротились домой здоровѣе, чѣмъ пошли. О мытьѣ палубы, такъ чтобы она послѣ лоснилась какъ лучшій паркетъ, мы и понятія не имѣли; а покажется грязною, велятъ выскоблить. Я думаю, что наша «Камчатка» представляла въ этомъ отношеніи странный контрастъ, не только съ позднѣйшими Николаевскими судами, но даже и съ современниками своими. Послѣ того, что я сказалъ о характерѣ нашаго капитана, излишне упоминать, что на «Камчаткѣ» соблюдалась строгая дисциплина. Капитанъ первый показывалъ примѣръ строгаго исполненія своихъ обязанностей. Ни малѣйшаго послабленія, ни себѣ, ни другимъ. Въ морѣ онъ никогда не раздѣвался. Мнѣ случалось даже на якорѣ, приходя рано утромъ за приказаніями, находить его спящимъ въ креслахъ, въ полномъ одѣяніи. Это не составляло для него никакого лишенія. Товарищи по службѣ прозвали его *пруссакомъ*, потому что онъ всегда былъ одѣтъ строго по формѣ.

Слѣдующую зиму до января прожилъ я въ Петербургѣ, на маленькой квартирѣ, близъ Морскаго корпуса, и очень весело. При многочисленной роднѣ и обширномъ кругѣ знакомства, у гостепріимныхъ Сульменевыхъ, часто сообщались и нерѣдко танцовали. Но не одно веселіе занимало мое время; по обыкновенной привычкѣ и наклонности я также много работалъ. Убѣдясь, какъ многаго недоставало въ первоначальномъ моемъ образованіи, я хотѣлъ учиться.

Я старался (въ 1820) ходить на лекціи въ университетъ, только что тогда открытый, но встрѣтились такія затрудненія и формальности, что мнѣ это не удалось. Странно, какъ люди стараго покроя смотрѣли на эти вещи; когда я объявилъ о моемъ

намѣреніи зятю Ив. Сав. Сульменеву, онъ замѣтилъ только: «смотри братъ, не заучись».

Въ январѣ, взявъ отпускъ, я поѣхалъ въ Радзиловъ и Вильну для свиданія съ сестрами Анной и Елизаветой, которыхъ не видалъ съ самой кончины батюшки, чтобы познакомиться съ ихъ мужьями К. К. Гирсомъ и Розеномъ, и воротился въ мартѣ. Въ Радзиловѣ жили очень весело; у зятя (Гирса) часто собирались, была большая игра, въ которой и я нѣсколько принималъ участіе. Въ Вильнѣ, у Розена, жили тише, но тутъ я познакомился съ нѣкоторыми университетскими профессорами: Боянусомъ, Шпицнагелемъ, Лобойко, Рюстемомъ и др.

По возвращеніи въ Петербуръ (въ 1820 г.) нашелъ я себя уже переведеннымъ въ Архангельскій экипажъ (по собственному желанію, разумѣется). Меня все тянуло къ морю; хотѣлось познакомиться съ сѣвернымъ океаномъ, пройдя изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Нашелся попутчикъ до Архангельска, капит.-лейт. Дзнерковскій и еще какой-то чиновникъ портовый. Путешествіе наше, въ большой кибиткѣ, при полной распутицѣ, было очень затруднительно и непріятно. Наскучившись всѣмъ этимъ, я оставилъ за Каргополемъ моихъ сопутниковъ и пустился впередъ на перекладныхъ.

Архангельскій отрядъ 1820 г. состоялъ изъ корабля «Трехъ Святителей», спущеннаго въ 1819 г., въ присутствіи Государя, и фрегатовъ «Патрикія» и «Меркуріуса». Меня записали на корабль. Командиромъ корабля и отряда былъ капитанъ I ранга Рудневъ. Я былъ четвертый лейтенантъ, — собственно пятый, но старшій изъ лейтенантовъ до того мало понималъ морское дѣло, что былъ назначенъ ревизоромъ. Тутъ опять Петръ Великій съ своими тремя вахтами мнѣ насолилъ. Какъ наши капитанъ-лейтенанты Муновницъ и Целелле ни упрашивали капитана дать мнѣ четвертую вахту, — не согласился ни за что: «Уставъ не велитъ». И такъ я опять подъ вахту къ 3-му лейтенанту Гильду, аза въ глаза не смыслившему въ своемъ дѣлѣ. Объ этомъ походѣ сохранилась въ моихъ бумагахъ довольно подробная за-

писка, о которой я совсѣмъ забылъ и которая попалась мнѣ случайно на глаза[61]).

Мы вышли за баръ въ началѣ іюня 1820 г. Вооруженіе продолжалось 6 недѣль, пароходовъ тогда еще не было. Все изъ порта доставлялось на парусныхъ лихтерахъ, казенныхъ и наемныхъ, и между прочимъ на бригѣ «Новая Земля», съ которымъ мнѣ суждено было въ слѣдующемъ году ближе познакомиться. Во все время я ни разу не оставлялъ корабля. Между вахтами читалъ и работалъ по обыкновенію. Я имѣлъ право имѣть каюту въ каютъ-компаніи, но вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ, и потому предпочелъ каюту на кубрикѣ, темную и душную, но гдѣ былъ одинъ и гдѣ мнѣ никто не мѣшалъ заниматься. Около 20 іюля мы снялись съ якоря и пришли въ Кронштадтъ въ первыхъ числахъ сентября. Плаваніе было благополучное и въ существѣ не заключало ничего замѣчательнаго; но собственно для меня представило довольно много новаго и необыкновеннаго въ томъ порядкѣ или, лучше сказать, безпорядкѣ, какимъ велась тогда служба. Къ этому для меня новому принадлежала главнѣйше контрабандная торговля, прочно организованная на всѣхъ судахъ, шедшихъ изъ Архангельска въ Балтику. Передъ походомъ всякій считалъ должнымъ намѣнять какъ можно больше пятаковъ стараго чекана, восемь которыхъ составляли одинъ фунтъ чистой мѣди; ихъ, въ то время, въ Архангельскѣ и окрестностяхъ ходило еще много. Для этого посылались въ уѣздъ унтеръ-офицеры и матросы. На эти пятаки покупались въ Копенгагенѣ, разумѣется очень выгодно, ромъ и разные товары, которые сбывались потомъ контрабандою въ Кронштадтѣ. У насъ на кораблѣ всѣ, — отъ капитана до послѣдняго мичмана, кромѣ меня, — запаслись, каждый сколько могъ, пятаками, и когда при переходѣ черезъ баръ очень трудно было привести корабль на ровный киль, то лоцкапитанъ Мехретинъ приписывалъ это

---

[61]) Этой записки до сихъ поръ не оказалось въ бумагахъ гр. Литке.

тому, что всѣ ящики съ мѣдными деньгами были спрятаны въ кормѣ подъ сухой провизіей. По приходѣ въ Эльсеперъ открылась у насъ совершенная ярмарка. Въ батарейной палубѣ разставлены были столы, на которыхъ купцы разложили свои товары, и торгъ шелъ открыто, in optima forma. Въ то же время на улицахъ встрѣчались офицеры въ мундирахъ, сопровождаемые матросомъ съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ за плечомъ, расхаживавшіе по лавкамъ для закупокъ. Посланникъ нашъ доносилъ, что послѣ каждаго прохода русскаго военнаго судна черезъ Зундъ, появлялось въ обращеніи множество русской мѣдной монеты. Такое безобразіе не могло наконецъ, при всей распущенности того времени, не обратить на себя вниманія правительства. Морской министръ поручилъ В. М. Головнину, состоявшему при немъ по особымъ порученіямъ съ самаго возвращенія съ Камчатки, придумать мѣры къ прекращенію такихъ безпорядковъ. Головнинъ, который n'allait pas par quatre chemins (ни въ чемъ не останавливался на полдорогѣ), предложилъ мѣру радикальную: строго запретить судамъ, идущимъ изъ Архангельска, останавливаться въ Копенгагенѣ, и чтобы не было предлога въ недостаткѣ воды, приказать имъ, во время плаванія раздавать воду по порціямъ, какъ на всѣхъ кругосвѣтныхъ судахъ. Министръ передалъ этотъ проектъ на обсужденіе Кронштадтскаго общаго собранія. Можно себѣ представить, какую бурю подняло тамъ это предлагаемое нововведеніе. Результатомъ была всеобщая ненависть къ Головнину, — и только. Совершенно прекратилось это торгашество только при Николаѣ I. Послѣднимъ героемъ его былъ капитанъ Китаевъ, разжалованный за то въ матросы.

Еще на много другихъ курьезовъ насмотрѣлся я въ эту кампанію, но объ нихъ говорить не стоитъ.

Въ Кронштадтѣ помѣстился я съ братомъ Александромъ на маленькой квартирѣ. Часто ѣздилъ въ Петербургъ, и одна изъ такихъ отлучекъ избавила меня отъ новой, очень непріятной кампаніи. Въ ту же осень 1820 г. произошла Семеновская исторія,

и одинъ изъ баталіоновъ велѣно было перевезти изъ Кронштадта въ Свеаборгъ. Былъ назначенъ для этого между прочимъ и фрегатъ «Патрикій»; не будь я тогда въ Петербургѣ, то непремѣнно бы на него попалъ. Объ этой кампаніи разсказывали такіе курьозы, что повѣрить трудно. Между прочимъ не было на фрегатѣ ни однихъ часовъ, такъ что никогда никто не зналъ, который былъ часъ, ни днемъ, ни ночью.

Головнинъ, жестокій и суровый съ своими подчиненными, не забывалъ ихъ однакожъ послѣ. Въ слѣдующемъ же, по возвращеніи, году онъ пристроилъ Муравьева главнымъ правителемъ Американскихъ колоній; Врангеля отправилъ въ знаменитую сѣверную экспедицію; Филатову доставилъ команду бригомъ въ кругосвѣтную экспедицію Ир. Ст. Тулубьева; и не его была (т. е. Головнина) вина, если его фаворитъ самымъ глупымъ образомъ поставилъ бригъ на мель на Голландскихъ берегахъ. Теперь дошла очередь и до меня.

Послѣ неудавшейся экспедиціи Лазарева на Новую Землю въ 1819 г., предположено было возобновить ее и построить для нея бригъ въ Архангельскѣ. Бригъ былъ готовъ въ 1820 г. (я познакомился съ нимъ на Барѣ, какъ выше сказано); но снаряженіе экспедиціи отложено до 1821 г. Головнинъ предложилъ меня въ начальники ея. Отказаться нельзя было, не испортя своей карьеры; да я объ этомъ и не думалъ. А было бы о чемъ задуматься. Въ послѣдствіи я убѣдился, что мнѣ многаго еще не доставало и со стороны опытности, и со стороны характера, — чтобы быть вполнѣ способнымъ начальникомъ такой экспедиціи; и что результаты ея могли бы быть гораздо значительнѣе при бо̀льшей моей подготовкѣ къ этому дѣлу[62]), хотя и такъ было

[62]) Эти слова гр. Ѳедора Петровича замѣчательны въ томъ отношеніи, что они какъ нельзя лучше характеризуютъ его скромность, доходившую почти до самоуничиженія, и чрезвычайную строгость къ самому себѣ, не покинувшія его даже въ старости (такъ какъ это мѣсто автобіографіи написано имъ въ 1868 г.). Хотя онъ выражается такъ скромно и такъ строго о своемъ начальствованіи четырьмя экспедиціями на Новую Землю, ихъ научные результаты, какъ извѣстно, прославили его имя (см. ниже).

сдѣлано не мало, и кое-что изъ сдѣланнаго и до сихъ поръ, послѣ 50 лѣтъ, не совсѣмъ потеряло свою цѣну. Можетъ быть, если бы я могъ предвидѣть въ то время, что я обрекаю себя, на 4 года, на эту работу, не представлявшую ничего привлекательнаго, то я бы тогда еще призадумался. Но я надѣялся, что все кончится однимъ годомъ, и что тогда мнѣ удастся попасть опять въ дальнее плаваніе, бывшее постоянною моею мечтою. Какъ бы то ни было, но вотъ я, на 24 году моего возраста, командиръ военнаго судна и начальникъ ученой экспедиціи!

О четырехлѣтнихъ работахъ моихъ я здѣсь говорить не буду, потому что онѣ описаны въ двухъ большихъ квартантахъ[63]). Ограничусь немногими замѣтками, лично до меня касающимися. Во всѣ четыре года, по возвращеніи съ моря, я оставался мѣсяца два или три въ Архангельскѣ, для приведенія въ порядокъ журналовъ и картъ; отправлялся потомъ въ Петербургъ, для представленія моихъ отчетовъ, а въ концѣ зимы отправлялся опять на новую работу. Время было веселое; не говоря уже о Петербургѣ, общественная жизнь и въ Архангельскѣ была очень оживлена. Во многихъ домахъ, какъ изъ чиновнаго люда, такъ и изъ купеческаго, проводили время пріятно; во главѣ ихъ былъ домъ губернаторскій, — Андрей Яков. и Варв. Алекс. Перфильевы. Остались и другія пріятныя воспоминанія....

Первая экспедиція (1821) была не очень удачна. Во вторую (1822) было сдѣлано гораздо больше. Начальство было довольно и готовилось меня наградить; но тутъ встрѣчается эпизодъ моей жизни, чуть было не испортившій всего. О немъ долженъ я сказать нѣсколько словъ.

Въ 1823 г. былъ у насъ опекуномъ Вас. Иван. Болгарскій, женатый на сестрѣ моей мачихи (Розѣ Андр.)[64]); такимъ

63) См. примѣчаніе 66.

64) Старшая изъ сестеръ Пальмъ — Марья была замужемъ за Пожиловымъ, овдовѣла, жила то тамъ, то сямъ, между прочимъ у Алексѣевыхъ, и

образомъ онъ былъ родня другой половинѣ нашей семьи. Онъ былъ поповичъ, т. е. семинаристъ, ума не дюжиннаго, но подъячій до мозга костей,—въ чемъ и состояло все его образованіе. Первоначальная его карьера мнѣ неизвѣстна. По родству съ отцомъ моимъ онъ пользовался покровительствомъ Трощинскаго и другихъ, и въ 1803 или 1804 году былъ назначенъ губернаторомъ въ Вятку. Провоеводствовавъ тамъ года 4 или 5, онъ былъ отданъ подъ судъ сенаторомъ Руничемъ. Дѣло, какъ всегда, тянулось многіе годы и только въ 1815 г., поддержкою того же Трощинскаго, оно окончилось его оправданіемъ. Потомъ сопровождалъ онъ (Болгарскій) А. И. Чернышева на Донъ; по возвращеніи оттуда сдѣланъ сенаторомъ, и въ этомъ званіи умеръ въ 40-хъ годахъ. Когда и какъ онъ сдѣлался нашимъ опекуномъ, я рѣшительно не помню; не знаю даже былъ-ли онъ формально утвержденъ въ этой должности. Довольно того, что онъ опекуномъ считался, о чемъ впрочемъ никто изъ старшей половины семейства ни мало не заботился, въ убѣжденіи, что и опекать-то нечего,—пока сестра Елизавета, по выходѣ замужъ, не вздумала поднять этого дѣла и потребовать отъ Болгарскаго отчета по опекѣ. Была между ними и переписка, и личныя объясненія; но какъ дѣло все таки не подвигалось, то и рѣшилась она (сестра Елизавета), какъ бывшая воспитанница Екатерининскаго Института, писать къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, прося ея защиты и покровительства. Дѣло пошло законнымъ путемъ. Императрица передала письмо сестры Вилламову, который препроводилъ его къ Болгарскому; онъ отвѣчалъ Вилламову, который наконецъ сообщилъ отвѣтъ Болгарскаго сестрѣ. Въ этомъ письмѣ, оправдывая свои дѣйствія всякими неправдами, онъ между прочимъ употреблялъ выраженія оскорбительныя для сестры; помню одно: «строптивость

въ старости, ослѣпши, была призрѣна добрѣйшими Сульменевыми, въ домѣ которыхъ и умерла.

Прим. графа Литке.

права и необузданность языка сей молодой дамы». Возмущенная и оскорбленная всѣмъ этимъ, сестра прислала ко мнѣ этотъ отвѣтъ, прося, чтобы я за нее заступился. Чтобы исполнить это, я не придумалъ ничего умнѣе, какъ написать къ Болгарскому ругательное письмо, которое, опровергая всѣ его доводы, я заключилъ требованіемъ отъ него удовлетворенія за причиненное сестрѣ оскорбленіе. Болгарскій принесъ на меня жалобу начальнику морскаго штаба Моллеру и просилъ его защиты, придавая дѣлу такой видъ, какъ будто жизнь его отъ меня въ опасности. Моллеръ (спасибо ему) принялъ во мнѣ участіе. Не оправдывая необдуманнаго поступка, онъ однакоже не могъ не сочувствовать молодому человѣку, заступившемуся за свою сестру. Онъ сказалъ мнѣ: «Вы поступили какъ Донъ-Кихотъ, о чемъ я очень сожалѣю. Постарайтесь уладить это дѣло миромъ чрезъ посредство вашего дяди Энгеля. Я намѣревался представить васъ къ чину; вотъ и докладная записка о томъ лежитъ; но если вы не уладите дѣла, то какъ мнѣ ни жаль будетъ, а я долженъ буду васъ арестовать». Уже внутренно сознавшись въ колоссальной глупости отпущенной мною штуки, я обѣщалъ Моллеру послѣдовать его совѣту. Взялись за дядю. Ну, натурально, головомойка! Однакожъ онъ поѣхалъ къ Болгарскому и уговорилъ его оставить дѣло. Тѣмъ все и кончилось, только я долженъ былъ покориться непріятной необходимости ѣхать извиниться передъ Болгарскимъ. Но тутъ вскинулась на меня сестра, которая такимъ исходомъ дѣла не считала себя удовлетворенною.

Послѣ, время все изгладило.

Моллеръ сдержалъ слово. Въ февралѣ 1823 г. я былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

Ободренный, началъ я третью мою кампанію (1823) очень охотно, и она вышла плодовитѣйшею изъ всѣхъ. Было сдѣлано довольно много, и было бы сдѣлано еще больше безъ событія, подробно описаннаго въ моей книгѣ [65]), вслѣдствіе котораго мы

---

[65]) Послѣ множества величайшихъ затрудненій, превзойденныхъ гр. Литке

чуть не погибли, и съ грѣхомъ пополамъ добрались до Архангельска. Съ меня было довольно и трехъ экспедицій, но я не отговаривался и отъ четвертой, хотя хорошенько не понималъ чего еще хотятъ. Кажется, что и Адмиралтейскому Департаменту было это не совсѣмъ ясно, потому что мнѣ предлагали самому написать себѣ инструкцію, за что я натурально поблагодарилъ. Четвертая и послѣдняя экспедиція (1824), частью по дурному лѣту, а частью и по безсодержательности инструкціи, была самая безплодная; однакожъ меня опять похвалили и даже представили къ наградѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложили прогуляться еще пятый разъ. Я призадумался, а какъ въ то же время послѣдовалъ отказъ отъ Моллера на сдѣланное обо мнѣ представленіе, то я уже положительно попросилъ меня уволить. Это исполнили и причислили меня къ Адмиралтейскому Департаменту для приведенія въ порядокъ и приготовленія къ печати моихъ работъ. Я принялся за составленіе моей книги «Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ» и проч. Для продолженія гидрографическихъ работъ на Лапландскомъ берегу посланъ былъ, по моей рекомендаціи, лейтенантъ Рейнеке. Вотъ начало тѣхъ многолѣтнихъ, превосходныхъ работъ, результатомъ которыхъ были карты и лоціи тѣхъ морей, до сихъ поръ существующія [66]).

въ этомъ плаваніи, упоминаемое имъ здѣсь «событіе» заключалось въ потерѣ руля посреди жесточайшей бури, на его бригѣ, на обратномъ пути съ Новой Земли въ Архангельскъ. Тутъ, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, онъ высказалъ необычайную энергію, построивъ новый руль во время самой бури (см. четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, и проч. Ѳедора Литке. С.-Петерб. 1828, стр. 98 и слѣд.).

[66]) Эти четыре экспедиціи графа Литке на Новую Землю и ихъ научные результаты подробно описаны имъ въ извѣстномъ его сочиненіи, изданномъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ «Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, совершенное по повелѣнію Императора Александра I на военномъ бригѣ «Новая Земля» въ 1821, 1822, 1823 и 1824 г.г. флота капитанъ-лейтенантомъ Ѳедоромъ Литке, съ присовокупленіемъ путешествій лейтенанта Демидова въ Бѣлое море и штурмана Иванова на рѣку Печору. Издано по Высочайшему повелѣнію. Въ двухъ частяхъ, in 4. С.-Петербургъ, 1828». По-

Въ Петербургѣ, куда возвратился въ началѣ декабря 1824 г., нашелъ я еще много слѣдовъ наводненія 7 ноября и всѣ

этому нѣтъ надобности описывать здѣсь эти экспедиціи. Относительно нихъ сохранилась въ архивѣ графа Ѳедора Петровича масса бумагъ: его ежедневный путевой журналъ, разныя черновыя записки и наброски, обширная переписка съ офиціальными и частными лицами. Весь этотъ матеріалъ разработанъ имъ въ его сочиненіи и потому было бы излишне дѣлать здѣсь извлеченія изъ этихъ бумагъ, впрочемъ весьма интересныхъ для исторіи того времени. Главные результаты этихъ экспедицій для географической науки и мореплаванія изложены въ рѣчи академика О. В. Струве, читанной въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1882 г., и въ рѣчи, произнесенной генералъ-лейтенантомъ Ѳ. Ѳ. Веселаго въ годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 26 января 1883 г. (см. ниже Приложенія I и II).

Ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ и къ сказанному самимъ покойнымъ Графомъ въ его автобіографіи, мы находимъ нужнымъ присовокупить здѣсь только немного словъ относительно его экспедицій на Новую Землю.

Не смотря на крайнюю скромность, съ которою гр. Ѳедоръ Петровичъ говоритъ въ своей автобіографіи объ этихъ экспедиціяхъ, эти первыя самостоятельныя его плаванія уже прославили его имя не только въ русскомъ, но и во всемъ иностранномъ ученомъ мірѣ, и это было въ такомъ еще юномъ возрастѣ (23 — 26 лѣтъ), въ какомъ даже самые замѣчательные люди рѣдко дѣлаются извѣстными. Уже въ этомъ возрастѣ онъ распорядился дѣломъ, во главѣ котораго былъ поставленъ, какъ вполнѣ опытный путешественникъ и морякъ и какъ зрѣлый ученый.

Можно сказать, что это четырехлѣтнее путешествіе гр. Литке было *первымъ научнымъ изслѣдованіемъ* всего этого пространства, — не только Новой Земли, но и ближайшихъ къ ней водъ и сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи,—пространства, столь важнаго для Россіи, какъ въ государственномъ, такъ и промышленномъ отношеніяхъ. Это путешествіе было первымъ началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ географическихъ и гидрографическихъ изысканій на этомъ пространствѣ, т. е. въ европейской части Ледовитаго океана,—и въ томъ числѣ замѣчательныхъ работъ Рейнеке, которыми мы прямо обязаны графу Литке. Онъ вызвалъ эти работы; нѣкоторыя инструкціи, данныя Рейнеке относительно порученныхъ имъ наблюденій, собственноручно написаны графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ (черняки ихъ мы нашли въ его бумагахъ). Впослѣдствіи между нимъ и Рейнеке продолжалась переписка, въ которой послѣдній постоянно пользовался для своихъ работъ указаніями графа Ѳ. П. Всѣ позднѣйшія изслѣдованія береговъ и водъ Европейской Россіи на крайнемъ сѣверѣ, со стороны нашего морскаго вѣдомства, производились по указаніямъ и отчасти подъ прямымъ руководствомъ графа Литке. На это мы находимъ доказательства въ оставленныхъ имъ бумагахъ. Такъ, между прочимъ, имъ написана была инструкція для экспедиціи, которая по его мысли изслѣдовала Кольскую губу, въ 1826 г. И нѣсколько другихъ экспедицій были потомъ отправлены нашимъ правительствомъ на сѣ-

умы подъ впечатлѣніемъ этого ужаснаго происшествія. Я нашелъ тамъ возвратившагося изъ сѣверной экспедиціи Вран-

---

верные берега и воды, для дополненія и дальнѣйшаго развитія изслѣдованій графа Литке, по его указаніямъ и настояніямъ.

Собственно относительно Новой Земли, и до сихъ поръ, не смотря на всѣ позднѣйшія изслѣдованія, графу Литке принадлежитъ описаніе наибольшаго протяженія ея береговъ (какъ это можно видѣть на меркаторской картѣ Новой Земли, на которой нанесены всѣ бывшія на ней изысканія до новѣйшаго времени и которую мы нашли въ бумагахъ гр. Ѳ. П.). Между многими новыми пріобрѣтеніями, сдѣланными наукой и мореходствомъ черезъ эти экспедиціи гр. Литке, нужно здѣсь упомянуть, — чтобы дать понятіе объ ихъ значеніи,—хотя бы только о томъ, что карта всего Бѣлаго моря впервые точнымъ образомъ опредѣлилась его наблюденіями и съемками; до него были громадныя ошибки въ начертаніи этого моря. Путешествіе гр. Литке внесло совсѣмъ новый свѣтъ въ географическую науку по отношенію ко всему этому крайнему Сѣверу Европы и нашего отечества (см. обо всемъ этомъ весьма авторитетныя свѣдѣнія, сообщенныя генералъ-лейтенантомъ Веселаго, Приложеніе II). До сихъ поръ, эти труды графа Литке остаются въ числѣ замѣчательнѣйшихъ между всѣми бывшими изслѣдованіями Ледовитаго океана и сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи.

Это путешествіе гр. Ѳедора Петровича было замѣчательно и тотчасъ обратило на молодаго русскаго изслѣдователя вниманіе всего свѣта также и потому, что оно было разработано имъ и описано (въ вышеупомянутой его книгѣ) вполнѣ научнымъ образомъ, со всей высоты всемірныхъ знаній того времени. Описанію путешествія и его результатовъ были предпосланы имъ ученый трактатъ и критическая оцѣнка всѣхъ прежнихъ плаваній и изысканій въ тѣхъ же водахъ. При этомъ была выказана имъ такая обширная эрудиція, не только по мореходной части и географіи, но и по всѣмъ сродственнымъ наукамъ, какая еще не встрѣчалась въ русской географической литературѣ и въ трудахъ русскихъ мореплавателей и путешественниковъ. Лучшія изъ знаменитыхъ работъ нашихъ академиковъ-путешественниковъ XVIII и начала XIX столѣтій принадлежали иностранцамъ. Сверхъ всего, книга гр. Литке была изложена такъ талантливо и изящно, что подобное ей находили впослѣдствіи только въ «Картинахъ природы» Гумбольдта». Она и теперь читается съ интересомъ и удовольствіемъ. Это путешествіе, первое у насъ въ своемъ родѣ, послужило образцомъ для подражанія со стороны русскихъ мореплавателей и безъ сомнѣнія не мало содѣйствовало ихъ образованію.

Ко всему этому нужно прибавить, — хотя это само собою разумѣется, — что значеніе заслугъ этихъ первыхъ самостоятельныхъ плаваній и ученыхъ работъ гр. Литке, въ столь юномъ его возрастѣ, особенно велико вслѣдствіе условій мореходства и скудости научныхъ пособій того времени. Чрезвычайныя затрудненія полярныхъ экспедицій отъ льдовъ были неизмѣримо значительнѣе въ то время, при парусномъ судоходствѣ, чѣмъ при пароходномъ, хотя и до сихъ поръ, не смотря на пароходство, эти плаванія считаются въ высшей

геля, съ которымъ мы помѣстились на маленькой квартирѣ неподалеку отъ Морскаго корпуса. Съ нами жилъ и братъ Алек-

степени затруднительными и опасными. Даже сравнительно съ требованіями судостроенія того времени, судно на которомъ плавалъ гр. Литке, имѣло существенные недостатки, сами по себѣ не разъ подвергавшіе его плаваніе опасности. При крайней неточности картъ того времени, самый его путь къ Новой Землѣ, даже въ первой его части, т. е., по Бѣлому морю, былъ невѣренъ, и по немъ приходилось идти ощупью. Два раза судно и его экипажъ были вблизи совершенной гибели, отъ которой они были спасены только энергіей, отвагой и находчивостью юнаго капитана (см. для всего этого рѣчь Веселаго, Прилож. II). Наконецъ, научная и литературная разработка наблюденій и матеріаловъ, собранныхъ во время этихъ экспедицій, превосходная въ сочиненіи гр. Литке, даже сравнительно съ требованіями нашего времени, была неизмѣримо труднѣе тогда, при скудости и недоступности ученыхъ и литературныхъ пособій, особенно въ Россіи, сравнительно съ нашимъ временемъ.

Разбирая массу бумагъ относительно Ново-земельскихъ экспедицій, оставшуюся въ архивѣ гр. Ѳедора Петровича, нельзя не удивляться неутомимой и напряженной его дѣятельности и духу инициативы, которыми онъ отличался впослѣдствіи, въ теченіи всей своей жизни и которыя уже выказались и тутъ. Онъ ведетъ непрерывную и частую переписку со всѣми высшими чинами и дѣйствующими лицами въ морскомъ вѣдомствѣ (въ томъ числѣ въ особенности съ В. М. Головнинымъ, его первымъ учителемъ, съ которымъ въ эту пору завязались у него близкія отношенія и котораго множество писемъ мы находимъ въ бумагахъ графа Ѳ. П.). Онъ входитъ въ сношеніе съ русскими и иностранными учеными, передавая имъ свои наблюденія, предлагая имъ на обсужденіе возникающіе передъ нимъ вопросы и прося у нихъ указаній. Тутъ зачались его связи съ европейскими учеными знаменитостями и между прочимъ съ К. Бэромъ, который въ то время былъ профессоромъ Кёнигсбергскаго университета; отсюда возникла тѣсная дружба Бэра и гр. Литке, непрерывно продолжавшаяся до кончины перваго, 3 года предшествовавшей кончинѣ гр. Ѳедора Петровича. Подобно многимъ ученымъ свѣтиламъ того времени, любопытство Бэра было крайне возбуждено къ путешествію молодаго русскаго навигатора и съ тѣмъ вмѣстѣ къ крайнему Сѣверу Европы; тутъ воодушевился Бэръ мыслію, впослѣдствіи имъ осуществленною, посѣтить для разрѣшенія нѣкоторыхъ своихъ зоологическихъ задачъ, Ледовитый Океанъ и Новую Землю. Весьма интересна первая, послужившая началомъ къ ихъ послѣдующему сближенію, корреспонденція Бэра и Литке по этому случаю.

Не смотря на всѣ эти блестящіе во всѣхъ отношеніяхъ результаты своего перваго самостоятельнаго подвига, совершеннаго въ первой молодости, самъ графъ Ѳедоръ Петровичъ остался имъ недоволенъ. И это, господствовавшее въ немъ, чувство онъ выразилъ словами Гумбольдта, которыя онъ поставилъ эпитетомъ во главѣ своей книги: «une volonté forte et une persévérance active ne suffisent pas toujours pour surmonter les obstacles». Онъ съ крайнею строгостью подвергалъ жестокой критикѣ все имъ сдѣланное, и думалъ по окон-

сандръ, последніе три года ходившій со мной и теперь переведенный въ Гвардейскій Экипажъ. Зиму провели очень пріятно и ве-

---

чаніи своихъ четырехъ экспедицій на Новую Землю только о томъ, чего онъ не могъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и неожиданныхъ затрудненіяхъ плаванія, достигнуть, по предначертанному имъ плану. Изъ его переписки того времени мы видимъ, что его друзья и доброжелатели (бар. Ф. П. Врангель, даже крайне строгій ко всему и ко всѣмъ, Вас. Мих. Головнинъ и мн. др.) стараются всячески утѣшить его противъ немилосердаго суда, который онъ самъ произноситъ, въ своихъ письмахъ къ нимъ, надъ своими работами. Этимъ живописуется характеристическая черта гр. Ѳедора Петровича, его скромность, не покидавшая его до конца его жизни (см. наше Введеніе).

«Четырекратное путешествіе на Новую Землю» графа Литке перевелъ на нѣмецкій языкъ извѣстный ученый и путешественникъ А. Эрманъ во II т. «Kabinets-Bibliothek der neuesten Reisen und Forschungen im Gebiete der Länder-, Völker- und Staatenkunde, herausgegeben von Dr. Weinrich Berghaus. Berlin 1835». (Библіотека новѣйшихъ путешествій и изслѣдованій по Землевѣдѣнію, Этнологіи и Статистикѣ, изд. Вейнриха Берггауса, т. II, Берлинъ 1835 г.). Для опредѣленія заслугъ гр. Литке въ этомъ путешествіи, мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь предисловіе Эрмана къ своему переводу:

«Сочиненіе, съ которымъ я намѣреваюсь ближе познакомить нѣмецкихъ географовъ, посредствомъ моего перевода, заключаетъ въ себѣ отчетъ о достославномъ (epochisch) предпріятіи, хотя оно и не достигло конечной своей цѣли. Капитану Литке не удалось, не смотря на четырекратное посѣщеніе изъ Архангельска Новой Земли, описать всю окружность этого острова. Но при съемкѣ и описаніи всѣхъ достигнутыхъ имъ пунктовъ Ледовитаго океана, онъ на столько превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ научнымъ тщаніемъ и безпристрастіемъ своихъ сужденій, что эти работы нельзя пройти молчаніемъ ни въ исторіи мореплаванія, ни въ исторіи географіи. Въ то время, когда я самъ занимаюсь разработкою своихъ наблюденій въ трехлѣтнемъ кругосвѣтномъ путешествіи, я бы не сталъ заниматься этимъ переводомъ, не смотря на означенныя достоинства сочиненій Литке и на чувства глубокаго уваженія и преданности къ ихъ автору, если бы предлежащія свѣдѣнія о Ледовитомъ морѣ не были бы для меня особенно важны какъ дополненія къ моимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Климатическія и геогностическія явленія, которыя я наблюдалъ въ Обдорскѣ и на горахъ у Карскаго залива, такъ убѣдительно доказывали вліяніе близкаго полярнаго моря, и сдѣлали знакомство съ лежащими въ немъ островами на столько важнымъ, что разсказы ни самоѣдскихъ и русскихъ жителей той страны, ни штурмана Иванова, котораго я тамъ встрѣтилъ, не могли меня удовлетворить. Поэтому я не могъ достаточно оцѣнить напечатанный уже въ 1822 году въ Петербургѣ журналъ Литке, а кромѣ того историческая часть его путешествій заключаетъ въ себѣ такъ много точекъ соприкосновенія съ явленіями, которыя я наблюдалъ въ Охотскомъ морѣ и въ сѣверной части Великаго океана, что я не могъ себѣ отказать въ одновременной обработкѣ, какъ моего отчета, такъ и отчета Литке, дополняющаго первый матеріалъ».

село. Лѣтомъ 1825 года Врангель ушелъ на «Кроткомъ» въ наши колоніи (Сѣверо-Американскія), и мы съ нимъ не видались до 1836 г. На другой годъ (въ 1826), я ушелъ въ море (на «Сенявинѣ»), а когда возвратился въ 1829 г., то уже не засталъ его, уѣхавшаго незадолго до того въ Ситху главнымъ правителемъ Сѣверо-Американскихъ колоній. Во все это время, какъ и въ продолженіе Сибирской его экспедиціи, вели мы очень исправную переписку, которая для потомковъ нашихъ можетъ представить нѣкоторый интересъ. Къ сожалѣнію есть въ ней большой пробѣлъ: всѣ мои письма (къ Врангелю) въ Сибирь, отданныя на сохраненіе П. Ѳ. Анжу, сгорѣли во время пожара въ его домѣ; письма-же Врангеля сохранились у меня всѣ до послѣдняго [67]).

На лѣто переѣхали мы на дачу Спиродумова, па берегу Невы, возлѣ дачи Лаваля. Это лѣто, первое послѣ 9 лѣтъ, проведенное мною на берегу, оставило мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Въ прилежной работѣ надъ моимъ «четырекратнымъ путешествіемъ на Новую Землю», въ прогулкахъ и разъѣздахъ по окрестностямъ, между прочимъ и въ Пріютино [68]) къ Оленинымъ,—время пролетѣло незамѣтно.

По возвращеніи, въ сентябрѣ, въ городъ, я помѣстился противъ Морскаго корпуса, въ домѣ Марша (въ то время). Все утро обыкновенно проводилъ въ работѣ, а въ свободное время большею частью у сестры. 14 декабря (1825 г.), когда уже

---

67) Можетъ быть именно потому, что мы не имѣемъ писемъ самого графа Литке, въ которыхъ заключалось, кажется, болѣе свѣдѣній о совершавшихся событіяхъ и объ окружающемъ обществѣ, чѣмъ въ письмахъ барона Врангеля (на сколько можно судить объ этомъ по этимъ послѣднимъ), эта переписка не заключаетъ въ себѣ того интереса для потомства, котораго можно было ожидать и на который указываетъ самъ гр. Ѳедоръ Петровичъ (см. выше наше Примѣчаніе).

68) «Пріютино» было лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Олениныхъ подъ Петербургомъ (за пороховыми заводами по шоссе, ведущему въ с. Рябово), гдѣ собиралось лучшее и все литературное общество того времени. О Пріютинѣ много говорится во всѣхъ литературныхъ воспоминаніяхъ той эпохи. Пріютино принадлежитъ нынѣ Е. Е. Перетцу.

начинало смеркаться, работу мою прервалъ поспѣшно вошедшій деньщикъ. «Ваше высокоблагородіе! *Семеновскій полкъ* бунтуетъ!» (тогда у всѣхъ въ памяти была Семеновская исторія 20 года).—«Что ты врешь?»—«Такъ точно-съ; на Исакіевской площади много войска». — Одѣвшись въ мундиръ, побѣжалъ я туда. — На Румянцовской площади узнаю отъ встрѣтившихся знакомыхъ, что происходитъ какой-то кавардакъ, что Милорадовичъ раненъ, и пр. Иду на Исакіевскій мостъ; въ концѣ его останавливаетъ меня цѣпь Преображенскаго полка. Стою, вижу у угла Сената, лицемъ къ площади, стоитъ полкъ, кажется Литовскій. Ружья у ноги, какіе-то крики, то ура, то что-то другое; солдаты, чтобы согрѣться, толкутся на мѣстѣ, бьютъ въ ладоши. Налѣво, къ Адмиралтейству, вижу большую группу султановъ; между обѣими сторонами—людей ходящихъ взадъ и впередъ. Стою, ничего не понимаю, и озябнувъ, иду домой. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы; бѣгу опять назадъ, и прихожу на Румянцевскую площадь въ ту самую минуту, когда картечный зарядъ, пущенный по бѣгущимъ въ разсыпную черезъ ледъ солдатамъ, ударилъ въ уголъ Академіи Художествъ. Тутъ узнаю, что на площади былъ и Гвардейскій Экипажъ. Отобѣдавъ, пустился я отыскивать брата (Александра). На Исакіевской площади вездѣ бивачные огни. Меня нѣсколько разъ останавливали. Добрался до казармъ Гвардейскаго Экипажа, въ которомъ слышу восклицанія «Ура!» Выходитъ Качаловъ, командиръ экипажа; спрашиваю о братѣ. «Ничего-съ не могу вамъ сказать». — Пошелъ къ Завалишинымъ и нахожу тамъ брата. Оказалось, что когда Бестужевы увлекли экипажъ на площадь, всѣ оберъ-офицеры послѣдовали за знаменемъ, а командиръ и всѣ штабъ-офицеры оставались въ казармахъ.—Имъ это было поставлено въ заслугу. Увидя, пришедъ на площадь, что тутъ не ладно, братъ подъ нѣкототорымъ предлогомъ ушелъ за фронтъ и далѣе къ матери своей, гдѣ его и заперли. Тутъ только узналъ я le dessous des cartes (подноготную) всей исторіи. Брата арестовали, какъ и другихъ, но не посадили въ крѣпость, а вмѣстѣ съ Баранцо-

вымъ и Лермонтовымъ 2, въ Семеновскій госпиталь, потому что командиры поручились за ихъ непричастность къ шайкѣ. На третій или четвертый день, уже поздно вечеромъ, были они потребованы къ Государю, который очень милостиво объявилъ имъ, что признаетъ ихъ ни въ чемъ не виновными, отдалъ имъ ихъ шпаги, и обнявъ, сказалъ: «теперь поспѣшайте къ вашимъ семействамъ, которыя вѣрно о васъ безпокоятся».

Меня судьба чудеснымъ образомъ спасла отъ всякаго прикосновенія къ этой исторіи. Даже въ самую первую минуту, большое счастіе было для меня, что когда я стоялъ на Исакіевскомъ мосту, мнѣ, изъ за Литовскаго полка, не было видно Гвардейскаго Экипажа. Увидь я его, разумѣется, я пошелъ бы узнать, что это за исторія? Меня увидѣли бы на площади съ возмутившимся Экипажемъ и тогда кончено. Вотъ явилось бы и подозрѣніе.—Обвинить меня, разумѣется, ни въ чемъ бы не могли, но впечатлѣніе осталось бы, и очень можетъ быть, что меня не назначили бы въ предстоящую экспедицію и вся моя будущая карьера приняла бы совсѣмъ другое направленіе. Притомъ я былъ знакомъ со многими изъ заговорщиковъ, а съ Бестужевыми даже въ тѣсной дружбѣ, съ самаго дѣтства. Въ зиму съ 24 на 25 годъ, мы съ Врангелемъ часто были приглашаемы на чашку чаю въ ихъ кружки, и послѣ мы вспоминали, что изъ всѣхъ этихъ кружковъ мы съ нимъ одни только не попали въ декабристы. Никогда съ ихъ стороны не было ни малѣйшей къ тому попытки, ниже намека. Видно, не довѣряли намъ. Въ то время было въ модѣ бранить правительство; между молодыми людьми не было другаго разговора. Это былъ нѣкотораго рода шикъ, да, правду сказать, и поводовъ къ тому было довольно.

Въ послѣдствіи мнѣ пришло на память, что въ подобныхъ разговорахъ съ Николаемъ Бестужевымъ, съ которымъ я особенно былъ друженъ, онъ часто говорилъ: «Ничего; чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Противъ этого я всегда возставалъ и горячо съ нимъ спорилъ. Можетъ быть это спасло меня. На судьбу брата Александра, эти событія имѣли дурное вліяніе. Я хотѣлъ

взять его съ собой на «Сенявинѣ», но Моллеръ[69]) отказалъ мнѣ подъ предлогомъ, что «Гвардейскій Экипажъ подъ подозрѣніемъ у Государя». Пойди онъ со мной, то вѣроятно избѣгъ бы тѣхъ жестокихъ испытаній, какія его ожидали въ послѣдствіи, и избѣгъ бы самаго мучительнаго конца [70]).

Среди этого переполоха, опредѣлено было отправить въ наши Сѣверо-Американскія колоніи два судна, которыя, по отвозѣ туда и въ Камчатку грузовъ, должны были заняться гидрографическими и учеными работами. Построены были на Охтѣ два брига (мы ихъ называли шлюпами) «Моллеръ» и «Сенявинъ»; командирами назначены: на первый капитанъ-лейтенантъ Станюковичъ, на второй капитанъ-лейтенантъ Литке. Старая и постоянная мечта [71]) моя исполнилась.

О Сенявинской экспедиціи, продолжавшейся 3 года, говорить здѣсь нечего. Работы мои за это время давно извѣстны свѣту, и частію, и даже большею частію, уже забыты [72]).

---

[69]) Тогдашній начальникъ Главнаго Морскаго штаба (все равно что Морской министръ).

[70]) О 14-мъ декабря остались еще другія болѣе подробныя воспоминанія графа Ѳ. П., записанныя имъ въ особой тетради, въ которую онъ (независимо отъ своихъ записокъ, см. наше Введеніе) заносилъ разные особые эпизоды, происшествія, разсказы и проч. Къ сожалѣнію эта тетрадь, сохранившаяся въ его архивѣ, послѣ его кончины, и нами читанная, впослѣдствіи, затерялась и до сихъ поръ еще не отыскана. Впрочемъ (сколько мы можемъ припомнить) эти воспоминанія о 14-мъ декабря не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и важнаго сравнительно со всѣми опубликованными свѣдѣніями объ этомъ событіи. Сверхъ того, въ бумагахъ гр. Литке сохранились собственноручныя дополнительныя замѣтки къ обнародованному въ то время правительственному сообщенію о 14-мъ декабрѣ (подъ заглавіемъ «подробное описаніе происшествія, случившагося въ С.-Петербургѣ 14-го декабря 1825 г.»). Эти замѣтки касаются разныхъ отдѣльныхъ эпизодовъ бунта и предшествовавшихъ ему обстоятельствъ; онѣ написаны на основаніи разсказовъ современниковъ и отчасти слуховъ. По мнѣнію лицъ, занимающихся изслѣдованіемъ документовъ, относящихся къ 14-му декабря 1825 г., которымъ мы передавали эту послѣднюю рукопись на разсмотрѣніе, она не прибавляетъ ничего новаго къ общеизвѣстнымъ фактамъ и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя фактическія ошибки. Поэтому мы пока и воздерживаемся отъ ея опубликованія.

[71]) Т. е. мечта о кругосвѣтномъ плаваніи.

[72]) Трехлѣтнее (1826—1829) путешествіе гр. Литке на «Сенявинѣ» было

Работы эти всецѣло поглотили этотъ періодъ моей жизни, въ которомъ не случилось кромѣ того ничего заслуживающаго

самымъ замѣчательнымъ подвигомъ его жизни, который всего болѣе прославилъ его имя во всемірной исторіи мореплаванія и наукъ, и всего менѣе забытъ донынѣ, вопреки его словамъ (См. болѣе подробныя объ этомъ путешествіи свѣдѣнія въ рѣчахъ акад. Струве и генер.-лейт. Веселаго, Прилож. I и II). Еще недавно имя Литке вспоминалось по поводу спора Германіи и Испаніи о Каролинскихъ островахъ, изъ которыхъ многіе были имъ впервые открыты въ этомъ путешествіи. Это кругосвѣтное плаваніе принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ успѣшныхъ путешествій въ исторіи географіи и сродственныхъ ей знаній. Важнѣйшія пріобрѣтенія, сдѣланныя наукою черезъ эти изслѣдованія гр. Литке, заключались въ слѣдующемъ (по собственнымъ его словамъ въ его офиціальномъ рапортѣ по возвращеніи изъ плаванія): «въ Беринговомъ морѣ опредѣлены астрономически важнѣйшіе пункты берега Камчатки отъ Авачинской губы къ сѣверу; измѣрены высоты многихъ сопокъ; описаны подробно острова Карачинскіе, дотолѣ вовсе неизвѣстные; островъ Св. Матвѣя и берегъ Чукотской земли отъ мыса Восточнаго до устья рѣки Анадыра; опредѣлены остр. Прибылова и многіе другіе. Въ Каролинскомъ архипелагѣ изслѣдовано пространство, симъ архипелагомъ занимаемое отъ острова Юалана до группы Улеа; открыто 12, а описано всего 26 группъ или отдѣльныхъ островов; острова Бонинъ-Сима отысканы и описаны. Сверхъ того собрано много данныхъ для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, въ которыхъ шлюпъ останавливался; для познанія теченія морей, приливовъ и отливовъ».

Изысканія въ Каролинскомъ архипелагѣ были однимъ изъ интереснѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ географіей и мореплаваніемъ въ этомъ путешествіи; не утратившееся до сихъ поръ значеніе этихъ изысканій заявило себя въ вышеупомянутыхъ дипломатическихъ переговорахъ Германіи и Испаніи въ 1885 г. Послѣ первыхъ мореплавателей Де-Роха, въ 1526 г., и Франциска Лазоне, въ 1656 г., посѣтившихъ это пространство Тихаго океана, всего болѣе въ числѣ позднѣйшихъ изслѣдователей Каролинскаго архипелага упоминается Литке; имъ открыты многіе изъ значительнѣйшихъ острововъ этого архипелага и съ обычнымъ его тщаніемъ описаны, въ томъ числѣ и нравы ихъ жителей (См. между прочимъ Meyr's, Handlexikon des allgemeinen Wissens, 1883, Karolinen). Одна изъ вновь открытыхъ группъ этихъ островов была названа графомъ Ѳ. П. «Сенявинымъ». Онъ самъ говоритъ въ описаніи своихъ работъ въ Каролинскомъ архипелагѣ: «почитаемый дотолѣ весьма опаснымъ этотъ архипелагъ будетъ отнынѣ безопасенъ наравнѣ съ извѣстнѣйшими мѣстами земнаго шара». При чрезвычайной скромности графа Ѳ. П. въ оцѣнкѣ своихъ трудовъ, въ этихъ его словахъ не могло быть никакого преувеличенія; впрочемъ эта его заслуга для всемірнаго знанія общепризнана. Съ новѣйшимъ движеніемъ европейскихъ націй въ другія части свѣта, замѣчательнѣйшія въ нихъ путешествія и географическія открытія начала XIX вѣка, къ числу которыхъ принадлежатъ изслѣдованія гр. Литке, получили новую цѣну

упоминовенія. Слѣдуетъ только упомянуть о перемѣнѣ въ судьбѣ моего зятя Сульменева. Молодой царь, въ кипучей своей дѣятельности, въ самомъ началѣ, обратилъ вниманіе на военно-учебныя заведенія; онъ посѣтилъ скоро и Морской корпусъ, гдѣ предмѣстникъ его едва ли когда бывалъ во все свое царствованіе, и

(какъ это случилось при столкновеніи Германіи съ Испаніей по поводу Каролинскихъ острововъ).

Сверхъ географическихъ и гидрографическихъ открытій и наблюденій, имѣвшихъ не одно только практическое значеніе для мореплаванія и для развитія всемірной торговли, а также расширившихъ кругъ человѣческихъ знаній о земномъ шарѣ, труды гр. Литке въ этомъ путешествіи послужили и для успѣховъ чистой науки, для всего дальнѣйшаго движенія естествознанія, по многимъ его отраслямъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мы обязаны упомянуть здѣсь только о важнѣйшихъ его заслугахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ изслѣдованія графа Ө. П. и его спутниковъ въ этомъ путешествіи подробно описаны въ его изданіяхъ по этому предмету (нижепоименованныхъ) и также въ сочиненіяхъ ученыхъ, пользовавшихся его трудами (см. рѣчи гг. Струве и Веселаго, въ Приложеніяхъ).

Если уже первое самостоятельное путешествіе графа Ө. П., на Новую Землю, въ самомъ юномъ возрастѣ, было ведено имъ и обработано научнымъ образомъ, то умудренный практическимъ опытомъ, обогативъ себя, посредствомъ безпрерывнаго чтенія и изученія, не только спеціальными знаніями по всѣмъ математическимъ, физическимъ и морскимъ наукамъ, но и самыми разнообразными энциклопедическими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія (даже историческимъ и политическимъ) и находясь послѣ своихъ Ново-Земельскихъ экспедицій въ сношеніяхъ и перепискѣ съ европейскими учеными, онъ придалъ, въ высшей степени, научный характеръ своему кругосвѣтному плаванію 1826—1829 гг.

Для разныхъ естественно-историческихъ изслѣдованій по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и геогнозіи, его сопровождали нѣсколько ученыхъ (Мертенсъ, впослѣдствіи академикъ; Постельсъ, впослѣдствіи директоръ 2-й С.-Петербургской гимназіи и членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія; Китлицъ, капитанъ прусской службы), которые изучили и описали посѣщенныя имъ страны въ разныхъ отношеніяхъ. Но всѣ главныя наблюденія и работы по гидрографіи, географіи и физикѣ гр. Ө. П. велъ лично самъ, при помощи морскихъ офицеровъ.

Работы графа Литке, послужившія къ рѣшенію чисто теоретическихъ задачъ естествознанія и къ расширенію общихъ воззрѣній нашего вѣка на явленія природы, заключались главнѣйше въ его опытахъ надъ магнитною стрѣлкою, наблюденіяхъ надъ часовымъ колебаніемъ барометра, надъ температурою морской воды и, наконецъ, въ особенности въ замѣчательныхъ его опытахъ надъ постояннымъ маятникомъ. Эти послѣдніе опыты, произведенные на огромномъ пространствѣ, отъ 60° сѣверной до 30° южной широты,

остался имъ очень недоволенъ. И не мудрено. Старикъ Карцовъ, въ многолѣтнее свое директорство, ничего не дѣлалъ; едва когда показывался въ классахъ, и все шло какъ нибудь, а замѣнившій его Рожновъ не успѣлъ, если и могъ, ничего поправить. Для поправленія дѣла нужно перемѣнить людей. Рожновъ пока еще

возбудили новые вопросы о распредѣленіи силы тяжести на земномъ шарѣ, обѣ его фигурѣ, о связанныхъ съ тѣмъ вмѣстѣ движеніяхъ въ солнечной системѣ и много содѣйствовали изслѣдованію этихъ важныхъ вопросовъ, занимавшихъ собою впослѣдствіи знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ.

Путешествіе на «Сенявинѣ», производившіяся въ немъ работы и ихъ научные результаты были описаны графомъ Литке въ слѣдующихъ изданіяхъ, надъ которыми онъ неутомимо трудился, не смотря на новые труды, возложенные на него правительствомъ послѣ его кругосвѣтнаго плаванія: «Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Императора Николая I-го на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. флота капитаномъ Ѳедоромъ Литке, С.-Петербургъ. Отдѣленіе мореходное (in 4°, съ картами, чертежами, рисунками и проч.), 1835; Отдѣленіе историческое, 3 части, 1834—1836» (тутъ помѣщены описаніе путешествія и труды, сопровождавшихъ графа Ѳ. П. натуралистовъ). То же самое было издано на французскомъ языкѣ: «Voyage autour du monde, exécuté par ordre de S. M. l'Empereur Nicolas I sur la corvette «le Séniavine» dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829 sous le commendement de Frédéric Lütke, traduit du russe sous les yeux de l'auteur par le conseiller d'Etat J. Boyé, partie nautique, avec un atlas, St. Pétersbourg, 1836» (in 4°); подъ тѣмъ же заглавіемъ въ переводѣ того-же г. Бойе подъ личнымъ руководствомъ графа Ѳ. П. Историческая часть «partie historique» издана въ Парижѣ (Firmin Didot Frères) въ трехъ частяхъ (in 8°), въ 1835 и 1836 гг. «Опыты надъ постояннымъ маятникомъ, произведенные въ путешествіи вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ флота капитаномъ Ѳ. Литке. С.-Петербургъ, 1833 (изданіе Императорской Академіи Наукъ). То-же на французскомъ языкѣ: «Observations du pendule invariable, exécutées dans un voyage autour du monde pendant les années 1826, 1827, 1828, 1829, par M. le Contre-Amiral Lütke, traduit du russe par M. Laustaunau. St-Pétersbourg 1836 (изд. Императорской Академіи Наукъ). При французскомъ переводѣ былъ изданъ въ Парижѣ великолѣпный атласъ (in folio) рисунковъ (видовъ природы, типовъ разныхъ племенъ, этнографическихъ принадлежностей ихъ быта, литографированныхъ по оригиналамъ Постельса и Китлица (всего изображено 12[illegible]0 предметовъ). Впослѣдствіи гр. Литке издалъ въ Мемуарахъ Академіи Наукъ записку о морскихъ приливахъ, основанную на наблюденіяхъ того же путешествія: «Notice sur les marées périodiques dans le Grand océan boréal». Сверхъ всего, гр. Литке и его ученые спутники собрали богатыя естественно-историческія коллекціи, отчасти обогатившія музеи Академіи Наукъ.

Наблюденіями гр. Литке воспользовались и другіе естествоиспытатели

оставленъ, но помощникъ его Сульменевъ отчисленъ отъ этой должности съ зачисленіемъ по флоту. На его мѣсто назначенъ Крузенштернъ. Положеніе зятя съ 6-ю непристроенными дѣтьми было очень тягостное и продолжалось съ годъ, когда онъ былъ назначенъ генералъ-аудиторомъ; такъ назывался тогда

для своихъ работъ. Такъ между прочимъ академикъ Э. Х. Ленцъ разработалъ его магнитныя наблюденія (см. въ мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ: «Beobachtungen der Inclination und Intensität der Magnetnadel, angestellt auf einer Reise um die Welt vom Capitain Fr. Lütke, berichtet und bearbeitet von Lenz»; то-же на русскомъ языкѣ: «Наблюденія надъ наклоненіемъ и степенью силы магнитной стрѣлки, произведенныя флота капитаномъ Ѳ. Литке, обработанныя и вычисленныя Э. Ленцомъ, перевелъ съ нѣмецкаго флота лейтенантъ К. Глазенапъ». Ленцъ написалъ еще въ Бюллетенѣ Академіи замѣтку о наблюденіяхъ гр. Литке надъ приливами. Гельсингфорскій профессоръ Гельштремъ написалъ сочиненіе о барометрическихъ и симпіезометрическихъ наблюденіяхъ гр. Литке и о теплотѣ въ тропическихъ климатахъ на основаніи этихъ наблюденій («Observationum barometricarum et sympiesometricarum etc. Petropoli, 1836», въ изданіяхъ, Академіи Наукъ; по русски «наблюденія барометрическія и проч., вычисленныя г. Гельстремомъ С.-Петербургъ, 1838» въ изд. Академіи Наукъ). Ганстейнъ воспользовался наблюденіями гр. Литке при изданіи въ 1833 г. своихъ картъ изодинамическихъ линій.

Всѣ наблюденія графа Литке были такъ точны, не смотря на несовершенство инструментовъ того времени, сравнительно съ нашими, что они не были опровергнуты никакими позднѣйшими наблюденіями. Этимъ очень утѣшался графъ Ѳеодоръ Петровичъ, на старости лѣтъ (какъ мы отъ него объ этомъ слышали), при его необыкновенно строгомъ судѣ надъ своими трудами.

Послѣ кругосвѣтнаго плаванія на «Сенявинѣ» и изданія всѣхъ вышеупомянутыхъ трудовъ имя Литке сдѣлалось извѣстнымъ всему образованному міру, и поставлено въ ряду замѣчательнѣйшихъ путешественниковъ и мореплавателей нашего вѣка. Императорская Академія Наукъ увѣнчала описаніе его путешествія высшею ученою наградою того времени, полною Демидовскою преміей, и избрала его въ свои члены-корреспонденты. Это послѣднее званіе онъ сохранилъ, въ видѣ исключенія, и въ то время, когда былъ впослѣдствіи избранъ въ почетные члены Академіи.

Относительно путешествія на «Сенявинѣ» сохранилась въ архивѣ гр. Литке масса рукописныхъ бумагъ, въ томъ числѣ его собственноручный дневной журналъ. Всѣ научные матеріалы были имъ обработаны въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ; и изъ нихъ нельзя извлечь теперь ничего новаго, еще неопубликованнаго. Впрочемъ переписка его съ офиціальными лицами, преимущественно съ должностными лицами морскаго вѣдомства, можетъ послужить для исторіи и характеристики того времени, не входящихъ въ задачу нашего труда.

предсѣдатель генералъ-аудиторіата. Въ этой должности оставался онъ 24 года до самой своей кончины въ 1851 г.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ Сенявинской экспедиціи, о посѣщеніи мною Парижа (единственный разъ въ моей жизни!), куда я съѣздилъ на двѣ недѣли изъ Гавръ-де-Граса, гдѣ мы останавливались на возвратномъ пути въ Кронштадтъ. Я при этомъ случаѣ познакомился между прочимъ съ Кювье, моряками Фремнетомъ, Дюмонъ-Дюрвилемъ, живописцемъ Жераромъ. Дюперре, посѣтившій не задолго до меня Каролинскій архипелагъ, котораго тогда не было въ Парижѣ, пріѣзжалъ ко мнѣ послѣ въ Гавръ.

По возвращеніи въ Кронштадтъ прошло нѣкоторое время въ ожиданіи посѣщенія Государя, долженствовавшаго рѣшить нашу участь, и въ приготовленіяхъ къ пріему, состоявшихъ исключительно въ томъ, чтобы привести нашу посудину въ наружный видъ, мало мальски подходящій къ прочимъ судамъ на рейдѣ. Государь, съ самаго вступленія на престолъ, очень усердно занялся флотомъ, и очень естественно, прежде всего обратилъ вниманіе на наружный видъ, чистоту, окраску, выправку и пр., и должно сказать, что въ три года нашего отсутствія все это доведено было до совершенства. Возможная чистота людей и ихъ помѣщенія составляютъ на судахъ, особенно въ продолжительныхъ плаваніяхъ, предметъ первой важности, и на это было у насъ обращено строгое вниманіе. Но о наружномъ щегольствѣ мы мало думали; напр. палуба наша чаще скоблилась, чѣмъ мылась, и оттого не имѣла того блестящаго вида, какой нынѣ требовался, и многое въ томъ же родѣ. Однакожъ убрались по возможности. Наконецъ дождались роковаго для насъ дня. Государь пріѣхалъ, осмотрѣлъ судно въ подробности, замѣтилъ здоровый видъ людей и остался всѣмъ доволенъ; сказалъ: «только палуба немножко...», и наконецъ простился со мной слѣдующими словами: «Благодарю васъ, вы привели свое судно въ такомъ видѣ какъ должно, къ сожалѣнію вы видите подлѣ себя примѣръ противнаго, что мнѣ

очень пріятно.» Государь говорилъ о шлюпѣ «Моллеръ» [73]), предупредившемъ насъ нѣсколькими днями въ Кронштадтѣ и теперь стоявшемъ на рейдѣ подъ карауломъ. Но эта исторія, какъ и нѣсколько предшествовавшихъ, не принадлежитъ сюда.

Незабвенно для меня впечатлѣніе, произведенное на меня наружностью Государя въ первую минуту. Вмѣсто худаго, блѣднаго, почти желтаго лица съ суровымъ выраженіемъ, оставшагося у меня въ памяти, вижу лицо свѣтлое, полное, бѣлое, съ прелестными, проницательными глазами, привѣтливое, но вмѣстѣ и импонирующее. C'était à se mettre à genou. — Не воображалъ я въ ту минуту, что она была только первая въ теченіе тѣхъ (послѣдующихъ) 25 лѣтъ, въ которыя мнѣ суждено было изучать этого человѣка.

Въ тотъ же день сообщилъ мнѣ П. М. Рожновъ, что по съѣздѣ съ «Сенявина» князь Меншиковъ, тогда уже Начальникъ Штаба и заправлявшій всѣмъ, спросилъ приказанія Государя о представленіи насъ къ наградамъ. Приказано по прежнимъ примѣрамъ. Доложено, что есть два примѣра: М. П. Лазаревъ и М. Н. Васильевъ, командиры, стоявшіе во главѣ списка, производились черезъ чины. Повелѣно примѣнить ко мнѣ этотъ примѣръ,—и я былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, перескочивъ впрочемъ очень немногихъ.

Сдавъ судно къ порту и окончивъ дѣла въ Кронштадтѣ, я перебрался въ Петербургъ и усердно принялся за обдѣлку массы разнаго рода матеріаловъ, собранныхъ въ мое путешествіе, для чего былъ причисленъ къ Гидрографическому депо (Адмиралтейскій департаментъ былъ тогда преобразованъ). Единственною цѣлью, однимъ желаніемъ моимъ было заняться этимъ дѣломъ, исключительно, пока его не кончу. Я видѣлъ, что теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ и новомъ взглядѣ на службу,

---

[73]) Шлюпъ «Моллеръ» вышелъ изъ Кронштадта вмѣстѣ съ «Сенявинымъ» (см. выше), съ одинаковымъ порученіемъ и вернулся, немного ранѣе «Сенявина» (всѣ подробности см. въ упомянутомъ сочиненіи гр. Литке).

путь[74]) этотъ не ведетъ къ блестящей карьерѣ; но удовлетворенный на первый разъ въ этомъ отношеніи, и пристрастившись къ дѣлу, занимавшему меня исключительно въ продолженіе трехъ, или справедливѣе девяти лѣтъ, я желалъ только идти далѣе по этому пути, надѣясь дѣятельностью моею быть полезенъ. Такое расположеніе во мнѣ поддерживалось знакомствомъ, и отчасти связью со многими академиками, въ кругу которыхъ я сталъ обращаться (Бэръ, Купферъ, Остроградскій, Вишневскій, Шторхъ, Фусъ, Гессъ), а отчасти поддерживало меня въ этомъ и то обстоятельство, что я не чувствовалъ никакой симпатіи къ новымъ для меня порядкамъ строевой морской службы. Впослѣдствіи узналъ я, что между нѣкоторыми академиками возникла тогда мысль предложить меня въ адъюнкты по каѳедрѣ «географіи-навигаціи», бывшей вакантною,—мысль не осуществившаяся очень натурально и справедливо[75]). По всему этому я желалъ одного и надѣялся только на это,—что меня оставятъ въ покоѣ! Но не то вышло.

Въ эту зиму ($18^{29}/_{30}$) былъ въ Петербургѣ Гумбольдтъ, на возвратномъ пути изъ Сибири. Я съ нимъ познакомился и онъ былъ со мною очень любезенъ. Въ рѣчи, говоренной имъ въ публичномъ засѣданіи Академіи, упомянулъ онъ и о нашихъ работахъ. Онъ воспользовался случаемъ говорить обо мнѣ и Государю, какъ самъ мнѣ послѣ это передавалъ[76]). Въ эту же зиму познакомился я съ Ганстейномъ, также возвращавшимся изъ Сибири.

---

[74]) Графъ Литке разумѣетъ подъ этимъ «путемъ» ученую дѣятельность, въ отличіе отъ морской и государственной службы. Считаемъ не излишнимъ прибавить это объясненіе къ не совсѣмъ ясному въ этомъ мѣстѣ тексту автобіографіи.

[75]) Эти слова «очень натурально и справедливо» нельзя иначе объяснить, какъ необыкновенною скромностью графа Литке и приниженіемъ своихъ ученыхъ заслугъ.

[76]) Эти слова графа Литке подтверждаютъ мнѣніе его сыновей, основанное на его съ ними разговорахъ, что онъ былъ рекомендованъ Гумбольдтомъ Императору Николаю I на должность воспитателя В. К. Константина Николаевича.

При общемъ росписаніи на 1830 г. былъ я назначенъ начальникомъ отряда, посылаемаго въ Атлантическій океанъ, съ офицерами перваго выпуска изъ офицерскаго класса (Морскаго корпуса), со старшимъ классомъ гардемариновъ и съ морскимъ учебнымъ экипажемъ. Назначеніемъ этимъ обязанъ я былъ И. Ѳ. Крузенштерну, который благоволилъ ко мнѣ съ самаго начала моихъ сѣверныхъ экспедицій и казался очень удивленнымъ, когда я ему сказалъ, что, какъ мнѣ ни лестно было такое назначеніе, я однакожъ очень объ этомъ сожалѣю, потому что оно отрываетъ меня отъ работъ, въ которыя я цѣликомъ погрузился. Но дѣлать было нечего.

Отрядъ мой состоялъ изъ фрегатовъ «Анна» (кап. Селивановъ), «Принцъ Оранскій» (имя командира не упомню, но знаю, что онъ въ первый разъ командовалъ порядочнымъ военнымъ судномъ, а до того гулялъ только на транспортахъ) и брига «Аяксъ» (кап.-лейт. Ивановъ). Инструкціею, полученною отъ адмирала Крузенштерна, мнѣ предписывалось плыть въ Атлантическій океанъ, къ берегамъ Исландіи, зайти въ Рейкіавикъ, если обстоятельства позволятъ, и потомъ въ Брестъ. Цѣль экспедиціи — практическое образованіе моряковъ. Труднѣйшая часть задачи была сдѣлать моряками матросовъ учебнаго экипажа. Экипажъ этотъ былъ образованъ, года за два до того, по образцу учебныхъ командъ сухопутныхъ, съ очевидною цѣлью, чтобы посредствомъ выпускаемыхъ изъ него въ другіе экипажи унтеръ-офицеровъ сдѣлать и тѣхъ фронтовиками. Сообразно тому и командиромъ экипажа сдѣланъ былъ маіоръ Кохіусъ, изъ военныхъ поселеній (подъ главнымъ начальствомъ Клейнмихеля). Фронтовое устройство экипажа было безукоризненно, но сдѣлать изъ этихъ людей такихъ же совершенныхъ моряковъ, было немыслимо. Одно исключаетъ другое. Бѣда была бы пуститься прямо въ серіозное плаваніе съ такою командой, и потому я выпросилъ, чтобы на каждый фрегатъ откомандировано было по нѣскольку хорошихъ унтеръ-офицеровъ и матросовъ съ только что прибывшей

изъ Средиземнаго моря эскадры Лазарева. Ими въ первое время мы только и управлялись.

Въ маѣ (1830 г.) мы вышли на рейдъ; мой брейдъ-вымпелъ на фрегатѣ «Анна». Приказано было впослѣдствіи пересѣсть на «Принца Оранскаго». Вскорѣ посѣтилъ насъ Государь, снисходительно взглянулъ на неуклюжесть нѣкоторыхъ произведенныхъ работъ, сказавъ: «это ничего, для того тебя и посылаютъ, чтобы ихъ учить». — Вскорѣ мы ушли въ море. Въ Ревелѣ остановились на нѣсколько дней для опредѣленія девіаціи. Въ Копенгагенѣ сдѣланъ былъ намъ пріемъ блистательный. Въ чичероны приставленъ былъ къ намъ ученый капитанъ Цартманъ, съ которымъ я послѣ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ въ дружеской связи. Молодежи нашей были показаны всѣ примѣчательности Копенгагена и данъ намъ былъ большой обѣдъ. По мысли Ломоносова, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, свезенъ былъ экипажъ на берегъ и произведено фронтовое ученіе, въ присутствіи одного изъ принцевъ (король былъ въ отсутствіи). Дальнѣйшее плаваніе до Исландіи не представляло ничего замѣчательнаго. Въ Нѣмецкомъ морѣ съѣхалъ я однажды на «Принца Оранскаго», чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Велѣлъ ударить тревогу; оказалось, что команда еще не расписана по росписанію. Первый примѣръ, но не послѣдній, какъ увидимъ далѣе, исправности нашего транспортнаго капитана. Достигнувъ Исландіи, мы прошли въ виду всего южнаго берега. Расчитывая, что намъ не хватитъ времени для обратнаго плаванія съ заходомъ въ Брестъ, я рѣшился не останавливаться въ Рейкіавикѣ и направился къ югу. На переходѣ Атлантическимъ океаномъ имѣли мы цѣлый рядъ жестокихъ штормовъ. На «Аннѣ» такелажъ ослабѣлъ до такой степени, что подвѣтренныя ванты висѣли бухтой, а бизаньштагъ, при килевой качкѣ, хлопалъ о палубу. Чтобы не потерять мачтъ, рѣшились такелажъ вытянуть. Спачала на подвѣтренной сторонѣ у каждой мачты вытягивали половину вантъ черезъ одну, на извѣстную длину, — потомъ вытягивали другую половину; поворотя на другой галсъ, вытягивали та-

кимъ же образомъ ванты на другой сторонѣ. Когда стихло, послалъ я флагъ-офицера на другія суда, чтобы узнать, что тамъ дѣлается. Получилъ свѣдѣніе, что во время бурь «Принца Оранскаго» чуть не залило, потому что «*въ батарейной палубѣ не было сплошныхъ портовъ*!» Вода лила въ него ручьями, отчего въ немъ ужасная сырость. На бригѣ треснула форъ-стеньга, и онъ долженъ былъ выстрѣлить новую. Отъ лоцмановъ, встрѣтившихъ насъ предъ входомъ въ Брестъ, узнали мы о событіяхъ, совершившихся въ ту самую минуту въ Парижѣ, — объ іюльской революціи. Когда мы стали на якорь, выѣхала къ намъ прежде всего карантинная шлюбка для опроса о состояніи здоровья экипажей и не было ли у насъ умершихъ. Мы отвѣчали, что у насъ всѣ здоровы, но что въ морѣ умеръ одинъ офицеръ (штурманскій помощникъ, не помню, отъ какой болѣзни умершій). Вслѣдствіе того, намъ объявили une quarantaine d'observation на 3 дня. На другой или на третій день послѣ того мы были удивлены поутру, что ни на военныхъ судахъ, ни на крѣпостяхъ, не поднимаютъ флаговъ (на рейдѣ было всего два или три судна, въ томъ числѣ le vaisseau école, т. е. учебное судно). Вдругъ около полдня раздается ужасная пальба со всѣхъ судовъ и крѣпостей, и мы видимъ повсюду трехцвѣтные флаги, вмѣсто бѣлаго, до того развѣвавшагося. Когда кончился нашъ карантинъ, я съѣхалъ на берегъ и отправился къ префекту, адмиралу Дюпотилю (Dupotil), который принялъ меня очень ласково, хотя и съ весьма печальнымъ лицемъ, выражалъ сожалѣніе, что мы пришли въ такое смутное у нихъ время, когда они сами не знаютъ, что у нихъ будетъ, и что они лишены возможности сдѣлать намъ такой пріемъ, къ какому по предписанію своего правительства они готовились; онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ не спускать моихъ молодыхъ людей на берегъ пока дѣла не выяснятся, потому что, при господствующемъ волненіи въ умахъ, это могло бы быть неудобно и даже опасно.

Я остался на берегу и ночевалъ въ гостинницѣ. Вечеромъ былъ въ театрѣ. Давали Фенеллу, пьесу подходящую къ обстоя-

тельствамъ: шумъ, гвалтъ, крики, особенно когда Мазаньелло говоритъ нѣмой сестрѣ: «Mais quelque soit son rang, peut-il se dispenser de tenir ses serments?» Нѣсколько разъ требовали Марсельезу при такихъ же крикахъ. Въ антрактахъ я разговаривалъ со многими военными и морскими. «Tout dépendra maintenant de ce que dira votre empereur» (все будетъ зависѣть теперь отъ того, что скажетъ вашъ императоръ). «Il dira apparemment que c'est une affaire de laquelle il n'est pas appelé à se mêler» (онъ вѣроятно скажетъ, что это дѣло такое, въ которое онъ не призванъ вмѣшиваться) — былъ мой отвѣтъ. Очень рано утромъ меня будятъ: «Un message du préfet maritime; Mr. le préfet fait porter à votre connaissance, commandant, qu'on le force de demander au commandant de l'escadre russe de saluer le pavillon tricolore» (посланіе отъ морскаго префекта; Г. префектъ сообщаетъ вамъ, г. командиръ, что его заставляютъ просить командира русской эскадры салютовать трехцвѣтному знамени». — Я отвѣчалъ: «mes compliments à Mr. le préfet, avec lequel j'aurai l'honneur de m'expliquer personnellement (мой поклонъ г. префекту, съ которымъ я буду имѣть честь лично объясняться). Когда я размышлялъ, какъ бы мнѣ выпутаться изъ этой непріятной исторіи, мнѣ пришло въ голову воспользоваться для этого наложеннымъ на насъ карантиномъ. Одѣвшись, иду къ префекту, и говорю ему очень серіозно, что намѣреніе было салютовать французскому флагу при самомъ прибытіи, но что я долженъ былъ по заведенному порядку предварительно переговорить и условиться о салютѣ, а наложенный на насъ карантинъ попрепятствовалъ мнѣ тогда это сдѣлать; у насъ же есть правило, что пробывши въ портѣ 3 дня не салютовавши, мы уже болѣе не салютуемъ. Выслушавъ съ ироническою улыбкою мое объясненіе, старикъ Дюпотиль отвѣчалъ: «Je comprends parfaitement, cher commandant, que vous ne pouvez pas saluer un pavillon que votre gouvernement n'a pas reconnu; mais que voulez-vous? J'ai dû faire auprès de vous la démarche que vous savez pour éviter une foule de désagréments. Vous ferez ce que

vous voudrez; quant à moi, je ne puis que vous conseiller de profiter du premier moment favorable pour quitter ce port. En attendant je communiquerai votre réponse à ces messieurs» [«Я совершенно понимаю, дорогой командиръ, что вы не можете салютовать флагу, котораго ваше правительство не признало; но что будете дѣлать? Я обязанъ былъ сдѣлать вамъ мое заявленіе, чтобы избѣгнуть кучи непріятностей. Дѣлайте что хотите; я же могу вамъ только посовѣтовать воспользоваться первою удобною минутою, чтобы уйти изъ этого порта. Я сообщу вашъ отвѣтъ этимъ господамъ»]. Возвратясь на фрегатъ, я сдѣлалъ всѣ распоряженія къ снятію съ якоря. По узкости входа (въ портъ), можно выходить изъ Бреста только съ совершенно попутнымъ вѣтромъ; буксирныхъ пароходовъ тогда въ Брестѣ не было, а при господствующихъ тамъ въ большую часть года западныхъ вѣтрахъ приходится иногда ждать долго такого благопріятнаго для выхода момента. Вотъ мы и ждемъ; но вѣтеръ еще не перемѣнился, какъ все перемѣнилось во Франціи. Пріѣзжаетъ адъютантъ префекта съ извѣстіемъ, что всѣ ихъ дѣла устроились, что у нихъ новый король, новое министерство, все пришло въ порядокъ, все успокоилось, и что затѣмъ пребыванію нашему въ Брестѣ уже нѣтъ препятствій. Мы остались. О разныхъ любезностяхъ, которыя намъ хотѣли оказать, разумѣется, теперь не могло быть рѣчи; но по крайней мѣрѣ, моряки наши могли вдоволь погулять и освѣжиться на берегу. Офицерамъ и гардемаринамъ показаны въ подробности всѣ портовыя заведенія и т. п. Оставалось уладить какъ нибудь благовидно вопросъ о салютѣ. Условились, что Дюпотиль пріѣдетъ ко мнѣ завтракать, подъ флагомъ; при съѣздѣ съ фрегата мы отсалютуемъ ему, какъ префекту, а это примется вмѣстѣ съ тѣмъ за салютъ флагу. Такъ и сдѣлали.

Въ Брестѣ я пересѣлъ на «Принца Оранскаго»; это было приказано, чтобы уравнять мой личный надзоръ надъ обѣими командами.

На обратномъ пути изъ Бреста, въ Нѣмецкомъ морѣ, встрѣ-

тили мы сильные вѣтры съ большимъ волненіемъ. Приказываю задраить борты; оказывается что сплошныхъ бортовъ въ Брестѣ не было сдѣлано, не взирая на положительное мое о томъ приказаніе! Вода лила въ борты. Послѣдствія страшной сырости на фрегатѣ скоро обнаружились. Въ Балтійскомъ морѣ уже стали показываться желудочныя лихорадки, которыя скоро приняли тифозный характеръ. По прибытіи въ Кронштадтъ, въ половинѣ августа, мы свезли въ госпиталь нѣсколько человѣкъ, чисто тифозныхъ, въ томъ числѣ гардемарина Зенкова, который вскорѣ потомъ умеръ. Число больныхъ продолжало увеличиваться, и ко дню посѣщенія Государя, котораго мы ждали около 10 дней, было уже до 70 человѣкъ въ госпиталѣ. Тягостны были эти 10 дней. Наконецъ Государь пріѣхалъ и прямо на фрегатъ «Анну», куда и я отправился. Въ свитѣ Государя былъ между прочими Кодрингтонъ. Государь милостиво принялъ мой рапортъ; осматривая фрегатъ, обо многомъ распрашивалъ, наконецъ приказалъ отдавать паруса. Работа шла плохо, шумно, чего Государь терпѣть не могъ; брови его насупились. Вдругъ говоритъ: «Nous n'avons pas de temps à perdre, nous avons encore beaucoup à voir» («Мы не можемъ терять время, намъ еще нужно многое видѣть»), — не простился, не поблагодарилъ и уѣхалъ. Чрезъ нѣсколько дней высочайшимъ приказомъ объявлено благоволеніе командиру фрегата «Анна», а о начальникѣ отряда ни слова. Вѣроятно донесено было между тѣмъ и о болѣзни на «Принцѣ Оранскомъ».

Такъ кончилась кампанія, которая при другихъ обстоятельствахъ могла бы быть очень пріятною, но по разнымъ причинамъ можетъ быть отчасти и по моей винѣ, вышла и непріятною, и неудачною. Посѣщеніе государя описано у меня въ другомъ мѣстѣ подробнѣе[77]). По случаю болѣзни на «Принцѣ Оранскомъ» наряжена

---

[77]) При этомъ осмотрѣ эскадры Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, произошла вторая его личная встрѣча съ графомъ Литке. Она очевидно не произвела на Государя того непріятнаго впечатлѣнія, которое какъ будто исте-

была слѣдственная коммиссія, кончившаяся ничѣмъ. Больные, свезенные въ госпиталь, кажется, всѣ выздоровѣли. Самымъ печальнымъ результатомъ этой кампаніи для меня была потеря друга моего Мертенса. Въ три года, на «Сенявинѣ», мы успѣли другъ друга узнать коротко и очень сблизились. По возвращеніи нашемъ онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, въ работахъ которой тотчасъ же принялъ самое дѣятельное участіе. Когда меня назначили начальникомъ отряда, онъ непремѣнно пожелалъ идти со мною. Я его всячески отговаривалъ, не видя никакой пользы для него въ перерывѣ ученыхъ его занятій. «Ich werde mein Schicksal von dem Ihrigen nicht trennen» (я не разлучу мою судьбу съ вашею) былъ его отвѣтъ. Онъ опредѣлился въ Морское вѣдомство (или уже состоялъ въ немъ?) и его назначили главнымъ врачемъ на нашъ отрядъ. Открывшаяся на «Принцѣ Оранскомъ» болѣзнь была пагубна для него, при нервномъ его темпераментѣ. Ходя за больными, онъ самъ заразился, съѣхалъ съ фрегата уже больной и вскорѣ умеръ. Большая была потеря не только для меня и всѣхъ его друзей, но и для науки.

Едва принялся я за мои работы, какъ онѣ были опять прерваны. Получено было извѣстіе о кончинѣ зятя моего Розена, въ Вильнѣ. Я отправился туда, чтобы помочь сестрѣ устроить ея дѣла, и въ концѣ декабря привезъ ее въ Петербургъ съ 6-лѣт-

---

кастъ изъ разсказа графа Ѳ. П., такъ какъ онъ вскорѣ потомъ былъ назначенъ на должность воспитателя Великаго Князя Константина Николаевича. Это свиданіе Императора Николая съ гр. Литке, гораздо болѣе продолжительное, чѣмъ первое, подробно описано послѣднимъ въ его особой записной книжкѣ, которую мы читали и которая до сихъ поръ не отыскалась въ его архивѣ (см. Введеніе). При этомъ былъ между Государемъ и гр. Литке весьма интересный разговоръ, который мы не рѣшаемся привести здѣсь на память. Государь распрашивалъ графа Ѳ. П. о посѣщенныхъ имъ странахъ и преимущественно о Франціи, въ которой графъ Ѳ. П. находился въ самое время іюльскаго переворота 1830г. Императоръ выражалъ при этомъ свое неудовольствіе, слишкомъ извѣстное, противъ переворота и Франціи. Графъ Литке весьма затруднился (какъ онъ пишетъ) отвѣтами, которые Государь требовалъ на свои вопросы; онъ спрашивалъ о состояніи умовъ во Франціи и доволенъ ли народъ переворотомъ.

нею дочерью Лизой [78]). Онѣ помѣстились на первое время у сестры Наталіи, а я нанялъ небольшую квартиру по близости и опять принялся за свои работы и опять не надолго.

Продовольствіе нашей арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ, затруднено было вспыхнувшимъ въ Литовскихъ губерніяхъ мятежомъ. Положено было закупить провіантъ въ Восточной Пруссіи и въ то же время отправить припасы изъ Петербурга и Риги въ Данцигъ, и все это сплавить по Вислѣ къ границамъ Польши. Первая операція возложена была на нашего генеральнаго консула въ Данцигѣ Тенгоборскаго [79]); для распоряженій по выгрузкѣ кораблей и паромному сплаву потребовался морской офицеръ, и выбрали меня [80]).

Въ бумагахъ моихъ есть двѣ записки, одна французская Тенгоборскаго, другая русская моя, представленныя по окончаніи дѣла фельдмаршалу Паскевичу и содержащія обозрѣніе обѣихъ операцій, и потому я здѣсь объ нихъ говорить не буду [81]).

---

78) Елизавета Ѳедоровна Розенъ была впослѣдствіи очень продолжительное время классною дамою въ Патріотическомъ институтѣ, и потомъ инспектрисой въ Николаевскомъ, и была весьма уважаема всѣми ее знавшими.

79) Тенгоборскій, впослѣдствіи состоявшій при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, и потомъ членъ Государственнаго совѣта, извѣстный писатель, авторъ сочиненій: «Etudes sur les forces productives de la Russie» 1852—1853; о финансахъ Австріи и проч. Съ этихъ поръ начинается тѣсная дружба гр. Литке съ Тенгоборскимъ. Гр. Ѳ. П. питалъ глубокое уваженіе къ Тенгоборскому и былъ очень опечаленъ его смертью въ 1857 г. Между ними велась обширная переписка, которая находится въ рукахъ графини Эстергази, дочери Тенгоборскаго. Гр. Н. Ѳ. Литке возвратилъ ей всѣ письма ея отца. Она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла ихъ сообщить для біографіи Графа Ѳ. П., говоря, что письма эти заключаютъ въ себѣ только дружескія изліянія.

80) Какимъ образомъ, для исполненія этого дѣла, выборъ палъ на гр. Литке, который не имѣлъ ничего съ общаго съ этимъ дѣломъ по своимъ свѣдѣніямъ и прежнимъ занятіямъ,—трудно понять. Главнымъ мотивомъ была вѣроятно его необыкновенная честность, требовавшаяся для этой крупной денежной операціи. Также дѣйствовало тутъ вѣроятно и личное довѣріе къ нему Императора Николая, уже зачавшееся въ это время, послѣ его плаваній.

81) Собственно этихъ двухъ записокъ, упоминаемыхъ графомъ Ѳ. П., мы не нашли въ его архивѣ,—если не разумѣть подъ ними обширнаго отчета о Данцигской операціи, представленнаго совокупно графомъ Литке и Тенгоборскимъ главнокомандующему дѣйствующей арміи, князю Паске-

Получивъ инструкцію отъ военнаго министра графа Чернышева, я отправился изъ Петербурга въ половинѣ мая 1831 г. До отправленія представлялся Государю, благоволившему дать мнѣ изустныя наставленія и отпустившему меня очень милостиво. Я предполагалъ ѣхать прямо сухимъ путемъ, но въ Ригѣ узналъ о строгихъ карантинныхъ мѣрахъ противъ холеры на прусской границѣ, которыя могли бы долго меня задержать, и потому рѣшился отправиться на одномъ изъ зафрахтованныхъ судовъ изъ Риги въ Данцигъ. Въ Ригѣ свирѣпствовала холера, но до Петербурга она тогда еще не доходила. Въ Ригѣ нашелъ я ген.-м. графа Сергѣя Григорьевича Строганова [82]), бывшаго не знаю, въ какомъ офиціальномъ характерѣ, и флигель-адъютанта Алексѣя Лазарева, завѣдывавшаго отправкою зафрахтованныхъ кораблей. По прибытіи на Данцигскій рейдъ, встрѣчены мы были карантинной шлюпкой, объявившей намъ карантинъ, со строгимъ запрещеніемъ всякаго сообщенія съ берегомъ. Съ карантиннымъ чиновникомъ отправилъ я бывшія у меня бумаги къ Тенгоборскому, который вскорѣ самъ насъ посѣтилъ, разумѣется, оставаясь на шлюпкѣ, на благородной дистанціи. Онъ былъ уже тогда въ горячей перепискѣ съ Данцигскими властями о нелѣпыхъ мѣрахъ, противъ насъ принимаемыхъ, тѣмъ болѣе нелѣпыхъ, что въ самомъ Данцигѣ давно уже царствовала сильная холера. Но противъ безумія, овладѣвавшаго вездѣ умами при первомъ появленіи этой болѣзни въ Европѣ, всякая логика была безсильна. Въ

вичу. Кромѣ этого отчета сохранилась цѣлая масса бумагъ, относящихся къ этой операціи, всѣ счеты, и частная и офиціальная переписка (въ томъ числѣ переписка съ прусскими властями и предписанія и отвѣты графу Литке кн. Паскевича, гр. Чернышева, военнаго министра, и кн. Меншикова, начальника Главнаго Морскаго Штаба). Всѣмъ этимъ, можетъ статься, можно воспользоваться для исторіи кампаніи 1830 г. въ Польшѣ; но мы не могли изо всего этого извлечь ничего интереснаго для біографіи Өедора Петровича, кромѣ развѣ общихъ понятій о крайней его педантической аккуратности и трудолюбіи, выказанныхъ имъ и въ этомъ дѣлѣ, весьма второстепенномъ въ общемъ ходѣ его дѣятельности.

[82]) Гр. С. Г. Строгановъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы нужно было здѣсь о немъ говорить.

это время стояло на рейдѣ уже до сотни нашихъ провіантскихъ судовъ подъ карантиннымъ флагомъ. Вскорѣ пришелъ фрегатъ «Анна» (капит. Лугвеневъ), привезшій двѣ канонирскія лодки, которыя мы должны были отправить по Вислѣ въ дѣйствующую армію, подъ видомъ провіантскихъ судовъ,—все это, разумѣется, съ вѣдома прусскаго правительства. Я переѣхалъ на фрегатъ, чтобы по крайней мѣрѣ жить получше въ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Положили, наконецъ, устроить для насъ особый карантинъ на берегу, куда должны были свозиться припасы для очищенія и куда съѣхалъ и я съ двумя моими спутниками, лейтенантами Леонт. Бодиско, вторымъ сыномъ бывшаго моего начальника, и Мофетомъ[83]), бывшимъ ревизоромъ на Моллерѣ и пострадавшимъ при бывшей на этомъ суднѣ исторіи. Въ карантинѣ оставался я недѣлю. Тенгоборскій выхлопоталъ мнѣ освобожденіе и пригласилъ помѣститься у него, чтобы при общей нашей работѣ быть намъ по возможности вмѣстѣ, что̀ я натурально съ благодарностью принялъ. Я прожилъ у Тенгоборскихъ болѣе полугода, пока не были совершенно окончены не только самыя операціи, но и всѣ счеты и отчеты по онымъ. Эти полгода составляютъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ эпизодовъ моей жизни; я всегда вспоминаю объ этомъ времени съ величайшимъ удовольствіемъ. Съ Тенгоборскимъ мы скоро другъ друга поняли als verwandte Geister (какъ родственныя души) и это было началомъ самой тѣсной дружбы, продолжавшейся безмятежно 26 лѣтъ до самой его кончины въ 1857 г. Жена его, умная, образованная, прелестная женщина, тоже меня полюбила и я скоро былъ въ ихъ семьѣ какъ свой. У нихъ было тогда пятеро дѣтей,—3 сына и 2 дочери. Старшій Юлій, теперь гофмейстеръ двора в. кн. Константина Николаевича, былъ тогда

---

[83]) Мофетъ былъ впослѣдствіи постояннымъ спутникомъ графа Ѳ. П.; былъ командиромъ корабля «Ингерманланда», на которомъ впервые Великій Князь Константинъ Николаевичъ исполнялъ должность вахтеннаго начальника; на немъ же былъ командиромъ въ кампанію 1845 года въ Палермо, а потомъ былъ командиромъ Гвардейскаго экипажа.

мальчикъ лѣтъ девяти[84]); Адольфъ — всѣмъ намъ памятный, и Лудвигъ, умершій въ Имп. Лицеѣ, Euphémie, теперь графиня Эстергази, и Марья. Послѣ того были у нихъ еще двѣ дочери; но изо всѣхъ остались теперь въ живыхъ только Юлій и Euphémie.

Въ концѣ года были кончены всѣ счеты и отчеты по операціи, стоившей, помнится, до 10 милліоновъ рублей. Одной только безпримѣрной facilité de travail (легкости работы) и неутомимости Тенгоборскаго возможно было справиться съ такой огромной и сложной работой въ столь короткое время.

Тенгоборскому, какъ поляку, не хотѣлось при тогдашнихъ обстоятельствахъ ѣхать самому въ Варшаву и онъ просилъ меня взять это на себя. Въ самомъ началѣ года я оставилъ ихъ гостепріимный кровъ и отправился съ отчетами въ Варшаву, куда прибылъ 5 января 1832 г. На другой день явился къ фельдмаршалу (Паскевичу), который приказалъ мнѣ быть ввечеру съ отчетами. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, въ присутствіи князя Горчакова, прочелъ нѣсколько страницъ объяснительной записки, взглянулъ на массу таблицъ, наполненныхъ цифрами и, передавая все Горчакову, сказалъ: «Ну, это надо все разсмотрѣть въ подробности, а между тѣмъ вы поживете съ нами». Вообще фельдмаршалъ былъ очень ласковъ и пробормоталъ что-то о томъ, какъ онъ былъ доволенъ нашими распоряженіями и пр. Я не зналъ, что былъ уже представленъ къ Владиміру 3-й ст., и очень удивился, когда нѣсколько дней спустя получилъ изъ Петербурга знаки этого ордена[85]).

---

[84]) Юлій Тенгоборскій былъ впослѣдствіи сенаторомъ (умеръ въ 1880 г.). сестра его Марья находится въ замужествѣ за шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, Дус.

[85]) По этому случаю, въ формулярномъ спискѣ гр. Литке записано: «за дѣятельность и благоразумную распорядительность, оказанныя при выгрузкѣ изъ кораблей въ Данцигѣ и сплавѣ по Вислѣ, назначенныхъ для дѣйствовавшей въ Царствѣ Польскомъ арміи продовольственныхъ припасовъ, всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени». Передъ этимъ въ 1830 г. гр. Литке былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса за сдѣланныя на морѣ 18-ти шестимѣсячныхъ кампаній.

Я засталъ въ Варшавѣ дядю Ѳ. И. Энгеля, какъ предсѣдателя временнаго правительства царства, и брата Р. Ѳ. Фурмана, какъ директора правительственной коммиссіи финансовъ, у котораго и жилъ во все время пребыванія въ Варшавѣ. Время проводилъ не скучно, ра̀за два въ недѣлю обѣдалъ у дяди; по понедѣльникамъ у него собиралось временное правительство, которое in corpore у него обѣдало. Часто ходилъ я въ театръ любоваться на прекрасный corps de ballet, состоявшій подъ особеннымъ покровительствомъ фельдмаршала. Отчеты наши лежали въ интендантствѣ безъ движенія. Я надоѣдалъ сколько могъ генер.-интенданту Погодину, чтобы разсмотрѣли наконецъ отчеты и отпустили меня; онъ отвѣчалъ, что и разсматривать ихъ нельзя, потому что они составлены не по указанной формѣ, — что̀ было очень натурально, потому что и самая операція производилась внѣ всякихъ формъ. Тенгоборскій[86]), котораго я объ этомъ увѣдомилъ, отвѣчалъ, что пусть ему доставятъ формы, и онъ берется въ двѣ недѣли передѣлать по нимъ свои отчеты. На это Погодинъ сказалъ, что у нихъ и формы-то опредѣленной нѣтъ.

Время уходило, и я не знаю сколько бы меня продержали въ Варшавѣ, если бы дядя не вступился въ мое горе и не объяснилъ фельдмаршалу, что я напрасно здѣсь теряю время, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ стоятъ за моимъ отсутствіемъ многія важныя работы, относящіяся до моего путешествія. Тогда меня отпустили. Въ послѣднихъ числахъ января 1832 г., я возвратился въ Петербургъ и явился къ своей командѣ, а 1-го февраля уже состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи меня флигель-адъютантомъ. Признаюсь, что эта награда была для меня выше всякой другой, сколько ради самаго отличія, столько и потому, что оно послѣдовало послѣ трудной и скабрезной операціи[87]). Тогда флигель-

---

[86]) На Тенгоборскомъ лежала преимущественно отчетная часть по этой операціи.

[87]) Изъ сохранившейся въ бумагахъ графа Ѳедора Петровича переписки за

адъютанты еще не считались сотнями, какъ теперь, хотя уже начинали довольно размножаться.

Нѣсколько дней спустя, я имѣлъ счастье представиться Государю, послѣ обѣдни въ ротондѣ [88]); принялъ меня очень милостиво, благодарилъ за труды, прибавя слегка, что мы распоряженіями своими содѣйствовали успѣху всей кампаніи. Тутъ же Государь представилъ меня Императрицѣ. Это было первымъ шагомъ на томъ пути, который вскорѣ долженъ былъ дать совершенно иное направленіе моей карьерѣ и всей моей будущности.

Въ это время, думали уже о томъ, кого опредѣлить (воспитателемъ) къ Великому Князю Константину Николаевичу. Воспитатель генералъ-адмирала долженъ былъ натурально быть морской офицеръ, и Государь изволилъ остановить свое вниманіе на мнѣ. Вскорѣ полученное мною назначеніе было симптомомъ этихъ намѣреній; мнѣ приказано было сопровождать Великихъ Княженъ Марію, Ольгу и Александру Николаевенъ, отправлявшихся для морскаго купанія въ Добберанъ. Мы отправились на пароходѣ «Ижора», 12 іюня 1832 г. Ихъ Высочествъ сопровождали князь Вас. Вас. Долгорукій, глава этого маленькаго двора, лейбъ-медикъ Крейтонъ и воспитательницы Юлія Ѳедоровна Баранова, начальница надъ всѣми, Шарлота Карловна Дункеръ при (В. К. Ольгѣ Николаевнѣ) и Miss Holiday [89]) (при В. К. Алек-

---

это время видно, что всѣ его донесенія о данцигской операціи были представляемы гр. Чернышевымъ (военнымъ министромъ) лично Императору, и его распоряженія неоднократно удостоивались личнаго Высочайшаго одобренія, которое ему было сообщаемо. Надо думать, что Государь близко ознакомился при этомъ съ характеромъ гр. Ѳедора Петровича, съ его практическою распорядительностью и энергическою ревностью къ дѣлу, независимо отъ его научныхъ свѣдѣній и его познаній по морской части, уже раньше извѣстныхъ Государю.

[88]) «Ротондою» называется круглая зала въ Зимнемъ дворцѣ, передъ входомъ въ малую церковь (и также въ концертную залу). Здѣсь и въ сосѣдней (такъ называемой арабской комнатѣ) обыкновенно представлялись, послѣ обѣдни, по воскресеньямъ, Государямъ Николаю Павловичу и Александру Николаевичу.

[89]) На ея мѣсто поступила впослѣдствіи дѣвица Браунъ (Miss Brown), на которой женился графъ Ѳедоръ Петровичъ.

сандрѣ Николаевнѣ). Государь доѣхалъ съ нами до ожидавшей Его Величество дивизіи на высотѣ Ревеля. Подходя къ Коктхару, мы встрѣтили Любскій пароходъ. Государь остановилъ его, спросилъ нѣтъ ли курьера, и узнавъ что есть, приказалъ прислать его на Ижору. Увидя изъ депешъ къ графу Нессельроде, имъ вскрытыхъ, что въ Мекленбургѣ показалась холера, Государь сказалъ: «Je n'enverrai pas mes enfants à Dobberan» (я не пошлю моихъ дѣтей въ Добберанъ), и приказалъ намъ идти въ Ревель; самъ отправился на флотъ. Въ Ревелѣ мы оставались на пароходѣ до прибытія на другой день Государя съ эскадры, и тогда съѣхали на берегъ и помѣстились въ Катеринтальскомъ дворцѣ. Распредѣливъ самъ помѣщеніе Великихъ Княженъ и сдѣлавъ на Лаксбергѣ смотръ кое-какимъ войскамъ, бывшимъ въ Ревелѣ, Государь въ тотъ же день уѣхалъ. Великія Княжны пробыли въ Ревелѣ до половины августа. Были ежедневныя, смотря по погодѣ, морскія прогулки на люгерѣ Ораніенбаумѣ, — поѣздки въ Кошъ, Вишсъ, Тишертъ, Филь. Въ Нейенгофѣ былъ устроенъ для нихъ Talkus[90]). Все это сокращало время, которое проходило безъ скуки, а для меня прошло даже очень пріятно, и это лѣто оставило мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Въ это время сблизился я съ Россильономъ, уже тестемъ Фердинанда (Врангеля), бывшимъ за отсутствіемъ губернатора чичероне Великихъ княженъ.

По окончаніи купаній, Ихъ Высочества отправились въ Петербургъ (т. е. въ Царское Село, гдѣ тогда Дворъ находился), сухимъ путемъ, со всей свитой кромѣ меня, а мнѣ велѣно было возвратиться на фрегатѣ Беллонѣ, на которомъ Государь имѣлъ

---

[90]) Talkus (талкусъ) въ Эстляндской губерніи называется деревенскій праздникъ, на которомъ помѣщикъ угощалъ своихъ крестьянъ по окончаніи жатвы или по другому какому либо торжественному случаю. Теперь это вывелось. Талкусъ теперь устраивается иногда по случаю какой либо мѣстной работы; въ воскресенье или праздникъ хозяинъ объявляетъ, что дѣлаетъ талкусъ, къ нему стекаются люди, онъ ихъ угощаетъ водкой, пивомъ, ѣдой, а за это пришедшіе помогаютъ ему убраться сѣномъ, или хлѣбомъ, и при другой какой либо мѣстной работѣ.

пребываніе во время маневровъ и котораго командиръ гр. Гейденъ (Логинъ Логиновичъ) былъ тогда назначенъ флигель-адъютантомъ; этотъ фрегатъ былъ присланъ за багажемъ Вел. Княженъ. Противные вѣтры насъ задержали, и я не прежде 22-го августа пріѣхалъ въ Царское Село. Въ этотъ день былъ большой балъ, на которомъ я представился императрицѣ. Ю. Ѳ. Баранова говорила мнѣ послѣ, что назначеніе меня въ свиту ихъ Высочествъ имѣло цѣлію ближе меня узнать, «de voir ce que c'est que ce loup de mer» (посмотрѣть, что такое этотъ морской волкъ). Рапортъ обо мнѣ былъ видно благопріятный, потому что Ея Величество изволила принять меня очень милостиво и ласково, говорила, что Вел. Княжны были очень довольны своимъ пребываніемъ въ Ревелѣ, и разсказывали ей между прочимъ о моихъ каламбурахъ.

Въ этомъ году Дворъ рано переѣхалъ въ городъ по случаю беременности Императрицы. Я часто бывалъ приглашаемъ къ обѣду Государя Наслѣдника, а въ дежурные мои дни постоянно долженъ былъ у Него обѣдать. Приглашаемъ былъ тоже и къ Великимъ Княжнамъ. Явно было, что что-то готовится для меня. 13-го октября родился Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и это событіе рѣшило мою участь. Нѣсколько времени спустя, послѣ обѣда у наслѣдника, К. К. Мёрдеръ беретъ меня въ сторону и спрашиваетъ: что бы я сказалъ, еслибъ мнѣ предложили быть воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича? Я отвѣчалъ, что хотя не признаю въ себѣ никакого призванія къ такой должности, и въ теченіе всей моей 20-ти лѣтней службы, занимаясь исключительно однимъ морскимъ дѣломъ, не обладаю нужными для того свѣдѣніями и способностями, но что воля Государя для меня законъ, и что если Его Величеству угодно будетъ повелѣть, то мой долгъ—повиноваться. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того (это было 3-го ноября 1832 г.) призываетъ меня къ себѣ князь Меншиковъ и объявляетъ приказаніе Государя, чтобы я ежедневно пріѣзжалъ къ Великому Князю Константину Николаевичу и проводилъ съ нимъ день. Въ тотъ же день

поѣхалъ я обѣдать къ Наслѣднику, гдѣ К. К. Мердеръ сообщилъ мнѣ тоже приказаніе. Послѣ обѣда пришелъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились на его половину. Такъ началась новая моя служба, продолжавшаяся 16 лѣтъ.

Здѣсь я останавливаюсь. Я не имѣлъ намѣренія писать полной моей біографіи. Цѣль этой записки — передать моимъ дѣтямъ свѣдѣнія, какія есть, о прошедшемъ нашего семейства, и представить очеркъ первой половины моей жизни, изъ котораго они могутъ увидѣть, какъ круглый сирота, въ первые годы своей юности почти заброшенный, безъ всякой протекціи, можетъ, съ помощью Божіей, собственными трудами пробить себѣ дорогу въ жизни и оставить своимъ потомкамъ доброе, незапятнанное имя.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

РѢЧЬ
ОБЪ УЧЕНЫХЪ ЗАСЛУГАХЪ
ГРАФА Ѳ. П. ЛИТКЕ.

ЧИТАНА ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, 29 ДЕКАБРЯ 1882 ГОДА

АКАДЕМИКОМЪ **О. В. СТРУВЕ.**

Въ текущемъ столѣтіи кресло президента Академіи Наукъ продолжительнѣе другихъ занимали два сановника, которыхъ съ полнымъ правомъ можно причислить къ ученымъ спеціалистамъ и которые вѣроятно достигли бы еще высшей степени знаменитости какъ ученые, если бы государственныя дѣла не отвлекли ихъ отъ непосредственныхъ занятій любимыми ими науками. Ясно, что я говорю о филологѣ и археологѣ графѣ С. С. Уваровѣ и географѣ и мореплавателѣ графѣ Ѳ. П. Литке.

Сопоставленіе этихъ именъ невольно пробуждаетъ въ каждомъ, имѣвшемъ счастье лично знать ихъ носителей, воспоминаніе, до какой степени обѣ личности разнились между собою. Уваровъ, одаренный тонкимъ, анализирующимъ умомъ, получившій съ дѣтства обширнѣйшее образованіе по всѣмъ отраслямъ знаній, проникнутый духомъ классической старины, имѣвшій случай еще въ

молодости вращаться въ высшихъ сферахъ общества, которыя онъ удивлялъ своимъ остроуміемъ, выказывалъ въ самомъ обращеніи своемъ всѣ эти дарованія, столь много споспѣшествовавшія ему въ жизни. Во внѣшности Ѳ. П. Литке, напротивъ, на первый взглядъ видѣлся прямодушный морякъ, идущій кратчайшею дорогою къ своей цѣли, и выражались одинаково твердая, энергическая воля, высокія умственныя дарованія и удивительная рабочая сила, поднявшія его на пути практической жизни и въ борьбѣ съ большими затрудненіями, на то высокое мѣсто, которое онъ впослѣдствіи занималъ въ государственной іерархіи. Но какъ ни различны были оба сановника по внѣшности, по отношеніямъ своимъ къ обществу, по научнымъ наклонностямъ, они одинаково и какъ бы однимъ нераздѣльнымъ сердцемъ беззавѣтно преданы были престолу, отечеству и истинамъ просвѣщенія и науки. Оба одинаково видѣли въ Академіи Наукъ вѣрнѣйшій рычагъ для поднятія въ Имперіи общаго уровня образованія и въ этомъ смыслѣ одинаково старались укоренить въ первенствующемъ ученомъ учрежденіи научный характеръ въ полной его чистотѣ. Уварову мы въ особенности обязаны тѣмъ, что, вступивъ еще въ молодыхъ лѣтахъ въ управленіе Академіею, онъ столько же энергично, сколько ясно понимая задачи Академіи, взялся за ея преобразованіе, вывелъ ее изъ сумерокъ, окружавшихъ ее въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и поднялъ на то высокое мѣсто, которое она теперь занимаетъ между подобными учрежденіями Европы. Литке уже на склонѣ лѣтъ занялъ президентское кресло. Мы всѣ свѣжо помнимъ, какъ чувство долга руководило всѣми его дѣйствіями, какъ ревностно старался онъ объ улучшеніи научныхъ средствъ Академіи, какъ всею душою отзывался на ея задачи, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ каждый новый шагъ къ расширенію человѣческихъ знаній, какъ высоко и крѣпко, пока были силы, онъ держалъ знамя серьезной науки.

Недавняя кончина маститаго президента оставила глубокій слѣдъ въ сердцахъ его друзей и почитателей.

Особенно потрясенная этою утратою Академія Наукъ почтила

меня лестнымъ порученіемъ, воскресить сегодня предъ Вами, Мм. Гг., въ краткихъ чертахъ ученыя заслуги графа Литке, и съ благодарностью помня многочисленныя важныя услуги, оказанныя имъ какъ дѣлу просвѣщенія вообще, такъ въ особенности ввѣренной моему управленію Обсерваторіи, я не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ этой чести, хотя имѣю основательные поводы сомнѣваться, могу ли удовлетворительно исполнить желаніе Академіи. Расчитываю на Ваше благосклонное снисхожденіе.

Ходъ образованія Ѳ. П. Литке представляетъ рѣдкій примѣръ самоученія и обнаруживаетъ въ то же время наиболѣе выдающуюся черту его характера — твердую волю. Всѣ, знавшіе его въ лучшую пору его дѣятельности, удивлялись обширнымъ и основательнымъ познаніямъ, которыми онъ обладалъ въ различныхъ отрасляхъ науки. Тѣмъ болѣе они будутъ поражены, узнавъ, сколько энергіи пришлось ему потратить въ борьбѣ съ неимовѣрными препятствіями при накопленіи этого умственнаго богатства.

Ѳ. П. Литке родился 17 сентября 1797 г. въ С.-Петербургѣ. Матери онъ лишился уже при рожденіи. Пока живъ былъ его отецъ, онъ могъ еще получить, въ жалкомъ пансіонѣ, первое знакомство съ самыми элементарными началами ариѳметики и географіи и поверхностно узнать новѣйшіе языки. Послѣ же смерти отца, отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, въ эту воспріимчивую пору жизни, требующую самаго рачительнаго попеченія, молодой Литке, вслѣдствіе печальныхъ семейныхъ обстоятельствъ, не имѣлъ ни одного урока и рѣшительно никакого наставленія и руководства, ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи. Нужно только удивляться, какъ предоставленный исключительно одному себѣ, не имѣя ни родной семьи, ни одного близкаго человѣка, ни одного друга, или сверстника, мальчикъ совершенно не пропалъ. Одна врожденная добрая натура спасла его отъ нравственной гибели, а рѣдкая любознательность отъ полнаго застоя въ умственномъ развитіи. Читалъ онъ все, что ему попадало въ руки, безъ системы и разбора, и превосходная память сохранила многое изъ прочитаннаго, что впослѣдствіи оказалось не безпо-

лезнымъ, хотя сначала, какъ онъ самъ разсказывалъ, образовался полнѣйшій хаосъ въ его понятіяхъ.

Къ счастію его въ 1810 г., когда ему было 12 лѣтъ, произошла благопріятная для него перемѣна въ семейныхъ обстоятельствахъ. Сестра его, проживавшая доселѣ въ отдаленной провинціи, вышла замужъ за капитанъ-лейтенанта Ивана Савича Сульменева, имя котораго нераздѣльно съ дальнѣйшими успѣхами въ жизни Ѳедора Петровича. Молодые поселились въ Кронштадтѣ, и образовался для него по близости родной уголокъ. Часто посѣщая любимую сестру, въ домѣ которой впервые позналъ онъ благодѣтельныя чувства семейной жизни и родственной привязанности, онъ имѣлъ случай познакомиться и съ тою стихіею, на которой будущность готовила ему неувядающіе лавры. События 1812 года породили въ немъ восторженное желаніе посвятить себя морской службѣ; будучи осенью того года съ сестрою въ Свеаборгѣ, гдѣ мужъ ея командовалъ отрядомъ канонирскихъ лодокъ, онъ бралъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль уроки приготовительныхъ къ морской службѣ наукъ и, къ пасхѣ 1813 г., выдержавъ поверхностный экзаменъ, опредѣленъ былъ гардемариномъ въ отрядъ своего зятя. Въ этомъ званіи ему въ томъ же году представился случай отличиться при бомбардированіи занятой еще французами крѣпости Данцига. Съ тѣхъ поръ открылся ему новый взглядъ на жизнь. Уже видя цѣль предъ собою, онъ тѣмъ сильнѣе чувствовалъ недостатки своего образованія и съ примѣрнымъ рвеніемъ принялся собственными силами за ученіе. Рѣшительнымъ шагомъ въ его карьерѣ было назначеніе его въ 1817 г. въ кругосвѣтное плаваніе на военномъ шлюпѣ Камчатка подъ командою капитана Головнина. Строгая дисциплина, царствовавшая на суднѣ, сначала возмущала непривыкшаго къ правильной жизни юношу, но скоро онъ сознавалъ ея необходимость и тѣмъ болѣе научился уважать строгаго командира, котораго поставилъ себѣ въ примѣръ правдивости и неуклоннаго исполненія долга. Двухлѣтнее плаваніе въ разныхъ водахъ обоихъ полушарій значительно расширило кругъ его воз-

зрѣній. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ притомъ было для него назначеніе ему въ ближайшіе товарищи на суднѣ барона Ф. П. Врангеля, будущаго его соревнователя въ изслѣдованіи Арктическаго океана. Одинаковость стремленій скоро сблизила обоихъ молодыхъ моряковъ и создала между ними тѣсную дружбу, которая, годъ отъ году крѣпчая, не остыла до послѣднихъ дней долгой ихъ жизни.

Упомянутое кругосвѣтное плаваніе можно назвать главнѣйшимъ учебнымъ временемъ Литке. Вернувшись изъ него, онъ былъ уже тѣмъ неустрашимымъ и искуснымъ мореплавателемъ, какимъ мы его знали впослѣдствіи, пламенѣющимъ любовью къ наукѣ и жаждущимъ случая обогатить ее собственными стараніями. Случай этотъ скоро представился. По рекомендаціи капитана Головнина въ 1821 г. ему поручена была опись береговъ Новой Земли, о которой до того времени имѣлись лишь весьма поверхностныя свѣдѣнія. Для этой цѣли подъ его команду поставленъ былъ бригъ, названный также Новая Земля по своему назначенію.

Извѣстно что въ арктическихъ странахъ удача плаванія главнымъ образомъ обусловлена состояніемъ льдовъ, а для парусного судна кромѣ того необходимо, чтобы попутный вѣтеръ позволилъ воспользоваться каждымъ благопріятнымъ случаемъ подвинуться въ желаемомъ направленіи. Оба эти условія въ первомъ году были чрезвычайно невыгодны. Сильные противные вѣтры задерживали бригъ, а когда, преодолѣвъ ихъ, молодой командиръ приближался къ мѣсту назначенія, то находилъ его окруженнымъ сплошнымъ льдомъ, преграждавшимъ всякій доступъ. Въ теченіи шестинедѣльнаго плаванія вдоль берега ему только два раза удалось издали видѣть возвышенности Новой Земли, подойти же ближе не было возможности. Такая неудача легко могла бы охладить обыкновеннаго человѣка, но не устрашила нашего Литке. За то на возвратномъ пути онъ вознагражденъ былъ другимъ неожиданнымъ открытіемъ. Остановясь на короткое время у Канина Носа, извѣстнаго мыса на сѣверо-восточномъ концѣ Бѣлаго

моря, онъ воспользовался случаемъ для наблюденія лунныхъ разстояній и нашелъ, что на новѣйшихъ картахъ того времени эта важная точка была нанесена невѣрно на цѣлыхъ $1\frac{1}{2}$ градуса. Одно это открытіе, измѣнившее совершенно карту сѣверной части Бѣлаго моря, вполнѣ уравновѣшивало предшествовавшія неудачи. Въ слѣдующіе два года Литке снова съ большимъ усердіемъ принялся за дѣло и, прибавимъ тотчасъ, съ блестящимъ успѣхомъ. Пользуясь каждою благопріятною минутою въ эти двѣ, краткія вслѣдствіе суровости климата, навигаціи, онъ описалъ какъ весь западный берегъ Новой Земли до мыса Нассавскаго и южный до входа въ Карское море, такъ и извѣстный подъ названіемъ Маточкинъ Шаръ проливъ, раздѣляющій Новую Землю на два отдѣльные острова. Далѣе мыса Нассавскаго, гдѣ берегъ Новой Земли принимаетъ восточное направленіе, изслѣдовать оный не удалось ни въ томъ, ни въ другомъ году, по причинѣ сплошныхъ льдовъ, а проникнуть въ Карское море во второмъ году помѣшало несчастіе съ судномъ, попавшимъ на подводную скалу и принужденнымъ поэтому вернуться въ Архангельскъ. Четвертый рейсъ, въ 1824 г., снова былъ неудачный. Опять поднявшись въ сѣверномъ направленіи до мыса Нассавскаго, судно встрѣтило тамъ непроходимыя массы сплошнаго, примыкавшаго къ берегу льда и, въ надеждѣ обойти оный, свернуло къ западу. Но дойдя по той же широтѣ до половины разстоянія между Новою Землею и Шпицбергеномъ и все не видя конца ледянымъ массамъ, Литке, чтобы не потерять все лѣто, направился къ южной оконечности Новой Земли, думая заняться описью восточнаго берега. Но и тамъ, при входѣ въ Карское море, массы льда заграждали путь.

Читая о затрудненіяхъ, съ которыми Литке приходилось бороться, невольно зарождается мысль, на сколько богаче были бы вѣроятно результаты его экспедицій, если бы въ то время онъ могъ уже воспользоваться, какъ позднѣйшіе мореплаватели, силою пара, и эта мысль должна возбудить въ насъ тѣмъ большую признательность за многочисленные результаты, которыхъ дѣйстви-

тельно достигъ онъ своею настойчивостью и усердіемъ. Припомнимъ также, что онъ не удовольствовался исполненіемъ одной только главной своей задачи, описи Новой Земли. Между тѣмъ какъ море около послѣдней становится доступнымъ не раньше средины іюля, въ Бѣломъ въ морѣ и около Лапландскаго материка уже въ началѣ Іюня можно приступать къ работамъ. Ревностно воспользовавшись этимъ временемъ, Литке обогатилъ свой трудъ опредѣленіемъ и описью всѣхъ главныхъ точекъ и гаваней по этому берегу, начиная отъ Святаго Носа до самаго Вардегуза, многочисленными опредѣленіями географическихъ положеній мѣстъ по берегу Бѣлаго моря, и подробными изслѣдованіями глубины фарватера и опасныхъ отмелей этого моря, важнѣйшаго для торговыхъ сношеній сѣверныхъ губерній.

Тотчасъ по окончаніи экспедицій, осенью 1824 г., Литке приступилъ къ обработкѣ собранныхъ въ оныя матеріаловъ и уже въ началѣ 1826 г. передалъ ихъ въ общее достояніе въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Четырехкратное путешествіе въ сѣверный Ледовитый океанъ». Не ограничившись въ немъ сухимъ перечисленіемъ гидрографическихъ и географическихъ фактовъ, которые уже сами по себѣ составляли драгоцѣнный вкладъ въ науку, онъ украсилъ свою книгу на каждомъ шагу глубокообдуманнымъ разборомъ географическихъ и касающихся мореплаванія въ арктическихъ моряхъ вопросовъ, и въ видѣ введенія прибавилъ къ ней подробный историческій обзоръ всѣхъ до него предпринятыхъ, большею частью неудачныхъ, изслѣдованій Новой Земли и сосѣднихъ съ нею морей и странъ. Одно это введеніе, важное не только въ историческомъ отношеніи, но и какъ руководство для каждаго мореплавателя въ арктическомъ океанѣ, представляетъ огромный трудъ. Какъ не удивляться рабочей силѣ, успѣвшей окончить такое объемистое сочиненіе не долѣе какъ въ полтора года. Эпиграфомъ къ нему авторъ избралъ извѣстныя слова Гумбольдта: «Une volonté forte et une persévérance active ne suffisent pas toujours pour surmonter les obstacles», — ясный признакъ, что самъ онъ еще

не былъ доволенъ успѣхомъ своихъ трудовъ. Но какъ ни вѣрно это изрѣченіе въ абсолютномъ смыслѣ, признательное потомство едва-ли согласится примѣнить его къ трудамъ самого Литке.

Едва Литке успѣлъ окончить упомянутое сочиненіе, какъ былъ назначенъ командиромъ шлюпа Сенявинъ, готовившагося въ кругосвѣтное плаваніе. Эта экспедиція, продолжавшаяся ровно три года (съ августа 1826 г. по августъ же 1829 г.), была послѣднею и навѣрное одною изъ наиболѣе успѣшныхъ въ ряду замѣчательныхъ экспедицій, организованныхъ нашимъ Морскимъ Министерствомъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія для изслѣдованія малоизвѣстныхъ морей и прибрежій. Сопровождали Литке въ это путешествіе, для производства естественно-историческихъ изслѣдованій, извѣстные ученые: Мертенсъ (по возвращеніи бывшій короткое время адъюнктомъ нашей Академіи), Постельсъ (памятный еще многимъ по долголѣтнему директорству во 2-й гимназіи и какъ членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія), и прусской службы капитанъ Китлицъ. Но главная часть ученыхъ задачъ, именно работы по части гидрографіи, географіи и физики, лежали на самомъ Литке, поддержанномъ конечно при практическомъ производствѣ оныхъ сопровождавшими его достойными морскими офицерами, которыхъ онъ воодушевлялъ своимъ примѣромъ и рвеніемъ. Чтобы составить себѣ понятіе о богатыхъ результатахъ экспедиціи въ гидрографическомъ и географическомъ отношеніи, достаточно слѣдующей выписки изъ краткаго офиціальнаго рапорта, представленнаго самимъ Литке по возвращеніи.

«Въ Беринговомъ морѣ», говоритъ онъ, «опредѣлены астрономически важнѣйшіе пункты берега Камчатки отъ Авачинской губы къ сѣверу; измѣрены высоты многихъ сопокъ; описаны подробно острова Карагинскіе, дотолѣ вовсе неизвѣстные, островъ Св. Матвѣя и берегъ Чукотской земли отъ мыса Восточнаго до устья рѣки Анадыря; опредѣлены острова Прибылова и многіе другіе».

«Въ Каролинскомъ архипелагѣ изслѣдовано пространство, симъ архипелагомъ занимаемое, отъ острова Юалана до группы Улюобй, открыто 12, а описано всего 26 группъ или отдѣльныхъ островковъ».

«Острова Бонинъ-Сима отысканы и описаны».

«Сверхъ того собрано много данныхъ для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, въ которыхъ шлюпъ останавливался, познанія теченій моря, приливовъ и отливовъ, и пр.».

Всѣ эти результаты чрезъ нѣсколько лѣтъ были обнародованы въ изданномъ въ 1832 г. Гидрографическимъ Депо Морскаго Министерства превосходномъ атласѣ, содержащемъ не менѣе 50 картъ и плановъ, при подробномъ описаніи, тщательно обработанномъ самимъ Литке.

Первое извѣстіе о собранныхъ богатыхъ данныхъ и о столь значительномъ расширеніи нашихъ познаній по землевѣдѣнію, а также привезенныя изъ посѣщенныхъ странъ любопытныя коллекціи, естественно-историческія, этнографическія, статистическія и даже лингвистическія, возбудили всеобщій энтузіазмъ въ ученомъ мірѣ, и еще въ томъ же 1829 г. Академія единогласно рѣшила почтить Литке званіемъ ея корреспондента. На сколько онъ самъ цѣнилъ оказанное ему отличіе, ясно выражается тѣмъ, что, 30 лѣтъ спустя, когда Академія сочла долгомъ предложить ему, какъ высокому сановнику, покровительствовавшему своимъ вліяніемъ успѣхамъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, званіе почетнаго члена, онъ не иначе согласился принять его, какъ съ условіемъ, чтобы за нимъ сохранилось также дорогое ему званіе ученаго корреспондента.—Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы встрѣчаемъ его имя одновременно въ спискахъ корреспондентовъ и почетныхъ членовъ, — исключительный фактъ, имѣвшій по сіе время только одного подражателя въ лицѣ друга Литке, барона Врангеля. Но по вступленіи Литке въ должность президента званіе корреспондента конечно не имѣло уже опредѣленнаго смысла.

Какъ велики бы однако ни были заслуги Литке по части

географіи и гидрографіи, Академія, по существу своего призванія, еще выше должна поставить результаты его изслѣдованій на чисто ученомъ полѣ, которые, хотя и не имѣли прямаго примѣненія къ общежитію, за то расширили наше міровоззрѣніе и подготовили путь для дальнѣйшихъ открытій. Къ числу старацій Литке въ этомъ направленіи мы должны отнести его опыты надъ магнитною стрѣлкою, наблюденія надъ часовымъ колебаніемъ барометра, надъ температурою морской воды, и пр. и пр.; но важнѣе всего должны быть для насъ превосходные его опыты надъ постояннымъ маятникомъ. Такими опытами, какъ извѣстно, опредѣляется сжатіе земнаго шара, элементъ, точное знаніе котораго важно столько же для геодезическихъ работъ, сколько для точнѣйшаго изслѣдованія сложныхъ движеній въ солнечной системѣ. Подобными опытами занимались разные ученые, и въ особенности въ началѣ нынѣшняго столѣтія знаменитые французскіе и англійскіе мореплаватели. Къ нимъ присоединился нашъ Литке и выказалъ себя вполнѣ достойнымъ ихъ соревнователемъ, какъ по точности опредѣленій, такъ и по предусмотрительному распредѣленію многочисленныхъ своихъ наблюденій на возможно удаленныя между собою точки земнаго шара. Его наблюденія указываютъ между прочимъ на то замѣчательное обстоятельство, что возрастаніе силы тяжести отъ экватора къ полюсу въ Тихомъ океанѣ значительно больше, чѣмъ въ Атлантическомъ. Конечно желательно, чтобы такое важное открытіе было подтверждено дальнѣйшими изслѣдованіями, но къ сожалѣнію въ новѣйшее время мореплаватели, не смотря на значительныя облегченія, представляемыя пароходствомъ, не занимались этимъ предметомъ. За то точность наблюденій Ѳедора Петровича въ послѣднее время блистательно доказана трудами различныхъ геодезистовъ, исполненными въ тѣхъ же мѣстахъ Англіи и Россіи при помощи болѣе усовершенствованныхъ снарядовъ. Поэтому означенное открытіе можетъ возбуждать еще пока нѣкоторыя сомнѣнія исключительно въ виду того обстоятельства, что сила тяжести въ данномъ мѣстѣ зависитъ не только отъ общей

фигуры земли, но и отъ распредѣленія массъ внутри земной коры въ сосѣдствѣ самаго мѣста наблюденій. Если бы оказалось, что это обстоятельство, на которое прежде не обращали вниманія, имѣло нѣкоторое вліяніе на выведенные покойнымъ Литке результаты, то послѣдніе были бы не менѣе важны, указывая на существованіе такихъ неравенствъ въ распредѣленіи массъ, ближайшее изслѣдованіе которыхъ имѣло бы огромное значеніе для всѣхъ геологическихъ соображеній.

Строгая научная обработка этихъ наблюденій потребовала продолжительнаго времени, тѣмъ болѣе, что на самого Литке тотчасъ по возвращеніи изъ путешествія возложены были другія важныя служебныя порученія и онъ одновременно занятъ былъ историческимъ описаніемъ путешествія и изданіемъ гидрографическихъ результатовъ. По той же причинѣ онъ вынужденъ былъ передать обработку остальныхъ собранныхъ во время путешествія научныхъ матеріаловъ другимъ извѣстнымъ ученымъ. Появившаяся въ нашихъ мемуарахъ статья академика Ленца о наклонности и напряженіи магнитной стрѣлки по наблюденіямъ Литке и статьи Гельзингфорсскаго профессора Гельштрема о барометрическихъ и симпіезометрическихъ его наблюденіяхъ и о теплотѣ въ тропическихъ климатахъ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ той особенной тщательности, съ какою наблюдалъ Литке, и важности заключеній, выведенныхъ изъ его наблюденій для общей физики земли.

Описаніе кругосвѣтнаго плаванія Ѳедора Петровича и сочиненія о научныхъ его результатахъ вышли въ свѣтъ въ 1834—1836 годахъ. Уже одно историческое отдѣленіе, по живости изложенія напоминающее знаменитыя картины природы Гумбольдта, и столь богатое статистическими и этнографическими замѣтками, въ особенности о малоизвѣстныхъ племенахъ Колошъ, Чукчей и о дикихъ обитателяхъ Каролинскаго архипелага, было событіемъ въ географической литературѣ. Будучи притомъ обогащено поименованными важными учеными трудами, оно доставило своему автору репутацію одного изъ наиболѣе заслуженныхъ геогра-

фовъ нашего времени. Не могла конечно и наша Академія снова не почтить его заслуги. Въ 1836 г., когда вышелъ послѣдній томъ описанія, она присудила Литке высшую изъ бывшихъ въ ея распоряженіи наградъ, полную Демидовскую премію. И навѣрное можно сказать, едва-ли когда подобная награда доставалась болѣе достойному.

Въ это время Ѳедоръ Петровичъ находился въ полной силѣ мужскаго возраста и ученый міръ могъ ожидать отъ его непосредственныхъ ученыхъ трудовъ обильнаго дальнѣйшаго обогащенія человѣческихъ знаній. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что прямая его ученая дѣятельность прекратилась послѣ изданія упомянутыхъ сочиненій, за исключеніемъ статьи о приливахъ и отливахъ въ сѣверномъ Арктическомъ океанѣ, напечатанной въ нашихъ Запискахъ въ 1843 г.

Но это чувство сожалѣнія проходитъ при видѣ, какъ на новомъ поприщѣ труда онъ призванъ былъ оказать наукѣ косвенно еще болѣе важныя услуги. Возраставшая слава ученыхъ работъ Ѳедора Петровича, его распорядительность при исполненіи служебныхъ обязанностей и неутомимая преданность своему дѣлу не могли не обратить на него вниманія великодушно поощрявшаго каждый возникающій талантъ Императора Николая Павловича. Великій монархъ, давая ему разныя важныя порученія, заинтересовался познакомиться и съ характеромъ многообѣщающаго морскаго офицера и убѣдившись, какъ въ его дарованіяхъ, такъ и въ высокихъ его личныхъ качествахъ, назначилъ его въ 1832 г. воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, съ особеннымъ порученіемъ приготовить Его Высочество къ высокому посту генералъ-адмирала русскаго флота.

Назначеніе это не согласовалось съ любимыми научными занятіями Ѳедора Петровича, но желаніе государя было для него закономъ. Надобно сознаться, что новая задача была не легка. Самъ не получивъ правильнаго воспитанія и своимъ образованіемъ и познаніями обязанный исключительно собственному труду, Литке долженъ былъ воспитывать юношу съ необыкновенными

дарованіями и пылкимъ характеромъ, притомъ поставленнаго Провидѣніемъ на такую высоту, на которой непримѣнимы обыкновенныя правила педагогики. Но взявшись за дѣло, всею душою предался онъ высокой цѣли и успѣлъ преодолѣть всѣ затрудненія. Частыя изъявленія монаршей милости ясно выказывали, насколько онъ оправдывалъ оказанное ему довѣріе. И недавно еще, при извѣстіи о кончинѣ Ѳедора Петровича, теплое выраженіе чувства глубокаго огорченія доказало, до какой степени онъ съумѣлъ снискать пріязнь и уваженіе Августѣйшаго своего воспитанника, не измѣнившіяся въ теченіи полувѣка.

Съ назначеніемъ Литке въ означенную должность ему предстала совершенно новая жизнь. Отнынѣ онъ долженъ былъ вращаться въ высшихъ кругахъ общества, до того совершенно чуждыхъ простому морскому офицеру. Можно думать, что и тутъ природныя дарованія послужили ему мощнымъ пособіемъ. Во всякомъ случаѣ прямота его и опытная серьезность сужденій, не отуманенная личными видами, пріобрѣла ему общее уваженіе и создала то могущественное вліяніе, которымъ онъ пользовался въ особенности по всѣмъ вопросамъ, касавшимся науки и ея примѣненій. Невозможно перечислить здѣсь всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ всѣмъ сердцемъ отстаивалъ интересы науки и тѣмъ заслужилъ глубокую благодарность ея дѣятелей. Бросимъ только общій взглядъ на наиболѣе выдающіяся услуги, которыя онъ оказалъ наукѣ во вторую половину своей жизни.

Задача воспитателя открыла ему самому многіе пробѣлы въ его безъ всякой системы нажитомъ образованіи. Прилежнымъ чтеніемъ классическихъ книгъ по разнымъ предметамъ онъ старался получить тѣ твердыя основанія для своихъ познаній, которыя были необходимы для точныхъ объясненій на любознательные вопросы живаго и воспріимчиваго ученика. Вмѣстѣ съ тѣмъ и собственная любознательность побуждала его слѣдить за новѣйшими успѣхами науки, сдѣлать которые плодотворными для отечества было преобладающимъ его желаніемъ. Эти старанія сблизили его съ наиболѣе выдающимися учеными столицы, въ

особенности изъ нашего академическаго круга. Интимныя отношенія, можно сказать чувства дружбы, которыя съ этого времени соединяли его съ В. Я. Струве, К. М. фонъ-Беромъ и другими научными авторитетами, были главнымъ источникомъ, изъ котораго онъ утолялъ свою научную жажду; они украшали его жизнь и давали ему возможность съ полнымъ знаніемъ дѣла трудиться на пользу развитія ученой дѣятельности въ Россіи.

Въ бесѣдахъ его съ этими лицами и съ другомъ, съ барономъ Врангелемъ, зародилась первая мысль объ образованіи географическаго общества, главною задачею котораго было бы изученіе обширныхъ, мало извѣстныхъ окраинъ Россіи и изслѣдованіе ея богатствъ и особенностей всюду, гдѣ ближайшее знакомство съ оными могло бы принести пользу роднѣ и наукѣ. По возвращеніи Миддендорфа изъ извѣстнаго путешествія его по сѣверной и восточной Сибири эта мысль приняла болѣе опредѣленную форму и, благодаря стараніямъ Литке и могущественному содѣйствію его Августѣйшаго воспитанника, въ 1845 г. учреждено наше Географическое Общество, на 38-лѣтнюю дѣятельность котораго каждый любитель просвѣщенія и добрый патріотъ не можетъ не взирать съ чувствомъ гордости и удовлетворенія.

Извѣстно, что въ этомъ Обществѣ направленіе дѣятельности и общее дѣлопроизводство сосредоточивается преимущественно въ рукахъ вице-президента. Өедоръ Петровичъ занималъ эту должность сначала въ первые четыре года существованія Общества, и затѣмъ, послѣ восьмилѣтняго перерыва, проведеннаго большею частью внѣ столицы въ качествѣ главнаго командира портовъ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ, въ теченіи еще шестнадцати лѣтъ. Еще живы нѣкоторые изъ первыхъ сотрудниковъ его по Географическому Обществу, которые въ состояніи оцѣнить его дѣятельность въ этой должности, особенно важной въ первое время, когда приходилось открывать пути и способы для дѣйствій Общества. Не сомнѣваюсь, что выражу общее мнѣніе всѣхъ ближе знакомыхъ съ первыми шагами Общества, если скажу, что Литке былъ душою его и что Общество обязано ему, его энергіи, пре-

дусмотрительности и неутомимой дѣятельности тѣмъ направленіемъ, слѣдуя которому оно успѣло принести столько пользы и славы Россіи.

Николаевская Главная Обсерваторія въ первое 25-лѣтіе своего существованія не имѣла оффиціальныхъ сношеній съ Ѳедоромъ Петровичемъ, но какъ любитель и знатокъ астрономіи, онъ съ самаго ея учрежденія принималъ въ ней живѣйшее участіе. Притомъ близость его съ первымъ директоромъ Обсерваторіи В. Я. Струве уже въ первое время давала ему случаи оказать ей важнѣйшія услуги. Между прочимъ упомянемъ, что главнымъ образомъ ему мы обязаны тѣми пріятными отношеніями, которыя связываютъ Обсерваторію съ Гидрографическимъ департаментомъ и съ Географическимъ Обществомъ и даютъ намъ возможность примѣнять на общую пользу пріобрѣтенія науки. Но Ѳедору Петровичу предстояло оказать обсерваторіи услуги еще болѣе важныя. Болѣзнь В. Я. Струве, покончившая его незабвенную ученую и административную дѣятеньность, поразила обсерваторію въ тотъ критическій моментъ, когда, по его указаніямъ и желаніямъ, уставъ ея долженъ былъ подвергнуться коренному преобразованію, обѣщавшему поставить это учрежденіе въ такое положеніе, чтобы оно могло успѣшно развить свои силы. Въ академическомъ кругу вѣроятно еще памятно, какія затрудненія встрѣтило тогда проектированное преобразованіе; преодолѣть эти затрудненія едва-ли было бы по силамъ временному замѣстителю директора, безъ энергической поддержки Ѳедора Петровича. Перенеся дружеское расположеніе свое съ отца на сына, онъ руководилъ дѣйствіями послѣдняго и помогъ ему довести начатое отцомъ дѣло до благополучнаго конца. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда нынѣшній директоръ вслѣдствіе утомленія принужденъ былъ искать возстановленія силъ въ южныхъ климатахъ, и исправлявшій его должность вице-директоръ, въ его отсутствіе тяжко заболѣвъ, долженъ былъ вовсе отказаться отъ всякой дѣятельности, кто спасъ осиротѣвшую обсерваторію, если не Ѳедоръ Петровичъ! Испросивъ на то Высочайшее раз-

рѣшеніе, онъ лично взялъ управленіе дѣлами обсерваторіи въ свои опытныя руки, отстоялъ интересы учрежденія, гдѣ требовалось, и поддержалъ внутри его порядокъ и рвеніе къ дѣлу. Не забудемъ также, что Литке въ теченіи безъ малаго 20 лѣтъ предсѣдательствовалъ въ созданномъ при его участіи Комитетѣ Николаевской Главной Обсерваторіи и своимъ примѣромъ вдохнулъ въ этотъ Комитетъ тотъ духъ благоволѣнія и любовнаго участія, который такъ благотворно отражается на всѣхъ дѣлахъ обсерваторіи.

Высокопочтенное собраніе безъ сомнѣнія вправѣ ожидать отъ меня также нѣкоторыхъ указаній на заслуги графа Литке по занимавшейся имъ 18 лѣтъ должности Президента Академіи Наукъ. Извините, если этому ожиданію отвѣчу лишь въ ограниченной мѣрѣ. Потеря еще слишкомъ свѣжа, сужденіе еще не достаточно свободно для безпристрастнаго взгляда. Какъ труды каждаго общественнаго дѣятеля, стоящаго на видномъ отвѣтственномъ посту, такъ и его дѣйствія подвергались различнымъ пересудамъ, смотря по точкѣ зрѣнія, съ которой позволяли себѣ судить о нихъ, и не разъ они встрѣчали незаслуженные упреки. Безпристрастный судъ исторіи, чистый отъ личныхъ впечатлѣній, оцѣнитъ затрудненія, съ которыми Литке долженъ былъ бороться, и вѣрнѣе произнесетъ свой приговоръ. Онъ выкажетъ его и въ академической должности такимъ, какимъ онъ продолжаетъ жить въ нашихъ благодарныхъ сердцахъ. Вспомните, любезные товарищи, неусыпныя его старанія на пользу Академіи и личнаго благосостоянія каждаго изъ насъ. Вспомните тотъ теплый привѣтъ, то поощреніе, которое находилъ у него каждый новый шагъ науки. Взгляните на богатыя средства и дѣятельность Главной Физической Обсерваторіи, на образцовую метеорологическую и магнитную Обсерваторію въ Павловскѣ. Сравните число премій, имѣющихся нынѣ въ распоряженіи Академіи для вѣнчанія отличныхъ научныхъ и литературныхъ произведеній, съ ограниченнымъ числомъ ихъ въ предъидущія времена. Сравните нынѣшнее состояніе нашихъ музеевъ, коллекцій

и другихъ ученыхъ пособій съ тѣмъ, чѣмъ они были до него. И навѣрное вы не откажетесь засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ высоко-плодотворно было для Академіи управленіе Литке. Но выше всего поставимъ ему въ заслугу неуклонныя его старанія воскресить и сохранить между нами духъ чистой и серьезной науки, добросовѣстное служеніе которой наша главная задача, нашъ долгъ предъ Престоломъ и Отечествомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ УЧЕНЫХЪ ЗАСЛУГАХЪ
ГРАФА ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛИТКЕ.

(сообщеніе, сдѣланное ѲЕОДОСІЕМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ ВЕСЕЛАГО, въ годовомъ собраніи императорскаго русскаго географическаго общества, 1883 года января 26).

Въ минувшемъ году Императорское Русское Географическое Общество лишилось своего маститаго почетнаго члена, графа Ѳедора Петровича Литке. Покойный былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ основанія этого Общества, впродолженіе двадцати лѣтъ занималъ постъ его вице-президента, энергически — съ знаніемъ людей и обстоятельствъ — руководилъ его дѣятельностію, и до послѣднихъ дней своей жизни не переставалъ внимательно слѣдить за его успѣхами и относиться къ нему съ полнымъ сочувствіемъ.

Не позволяя себѣ утомлять вниманіе присутствующихъ подробною біографіею и изложеніемъ разнообразныхъ заслугъ покойнаго, мы ограничимся только возможно-краткимъ обзоромъ трудовъ его по части географіи и преимущественно гидрографіи, которымъ онъ посвятилъ лучшіе, молодые свои годы и въ которыхъ оказалъ особенно важныя заслуги.

По своимъ душевнымъ качествамъ и общему складу своего характера Ѳ. П. представлялъ типъ истиннаго моряка, а пытли-

вый его умъ и богатыя способности, направившие дѣятельность его въ научную сферу, образовали изъ него ученаго моряка-гидрографа.

Родившийся въ скромномъ семействѣ, Ѳ. П., десятилѣтнимъ ребенкомъ былъ уже круглымъ сиротою и пятнадцати лѣтъ, весною 1813 года, поступилъ волонтеромъ на отрядъ гребнаго флота, находившийся подъ командою зятя его, капитана Сульменева. Ближайшей причиной избранія имъ морской службы были, конечно, случайно сложившіяся обстоятельства, изъ которыхъ главнымъ представляется вліяніе Сульменева, но при необыкновенно твердомъ характерѣ Литке и той разсудительности, которою онъ отличался съ юношескихъ лѣтъ, можно допустить, что выборъ морской карьеры имѣлъ болѣе глубокій источникъ, начало котораго скрывалось въ глубинѣ души талантливаго юноши. Источникомъ этимъ могла быть, и вѣроятно была, истинная любовь къ морю, вначалѣ инстинктивная, безсознательная; но впослѣдствіи, мало по малу, выяснившаяся и развившаяся, на благодатной почвѣ, въ чувство сильное, овладѣвшее всѣмъ его существомъ.

Наука морскаго дѣла представляетъ необъятное, по своей обширности, собирательное цѣлое, которое, не смотря на кажущееся разнообразіе своихъ отдѣльныхъ частей, составляетъ не механически-слѣпленный конгломератъ, а стройный, правильный организмъ, дѣйствующій по строго выработанной системѣ и преслѣдующій одну ясно опредѣленную идею. Каждая часть этого цѣлаго, сама по себѣ, представляетъ для осмысленнаго взгляда бездну интереса. Всѣ главные отдѣлы морскихъ наукъ, основанные на математическихъ началахъ, представляютъ любопытнѣйшія ихъ приложенія, соприкасающіяся съ множествомъ другихъ наукъ. Напримѣръ, въ сооруженіи корабля, удовлетворяющаго извѣстнымъ условіямъ, нельзя не видѣть своего рода великой побѣды чистаго математическаго анализа надъ грубой матеріей. Здѣсь въ рукахъ свѣдущаго математика-инженера мертвыя массы металла и дерева принимаютъ назначенныя для

нихъ наукою формы, и въ соединеніи своемъ образуютъ организмъ, которому вѣтеръ или паръ придаетъ жизнь и дѣлаетъ его покорнымъ орудіемъ волѣ человѣка. Наука кораблевожденія, указывая дорогу въ пустыняхъ океановъ, вводитъ въ область астрономіи, геодезіи, физической географіи, преимущественно гидрологіи и метеорологіи. Морская артиллерія имѣетъ тѣсную связь съ физикой, химіей, металлургіей, а черезъ нее съ минералогіей и родственными ей науками и т. д. Не говоря уже о томъ, что моряку вступившему на малоизвѣстный берегъ, для сообщенія о немъ хотя поверхностныхъ свѣдѣній, необходимо имѣть значительный запасъ самыхъ разнообразныхъ знаній, подобная безграничность и разнообразіе научныхъ интересовъ, въ самой серьезности своей заключающая высокую поэзію, конечно, способна была удовлетворить необыкновенной любознательности молодаго Литке и увлечь его въ свою обаятельную сферу.

Покойный адмиралъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ счастливцамъ, которымъ съ ранней юности удалось вѣрно угадать свое призваніе, и вступивъ твердою ногою на избранный путь, доблестно пройти его до самой могилы. Поступивъ въ морскую службу въ званіи волонтера, Литке въ первое же свое плаваніе, при бомбардированіи Данцига, получилъ боевое крещеніе въ трехъ военныхъ стычкахъ, осенью того-же 1813 года надѣлъ мичманскіе эполеты, а за оказанную имъ «отличную храбрость» награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена и Св. Анны 4-й степени. Но такіе блистательные для шестнадцати-лѣтняго юноши успѣхи, по видимому, не вполнѣ удовлетворили его, и не позволили успокоиться на пріобрѣтенныхъ лаврахъ. Умъ его тревожно искалъ какого-то другаго удовлетворенія и это удовлетвореніе дала ему наука. Сохранилось преданіе, что даже въ первое время своей мичманской жизни, для большинства беззаботной юности время праздности и веселья, Литке учился, и учился очень усердно. Доказательствомъ служитъ то, что вскорѣ на него, какъ на отличнаго офицера, обратилъ вниманіе одинъ изъ лучшихъ моряковъ того времени, Василій Михайловичъ Го-

ловнинъ, который взялъ Литке къ себѣ на шлюпъ «Камчатка», отправлявшійся въ 1817 году въ кругосвѣтное плаваніе. Выборъ Головнина уже самъ по себѣ для молодаго мичмана представлялъ завидный служебно-ученый аттестатъ, значеніе котораго признавалось не только товарищами-сослуживцами, но и самимъ начальствомъ. Такъ какъ на складъ практическаго служебнаго характера Литке В. М. имѣлъ значительное вліяніе, то мы позволимъ себѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Замѣчательная личность Головнина еще не оцѣнена у насъ по достоинству: имя его болѣе извѣстно по продолжительному плѣну въ Японіи, но этотъ плѣнъ составляетъ только одинъ интересный эпизодъ изъ его жизни, которая всецѣло посвящена была на пользу флота и Россіи. Между своими сослуживцами и современниками В. М. выдавался глубокими теоретическими и практическими морскими свѣдѣніями, обширнымъ разностороннимъ образованіемъ, свѣтлымъ умомъ и широкимъ, можно сказать, государственнымъ взглядомъ. При непреклонно твердомъ характерѣ онъ отличался пылкою энергіею и любовью къ правдѣ.

Превосходно владѣя перомъ, онъ оставилъ нѣсколько прекрасныхъ литературно-ученыхъ трудовъ, хорошо знакомыхъ нашимъ морякамъ, и между прочимъ одну, мало кому извѣстную, безпощадно-вѣрную картину современнаго ему положенія морской администраціи. Ко всему этому необходимо прибавить, что Головнинъ былъ закаленный, суровый и, если позволительно такъ выразиться, «лихой» морякъ. Доказательствомъ справедливости этого послѣдняго эпитета можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ его плаваній. Въ 1808 году, не зная объ объявленіи войны съ Англіею, лейтенантъ Головнинъ, командовавшій военнымъ шлюпомъ «Діана», зайдя на мысъ Доброй Надежды, былъ арестованъ. Тринадцать мѣсяцевъ тянулась переписка о незаконности ареста шлюпа, который съ отвязанными парусами и небольшимъ запасомъ провизіи поставленъ былъ, въ самомъ дальнемъ углу залива, на двухъ якоряхъ, подъ пушками окружав-

шихъ его англійскихъ судовъ. Въ такомъ положеніи всякая попытка вырваться изъ плѣна казалась безуміемъ, но Головнинъ думалъ иначе. Дождавшись наступленія свѣжаго NW-говѣтра,— единственнаго при которомъ былъ возможенъ выходъ изъ бухты,— В. М., пользуясь наступившими сумерками и нашедшимъ шкваломъ, моментально привязалъ штормовые стакселя, и обрубивъ оба каната, вылетѣлъ со шлюпомъ въ океанъ, прежде чѣмъ пораженные неожиданностію англичане собрались принять мѣры къ его задержанію. Но это было только началомъ подвига: избѣгая встрѣчи съ непріятельскими крейсерами, Головнинъ, шедшій въ Камчатку, избралъ дальнѣйшій путь по южную сторону Австраліи и бросилъ якорь только у Ново-Гебридскихъ острововъ, сдѣлавъ въ 40 дней около 8 тысячъ морскихъ миль, то есть 12 тысячъ верстъ.

Таковъ былъ командиръ, подъ начальствомъ котораго Ѳ. П. совершилъ свое первое кругосвѣтное плаваніе, въ сотовариществѣ избранныхъ сослуживцевъ, въ числѣ которыхъ былъ, также мичманомъ, нашъ другой знаменитый впослѣдствіи ученый морякъ, баронъ Ѳ. П. Врангель, оставшійся до конца жизни ближайшимъ другомъ Литке.

Въ такой образцовой школѣ провелъ Ѳ. П. цѣлыхъ два года, впродолженіе которыхъ обошелъ мысы Горнъ и Доброй Надежды, побывалъ на нѣсколькихъ островахъ Тихаго и Атлантическаго океановъ, видѣлъ роскошную природу Бразиліи и Филиппинскихъ острововъ и печальные берега нашихъ бывшихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній. Такъ какъ шлюпу «Камчатка», между прочимъ, предписано было «опредѣлить географическое положеніе и сдѣлать съёмку тѣмъ мѣстамъ въ русскихъ владѣніяхъ на Тихомъ океанѣ, которыя еще не были съ точностію изслѣдованы», то при раздѣленіи занятій между офицерами шлюпа, на долю мичмана Литке досталось значительное количество гидрографическихъ работъ, отъ которыхъ требовалась строгая точность, не смотря на необходимую быстроту ихъ производства и неблагопріятныя климатическія обстоятельства. Отзывъ самого

Ѳ. П. объ этомъ путешествіи сохранился въ описаніи плаваній его къ Новой Землѣ, гдѣ сказано слѣдующее: «въ ознаменованіе благодарности моей къ капитану Головнину, подъ начальствомъ котораго провелъ я два полезнѣйшіе года моей службы, назвалъ я (одну изъ вновь открытыхъ горъ Новой Земли) горою Головнина».

Ученикъ оказался вполнѣ достойнымъ своего учителя: отправясь въ плаваніе со свѣдѣніями молодаго мичмана, Литке возвратился опытнымъ лейтенантомъ, ученый авторитетъ котораго сдѣлался до того замѣтнымъ, что по рекомендаціи Головнина, Ѳ. П. самому довѣрили важную гидрографическую работу, именно, изслѣдованіе малоизвѣстныхъ береговъ Новой Земли.

Хотя русскіе поморы съ весьма давняго времени ходили за промысломъ на Новую Землю, а голландцы и англичане, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, отыскивая проходъ въ Тихій океанъ, совершили здѣсь множество плаваній, но не смотря на это, въ гидрографическомъ отношеніи, какъ берега Новой Земли, такъ и прилегающія къ нимъ воды оставались совершенно неизслѣдованными.

На картахъ того времени Новая Земля означалась самымъ гадательнымъ образомъ, что заставило, для изслѣдованія ея отправить, въ 1819 году, лейтенанта Лазарева, но непроходимые льды, дурныя морскія качества судна и болѣзни экипажа были причиною полной безуспѣшности этой экспедиціи и ближайшимъ поводомъ къ снаряженію въ 1821 году новой, подъ начальствомъ Литке.

Путь, по которому предстояло Ѳ. П. идти къ Новой Землѣ, былъ изслѣдованъ также крайне недостаточно. При плаваніи Бѣлымъ моремъ, моряки того времени руководствовались картами атласа Голенищева-Кутузова, составленными по разнохарактернымъ, недостаточнымъ и частію весьма невѣрнымъ матеріаламъ. А Лопарскій или Мурманскій берегъ никогда не былъ настоящимъ образомъ изслѣдованъ, и, по словамъ самого Литке, «въ гидрографическомъ отношеніи менѣе былъ извѣстенъ, чѣмъ многія отдаленныя и необитаемыя части свѣта».

Четырехкратное плаваніе Литке къ Новой Землѣ, съ 1821 по 1824-й годъ включительно, сопровождалось вообще неблагопріятными климатическими обстоятельствами Въ первый годъ, скопленіе движущихся льдовъ у юго-западной части Новой Земли, позволило подойти къ ея берегамъ только послѣ мѣсяца, проведеннаго въ неудачныхъ, страшно тяжелыхъ и опасныхъ попыткахъ. Потомъ, тѣ-же льды, заставили бригъ, на которомъ плавалъ Литке, два раза возвращаться отъ лежащаго на сѣверъ мыса Нассавскаго, не допустивъ обогнуть сѣверную оконечность Новой Земли, и также не позволили проникнуть въ Карское море, черезъ Карскія ворота, у острова Вайгача. Въ послѣднее изъ своихъ плаваній, въ 1824 году, Ѳ. П. встрѣтилъ въ широтѣ 76° сплошной, остановившійся ледъ, который, примыкая къ берегу Новой Земли, тянулся отъ нея непрерывной линіей къ западу, и по своему виду походилъ на тѣ льды, которые попадаются между Шпицбергеномъ и Гренландіею. Не смотря на привычку къ опасностямъ и характеръ Ѳ. П., мало поддававшійся внѣшнимъ впечатлѣніямъ, плаванія между льдомъ и на него производили тяжелое вліяніе. Вотъ какъ описываетъ онъ одну ночь, проведенную среди льдовъ: «Безпокойная ночь сія сдѣлала глубокое на всѣхъ насъ впечатлѣніе. Насъ окружили со всѣхъ сторонъ мелькавшіе сквозь мракъ, подобно призракамъ, ледяные исполины; мертвая тишина прерываема была только плескомъ волнъ о льды, отдаленнымъ грохотомъ разрушающихся льдинъ и изрѣдка глухимъ воемъ моржей; все вмѣстѣ составляло нѣчто унылое и ужасное».

Кромѣ тягостей подобныхъ плаваній, Ѳ. П. два раза приходилось быть въ крайней опасности отъ неизвѣстныхъ мелей, которыхъ при всей осторожности и искусствѣ не возможно было избѣжать. Первый разъ бригъ едва не разбился при выходѣ изъ Бѣлаго моря, ставъ на мель на совершенно открытомъ мѣстѣ; а другой—въ Карскихъ воротахъ, когда у брига вышибло руль и обратило въ щепы часть киля. Въ обоихъ случаяхъ судно и

экипажъ спасеніемъ своимъ были обязаны главнѣйше энергическимъ и цѣлесообразнымъ распоряженіямъ командира.

Не смотря на подобныя затрудненія, Литке, впродолженіе своего четырехкратнаго плаванія, успѣлъ сдѣлать морскую съёмку всего южнаго и западнаго береговъ Новой Земли, отъ Карскихъ воротъ до мыса Нассовскаго, лежащаго въ широтѣ $76\frac{1}{2}^{\circ}$, произвелъ, болѣе или менѣе подробную, съёмку всего принадлежащаго Россіи Мурманскаго берега, отъ Св. Носа до Вардегуса, обращая особенное вниманіе на изслѣдованіе посѣщаемыхъ судами якорныхъ мѣстъ. Въ Бѣломъ морѣ, хотя работы его коснулись не многихъ мѣстъ, но этого было достаточно для указанія необходимости существенныхъ измѣненій въ картѣ всего моря. Поразительнымъ примѣромъ невѣрности прежнихъ картъ былъ восточный берегъ Бѣлаго моря, означенный такимъ образомъ, что разстояніе между входными мысами, Канинымъ и Святымъ, на картѣ было болѣе дѣйствительно существующаго на 24 морскихъ мили, то есть на 42 версты, и при подобной невѣрности, на самомъ фарватерѣ не были означены опаснѣйшія банки. Вмѣсто такихъ картъ, благодаря Литке, мореплаватели получили удовлетворительныя карты всего посѣщаемаго берега Новой Земли, всего Мурманскаго берега и части Бѣлаго моря.

Въ превосходномъ изданіи описаній плаваній Литке въ негостепріимныхъ водахъ нашего сѣвера заключается описаніе всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей и самый полный отчетъ, какъ о подробностяхъ плаванія, такъ и о всѣхъ гидрографическихъ и другихъ ученыхъ работахъ, произведенныхъ имъ въ это время. Въ началѣ книги помѣщенъ превосходный, интереснѣйшій трактатъ, заключающій историческія свѣдѣнія о прежнихъ плаваніяхъ, русскихъ и иностранныхъ, происходившихъ въ этихъ водахъ, причемъ сдѣлана мастерская критическая оцѣнка достовѣрности каждаго свѣдѣнія. Вообще, книга эта, въ которой собраны всевозможныя точныя свѣдѣнія объ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ, представила драгоцѣннѣйшее руководство для послѣдующихъ мореплавателей.

Необходимо замѣтить, что какъ на этомъ трудѣ, такъ и на всѣхъ гидрографическихъ и другихъ ученыхъ работахъ Литке лежитъ печать его высокаго таланта, строгой аккуратности и необыкновеннаго терпѣнія. Съ качествами превосходнаго наблюдателя и вычислителя онъ соединялъ обширное образованіе, громадную начитанность, вѣрный взглядъ на предметъ и обширный научный кругозоръ. Какъ человѣкъ высоко и серьёзно образованный, Ѳ. П., обладая глубокими свѣдѣніями по своей спеціальности, былъ настолько энциклопедиченъ, что при обработкѣ всякаго спеціальнаго вопроса не забывалъ обставлять его поясняющими подробностями изъ области другихъ наукъ, прикосновенныхъ къ разсматриваемому вопросу. Отъ этого всѣ ученые труды его, сохраняя строгій научный характеръ, отличаются полнотою и разносторонностію свѣдѣній, занимательностію содержанія и изяществомъ формъ. Это особенно можно сказать объ описаніяхъ его путешествій, которыя, при точной научной обработкѣ, по занимательности и живости своего изложенія дѣйствительно напоминаютъ извѣстныя «картины природы» Гумбольдта, какъ это недавно замѣтилъ нашъ глубокоуважаемый сочленъ О. В. Струве. При такихъ качествахъ трудовъ Ѳ. П., сопоставленіе громаднаго количества его работъ съ краткостію употребленнаго на нихъ времени показываетъ изумительную дѣятельность покойнаго адмирала и необыкновенное умѣнье его располагать своимъ временемъ такъ, чтобы не терялось напрасно ни одной минуты.

Изслѣдованія Литке на водахъ нашего сѣвера, независимо отъ ихъ собственной цѣнности, оказали еще благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе здѣсь нашихъ гидрографическихъ работъ. По ходатайству Ѳ. П., въ 1827 году, для съёмки Бѣлаго моря, назначенъ былъ особый отрядъ судовъ подъ начальствомъ Михаила Францовича Рейнеке, котораго карты и «гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи», до сихъ поръ, представляютъ прекрасный матеріалъ для изученія этой мѣстности. Избраніемъ Рейнеке, этого добросовѣстнѣйшаго и способнѣй-

шаго труженика науки, Литке принесъ русской гидрографіи неоцѣненную услугу. Трудами Рейнеке и его учениковъ и послѣдователей техническіе пріемы съёмки и промѣра, поставленные на строго-научныя основанія, пріобрѣли значительно бо́льшую точность и находятся на вѣрномъ пути къ дальнѣйшему усовершенствованію.

Едва прошло два года по возвращеніи Ѳ. П. изъ послѣдняго плаванія къ Новой Землѣ, какъ онъ сдѣланъ былъ командиромъ шлюпа «Сенявинъ», назначавшагося для отвоза разнаго груза въ Камчатку и наши сѣверо-американскія колоніи и, также, для гидрографическихъ изслѣдованій въ Беринговомъ морѣ и Тихомъ океанѣ. Впродолженіе этого трехгодичнаго плаванія Литке открылъ въ Каролинскомъ архипелагѣ 12 и описалъ 26 группъ и отдѣльныхъ острововъ. Изъ нихъ одну обитаемую коралловую группу, имѣющую до 50 миль въ окружности, онъ назвалъ, по имени своего шлюпа, группою «Сенявина». Кромѣ того, онъ отыскалъ и описалъ бо́льшую часть острововъ Бонинъ-Сима. Въ Беринговомъ морѣ описалъ нѣсколько острововъ и берегъ Чукотской Земли, отъ мыса Восточнаго почти до устья рѣки Анадыри.

Важное значеніе гидрографическихъ работъ, исполненныхъ Литке въ Каролинскомъ архипелагѣ, совершенно вѣрно характеризуется его собственными словами: «почитаемый дотолѣ весьма опаснымъ для мореплавателей, этотъ архипелагъ будетъ отнынѣ безопасенъ на равнѣ съ извѣстнѣйшими мѣстами земнаго шара».

Въ плаваніи на шлюпѣ «Сенявинъ», кромѣ опредѣленія множества астрономическихъ пунктовъ, промѣровъ и другихъ, обычныхъ при подобныхъ путешествіяхъ, изслѣдованій, были произведены еще важныя наблюденія надъ часовыми колебаніями барометра, въ поясѣ, простирающемся по обѣ стороны экватора до широты 30°. Эти наблюденія въ продолженіе 12 мѣсяцевъ дѣлались черезъ каждые полчаса. Кромѣ того, особенно замѣчательны наблюденія магнитныя и надъ качаніями постояннаго маятника. О первыхъ нашъ извѣстный академикъ Э. Х. Ленцъ отозвался

самымъ лестнымъ образомъ, занялся ихъ обработкою и представилъ въ Академію; а профессоръ Ганстейнъ воспользовался наблюденіями Литке при изданіи, въ 1833 году, своихъ картъ изодинамическихъ линій. Наблюденія надъ постояннымъ маятникомъ произведены были Ѳ. П. на огромномъ пространствѣ отъ 60° сѣверной до 33° южной широты. Сравненіе полученныхъ имъ результатовъ съ результатами подобныхъ наблюденій другихъ мореплавателей, какъ наприм. Фрейсене, Дюперре, Собина и проч., подали поводъ къ замѣчательной гипотезѣ, что земля не представляетъ правильный элипсоидъ вращенія, но что атлантическая часть южнаго ея полушарія болѣе выпукла, сравнительно съ противоположною ей стороною. Затѣмъ результаты тѣхъ-же наблюденій показали еще, какое важное вліяніе на качаніе маятника имѣетъ геологическій характеръ почвы, на которой онъ былъ поставленъ при производствѣ наблюденій.

Не входя въ подробности ученыхъ заслугъ Литке, оказанныхъ этимъ плаваніемъ, довольно сказать, что оно по принесеннымъ имъ научнымъ результатамъ было одно изъ самыхъ плодотворныхъ. Кромѣ пріобрѣтеній, принадлежащихъ болѣе или менѣе къ морской сферѣ, ученые специалисты бывшіе на шлюпѣ «Сенявинъ», благодаря горячему содѣйствію Ѳ. П., успѣли собрать богатыя коллекціи по разнымъ отдѣламъ естественной исторіи; одинъ атласъ рисунковъ заключалъ 1250 предметовъ.

Такіе почтенные труды ученаго моряка были сочувственно приняты не только сослуживцами Ѳ. П. и ученымъ міромъ, но и всѣмъ образованнымъ обществомъ. Императорская Академія Наукъ увѣнчала его трудъ полной Демидовской преміей и автора удостоила избранія въ свои члены корреспонденты. Но самымъ лестнымъ признаніемъ высокаго ученаго авторитета Литке и глубокаго уваженія къ его личнымъ достоинствамъ было довѣріе Государя Императора Николая Павловича, выразившееся въ назначеніи Ѳ. П. воспитателемъ Его Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала. Добросовѣстное исполненіе такой важной обязанности, конечно, сдѣлало для Ѳ. П. невозможною исключи-

тельно учено-морскую дѣятельность; но неудержимое стремленіе его къ полезному труду и обычная энергія указали ему на новый родъ занятій и онъ съумѣлъ употребить, для высокаго служенія наукѣ, тѣ немногіе часы, которые еще оставались у него свободными. По роду своихъ ученыхъ работъ и своей безграничной любознательности Ѳ. П. всегда находился въ самыхъ близкихъ, интимныхъ отношеніяхъ съ большинствомъ извѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, особенно тѣхъ, которыхъ спеціальности близко подходили къ его собственной. Въ кругу такихъ собесѣдниковъ и зародилась мысль объ образованіи Русскаго Географическаго Общества, необходимость котораго дѣлалась очевидною, при обиліи географическаго матеріала, накопившагося вслѣдствіе особеннаго стремленія къ географическимъ изслѣдованіямъ, проявившагося у насъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній, лицами, сочувствующими мысли объ учрежденіи Географическаго Общества, приступлено было къ ея осуществленію. При ходатайствѣ Ѳ. П. и горячемъ содѣйствіи его Августѣйшаго воспитанника, въ 1845 году, былъ Высочайше утвержденъ временной уставъ Русскаго Географическаго Общества и послѣдовало милостивое Монаршее соизволеніе на ежегодный отпускъ ему изъ главнаго казначейства 10 тысячъ рублей. Званіе президента общества соблаговолилъ принять на себя Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а вице-президентомъ единогласно избранъ былъ Ѳ. П. Литке. Около него горячее сочувствіе къ высокой цѣли общества соединило, для дружной совмѣстной работы, извѣстныхъ нашихъ ученыхъ и высоко-образованныхъ лицъ, занимавшихъ видные посты въ служебной іерархіи. Такъ, въ числѣ первыхъ по времени членовъ Географическаго Общества были: Бэръ, Струве, Гельмерсенъ, Даль, Надеждинъ, Чихачевъ, Миддендорфъ, Кеппенъ, баронъ Врангель, Дмитрій, Николай и Владиміръ Алексѣевичи Милютины, Арсеньевъ, Левшинъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, графъ Бергъ и проч. Первымъ секретаремъ общества былъ сынъ

В. М. Головнина, Александръ Васильевичъ, въ настоящее время нашъ почетный членъ. При праздновaніи 25-ти-лѣтняго юбилея Географическаго Общества, съ этой-же каѳедры, заслуги Александра Васильевича охарактеризованы были слѣдующими словами: «Это одинъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которымъ Географическое Общество наиболѣе обязано своимъ благосостоянiемъ».

Чтобы сгруппировать около себя такiя ученыя и интеллигентныя силы и многiе годы руководить и направлять ихъ дѣятельность, необходимо было обладать такими глубокими свѣдѣнiями и такимъ талантомъ, какими обладалъ Литке, имѣть его высокiй ученый авторитетъ и пользоваться такимъ, какъ онъ, общимъ глубокимъ уваженiемъ.

Если съ самаго основанiя Русскаго Географическаго Общества, направленiе его ученыхъ работъ было вполнѣ цѣлесообразно, если при дальнѣйшемъ развитiи своемъ это общество, съ каждымъ годомъ, расширяло кругъ своей дѣятельности и если труды его пользовались и пользуются заслуженнымъ уваженiемъ какъ въ Россiи, такъ и за границею, то въ основанiи всего этого лежитъ значительная доля заслугъ Ѳ. П. Литке. Наше Общество не забыло этихъ заслугъ и признательность его къ плодотворной дѣятельности своего перваго вице-президента выразилась въ помѣщенiи портрета Ѳ. П. въ залѣ засѣданiй и учрежденiи медали его имени.

На этомъ и долженъ остановиться перечень исключительно ученыхъ заслугъ покойнаго адмирала; остановиться не потому, чтобы прекратилась его полезная ученая дѣятельность, — нѣтъ, она продолжалась до самой его кончины, — но потому, что послѣдующiе труды его на пользу науки такъ тѣсно связывались съ его высокой служебной дѣятельностiю, что прослѣдить ихъ невозможно въ краткомъ обзорѣ.

Не входя въ частности педагогической дѣятельности Ѳ. П., мы остановимся только на одномъ многознаменательномъ фактѣ, въ которомъ осязательно выразился, такъ сказать, общiй итогъ

этой дѣятельности. Получивъ извѣстіе о кончинѣ своего бывшаго воспитателя, Великій Князь почтилъ сына покойнаго графа телеграммою, въ которой были слова: «оплакиваю вѣрнаго пятидесятилѣтняго друга, которому всѣмъ обязанъ....» и «память его для меня незабвенна». Подобный сердечный отзывъ Августѣйшаго воспитанника былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ вѣнковъ, возложенныхъ на могилу Литке.

Вообще, вся жизнь графа Ѳедора Петровича для русскихъ тружениковъ науки представляетъ отрадное явленіе. Поступивъ на службу юношей безъ средствъ, безъ связей и протекціи, Литке, только благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и упорному труду, пріобрѣтаетъ высокій ученый авторитетъ, достигаетъ высшихъ почестей и оканчиваетъ свою жизнь адмираломъ, президентомъ Академіи Наукъ, членомъ Государственнаго Совѣта, кавалеромъ высшаго ордена Св. Андрея Первозваннаго, графомъ Россійской Имперіи, и всѣ эти высокія монаршія милости были вознагражденіемъ полезныхъ заслугъ Литке, оказанныхъ имъ преимущественно на ученомъ поприщѣ.

— — —

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ Д. А. МИЛЮТИНУ И ЗАПИСКА ГРАФА ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛИТКЕ О ДѢЙСТВІЯХЪ НЕЛЬСОНА ВЪ НЕАПОЛѢ И ШВЕЙЦАРСКОМЪ ПОХОДѢ СУВОРОВА ВЪ 1799 Г.

О нижеслѣдующемъ письмѣ (помѣченномъ 8 апрѣля 1856 г.), къ графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину (бывшему Военному Министру) и приложенной къ этому письму запискѣ, сохранившихся въ чернякахъ между бумагами графа Литке, мы говоримъ въ нашемъ Введеніи (стр. XLIX). Они написаны по поводу извѣстнаго сочиненія гр. Д. А. Милютина «Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 г. С.-Петербургъ, 1852 — 1853». Вслѣдъ за запискою графа Литке, мы сообщаемъ извлеченіе изъ писемъ къ намъ гр. Д. А. Милютина по этому предмету и также замѣтку, доставленную намъ извѣстнымъ военнымъ писателемъ, членомъ-корреспондентомъ Имп. Академіи Наукъ, ген.-лейт. Г. А. Лееромъ относительно сказаннаго графомъ Литке о Швейцарскомъ походѣ Суворова.

В. Б.

«Вотъ, почтенный Дмитрій Алексѣевичъ, обѣщанная мною апологія Нельсона, которую предоставляю вашему справедливому и безпристрастному обсужденію. Желаю душевно, чтобы она склонила васъ въ предстоящемъ второмъ изданіи вашего прекраснаго сочиненія изложить дѣйствія Нельсона въ менѣе ненавистномъ видѣ. Припомните, какъ тѣ же якобинскія перья, которыя исказили фигуру Нельсона, изуродовали великій образъ нашего Суворова.

Прочелъ я снова и все относящееся до Альторфа[1]), и прежнее впечатлѣніе остается неизмѣннымъ. — Завесть армію въ кутъ мѣшка, откуда выходъ только черезъ горы, по козьимъ тропинкамъ—это такая чудовищная ошибка, что стоило бы сказать нѣсколько словъ въ объясненіе, *какъ* она могла случиться?

Сказанное на стр. 18, 20, и 59 (Исторіи войны Россіи съ Франціей), не удовлетворяя читателя, заставляетъ его только догадываться, что тутъ было что-то не ладно, qu'il y a un dessous de cartes, и желаніе его узнать какъ именно было дѣло, въ этомъ случаѣ очень законно. Если нельзя дать ему объясненія, то нужно было предложить хоть догадки. А коли и того нельзя, то сказать на прямикъ, что обстоятельство это, чуть не погубившее вконецъ всю армію, остается совершенно необъяснимымъ. Читатель успокоится тогда: на нѣтъ суда нѣтъ А то онъ остается теперь въ какомъ-то непріятномъ недоумѣніи.

Съ наслажденіемъ прочелъ я въ Русскомъ Вѣстникѣ главу изъ передѣланной вами первой части Суворова. Богъ помочь!

Прошу васъ вѣрить моему неизмѣнному уваженію и проч.»

Литке.

ПРИЛОЖЕННАЯ КЪ ЭТОМУ ПИСЬМУ ЗАПИСКА ГРАФА ЛИТКЕ.

Въ Исторіи войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I, событія въ Неаполѣ въ іюнѣ 1799 г.

---

[1]) т. е. Швейцарскаго похода Суворова.

представлены въ весьма невыгодномъ для англійскаго адмирала Нельсона видѣ (Томъ II, стр. 379—383).

Это, впрочемъ, и не удивительно, потому что всѣ писатели того времени, не только французы, но даже и соотечественники Нельсона и самые его біографы изображаютъ дѣло въ томъ же видѣ. Нельсонъ, въ которомъ праводушіе и добродушіе равнялись геройству, заявленъ человѣкомъ вѣроломнымъ и кровожаднымъ, да къ тому еще какимъ-то развратникомъ.

Изданное въ 1845 г. собраніе «Писемъ и депешъ Нельсона» даетъ историку возможность смыть съ памяти великаго человѣка пятно, брошенное на него клеветою.

Обвинители Нельсона основываются главнѣйше на памфлетѣ капитана Фута, явившемся уже *послѣ смерти Нельсона*, и чрезъ 7 лѣтъ послѣ событія. Оскорбленный тѣмъ, что Нельсонъ назвалъ капитуляцію, которую онъ подписалъ вмѣстѣ съ другими, «infamous» (безчестною, мерзкою), капитанъ Футъ, не ограничиваясь въ этомъ памфлетѣ оправданіемъ собственныхъ своихъ дѣйствій, старался всякими софизмами и намеками очернить бывшаго своего начальника, павшаго между тѣмъ со славою при Трафальгарѣ.

Таковъ документъ, служившій главнымъ источникомъ нареканій на Нельсона; не говоря о памфлетахъ и сплетняхъ революціонерной партіи.

Въ чемъ обвиняется Нельсонъ?

1) Въ нарушеніи капитуляцій замковъ Неаполитанскихъ;

2) Въ казни Караччіоли;

3) Въ потворствѣ наущеніямъ Леди Гамильтонъ.

1) О *нарушеніи* капитуляціи, въ прямомъ смыслѣ, и не можетъ быть рѣчи потому, что къ исполненію ея не было приступлено, когда Нельсонъ объявилъ, что не утверждаетъ оной.

Вотъ какъ было дѣло.

Нельсонъ отправился изъ Палермо 21 іюня, снабженный полномочіемъ короля Неаполитанскаго. На пути получилъ извѣстіе о капитуляціи, заключенной кардиналомъ Руффо 22 іюня

съ замками Nuovo и del Ovo. Зная, что кардиналъ имѣлъ положительное запрещеніе короля входить въ какіе либо переговоры съ мятежниками, Нельсонъ тутъ же рѣшился не признавать капитуляціи, въ его глазахъ постыдной — infamous. 24, подходя къ Неаполю, онъ увидѣлъ переговорные флаги на замкахъ и на англійскомъ фрегатѣ Сигорсѣ (Seahorse), капитанъ Футъ, — и тотчасъ же сигналомъ приказалъ спустить эти флаги, потому что онъ капитуляціи не признаетъ.

По 10-му пункту капитуляціи, могла она получить силу только съ утвержденія коменданта форта Сᵀ Эльмо. Это утвержденіе послѣдовало 24 іюня, т. е. въ одно время съ объявленіемъ Нельсона въ противномъ смыслѣ; такъ что капитуляція законной силы не могла имѣть и не имѣла. Къ исполненію ея не могло быть и не было приступлено; на суда не было посажено ни одного человѣка, и ихъ потому не могло быть посажено, что и судовъ еще не было на этотъ предметъ. Гарнизоны могли, еслибъ захотѣли, опять запереться и продолжать защиту; но они предпочли сдаться безусловно и сдались 25 іюня.

Эти факты положительно доказываютъ, что въ дѣйствіи Нельсона не было совершенно ничего противнаго праву народному. Онъ имѣлъ власть не признать капитуляціи; онъ имѣлъ къ тому и слишкомъ достаточную причину, какъ по нелѣпости сдѣланныхъ мятежникамъ уступокъ, такъ и потому, что ни Руффо, ни кто другой не имѣлъ права заключать такой капитуляціи; онъ объявилъ недѣйствительность ея въ то самое время, когда она по собственному своему содержанію (пунктъ 10) могла только еще войти въ законную силу.

Итакъ со стороны юридической Нельсонъ оказывается совершенно правъ. По человѣчеству можно сожалѣть о послѣдствіяхъ этого акта для мятежниковъ; но поставлять это въ вину Нельсону было бы столько же справедливо, какъ было бы обвинять фельдмаршала Паскевича въ томъ, что Гайнау казнилъ венгерскихъ мятежниковъ послѣ капитуляціи Виллагошской.

2) Караччіоли, командиръ Неаполитанскаго флота, послѣдовалъ за королевскою фамиліею въ Палермо въ 1798 г.; въ слѣдующемъ году выпросился у короля въ Неаполь, чтобы предупредить конфискованіе его имѣній республиканскимъ правленіемъ; вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ службу республики, командовалъ канонерскими лодками, на которыхъ сражался съ королевскимъ фрегатомъ Минервой. По приближеніи королевскихъ войскъ къ Неаполю, онъ укрылся въ одномъ изъ замковъ, но оставилъ это убѣжище до 23 іюня и убѣжалъ въ горы, гдѣ былъ пойманъ и приведенъ къ Нельсону, который нарядилъ надъ нимъ военный судъ изъ пяти Неаполитанскихъ морскихъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ начальника Неаполитанской эскадры графа Турна. Коммиссія эта нашла Караччіоли виновнымъ въ измѣнѣ своему законному государю и въ поднятіи противъ него оружія, и приговорила его къ смерти. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ Нельсономъ и исполненъ на Неаполитанскомъ фрегатѣ Минервѣ.

Всѣ эти обстоятельства такъ просты и ясны, что кажется и толковать бы не объ чемъ. Никакой трибуналъ въ мірѣ не могъ бы не признать Караччіоли измѣнникомъ, и по всѣмъ законамъ онъ подлежалъ смертной казни; ибо во всемъ дѣлѣ не было ни одного облегчающаго соображенія — circonstance atténuante. Но вражда и тутъ нашла поводъ къ обвиненію Нельсона.

Изо всѣхъ этихъ обвиненій одно только заслуживало бы вниманія, еслибъ было основательно: говорятъ, что Караччіоли былъ казненъ вопреки условій капитуляціи, обѣщавшей безопасность, какъ гарнизонамъ замковъ (п. 4), такъ и всѣмъ плѣннымъ, взятымъ до блокады фортовъ (п. 7). На это отвѣтъ простой: Караччіоли ушелъ изъ фортовъ до заключенія капитуляціи, и былъ не плѣнный, а пойманный въ горахъ бѣглецъ. Стало быть, капитуляція его ни мало не прикрывала, если бы даже она и была признана Нельсономъ.

Другія обвиненія едва заслуживаютъ отвѣта. Зачѣмъ судъ засѣдалъ на англійскомъ кораблѣ? Зачѣмъ преступника повѣсили,

а не разстрѣляли? Зачѣмъ казнь не была отложена до прибытія короля въ Неаполь? и т. п.

Военному суду всего приличнѣе было собраться на кораблѣ главнокомандующаго. — Разстрѣливать на кораблѣ нельзя, а съѣзжать для этого на берегъ было, вѣроятно, не удобно. — Не видно, что̀ бы выигралъ Караччіоли, если бы исполненіе надъ нимъ приговора было отложено до прибытія короля. Конецъ былъ бы безъ сомнѣнія тотъ же; и можно думать что Нельсонъ нарочно поторопился этимъ дѣломъ, чтобы выгородить короля, принявъ на себя всю отвѣтственность.

3) Наконецъ, увѣреніе, что Нельсонъ дѣйствовалъ во всемъ по внушеніямъ Леди Гамильтонъ, не основано ни на чемъ, кромѣ коммеражей; а многое разсказываемое можетъ быть опровергнуто фактами. Что Леди Гамильтонъ не могла привозить Нельсону рескриптовъ короля и королевы, и что прибытіе *такого посла* не могло быть смертнымъ приговоромъ для республиканцевъ, *не успѣвшихъ еще отплыть* съ Неаполитанскаго рейда (стр. 382—383), — доказывается тѣмъ, что Нельсонъ отправился изъ Палермо 21 іюня прямо послѣ аудіенціи у короля, получа отъ Его Величества лично повелѣнія, дѣйствіями его руководившія, и что Британскій посланникъ Лордъ Гамильтонъ и его жена отправились съ нимъ вмѣстѣ въ Неаполь. Другіе разсказываютъ, что когда Нельсонъ получилъ извѣстіе о капитуляціи и когда рѣшалась участь Караччіоли, то Леди Гамильтонъ, слѣдуя повсюду какъ тѣнь за Нельсономъ, безпрестанно твердила: «Бронте, Бронте, никакой пощады бунтовщикамъ». Нелѣпость этой выдумки обнаруживается изъ того, что Нельсонъ только въ октябрѣ получилъ титулъ Герцога Бронте, а въ день суда Караччіоли не выходилъ изъ своей каюты и никого не видалъ кромѣ должностныхъ лицъ, и т. п.

Но зачѣмъ искать побужденій постороннихъ, отдаленныхъ, chercher midi à quatorze heures — когда мы находимъ ихъ, и съ избыткомъ, въ характерѣ и правилахъ Нельсона? Нельсонъ былъ въ высочайшей степени Loyalist. Вѣрность престолу почи-

талъ онъ первою и священнѣйшею обязанностію гражданина, измѣну величайшимъ преступленіемъ, для котораго нѣтъ достаточной кары ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ; французская революція была въ его глазахъ мерзость запустѣнія, каждый якобинецъ — извергъ человѣчества, и ненависть къ революціи и якобинцамъ переносилась въ душѣ его и на всѣхъ французовъ. Его profession de foi въ этомъ отношеніи выражается какъ нельзя лучше въ наставленіи, данномъ имъ одному молодому человѣку, поступившему на службу. Она состояла изъ трехъ пунктовъ: 1) Быть вѣрнымъ трону до послѣдняго издыханія; 2) Не смѣть обсуживать приказаній начальниковъ; 3) Ненавидѣть всякаго француза какъ ч.... Въ этомъ, по убѣжденію Нельсона, заключались законъ и пророки морскаго офицера.

Взявъ Нельсона такимъ, какимъ онъ былъ, представивъ себѣ ожесточеніе партій въ ту эпоху, нужно ли еще будетъ прибѣгать къ подстреканіямъ какой нибудь метрессы для объясненія дѣйствій Нельсона?

Теперь можетъ намъ казаться, что Нельсонъ начало, само по себѣ чистое и высокое, простиралъ за предѣлы умѣренности и справедливости. Mais, franchement, est-ce bien à nous de lui jeter la première pierre pour cela?

Имя Эммы Гамильтонъ, къ сожалѣнію всѣхъ почитателей Нельсона, неразлучно съ его уважаемымъ именемъ въ исторіи частной его жизни. Но приписывать ей какое нибудь вліяніе на дѣйствія Нельсона, какъ воина и политика, серіозной и безпристрастной исторіи, кажется, не слѣдовало бы. Мы въ особенности должны стараться быть справедливыми къ великой этой тѣни — послѣ событій послѣдняго времени, отъ которыхъ кровь Русскаго кипитъ при одномъ имени Британецъ!

По поводу вышенапечатаннаго письма графа Литке къ гр. Д. А. Милютину и словъ, сказанныхъ первымъ о швейцарскомъ походѣ Суворова, мы получили (27 мая 1887 г.) отъ генерала Г. А. Леера, которому передавали это письмо на прочтеніе, слѣдующее сообщеніе:

«Сколько разъ мнѣ ни приходилось читать сочиненіе гр. Милютина «Война 1799», я всегда оставался далеко неудовлетвореннымъ тѣми объясненіями, которыя онъ даетъ выбору Суворовымъ операціоннаго направленія на С. Готардъ, предпочтительно передъ направленіемъ на Сплугенъ. *Послѣднее* вело къ предварительному соединенію съ войсками Линкена, Готце и Корсакова[1]) и представляло вдобавокъ удобный путь. *Первое*, правда, угрожало правому флангу и сообщеніямъ Массены, но при этомъ жертвовалось соединеніе съ Линкеномъ, Готце и Корсаковымъ, или вѣрнѣе, оно становилось въ зависимость отъ явленія, всегда болѣе или менѣе случайнаго, отъ побѣды, и вдобавокъ это направленіе представляло путь крайне неудобный, прерывавшійся у Альторфа, такъ какъ изъ долины р. Рейсы въ долину р. Линты ведутъ только тропы».

«Не смотря на это, Суворовъ отдаетъ предпочтеніе *первому* операціонному направленію передъ *вторымъ* и дѣлаетъ великую стратегическую ошибку[2]), чѣмъ ставитъ армію въ критическое положеніе, продолжающееся безъ перерыва въ теченіе 16 дней, съ 13 по 30 сентября, и особенно рѣзко обозначающееся въ Шахенталѣ, Муттенталѣ и Линталѣ. Читая описаніе этихъ тяжелыхъ минутъ, поражаешься ужасомъ и ожидаешь ежеминутной гибели нашихъ войскъ. До этого однако дѣло не доходитъ, и войска наши спасаются *гигантскою энергіею* Суворова. Въ этомъ отношеніи швейцарскій походъ Суворова не имѣетъ ничего себѣ подобнаго во всей военной исторіи. Лучшимъ судьею

---

[1]) Одно изъ основныхъ правилъ стратегіи и тактики: *«сначала соберись, а потомъ дерись»*.

[2]) Самый капитальный вопросъ стратегіи, это *правильный выборъ операціонной линіи*, т. е. правильный выборъ *цѣли* и *направленія*.

въ этомъ дѣлѣ является самъ побѣдитель Суворова, Массена, который высказалъ, что онъ готовъ былъ бы отдать всѣ свои походы за одинъ Суворовскій, швейцарскій».

«Итакъ, что же по внутреннему своему содержанію представляетъ собою швейцарскій походъ Суворова? По моему мнѣнію это *геніальное искупленіе* (по энергіи въ исполненіи) *великой стратегической ошибки*. Основываясь на немъ, вѣроятно, Наполеономъ I и была сдѣлана характеристика Суворова, а именно, что *у него не было ума великаго полководца, а была душа великаго полководца»* [1]).

«Такъ я всегда смотрѣлъ на швейцарскій походъ Суворова и этотъ взглядъ какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ взглядомъ гр. Литке въ письмѣ его къ гр. Милютину: «Завести армію «въ кутъ мѣшка, откуда выходъ только черезъ горы, по козьимъ «тропинкамъ, — это такая *чудовищная ошибка*, что стоило бы «сказать какъ она могла случиться».

«Объясненіями гр. Милютина гр. Литке не удовлетворяется, да и едва ли кто нибудь будетъ ими удовлетворенъ (Ч. II, стр. 200—202),—что Суворовъ предпочиталъ дѣйствія самыя быстрыя и рѣшительныя (но это не исключаетъ ни безопасности, ни удобства направленія); что Суворовъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о силахъ непріятельскихъ, ни о мѣстности (но безъ нихъ нельзя составлять и плановъ операцій); что Суворовъ въ этомъ положился на австрійцевъ, на полковника Вейротера, введшаго его въ заблужденіе на счетъ пути черезъ С. Готардъ, Альторфъ и проч».

«Все это не оправдываетъ Суворова, такъ какъ по своему ли плану полководецъ дѣйствуетъ или по внушенному ему извнѣ, слава при успѣхѣ и порицаніе при неудачѣ падаютъ исключительно на него одного, какъ на лице, принявшее на себя отвѣтственность за его исполненіе».

---

[1]) Этотъ отзывъ, само собою разумѣется, долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ рѣшительнаго перевѣса *гигантской воли* Суворова надъ его тѣмъ не менѣе *великимъ умомъ*.

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, съ которымъ мы входили въ сношеніе по настоящему предмету и которому передавали вышеизложенную замѣтку генерала Леера, между прочимъ, благосклонно сообщилъ намъ въ своихъ письмахъ (изъ нынѣшняго его мѣстопребыванія на южномъ берегу Крыма, отъ 2 мая и 21 іюля 1887 г.) слѣдующее. Изъ сдѣланныхъ графомъ Литке двухъ замѣчаній на первое изданіе исторіи войны 1799 г., первое, касающееся адмирала Нельсона, было принято графомъ Милютинымъ во вниманіе при второмъ изданіи этого сочиненія, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось съ упрекомъ о поступкахъ англійскаго адмирала, редакція нѣсколько измѣнена (стр. 627 I тома), а въ примѣчаніи 129 (т. III, стр. 327) прямо сказано, что измѣненіе это сдѣлано вслѣдствіе указанія гр. Ѳ. П. Литке. Что касается до втораго замѣчанія графа Литке, касательно швейцарскаго похода Суворова, то гр. Милютинъ не призналъ нужнымъ сдѣлать во второмъ изданіи какое либо измѣненіе. Онъ находитъ вполнѣ выясненнымъ въ его разсказѣ все то, что гр. Литке считалъ недосказаннымъ. При этомъ гр. Милютинъ говоритъ, что историкъ долженъ такъ излагать событія, чтобы связь ихъ и причины высказывались сами собою въ самомъ разсказѣ, не нуждаясь въ дидактическихъ толкованіяхъ и разсужденіяхъ автора. Съ точки зрѣнія теоріи стратегіи, упоминаетъ гр. Милютинъ, критическій разборъ генерала Леера можетъ быть вполнѣ основателенъ. Съ своей стороны, гр. Милютинъ и не принималъ на себя роли защитника или панегириста Суворова, особенно въ отношеніи стратегіи. Въ качествѣ историка, онъ и не считалъ себя призваннымъ дѣлать критическую оцѣнку стратегическихъ способностей нашего знаменитаго полководца. Онъ писалъ исторію чисто объективно, ставилъ себѣ цѣлью *изобразить* вѣрно и наглядно что̀ и какъ происходило и подъ какими вліяніями. *Судить* же о томъ, слѣдовало ли поступать такъ или иначе, хорошо или худо дѣло поступлено, — онъ не считалъ своею задачею.

В. Б.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

ЧТЕНІЯ ГРАФА Ѳ. П. ЛИТКЕ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ ПО МОРСКОЙ ЧАСТИ.

О нижеслѣдующихъ набросках или матеріалахъ, подготовленныхъ графомъ Литке для чтеній или лучше для устныхъ его сообщеній (Vorträge) въ частномъ академическомъ кружкѣ, и также объ этомъ кружкѣ сказано нами во Введеніи (стр. L.) Эти наброски, написанные собственноручно графомъ Ѳ. П., были найдены между его бумагами послѣ его кончины, и до тѣхъ поръ были намъ неизвѣстны. Они, очевидно, были написаны имъ въ видѣ конспекта или программы для упомянутыхъ сообщеній, въ которыхъ онъ полнѣе и подробнѣе развивалъ свои факты и мысли, бѣгло указанныя имъ въ этой рукописи. Мы ее печатаемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ нашли, за исключеніемъ исправленія нѣкоторыхъ (очень немногихъ) ошибокъ во французскомъ языкѣ, описокъ и недописокъ, какія были неизбѣжны въ подобномъ трудѣ и при подобной его цѣли.

Во многихъ мѣстахъ этой рукописи много значительныхъ пропусковъ; въ другихъ,——только намеками или однимъ словомъ обозначено, для памяти, то, что авторъ предполагалъ разсказать устно. Нѣкоторыя части этой работы неокончены, другія только начаты. Сколько можно понять, вслѣдствіе разнородности предметовъ этой рукописи и наружнаго ея вида (она заключается въ нѣсколькихъ

отдѣльныхъ тетрадкахъ), она должна была служить конспектомъ для трехъ отдѣльныхъ чтеній[1]), которыя мы ниже обозначили римскими цифрами и заголовками. Конспектъ послѣдняго изъ этихъ чтеній (III), — о постепенномъ историческомъ развитіи мореходства, — всего болѣе недостаточенъ; онъ обрывается посрединѣ; можетъ быть это чтеніе было только предположено и его вовсе не было. Конспектъ сообщенія (II), объ опасностяхъ на морѣ не доконченъ. Всего полнѣе начертано графомъ Ѳ. П. первое чтеніе (I) — о жизни моряка. Оно составляетъ нѣчто совершенно цѣльное; нѣкоторыя его части такъ обработаны даже въ деталяхъ, что далеко превосходятъ характеръ программы. На основаніи нѣкоторыхъ намековъ автора, нужно думать, что это первое сообщеніе было сдѣлано имъ въ 1843 или 1844 г., второе — черезъ годъ послѣ перваго, а третье, если оно состоялось, то гораздо позже (черезъ нѣсколько лѣтъ).

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ этой рукописи, мы рѣшились ее напечатать по совѣту спеціялистовъ морскаго дѣла. Она не только характеризуетъ графа Литке, — его своеобразную личность, понятія, вкусы и серьезный взглядъ на жизнь, но она интересна и теперь въ морскомъ отношеніи, отчасти потому, что въ ней сообщаются свѣдѣнія о морской жизни и мореходствѣ при прежнихъ ихъ условіяхъ (отсутствіи пара и другихъ новѣйшихъ изобрѣтеній), отчасти потому, что графомъ Ѳ. П. излагаются наблюденія и мысли относительно морскаго дѣла, имѣющія значеніе и теперь и не могущія никогда его утратить при какихъ бы то ни было условіяхъ техники.

Этотъ трудъ, при всей своей незаконченности и отрывочности, свидѣтельствуетъ о многихъ замѣчательныхъ дарованіяхъ покойнаго графа: разнообразіи его научныхъ и литературныхъ свѣдѣній, весьма рѣдко свойственныхъ спеціалисту, необыкно-

[1]) А не для двухъ, какъ сказано ошибочно въ нашемъ Введеніи (стр. L) при первоначальномъ знакомствѣ нашемъ съ этою рукописью.

венной ясности и самобытности его мыслей и искусствѣ изложенія ихъ не только въ точныхъ, но и изящныхъ формахъ. Тутъ можно видѣть въ какой степени графъ Ѳ. П. обладалъ способностью, отличающею всѣхъ умственно замѣчательныхъ людей, обхватывать своимъ взглядомъ явленія жизни и природы со всѣхъ сторонъ, — въ томъ числѣ, подлѣ строго научной, также и поэтической, и никогда не довольствоваться односторонностью, отличающею всѣхъ ограниченныхъ людей.

Сверхъ всего этого, многое, сообщаемое здѣсь гр. Литке объ его плаваніяхъ, пополняетъ его автобіографію.

В. Б.

I.

ЖИЗНЬ МОРЯКА.

Messieurs, invité par le respectable ami qui nous réunit chez lui à vous entrenir quelques instants de sujets relatifs à la marine, je crois devoir vous déclarer tout d'abord que la plus complète indulgence de votre part m'est absolument nécessaire.

Mes occupations, le genre de vie que j'ai mené depuis dix ans ont été tels, vous le savez parfaitement, que mes anciennes impressions ont pu seulement être affaiblies, sinon entièrement effacées, sans être remplacées par de nouvelles idées du même ordre. Je n'ai pas d'ailleurs, ne m'y étant jamais risqué, la moindre habitude de faire un discours suivi. Ajoutez à cela qu'il me faut employer une langue qui n'est pas la mienne, que je ne possède qu'imparfaitement, et vous vous ferez une idée des difficultés contre lesquelles j'aurai à lutter.

Si, en dépit de tous ces inconvénients, je me suis décidé à répondre à l'appel de notre ami, c'est que son désir s'est confondu avec le mien, que j'ai senti le besoin, le devoir même, de ne pas toujours rester un membre parasite de vos réunions, de recevoir sans cesse sans jamais donner, mais de contribuer, dans la mesure de mes moyens, à votre échange d'idées, et de fournir mon contingent à la foule de connaissances qui se réunissent ici. Ce n'est donc pas par présomption, mais par pur sentiment de mes obligations envers vous, que je me hasarde à prendre la parole à mon tour.

Je vous prie, Messieurs, de m'interpeller aussi souvent qu'il vous sera agréable de le faire. Je serais enchanté de voir mon discours prendre la forme d'une conversation. Je me tirerais d'affaire d'autant plus facilement.

Le choix de mon sujet ne m'a pas médiocrement embarrassé. Quelque vaste que soit le domaine de la marine, il n'est cependant pas facile, parmi les nombreux éléments qui le composent, d'en trouver un qui, d'un côté, ne vous soit plus ou moins connu, et qui, de l'autre, ne soit pas complètement dénué d'intérêt. J'ai pensé que, somme toute, un aperçu rapide de la vie maritime, de la vie passée à bord du vaisseau, de l'existence de cet être paradoxal qu'on appelle «un marin» pourrait fixer votre attention pendant quelques instants, car il n'est guère possible de la connaître à fond qu'après une expérience de plusieurs années.

L'homme n'est pas un amphibie. Nos amis B. K. B. vous le prouveraient par des faits tirés de la physiologie. Moi, je prétends la même chose, mais en me basant sur des motifs complètement différents. Je parle par expérience personnelle. Je suis entré fort jeune dans la marine et, pendant près de vingt ans, je n'ai guère fait que parcourir les mers. Eh bien! malgré cela, je retrouvais toujours la terre avec plaisir. Et cela, non-seulement lorsqu'après une navigation périlleuse autour du cap Horn ou dans la mer de Chine on arrivait dans un beau pays comme le Brésil ou les Philippines ou une des îles délicieuses de l'Océanie; dans les premiers moments j'éprouvais presque la même jouissance en abordant sur le sol glacé de la «Novaïa Zemlïa» ou du pays des Tchouktchis. Un sentiment intérieur me disait: «homme, ton élément, c'est la terre.» Je sais qu'il y a des marins prétendant ne se sentir à l'aise qu'à bord de leur barque, ne trouvant pas de chambre à coucher comparable à leur hamac, pas de cuisine au monde approchant de celle de leur navire, pas d'air respirable ailleurs que sur mer. On dirait, à les entendre, qu'un «mal de terre» a remplacé chez eux le mal de mer dont ils souf-

fraient au début de leur carrière. On raconte d'un marin «anglais, cela va sans dire», qu'il ne concevait pas pourquoi le bon Dieu s'était donné tant de peine à créer tous les continents. Pour lui, une petite île par ci, par là, avec un dépôt de vivres, d'eau douce et de charbon, suffirait à tous les besoins raisonnables de l'homme; le reste n'était qu'un luxe parfaitement inutile, ne servant qu'à entraver la navigation et à la rendre moins commode et plus dangereuse. — Quant à moi, je ne crois pas plus à ces êtres biphysiques qu'à ces hommes prétendus aquatiques, devenus tels pour avoir été jetés dans l'eau immédiatement après leur naissance. Je ne crois pas plus aux uns qu'aux autres parce qu'ils me paraissent contre nature; la différence n'est que dans le plus ou le moins.

Mais si l'homme, par sa nature, est un animal terrestre, il est aussi un animal d'habitude. On connaît l'histoire de ce prisonnier de la Bastille qui, libéré après une détention de vingt ans, ne trouvant rien dans le monde qui l'intéressât, s'en retourna à la vieille forteresse suppliant d'être réintégré dans sa cellule. Le goût d'un marin pour sa prison flottante est un peu dans le même genre; il finit même quelquefois par la trouver assez confortable. Mais il ne parvient à cette habitude qu'après un noviciat plus ou moins long, plus ou moins pénible. Passons d'abord en revue les moments les plus saillants de cette espèce de purgatoire.

Je me figure un jeune homme, destiné à la marine, commençant son noviciat dans les circonstances les plus favorables, c'est-à-dire à bord d'un bâtiment de guerre bien organisé (tout ce que j'aurai à dire, en général, se rapportera à cette classe de navires). Le colosse flottant qu'il voit pour la première fois de sa vie lui imposait déjà de loin. Il arrive à bord. Le contraste frappant que ce petit monde à part, ce microcosme, lui offre, comparativement à tout ce qu'il a pu se figurer jusqu'alors, l'étonne, le confond, l'accable presque, à moins qu'une philosophie prématurée ou une bonne dose de stupidité ne vienne à son secours.

Les bévues continuelles qu'il commet à chaque pas contre les us et coutumes d'un vaisseau de guerre sont peu propres à lui donner de l'assurance: Si, pour ne gêner personne, il va se promener à tribord du gaillard d'arrière (côté droit du pont supérieur), parce qu'il n'y voit qu'un seul officier, ce même officier ne tarde pas à lui observer d'un air sérieux, que le côté droit est réservé au commandant et à l'officier de quart et qu'il ferait bien de se retirer. Il passe de l'autre côté et s'entortille dans la «ligne de loch» que l'on était précisément occupé à vérifier sur des marques pratiquées dans le pont avec des clous de cuivre. Voulant s'abriter près du bord, il bronche contre une roue de cordages (les cordages sont roulés ou recueillis sur le pont en spirale) et la dérange. Voulant reculer de quelques pas pour faire place au quartier-maître qui vient en grognant mettre la roue en ordre, il tombe à la renverse sur unaffût de caronade. Il se relève et monte sur la caronade croyant du moins y être en sûreté, mais on lui fait dire de ne pas salir la caronade avec ses pieds. «Si je m'assieds ici, je ne salirai rien», pense-t-il, mais à peine est-il établi sur le bastingage: «Que faites-vous là?», lui crie-t-on. «Vous chiffonnez les hamacs; retirez-vous!» Ne sachant plus à quel saint se vouer, il espère au moins se trouver en sureté dans la cabine qu'il est prévenu devoir partager avec une demi-douzaine de camarades. Il demande le chemin de sa cabine. On lui fait descendre un escalier, puis un second, enfin, au bas d'un troisième il croit entrer dans une espèce de ténèbres égyptiennes. Il est là plus bas que la surface de la mer. On lui indique dans le lointain une petite lueur comme le port de refuge qu'il cherche; il avance, mais un coup qu'il se donne à la tête le prévient que c'est seulement plié en deux que l'on peut circuler dans ces parages inférieurs. En mettant avec précaution un pied devant l'autre et tâtonnant autour de lui, il atteint enfin le port désiré, mais il se convainc bientôt qu'il n'a fait que changer Charybde contre Sylla, car ses camarades, petits tyranneaux, ses anciens de quelques semaines peut-être,

ont en réserve pour lui une foule de niches et de mystifications avec lesquelles ils le tourmentent tout le reste du jour. — «La nuit porte conseil», dit-on, mais mon aspirant est sur le point d'en douter pour la première fois de sa vie. — Les hamacs sont suspendus; on lui indique le sien; il voit une espèce de sac, coupé dans le sens de la longueur, suspendu par les deux bouts à hauteur de sa taille; il se casse la tête pour trouver un moyen naturel de s'y introduire. Cependant ses camarades sautent, chacun dans le leur, avec une agilité de singe. Force lui est de suivre leur exemple. Il y parvient enfin après une demi-douzaine de tentatives infructueuses et au prix d'autant de contusions. Un pareil commencement ne pronostiquait rien de bon pour la nuit. Il trouve en effet ses draps humides et son hamac en demi-cercle très incommode. Toutefois, il est près de s'endormir lorsqu'un son perçant de sifflets, suivi d'un bruit sourd dans les entreponts, le réveille. Ce sont les quarts qui se relèvent. Un de ses camarades abandonne en grognant sa couche pour aller prendre son service; un autre vient le remplacer dans la cabine où, en attendant, l'air est devenu encore plus lourd et la chaleur plus forte. Mon souffre-douleurs pense étouffer; il se tourne et se retourne et parvient enfin à s'assoupir. Un coup de tonnerre, qui fait trembler tout le navire, le fait aussitôt sauter dans son lit et il s'en va donner de la tête contre le pont situé au-dessus de lui. C'est le coup de canon de la Diane qui cause tout cet effroi. Le cœur tout palpitant encore, il s'endort de nouveau, mais pas pour longtemps; son sommeil est bientôt troublé par un bruit entièrement nouveau qu'il ne sait comparer à rien qu'il connaisse, qui, faible et lointain tout d'abord, se rapproche avec une intensité toujours croissante et se concentre enfin au-dessus de sa tête en l'ébranlant au point de bouleverser tout son système nerveux. Je ne m'étonne pas que mon pauvre aspirant, se bouchant les oreilles, saute de son lit comme s'il avait été mordu par une tarentule, car moi, vieux marin, qui ai l'honneur de vous parler, je n'ai jamais pu m'habituer à ce bruit

assourdissant, ne provenant, en définitive, que du frottement et du nettoyage du pont avec des morceaux de grès et du sable. — Aussi n'est-il nullement fâché qu'on vienne donner l'ordre de rouler les hamacs et de les porter dans les bastingages; il ne demande pas mieux que de quitter ce royaume des ténèbres et de respirer un peu en plein air. — Il se promet de bien profiter d'une expérience assez chèrement achetée et de ne pas tomber dans les mêmes maladresses que la veille, ne se doutant pas, le pauvre jeune homme, qu'il en commettra mille pour une avant d'arriver au terme de son apprentissage, avant d'apprendre à bien grimper au haut des mâts, où, par parenthèse, il passera peut-être (en punition) mainte heure solitaire dans la contemplation des vicissitudes humaines, à retenir les noms et les usages de toutes les manœuvres, à comprendre et à exécuter les ordres qu'on lui donne soit à bord, soit dans les chaloupes, etc.; heureux encore, si le sort lui fait rencontrer des chefs raisonnables et charitables qui, ménageant sa jeunesse et son inexpérience par la douceur de leurs procédés s'efforceront d'adoucir ses épreuves, — mais ce n'est malheureusement pas là toujours le cas, et rien n'est plus ordinaire que de voir les officiers oubliant à un tel point leur propre passé, traiter ces enfants avec une froideur et une sévérité révoltantes, ne leur ménageant ni propos offensants, ni sobriquets et ne réfléchissant pas qu'une blessure faite de cette façon à un jeune coeur, pour n'être pas visible sur l'épiderme, n'en est pas moins cuisante et que les années mêmes ne sauraient la cicatriser.

Avec quelque force de caractère un garçon d'esprit vient, après quelque temps, facilement à bout de ce premier genre d'épreuves qui n'est pas le plus difficile à supporter. Une seconde période, déjà plus pénible, commence pour lui au moment de mettre à la mer. Le signal, si impatiemment attendu, du départ, est donné; le vaisseau quitte le port avec une brise fraîche. Mon jeune homme s'arme de son crayon et de son album, sur la première page duquel il a peut-être écrit en grosses lettres:

«Pensées, souvenirs et impressions», parce qu'il a entendu parler d'un certain voyage qui portait ce titre. Il a l'intention de le remplir d'une foule de belles choses et, pour commencer, il a déjà écrit: tel jour, à telle heure, nous avons levé l'ancre.— Il commence à faire l'esquisse du phare d'une côte voisine du port, mais il sent sa main trembler, la tête lui tourne, sa poitrine est oppressée. Il ne conçoit pas ce qui lui arrive, quand les éclats de rire de ses camarades, déjà rompus à leur métier, lui indiquent ce que c'est que le mal de mer dont il a bien entendu parler et dont il ressent en ce moment la première attaque.

Je n'ai pas besoin de vous décrire, Messieurs, cette inconcevable maladie. Il n'y a peut-être personne parmi vous qui ne l'ait éprouvée, car pour cela il n'est pas nécessaire de faire un voyage autour du monde. Une excursion à Péterhof suffit, pour peu qu'on y soit sujet. Mais, si tout le monde la connaît, personne ne la comprend, MM. les médecins pas plus que les autres. Ils en conviendront eux-mêmes s'ils sont de bonne foi; car, s'ils la comprenaient le moins du monde, comment expliquer que, jusqu'à ce jour, ils n'aient pu trouver de remède, ni préventif, ni répressif, voire même un palliatif tant soit peu efficace? Leur ignorance, s'il est permis de s'exprimer ainsi, provient dans ce cas en partie de ce que le mal ne peut être observé et étudié qu'au milieu des influences qui le produisent et que les médecins sont, pour la plupart, les premiers à en souffrir. On sait parfaitement en quoi consiste le mal, on ne sait nullement d'où il provient. C'est le mouvement du vaisseau qui l'engendre (ce vomitus navigantium), c'est indiscutable; mais si vous demandez comment, les uns vous répondront que les mouvements du vaisseau affectent d'abord le plexus solaris et communiquent le mal à la tête; les autres—que ces mouvements produisent au contraire à la tête une congestion du sang, d'où résultent les nausées; d'autres encore vont jusqu'à supposer une commotion dans les parties molles et élastiques du cerveau. Et cependant nous savons que ces mouvements soi disant «violents» ne sont rien com-

parativement aux secousses d'un bon temps de trot à cheval, lequel ne produit rien de semblable. On attribue aussi ce mal à l'activité extraordinaire des organes de la vue douloureusement affectés par les mouvements irréguliers de tous les objets à la surface de la mer, et cependant un aveugle n'en souffre pas moins qu'un clairvoyant. On l'attribue enfin à l'air de la mer, tandis qu'un lac le produit tout autant, voire même le mouvement d'une voiture. Tout aussi contradictoires et peu fondées sont les autres observations qu'on prétend avoir faites au sujet de cette maladie. D'après les uns, ce sont les lames longues et régulières de l'Océan, d'après les autres, les vagues courtes et à pic de nos mers qui engendrent les mouvements les plus désagréables; les uns disent que c'est sur les grands navires que l'on est le plus sujet au mal de mer, les autres que c'est sur les petits bâtiments; les uns prétendent que ce sont les sujets faibles, d'un tempérament irritable, d'un teint blond, qui y sont le plus exposés, les autres affirment tout le contraire.

Il existe la croyance générale que les femmes enceintes et les enfants en nourrice n'en souffrent pas, mais j'ai acquis la conviction du contraire depuis que j'ai vu ma femme dans cet état et mon enfant âgé de neuf mois en souffrir terriblement. Il ne faut pas s'étonner de la diversité de ces jugements et de ces opinions, car cette maladie paradoxale présente, suivant les individus, des variations bizarres propres à dérouter l'observateur le plus attentif. Ainsi, certains sujets s'embarqueront sur la mer pour la première fois et supporteront d'emblée les plus fortes tourmentes sans éprouver le moindre dérangement dans leur économie animale; d'autres seront pendant quelques jours ou quelques heures seulement tributaires de cette affection et s'en verront délivrés pour ne la plus jamais subir, ou seulement à de rares intervalles, après un long séjour à terre ou après une navigation paisible; d'autres enfin éprouvent pendant des mois ou des années entières les atteintes de ce mal au moindre mouvement du navire. Des écrivains français citent plusieurs exemples

de personnes si violemment attaquées par le mal de mer pendant leur traversée pour les Antilles, qu'elles n'ont jamais voulu revenir en France, de peur de repasser par les mêmes souffrances et préférant s'expatrier plutôt que de s'y exposer une seconde fois. Cependant, personne n'est jamais mort du mal de mer.

Si la nature du mal est si peu connue, le remède ne peut guère l'être davantage. Malgré cela, ou peut-être même à cause de cela, on propose une quantité de remèdes complètement opposés l'un à l'autre: un repos absolu dans son hamac et beaucoup d'exercice en plein air, l'estomac vide et l'estomac rempli, le corps tenu chaud ou dans un complet état de fraîcheur; enfin, les moyens les plus opposés, sans parler des drogues de toutes les espèces, trouvent leurs défenseurs. Chacun veut savoir mieux que son voisin. Il n'est pas jusqu'à l'immortel barde britannique qui, dans son Don Juan, donne un tableau si irrésistiblement comique d'un homme attaqué de ce mal, — qui n'ait proposé le sien, lequel a du moins le mérite d'être nourrissant. Il dit dans le deuxième chant de ce poëme:

«The best of remedies is a beefsteak against sea-sick-ness.»

Le docteur Kitchiker se révolte contre un pareil remède qui, selon lui, ne peut convenir qu'à un estomac jeune et vigoureux et conseille de s'en tenir plutôt au poisson salé et au devils suffisamment arrosé de «soda water» avec du vin ou de l'eau-de-vie. Granville, le médecin connu que nous avons vu dans nos murs, rejette tout cela et propose, de son côté, quarante-cinq gouttes d'opium avant le départ et la même dose toutes les fois qu'on se sent incommodé. C'est là, du moins, un moyen de dormir. Nos matelots connaissent aussi un remède qui a, du moins, le mérite de la simplicité. Ils conseillent aux jeunes recrues de se munir d'une petite quantité de terre ou de vase qu'on retirera du fond la première fois qu'on lèvera l'ancre. «Dès que tu voudras virer du câble, — compter tes chemises» — disent-ils, «tu mêleras de cette terre avec de l'eau, et tu l'avaleras. Le pauvre novice suit religieusement ce conseil et ne s'en trouve pas mieux, on le croira

facilement, que du beefsteak de Lord Byron. — Je ne connais qu'un moyen de se débarrasser instantanément du mal de mer, c'est de se faire mettre à terre. Mais, comme ce remède ne se trouve pas toujours dans la pharmacie du vaisseau, on fera bien, quand on n'a pas l'obligation de lutter contre le mal, de se coucher et de se tenir tranquille; mais, de cette manière, on ne s'y accoutumera jamais. Je connais, pour atteindre ce but, un remède très sûr que je ne prétends pas avoir inventé, parce que c'est un très ancien remède contre tous les maux qui affligent l'humanité: c'est le temps et le courage d'affronter le mal face à face. Celui qui ne se laisse pas aller à l'abattement s'emparant ordinairement de l'homme, celui qui conserve sa sérénité, qui continue à remplir ses devoirs, à manger, sauf à rendre tout aux poissons, à vaquer à ses occupations, s'y accoutumera toujours avec le temps, comme le font invariablement nos matelots qui ne sont pas faits d'une autre pâte que le reste des humains. Je sais qu'on cite l'exemple de plusieurs vieux marins pour prouver le contraire, entre autres l'amiral Nelson, notre navigateur Kotzebue etc.; je pourrais y ajouter l'exemple de mon compagnon de voyage K..., que plusieurs de vous, Messieurs, connaissent, et qui, à la fin de notre troisième année de navigation, y fut tout aussi sujet qu'à son début. Mais, de pareils exemples resteront toujours des exceptions tout-à-fait extraordinaires, prouvant la règle plutôt qu'elles ne la combattent.

L'heure du dîner arrive et ne rassemble peut-être que la moitié, le tiers de la société. Si je vois mon jeune homme dans le nombre, si je le vois faire bonne mine à mauvais jeu, je prédis qu'il sera bientôt aguerri, au moins à cette épreuve. Mais il lui en reste bien d'autres. Déjà, depuis les premiers jours de la navigation, les petites aises auxquelles il était habitué depuis le commencement de son existence, l'abandonnent insensiblement. Le lait et le pain frais disparaissent les premiers; les légumes et les autres éléments culinaires les suivent un à un; les mets frais deviennent de plus en plus rares. Enfin, si la navigation, vu la

la croisière, dure un peu longtemps, on est réduit à la viande salée, au gruau et à de l'eau parfois mauvaise. C'est seulement alors qu'on apprend à connaître la valeur de ces mille petits articles auxquels on ne prête pas la moindre attention dans la vie de chaque jour. On ne se figurait pas jusqu'alors qu'un morceau de pain ou un verre d'eau pure pussent être d'une telle importance pour le bonheur de la vie. Nous disons, pour marquer le dernier degré de l'indigence: «il en est réduit au pain et à l'eau». On nous mettait au pain et à l'eau quand on voulait nous punir d'une manière très sensible. Eh bien! le pauvre marin payerait quelquefois au poids de l'or ces deux instruments de punition. Quand un pareil état de dénûment dure plusieurs semaines ou même plusieurs mois consécutifs, il devient alors une privation très pénible. Je me permettrai de vous citer un exemple tiré de ma propre expérience. Il y a environ vingt-cinq ans, je revenais, à bord d'une frégate, d'un voyage dans nos colonies. Notre commandant ne s'arrêta pas au cap de Bonne-Espérance, préférant l'île de Ste-Hélène pour des causes à lui particulières, au nombre desquelles l'espoir de se faire présenter au grand «Prisonnier» ne fut peut-être pas celle qui l'influença le moins. On nous permit bien de nous y arrêter, mais en nous assujétissant à toutes les mesures de précautions prescrites par le gouvernement et que l'importance du prisonnier rendait indispensables. On nous mit à l'ancre à part, et à côté d'un brick chargé de nous surveiller. Personne n'eut la permission d'aller à terre, excepté le commandant, encore dut-il se borner à une courte visite au commissaire de notre gouvernement, sans sortir de la ville de St-James, de façon qu'il se vit entièrement frustré dans son espérance. Le malheur n'était pas grand, mais le mal, c'est qu'en se décidant pour Ste-Hélène, il avait manqué les moyens de rafraîchir son équipage et de s'approvisionner. La consommation des vivres pour la suite de Napoléon et pour la garnison renforcée était si considérable que le gouverneur ne put nous céder qu'une douzaine de moutons et un ordre pour autant de tortues de mer à prendre

à l'île de l'Assomption, ce qui, pour un équipage de cent cinquante hommes, était fort peu de chose. Quant à l'eau fraîche, on ne nous permit même pas de la prendre nous-mêmes à la source, mais un signal de l'amiral ordonna de nous l'apporter de huit à dix navires mouillés dans la rade. Nous en ressentîmes bientôt les effets. Cette eau, prise à différentes époques et dans divers endroits, ayant été mêlée, ne tarda pas à se gâter; elle prit non-seulement une odeur semblable à celle des œufs pourris, mais elle devint visqueuse et nauséabonde. Les moutons et les tortues furent bientôt consommés et nous nous trouvâmes en face de rien. Pour déjeuner, du thé qui, fait avec de l'eau puante, perdait tout son bouquet, puis de la cassonade et du biscuit complètement vermoulu. Pour dîner, de la vieille viande salée en barrique depuis trois ans, du riz entremêlé de petits vers blancs et de la mélasse. Au troisième et au quatrième repas, nous avions encore, pour changer, du thé et de la viande salée. Ce genre de nourriture, par les fortes chaleurs que nous avions à cette époque, produisait une soif dévorante qu'il était impossible d'étancher avec le liquide repoussant que nous ne recevions encore que par rations. A la fin, on frissonnait à l'approche de l'heure du repas; l'idée seule de ce qui nous y attendait provoquait des nausées, et pourtant, il fallait manger pour ne pas mourir de faim. Songez, Messieurs, que l'heure du dîner est, pour la plupart des individus, la plus agréable de la journée, que c'est le moment où les membres de la famille et les amis se réunissent en oubliant tous les soucis; pensez au plaisir avec lequel chacun s'assied à sa table, son repas ne consistât-il qu'en un seul plat, et opposez à cela les figures allongées, la mauvaise humeur, le silence morne avec lesquels, un à un, pas à pas, nous nous dirigions vers notre table, et vous vous ferez une idée assez juste de notre situation d'alors. Lorsqu'on réussissait à harponner une bonite ou un albicore, ou qu'un vol de poissons-volants venait s'échouer sur le pont, c'était une fête générale, bien que chacun ne profitât que d'une bouchée peut-être de pareille aubaine qui devait être par-

tagée entre le commandant, les officiers et l'équipage. La chair coriace et sentant le poisson, des oiseaux de mer, n'était pas non plus dédaignée.

Pour comble de malheur, la traversée de l'île de Ste-Hélène aux Açores fut des plus défavorables, à cause des vents du Nord que nous rencontrâmes près de la Ligne, peut-être en partie aussi à cause d'une erreur de calcul. Nous nous approchâmes si près de la côte d'Afrique que la sonde n'indiqua plus que quatorze brasses de profondeur. Obligés de revenir en arrière, nous tombâmes dans une zône de calmes et de ce qu'on appelle des «brises folles», c'est-à-dire de vents très faibles, variant constamment, et avec lesquels il était impossible d'avancer de plus de quinze à vingt milles marins par jour. Jamais patience d'homme n'a été soumise à de plus rudes épreuves! — Je me souviens d'une surprise qui se produisit pendant ce laps de temps. En ouvrant un jour une barrique de viande, on y découvrit au lieu de viande de la choucroûte que depuis un an nous considérions comme complètement consommée. O délices! la joyeuse nouvelle se répandit en un clin d'oeil comme une traînée de poudre d'un bout du navire à l'autre. Officiers, matelots, et jusqu'au commandant même, se réjouissaient d'avoir encore une fois du schtchi à leur table. — Ce temps d'épreuves dura près de deux mois et demi. — A notre arrivée à l'île de Fayal, il y avait près de cinq mois qu'aucun de nous n'avait mis le pied à terre. — L'idée qu'on se trouve sur une base mobile s'enracine à tel point, qu'on éprouve une certaine frayeur à s'approcher d'un canal, par exemple, qui n'est pas garni de parapets, de crainte qu'un mouvement soudain ne vous y fasse tomber; ou bien encore, lorsqu'on voit un verre près du bord d'une table, on est instinctivement porté à le pousser vers le milieu.

Si le manque de vivres frais est pénible à supporter, la privation d'eau fraîche l'est infiniment plus. Je ne veux pas parler de cette effroyable agonie que de malheureux naufragés éprou-

vèrent quelquefois du manque absolu d'eau douce. Les cas exceptionnels ne se produisent guère, heureusement, dans le cours ordinaire des choses; mais il suffit d'être mis à la ration de deux bouteilles par jour pour tous les usages, ce qui est loin d'être rare, pour être singulièrement gêné. Il ne peut plus être question alors de se laver avec de l'eau fraîche, et vous ne sauriez vous faire une idée de combien est pénible cette privation dans les commencements. Avec une réduction encore plus forte, on commence positivement à souffrir de la soif, surtout si le fait se produit dans un climat chaud. On a vu des marins pour se soulager, se mettre du plomb dans la bouche, ce métal produisant une forte salivation et calmant pour quelque temps le sentiment ou plutôt la sensation de la soif.

Les inventions modernes et les perfectionnements qu'on introduit chaque jour dans tout ce qui concerne la navigation rendent plus rares actuellement tous les accidents de ce genre. La méthode de conserver les aliments dans des boîtes en fer-blanc, imaginée, si je ne me trompe, en Angleterre par Donkins, offre aux marins une grande ressource. On en prépare maintenant une grande quantité, tant en Angleterre qu'en France, et on ne se borne plus à préparer, comme au début, des soupes et des légumes, mais on met en boîtes tous les plats de luxe imaginables, tels que dindes truffées, etc., etc. C'est surtout en France qu'on s'en occupe, et je sais que certains gourmands en faisaient même venir ici, jusqu'à ce que, au désespoir de tous les gastronomes, leur importation fut prohibée de peur que de faux assignats ne s'introduisissent sous le titre de «pâté froid». Ces conserves qui, dix ans après leur fabrication, se trouvent tout aussi fraîches qu'au premier jour, sont donc une excellente chose; mais, pour le marin, elles sont plutôt un objet de luxe qu'une garantie contre le besoin. Leur prix élevé empêcherait tout d'abord d'en composer l'approvisionnement d'un navire; de plus, comme jusqu'aujourd'hui, on ne les prépare qu'en Europe et presque exclusivement en Angleterre et en France, il serait impossible, même au prix des plus

grands sacrifices pécuniaires, de s'en approvisionner pour une longue navigation.

Depuis que l'on a commencé à carboniser l'intérieur des pièces à eau, et surtout depuis l'introduction des caisses en fer, on souffre beaucoup moins de la mauvaise qualité de l'eau; ces dernières donnent en outre la facilité d'en prendre une beaucoup plus grande quantité. A l'époque de mon dernier voyage, les «water tonns» n'étaient pas encore d'un usage général; je n'en avais pas, mais avec la précaution de carboniser et de nettoyer à neuf toutes les pièces une ou deux fois par an, notre eau était presque toujours bonne. J'en avais même rapporté quelques pièces auxquelles on n'avait pas touché pendant trois ans et demi, et l'eau s'y trouvait tout aussi bonne que le premier jour. Seulement, elle avait pris une couleur jaune pâle provenant probablement du bois de chêne. J'en ai distribué à cette époque quelques bouteilles parmi mes connaissances, à titre d'objet de curiosité. Il faut observer, du reste, que c'est le propre de l'eau de la Néva de se gâter d'abord assez rapidement et de s'améliorer ensuite pour ne plus se corrompre.

Dans les bassins en fer, l'eau ne pourrit jamais, mais elle s'imprègne tellement d'oxyde de fer qu'il est presque impossible de la boire sans la filtrer. Filtrée, elle redevient parfaitement pure et bonne. La découverte d'une bonne méthode pour rendre l'eau de mer potable serait un grand bienfait pour les marins. Ce problème occupe depuis longtemps les physiciens; mais, tous les projets proposés jusqu'à ce jour présentaient quelque inconvénient qui les rendait impraticables. C'est encore là un «desideratum.» L'expérience doit prouver jusqu'à quel point l'invention du carboleum avancera la question.

Il est impossible d'énumérer toutes les petites misères qui enveniment la vie d'un marin. Il en est auxquelles on ne penserait pas dans la vie ordinaire. J'en citerai un ou deux exemples. Croiriez-vous, Messieurs, que la solidité même de sa barque puisse être pour lui une source de vexations? Je dois vous dire

que le navire le mieux construit laisse toujours entrer par les coutures une petite quantité d'eau que l'on évacue par les pompes à des intervalles plus ou moins éloignés. Il en reste toujours, vers le milieu du navire, quelques pouces que les pompes ne peuvent plus chasser. Or, lorsqu'il n'y a pas trace de cette voie d'eau inappréciable, ce qui arrive, quoique rarement, à des bâtiments neufs, ou qu'elle est trop faible, et que cette eau restante ne se renouvelle pas, pour peu qu'on n'y prenne pas garde, elle devient, surtout par un temps chaud, putride, et empeste tous les coins du vaisseau, au point d'en être importuné à chaque heure du jour et de la nuit. Pour faire disparaître le mal, on est obligé de verser dans la cale de l'eau de mer, de la pomper, d'en verser encore, de la pomper de nouveau et de continuer ce travail quelquefois pendant plusieurs jours consécutifs avant que le fond de la cale se trouve suffisamment vidé et le vaisseau désempesté.

Un autre genre de fléau dont nous avons à souffrir, c'est la vermine de différentes espèces. Je ne parle pas de cette espèce de vermine à laquelle il est facile d'échapper en portant une attention rigoureuse à la propreté des individus aussi bien qu'à celle du navire, mais il en reste assez d'autres pour nous tourmenter, le Cancrelas, par exemple. C'est un animal dégoûtant, chacun le sait, mais, dans la vie ordinaire, personne ne s'en soucie, car dans nos demeures proprement tenues, il ne dépasse pas les confins de la cuisine. Mais, à bord d'un vaisseau, une fois qu'il s'y est introduit, et il est terriblement difficile de le prévenir, il n'y a pas moyen d'empêcher qu'il ne s'étende partout, qu'il ne remplisse tous les coins, pourvu qu'il fasse un peu chaud. Figurez-vous que vous travailliez à la bougie dans votre petite cabine (cet animal n'aime pas le jour) dont les murs paraissent être vivants par la quantité de cancrelas dont ils sont couverts et qui, par leurs allées et venues continuelles, produisent un certain bruit sourd, — que de temps à autre votre lecture est interrompue par un cancrelas qui vous tombe sur le nez, — ou qu'un autre vienne traverser votre plume au moment où vous écrivez;

ou bien, vous trouvant à table, un de ces insectes tombe dans la cuiller que vous portiez à votre bouche, — ou que votre sommeil soit troublé par le parasite qui vous entre dans l'oreille, — vous conviendrez, Messieurs, que cela puisse être un fléau tout aussi insupportable que les moustiques des rives de l'Orénoque. Cette plaie disparaît comme par enchantement, on ne sait ni où ni comment, dès que la température s'abaisse au-dessons d'un certain point, et, si l'on reste quelque temps dans un climat froid, on s'imagine en être complètement débarrassé; où se cachent-ils? mais quelques jours de chaleur suffisent pour le ressusciter. Il existe aux Indes une autre espèce de ce repoussant insecte, la «blatta orientalis» de la longueur d'un pouce et demi à deux pouces, de forme oblongue et munie d'ailes. Quant à celle-là, lorsqu'elle prend possession d'un navire, ce n'est plus un simple désagrément qui ne tire pas à conséquence comme les cafards, mais c'est une véritable calamité, semblable aux sauterelles pour les campagnes, car ils peuvent détruire toutes les provisions sèches: sucre, fruits secs, biscuits, légumes, gruaux, etc.; ils pulvérisent tout; tout devient un tas de poussière entremêlée de ravets. Ils attaquent en outre tout ce qui est un peu huileux; ils vous détruisent bottes, souliers, et toutes les parties analogues de vos vêtements; ils vont jusqu'à s'en prendre à votre corps même, car il n'est pas rare de trouver à son réveil un cancrelas à chacun des doigts, occupé à vous ronger les ongles. Les vaisseaux qui naviguent dans les Indes redoutent tellement ce fléau qu'ils prennent toutes les précautions possibles pour l'éviter. Je ne puis encore penser, sans avoir la chair de poule, à un moment de frayeur que j'eus à mon départ de Manille en 1829. On avait, comme toujours, pris les précautions d'usage contre l'invasion des insectes. Pas un morceau de bois n'avait été reçu à bord sans avoir été rincé dans la mer; tous les effets apportés avaient été examinés scrupuleusement. Malgré ces précautions, entrant un soir, une lumière à la main, dans un petit cabinet contigu à ma cabine, je vis toute une rangée de longues moustaches

sortant d'une fente entre les planches du pont. Je fis immédiatement venir mon calfat et je fis calfater la fente, condamnant ainsi les intrus au supplice des Vestales; par un bonheur providentiel, c'étaient les seuls qui eussent paru; sans quoi une seule femelle fécondée eût suffi pour infester tout le navire au bout d'un mois. En 1781, une frégate espagnole, la Princesse, en fut tellement incommodée que le capitaine Maurelle, qui la commandait, voyant tout son pain disparaître, et ne sachant plus à quel saint se vouer, les fit conjurer à plusieurs reprises par son aumônier; mais il ne paraît pas qu'il en tira le moindre résultat satisfaisant. Maurelle va jusqu'à affirmer que les cancrelas lui avaient criblé ses futailles d'eau jusqu'à les mettre hors de service; mais il est plus probable que ce dégât fût occasionné par un autre ennemi dont nous avons à souffrir quelquefois: les rats. Qui pense aux rats ici? Ce sont tout au plus les ménagères. A bord des navires ils deviennent des personnages beaucoup plus importants, en attaquant, contrairement aux blattes, principalement les liquides. Tourmentés par la soif et conduits par l'odorat, ils rongent les barriques à eau ainsi que les futailles contenant les autres liquides, parviennent à les percer et le contenu de pièces entières se répand dans la cale après avoir servi à désaltérer un rat! Il est arrivé même qu'ils parvenaient à percer d'outre en outre la muraille d'un navire et à lui occasionner des voies d'eau dangereuses. Vous concevez bien, Messieurs, tous les risques que court un navire en présence d'une armée, non pas de centaines, mais de milliers de pareils ennemis. On a été obligé parfois de fixer aux rats une ration d'eau qu'on mettait dans des vases placés de distance en distance pour les empêcher de continuer leurs dégâts.

L'amiral Lazaref s'est trouvé une fois dans une pareille situation à bord du «Souvorof», il y a environ trente ans. On comprendra maintenant pourquoi un bon et respectable chat est l'hôte indispensable de tout vaisseau bien organisé, et pourquoi, favori de chacun, il est tellement choyé. Pour débarrasser un

navire des rats, une fois qu'ils en ont pris possession, il n'est pas d'autre moyen que de le décharger complètement et de le fumiger. Autrefois, pour arriver au même résultat, on le remplissait d'eau, au risque de le rendre humide pour tout le reste de son existence.

Vous voyez donc, Messieurs, que de petits désagréments, auxquels on ne prête pas la moindre attention dans la vie ordinaire, deviennent de grands inconvénients ou même de véritables calamités dans la vie d'un marin. Et cependant, il faut avoir passé par tout cela, ou à peu près, avant de pouvoir se dire qu'on s'y soit fait, qu'on n'est plus novice.

Je n'ai pas encore parlé des difficultés et des fatigues du service proprement dit. Le service d'un marin est un élément si essentiel de son existence qu'il est impossible de séparer l'un de l'autre. Ces fatigues sont parfois très grandes. Je dis «parfois», car le marin, lui aussi, se repose quelquefois sur ses lauriers. Naviguant dans la belle saison, par ex. avec un vent favorable et modéré, par un beau temps, il n'a presque rien à faire. Mais l'approche de l'équinoxe ne le ramène pas toujours au port. L'automne, l'hiver le trouvent encore luttant contre les éléments.—Vous frissonnez involontairement, en dépit d'un bon feu dans votre cheminée, lorsque, par une nuit d'automne, le vent fouette vos fenêtres jusqu'à les faire trembler. Avez-vous jamais pensé alors au pauvre marin, obligé précisément, dans de pareils moments, à s'exposer à toute la fureur des éléments pour mettre son vaisseau en sûreté. Assourdi par le mugissement du vent et des vagues, la figure coupée jusqu'au sang par le grésil, les doigts roidis par le froid, le marin est obligé de courir au haut des mâts pour réduire ou serrer entièrement une voile qu'on ne peut plus tenir larguée sans danger; et cela, il doit le faire au milieu de ténèbres qui ne lui permettent pas de distinguer ses propres mains et qui ne lui laissent retrouver son chemin au milieu des diverses manoeuvres que grâce à une espèce d'instinct Perché plutôt qu'assis à cent pieds de haut, au bout d'une vergue,

d'un arbre horizontal mal affermi, qui le fait, avec chaque mouvement de roulis, parcourir dans l'air un arc de 30 à 40 degrés avec une vitesse de 15 à 20 pieds par seconde; c'est dans une pareille position qui donne le vertige rien que d'y penser, qu'il doit maîtriser une toile de deux mille pieds carrés, fouettant furieusement l'air, et à chaque coup de ce fouet vous entendez comme un coup de canon qui fait trembler non-seulement la mâture, mais encore le navire, et menaçant de tout emporter. Les efforts réunis de cinquante hommes robustes pendant une heure suffisent à peine pour venir à bout de pareille besogne. Ce fut un moment semblable à celui-là qui donna naissance au proverbe:

Кто въ морѣ не бывалъ, etc.

Les gens descendent des mâts, exténués, grelottant, les [illegible] des doigts écorchés, le sang coulant de dessous les ongles.

Le travail dont je viens de retracer l'esquisse, qui n'est rien moins qu'extraordinaire, qui, dans la mauvaise saison, peut se renouveler chaque jour, même plus d'une fois par jour, ce travail est échu exclusivement en partage aux matelots et aux q[illegible] tiers-maîtres. Mais il y a des cas extraordinaires, des mor[illegible] critiques où les officiers doivent payer de leur personne pour encourager l'équipage par leur propre exemple et s'exposer aux mêmes risques. Nous avons même vu un amiral monter dans les hunes, la hache à la main, pour couper les haubans et faire tomber les mâts de hune; la sureté du navire l'exigeait.

Il ne s'ensuit pas cependant que, dans les temps ordinaires, les officiers n'aient rien à faire. Toute la sûreté du navire dépend du savoir-faire, de la justesse de coup d'œil, du sang-froid et de la décision du lieutenant qui commande la manœuvre. Il serait difficile, pour ne pas dire impossible, de rendre la chose tout-à-fait claire sans entrer dans des développements et des détails qui seraient hors de place ici. Mais, pour vous donner cependant une idée de l'importance de sa fonction, je remarquerai seulement que pendant l'opération de prendre les ris aux

huniers, une petite négligence dans la manière de tenir une corde qu'on appelle «bras du hunier» peut exposer les 30 ou 40 hommes qui travaillent sur la vergue à être précipités dans la mer, ou même le mât d'aller par dessus le bord. Quelle immense responsabilité! On peut en dire autant de l'attention qu'il doit porter au gouvernail, etc., etc.

En observant la marche des manœuvres à bord d'un vaisseau, si tout avance avec facilité et système, ou si l'équipage se fatigue avec des efforts inutiles, on juge du plus ou moins d'esprit d'ordre et de prévoyance du lieutenant de quart, au point que, dans une escadre, on devine la plupart du temps d'après ces indices quel est l'officier qui commande à bord de tel ou tel vaisseau.

Le travail fini, tout le monde pense à se reposer, excepté le lieutenant dont les soucis ne finissent qu'avec son quart. Il continue à veiller à tout; il doit observer les moindres changements du vent, tant pour la direction que pour la force; si la mer ne devient pas plus forte, si les canons, les chaloupes, les ancres, la mâture sont bien affermis, si les pompes sont en ordre, si les vigies sont attentives; plus le temps est mauvais, plus il doit être éveillé; et je vous certifie, Messieurs, que quatre ou six heures de la nuit passées de cette manière valent bien une bonne bataille. Mais aussi, la jouissance de se retrouver dans sa cabine après avoir été relevé lorsque la cloche a sonné, le plaisir de se débarrasser de ses vêtements et de son linge trempés d'outre en outre, de s'étendre dans son hamac sous une bonne couverture, ce plaisir et cette jouissance, dis-je, ne peuvent être compris que par celui qui les a éprouvés lui-même; tous les soucis sont oubliés, on ne songe plus qu'à bien dormir.

On a souvent comparé, sous le rapport des fatigues, le service de mer à celui de terre, et les opinions sur cette question sont des plus variées; lequel des deux est le plus pénible? Mon opinion à moi est que, malgré tous les désagréments que je viens de vous exposer, l'avantage est décidément de notre côté. Nous ne savons rien de ces bivouacs dans la boue où l'on est exposé à

toutes les intempéries de l'air après une marche de 20, 30 ou 40 verstes, où l'on ne se procure le moindre feu qu'en démolissant les chaumières des malheureux habitants. Nous avons, il est vrai, des moments très pénibles à supporter, mais, ces moments passés, chacun retourne à son tour dans son hamac pour y rétablir ses forces.

Peut-être serait-ce ici la place de parler des coups de vent, des ouragans, des avaries, etc., qui, bien qu'accidentellement, font cependant partie de la vie du marin. Mais, comme il n'y aurait que deux manières de le faire, ou en en parlant techniquement, ce qui serait le plus sûr moyen de vous endormir, ou en empruntant le langage des poètes, ce qui n'est pas du tout mon fait, je m'abstiendrai. Je m'arrêterai cependant un instant pour combattre une idée souvent émise. Il est des personnes qui veulent à tout prix trouver une poésie infinie dans notre métier en général, et dans les luttes que nous avons parfois à subir contre les éléments en particulier. Rien de plus faux à mon avis; je n'ai jamais su découvrir un côté poétique à tout cela, au moins dans la sphère de mon expérience personnelle. Je n'ai jamais essuyé d'ouragan véritable et j'ajouterai que je n'ambitionne pas beaucoup d'en faire jamais l'essai. Je peux toutefois m'imaginer que l'on ne doit pas trouver la situation bien poétique quand les mâts sont tombés, le navire sur le flanc et sur le point de couler bas. Ce peut être là un admirable sujet pour le pinceau d'un Huggins ou d'un Schotel, mais, au point de vue du marin, je les prie de m'excuser si je ne partage pas leur enthousiasme. Qu'un Virgile, un Camoëns dans sa grotte de Macao, un Byron dans ses promenades nocturnes sur les bords du lac de Genève ou du golfe de Venise, aient pu faire de très beaux vers sur les éléments en tumulte, je ne m'en étonne nullement depuis qu'un de nos poètes les plus distingués m'a très sérieusement affirmé qu'il ne trouvait rien de plus poétique qu'un chasse-neige. Mais, avant qu'un courrier traversant les steppes de la Russie méridionale pendant un ouragan en convienne, on me permettra de

considérer un «bourane» (буранъ) ou une tempête sur mer comme la chose la plus prosaïque du monde, sauf cependant le «calme plat». Le mouvement paraît être un élément si essentiel de la vie, qu'une tranquillité absolue, sous n'importe quelle forme, est toujours l'image de la mort; à plus forte raison pour un marin, pour qui le mouvement est, sous un double rapport, une condition nécessaire de la vie. Quelqu'un, je crois que c'est Chamisso, a dit que s'il veut contraindre sa fantaisie à lui trouver une situation sur mer plus affreuse que l'ouragan, le naufrage ou l'incendie, elle lui présentera un navire tombé dans un calme plat, sans espoir d'en jamais sortir; et il a raison:

Tiefe Stille herrscht im Wasser,
Ohne Regung ruht das Meer
Und bekümmert sieht der Schiffer
Glatte Fläche rings umher.
Keine Luft von keiner Seite!
Todesstille, fürchterlich!
In der ungeheuren Weite
Reget keine Welle sich.

Que le sujet doit être stérile, même quand la muse de Gœthe n'y a pu trouver de l'inspiration que pour les huit vers que je viens de citer! Quant à moi, je pense que la meilleure description d'un calme, c'est le silence; et comme c'est en même temps la plus courte et la plus commode, je m'y tiens . . .[1]).

. . . Un seul, parmi tous, fait exception à cette règle, c'est le commandant. Pour lui seul, les soucis et la responsabilité ne cessent jamais; à lui seul il arrive de ne pas ôter ses vêtements pendant plusieurs mois consécutifs, de ne connaître d'autre lit que sa chaise, de passer plusieurs nuits blanches, de ne pas

[1]) Тутъ въ рукописи перерывъ, и написано по русски слово «купанье». Вѣроятно предполагалось описаніе купанья въ морѣ, къ которому относятся слѣдующія за тѣмъ строки. *В. Б.*

quitter le pont. Mais, je me trompe, il y a encore quelqu'un dont les soucis dépassent ceux du commandant de vaisseau, c'est l'amiral commandant la flotte. Ce serait une étude à traiter à part. Je ne parle pas des difficultés comparatives des deux services. Il est notoire qu'un matelot ne consentira jamais à devenir soldat, tandis que le soldat ne refusera pas de s'embarquer. Sur un vaisseau, il peut s'épargner une marche de plusieurs semaines au prix d'un peu de mal de mer. Le détachement de la Garde Impériale qui prit part à la réunion de Kalisch en 1835 en fournit un exemple assez curieux. On le transporta de Cronstadt à Dantzig à bord d'une division de la flotte baltique. La traversée ne fut pas des plus favorables. Les gardes souffrirent beaucoup, maudirent la mer et les marins et leur propre existence. Débarqués à Dantzig, ils jurèrent qu'ils consentiraient plutôt à faire dix campagnes que de se confier une seconde fois au perfide élément. A la fin des manœuvres, au mois de septembre, l'Empereur fit dire aux troupes qu'il leur laissait le choix de faire le voyage de retour complètement par terre ou de se rembarquer à Dantzig. Tous, d'une commune voix, optèrent pour le voyage par mer. Réflexion faite, ils avaient trouvé que tout ce qu'ils pouvaient souffrir sur mer n'était rien en comparaison des fatigues d'une marche de deux à trois mois.

Enfin, le marin se fait à toutes les misères de son existence, après une campagne ou après dix, mais il s'y accoutume. Mettant à profit son expérience, il tâche de se prémunir contre toutes les éventualités possibles; ce qui lui en arrive nonobstant, il l'accepte avec une quiétude toute philosophique, comme un mal inévitable, comme un goutteux accueille les attaques périodiques de sa maladie, ou comme nous autres, Pétersbourgeois, nous voyons arriver le dégel au mois de janvier ou le froid au mois de mai. Il est cependant une chose inhérente à son existence à laquelle il ne peut jamais se faire, c'est là du moins ma conviction intime (parce qu'elle répugne à la nature même de

l'homme), — c'est la monotonie éternelle de sa vie et l'absence de tout ce qui en constitue la poésie.

Ni le bonheur solide du foyer domestique, l'éducation des enfants, le commerce journalier avec les parents et les amis; ni les plaisirs du grand monde, les spectacles, les jeux, ni les jouissances plus nobles qui émanent de l'échange des idées avec les savants, les gens de lettres, les artistes; rien de tout cela, qui est cependant pour l'homme civilisé un élément d'existence tout aussi vital que l'air et la nourriture, rien, dis-je, n'existe pour le marin. Ce manque ne s'accuse bien parfaitement, il est vrai, que dans les expéditions de longue durée, car un voyage de peu de durée est lui-même une diversion à la vie ordinaire et on le termine avant d'avoir eu le temps de s'ennuyer. Mais lorsque pendant deux, trois ou même quatre ans on se voit entouré des mêmes objets et des mêmes figures, que pendant ces longues années on n'a eu que des relâches de dix à quinze jours après un plus grand nombre de semaines passées sous voiles, où toutes les occupations se suivent avec une régularité mécanique, lorsque l'on sait par cœur non-seulement chaque planche du pont que l'on ne cesse d'arpenter pendant huit heures sur vingt-quatre, mais encore chaque clou de ces planches, quand tout ce que l'on savait, chaque histoire, chaque anecdote, chaque évènement, a été répété et ressassé à satiété, au point que dès qu'un des commensaux ouvre la bouche, on sait déjà ce qui va en sortir, que pas une nouvelle idée ne vient rafraîchir les esprits, qu'on sait et qu'on prévoit toutes les plaisanteries, toutes les gentillesses, tous les dictons que chacun des convives a contume de lâcher à telle ou telle occasion et jusqu'aux gestes qui les accompagnent «quasi obligato»; lorsqu'il ne reste plus de livre à bord qui n'ait été lu et relu . . ., c'est alors que l'uniformité devient assoupissante pour l'esprit et qu'elle pèse sur le cœur. A la longue, elle finit par réagir sur le caractère; on s'irrite pour la moindre bagatelle; on est prêt à disputer sur la probabilité du moindre changement de vent, on boude celui qui ne veut pas se ranger à

votre opinion et en même temps on s'impatiente s'il est de votre avis. On va jusqu'à trouver impertinent que chacun se permette de porter la même tête, qu'il monte toujours sur le pont de la même manière, qu'il s'asseye à la même place, et cependant vous lui chercheriez querelle s'il se mettait à la vôtre. Toutes ces influences agissent avec une double intensité sur le commandant dont la situation est, en général, la plus pénible de toutes. Isolé comme il l'est par la nature de sa position, sans amis, sans camarades, il n'a pas même la satisfaction de disputer et de se quereller, ce qui, chez les autres, agit à la manière d'un révulsif; il est obligé, au contraire, de faire violence à ses sentiments pour ne pas décourager les autres.

Cela me conduit à dire quelques mots sur cet éloignement, cette absence de toute camaraderie entre le commandant d'un navire de guerre et ses officiers, et qu'on attribue souvent à de la morgue mal placée, en ne voyant dans chaque commandant qu'un despote qui, n'ayant pas de supérieur pour le moment, se complaît dans son isolement à faire peser d'autant plus son autorité sur les autres. En cela, on est souverainement injuste. Ce qui rend la situation d'un commandant extrêmement pénible, c'est précisément cet isolement auquel ses fonctions le réduisent à se condamner. J'ai déjà observé dans une autre occasion que la vie d'un marin est identique à son service; il n'y a pas de moment dans son existence qui n'ait quelque rapport au service. Le commandant le sent plus que qui que ce soit, et si ses officiers peuvent se permettre quelquefois d'oublier le vaisseau et la mer pour ne songer qu'à jouir du moment, le commandant ne l'ose jamais, car il ne peut jamais être certain que, quelques minutes plus tard, il ne sera pas dans le cas d'être obligé d'employer toute son autorité. Il ne doit pas s'en prévaloir à chaque instant; sa voix ne doit retentir qu'en cas d'urgence, mais elle doit agir alors comme une commotion électrique d'un bout à l'autre du navire. Il doit rester et se sentir commandant à tous les instants de sa vie, et ne se permettre d'épanchements et un

certain laisser-aller qu'avec la plus grande circonspection. Il doit en outre, s'il veut avoir de l'harmonie et de l'ordre à son bord, éloigner même le soupçon de favoritisme à l'égard de qui que ce soit; il observera donc une parfaite égalité de conduite envers tout le monde, ce qui signifie, en d'autres termes, qu'il sera vis-à-vis de tous également indifférent. Toute intimité disparaîtra entre ses officiers et lui, et l'isolement en question s'ensuivra nécessairement. Mais, je me hâte d'ajouter que cet isolement n'exclut pas le moins du monde les rapports d'une bienveillance réciproque entre le chef et les subordonnés. Si avec cela le chef n'affecte pas une sévérité et une aspérité de manières exagérées, s'il ne fait pas sentir à tout propos son autorité, s'il se montre soucieux des besoins et de la tranquillité de son équipage, s'il cherche, en un mot, à rendre son régime aussi paternel que possible, la vénération et l'attachement de ses inférieurs pour sa personne ne connaîtront plus de bornes et dureront longtemps encore après le terme de leur service commun. Nous voyons tous les jours des matelots, des maîtres en congé recourir à leurs anciens chefs d'il y a quinze à vingt ans dans toutes les difficultés qu'ils rencontrent.

Cette monotonie est beaucoup moins sensible lorsqu'on navigue en compagnie d'un autre navire. La vue seule de votre compagnon, vous rappelant que vous n'êtes pas seul en ce monde, vous distrait. On se fait des signaux, on converse, on se communique des «nouvelles» par le moyen du télégraphe. Lorsque le temps le permet, on se fait des visites, on invite des camarades à dîner, on va passer la journée chez eux. On a de quoi se consoler. Rien de tout cela quand vous naviguez seul et l'uniformité vous écrase de tout son poids.

Quels sont donc les moyens, soit pour le commandant, soit pour ses inférieurs, d'animer cette monotonie, d'embellir tant soit peu une pareille existence? Je n'en connais qu'un, le travail. Travaillez sans discontinuer, travaillez toujours, variant le travail autant qu'il est possible pour le rendre moins fastidieux,

donnant quelques heures à l'exercice en plein air, et revenant de nouveau au travail comme au pain quotidien. Nul ne comprend, aussi bien que le marin, le poète qui, après avoir vu se dissiper toutes ses illusions, ne retrouve son bonheur que dans les bras de l'amitié et le travail. Mais il y a cette différence entre nous et lui, que ce n'est pas pour conjurer «les orages de la vie» que nous invoquons le génie du travail, mais pour en varier le «calme plat.» Heureux alors celui qui, depuis ses plus jeunes années, a compris la valeur et les puissances du travail; il trouvera toujours ses ressources en lui, tandis que celui qui ne sait remplir les intervalles entre les quarts, les repas et la pipe, que par le sommeil, devient effectivement un être à plaindre. En voyant ces malheureux gémir, pour ainsi dire, sous le poids de l'ennui, conséquence nécessaire du désœuvrement, on s'étonne moins de les voir s'abandonner quelquefois à de mauvais penchants et même à des vices.

Il est assez curieux de remarquer comment ces différentes habitudes s'affirment dès les premiers jours du voyage. Il se forme deux coteries; les travailleurs et les fainéants. Les premiers sont poursuivis par des sobriquets de savants, de journalistes, de faiseurs de protocoles, et deviennent souvent les souffre-douleurs des derniers, surtout s'ils sont en minorité. Cette scission devient encore plus accusée s'il y a des naturalistes à bord; ceux-là risquent beaucoup de devenir les bêtes noires des autres, si le commandant ne les appuie pas de toute son autorité. On leur fait différentes niches, on leur gâte leurs collections, on leur ôte tous les moyens de travailler. Le comte Tolst . . . par exemple, qu'on plaça auprès du chamb. Rez . . . comme cavalier de l'ambass . . . parce qu'on ne pouvait plus le souffrir à St.-Pétersbourg, se plaisait à faire des rôtis des singes et autres animaux appartenant à M. M. Til . . . et Land . . . Il y avait quelques indices d'un pareil esprit sur le navire au début de notre voyage. Il arrivait quelquefois à Mr. M. de trouver sous son microscope des animaux qu'on nous fait voir quelquefois au moyen

d'un microscope solaire, mais qu'on ne trouve pas ordinairement parmi les mollusques . . . Mais la bonne cause triomphe, à la longue, chez nous et maintenant encore, après quinze ans, je ne puis encore me rappeler sans émotion l'esprit de travail qui régna parmi nous, le zèle avec lequel chacun cherchait à seconder l'autre, et qui ne se bornait pas aux seuls officiers, mais s'étendait jusqu'au dernier des matelots qui, avec une assiduité assez comique, venaient offrir aux naturalistes tout ce qu'ils trouvaient d'un peu extraordinaire, soit en mer, soit dans leurs excursions à terre.

Il faut dire, du reste, que le travail n'est pas toujours un remède contre les ennuis d'une longue navigation. Il y a des caractères qui ne les supportent pas, qui, après avoir lutté longtemps, finissent par succomber, tombent dans l'hypocondrie, et subissent même une sorte d'aliénation mentale. C'est un fait remarquable que presque toutes nos expéditions lointaines ont à citer un ou plusieurs cas de cette nature, depuis le suicide de l'infortuné lieutenant Golov . . . à l'île de St.-Hélène, jusqu'à la mienne. Mon premier lieutenant, le plus actif et le plus intelligent de mes officiers, qui conduisait toutes mes opérations hydrographiques tomba, à notre seconde arrivée à N . . . dans une telle hypocondrie que j'ai été obligé de le renvoyer en Russie. A bord de la Kamtka, en 1819, nous eûmes même deux cas: notre peintre, qui perdit entièrement la raison pour ne plus la retrouver, et Mr. Wormskiold, le fameux botaniste . . .

L'équipage, qui n'est pas moins oppressé que les officiers par la monotonie de la vie, mais qui ne trouve pas la même ressource dans les occupations intellectuelles, a besoin d'être occupé et amusé même par d'autres moyens; un commandant consciencieux ne négligera rien pour atteindre ce but. C'est principalement lorsqu'il y a à bord beaucoup de recrues ou de soldats qui, dans une situation tellement insolite pour eux, sont facilement saisis par la nostalgie et le découragement, qu'il est urgent de prendre ces précautions. L'amiral Bell. me raconta qu'ayant

une fois des troupes à transporter dans quelque port de la mer du Nord et rencontrant, dès les premiers jours, un vent contraire soufflant avec violence, les soldats furent complètement démoralisés; on les voyait dispersés dans tous les coins du navire, assis ou prosternés dans un état indicible d'apathie ou de stupeur. Pour les en tirer, monsieur B. rassembla les musiciens du régiment et fit jouer une polonaise; chaque matelot choisit une dame parmi les soldats et il se forma une longue queue sur le pont. Cela parut tellement comique à tout le monde qu'une gaîté générale envahit le bord et que les soldats reprirent courage.

Concevant par une espèce d'instinct l'importance des distractions, les marins prennent soin eux-mêmes de s'en procurer. Il est fort rare que, parmi un équipage tant soit peu nombreux, il ne se trouve pas un ou plusieurs «loustics» sachant faire rire leurs camarades par des gentillesses de leur façon . . . Quelquefois aussi, des jongleurs ou des acrobates rassemblent, lorsque le temps le permet, de nombreux groupes de rieurs autour d'eux. Ils ont aussi plusieurs jeux exigeant de la force ou de l'adresse. Une récréation favorite du matelot russe, ce sont les chants nationaux, si mélodieux, si touchants, quelquefois aussi très bruyants, qui font vibrer le coeur de chacun; ce sont des amis de la plus tendre enfance. Nous nous efforçons d'encourager toutes ces distractions, surtout la dernière.

Un bon commandant cherchera toujours à former un bon chœur de chanteurs en le munissant d'un cor russe, d'un tambour de basque et d'un triangle; il ne manquera pas non plus de leur faire distribuer de temps à autre une ration «extra» d'eau-de-vie.

Un excellent divertissement encore pour les gens du bord, divertissement manquant du reste rarement, est une «bête favorite», chien, chat ou pourceau. Mais, de tous les animaux de la création nul ne remplit mieux ce but qu'un singe. Cet animal, repoussant d'ailleurs, et dont toutes les farces paraissent dictées par l'intention de nuire à l'homme dont il est une parodie humi-

liante, de le vexer et de l'impatienter, assaisonne cependant toutes ses malicieuses manœuvres d'un tel fond de drôlerie qu'il n'est pas de stoïque sérieux capable d'y résister, et celui-là même qui en est la victime momentanée ne peut s'empêcher de prendre part à l'hilarité générale. Lorsque, par exemple, il s'empare du peloton de fil du voilier et que, se perchant sur l'extrêmité du bâton de foc, il commence très posément à le dévider, ricanant de satisfaction, ou qu'il accapare le sifflet du quartier-maître, le laissant ensuite tomber du bout d'une vergue dans la mer, ou bien encore qu'il se mette à feuilleter les «Requisite Tables» qu'il vient de soustraire au pilote, et que, déchirant feuille après feuille, il les flaire comme pour découvrir si ce sont les logarithmes des sinus ou ceux des nombres naturels qui exhalent le meilleur parfum. S'il se met en tête d'user de bonhomie, il est encore, si possible, plus divertissant. Quoi de plus comique par ex. que, lorsque trouvant un pourceau étendu au soleil, il se met à lui gratter le ventre! C'est une source intarissable de gaîté, et celui qui rit ne broie pas de noir. Le capitaine Hall, dans ses délicieux fragments, dit qu'un singe devrait être, de rigueur, porté sur les contrôles de tout bâtiment, comme membre indispensable de la communauté, et percevoir sa ration à l'égal des autres.

Jamais le besoin d'occuper et de distraire un équipage ne fut senti plus vivement, et jamais cette tâche importante ne fut accomplie avec plus de talent que pendant les longs hivers passés par les voyageurs anglais dans les régions polaires. Le premier hivernage du capitaine Parry surtout en présente un exemple mémorable comme premier essai d'une pareille entreprise. Il avait établi une école que même de vieux matelots fréquentaient volontairement. Leur théâtre était un fonds inépuisable de divertissements. L'idée de publier une gazette hebdomadaire (The N. Georgio Gaz. and Wint. Chron.), idée anglaise par excellence, fut mise à exécution avec une persévérance, une suite et un talent dignes d'admiration. Elle se trouva être d'une très grande

ressource en occupant utilement toutes les têtes, soit à préparer les articles, soit à les lire et à les discuter. Il est presque incroyable qu'un petit cercle, composé exclusivement de matelots au choix desquels n'avaient nullement présidé leurs talents littéraires, ait pu produire une publication qu'après bien des années on lit encore avec le plus vif intérêt.

La vie des marins serait beaucoup moins monotone si le principal ornement de la société, les femmes, n'étaient pas exclues de leur communauté; mais la nature du service l'exige. Si chacun voulait avoir à bord sa femme et ses enfants, où les placerait-on. Et quel joli sabbat! Et si cela devait être le privilège exclusif de quelques-uns, comme du commandant ou des officiers qui lui sont immédiatement inférieurs, cela ne contribuerait en rien au bonheur des autres et pourrait cependant amener des intrigues et d'autres complications. Pour toutes ces raisons et pour d'autres encore, le séjour des femmes à bord des navires de toutes les marines n'est permis qu'à titre exceptionnel et toujours par ordre spécial. Cependant pendant la guerre des Anglais contre les Français où l'on voyait des officiers, tant supérieurs que subalternes, ne pas quitter le navire pendant nombre d'années, il n'était pas rare de voir des femmes faire toutes les campagnes avec leurs maris. Nous avons eu un exemple de ce genre dans l'épouse en premières noces de l'amiral Cr. . ., qui ne le quittait jamais, qui a assisté à plusieurs combats, occupée à panser les blessés, et qui reçut une médaille de l'Impératrice Catherine.

Après avoir énuméré tous les côtés désavantageux de notre métier, il est de toute justice de vous en montrer aussi la face opposée, propre à le faire envisager sous un jour moins défavorable. Ce sera la lumière du tableau dont je n'ai tracé jusqu'ici que les ombres. Le service de la marine, la vie sur mer ont plusieurs avantages importants qui leur sont propres et qui contrebalancent, en quelque sorte, tout ce qu'ils ont de pénible et de fastidieux. Si nous sommes privés des plaisirs de la société,

nous n'en connaissons pas non plus les mécomptes; il n'y a pas d'intrigues entre nous, pas du moins qui puissent rester longtemps ignorées, ni tirer à quelque conséquence tant soit peu sérieuse. Si nous sommes sujets parfois à de grandes privations, nous le sommes tous également; nous ignorons l'indigence, les soucis de la vie, l'inquiétude pour le lendemain. Un grand avantage de notre métier est que la ligne de devoir de chacun est clairement tracée, que rien ne tente de vous en écarter, comme cela arrive tous les jours dans le monde. Le service de la mer ne permet pas de négliger un instant son devoir, sans que la punition soit immédiate. La satisfaction, le repos de l'âme que donne la conscience du devoir accompli, devient un sentiment naturel pour le marin, et je vous le demande, messieurs, y a-t-il beaucoup de conditions dans ce monde qui, naturellement et presque nécessairement, mènent l'homme à cet état de satisfaction intime? Les dernières paroles de l'amiral Nelson, ce prototype du véritable marin, exprimèrent d'une manière touchante cette idée prédominante de la profession. «Thank God! I have done my duty». En disant cela, son âme quittait sa débile enveloppe. Aucune profession ne conduit comme la nôtre à former ces liens d'amitié qui durent autant que la vie. Dans aucune autre on n'est mis tellement en contact avec son camarade, dans aucune autre on n'a autant d'occasions de connaître son caractère et de l'étudier sous toutes les faces. A bord du vaisseau tout est en commun, peines, dangers, tribulations et jouissances. Tout cela fait que pour peu que l'on découvre dans son entourage un esprit de même nature que soi, on est irrésistiblement attiré vers lui; une amitié indissoluble se forme, à la suite de laquelle viennent ensuite les souvenirs de tout ce qu'on a vu, de tout ce qu'on a souffert ensemble. — Et il faut ajouter que l'éloignement qu'on y contracte pour quelqu'un est tout aussi constant... La table commune des officiers, du «Officiers Mess» (каютъ-компанія) qui est encore une conséquence inévitable du service, est une institution extrêmement utile, surtout pour les jeunes officiers qui,

placés en quelque sorte de cette manière sous la surveillance des anciens, se forment d'après eux; il en résulte un esprit d'harmonie, un esprit de corps bienfaisants pour le service. Le genre de vie régulier, sobre et actif que nous sommes obligés de mener, l'absence de tout ce qui excite la violence des passions, nous donne non-seulement les moyens de supporter les fatigues du service, mais encore de conserver la santé jusqu'à un âge très avancé. — Ce n'est que depuis les voyages de Cook que nous pouvons compter la conservation de la santé au nombre des avantages de notre profession. — Tout le monde sait que, jusque vers le milieu du siècle passé, les épidémies comme le scorbut, le typhus dont une variété, si je ne me trompe, porte même le nom de «typhus de vaisseau», ont été à l'ordre du jour et produisaient quelquefois une effrayante mortalité. — L'amiral Anson, parti de l'Angleterre en 1740 avec une escadre de 7 navires pour croiser sur les côtes de l'Amérique du Sud, revint deux ans après avec un seul vaisseau, Le Centurion, équipé des débris de tous les autres; le reste avait été moissonné par diverses maladies. Mais, depuis la création de l'hygiène navale qui, à elle seule, suffirait pour rendre immortel le nom de Cook, s'il ne s'était pas immortalisé par des découvertes géographiques sans pareilles, l'état sanitaire des équipages s'est constamment amélioré, et actuellement, la mortalité à bord des navires est au-dessous de la proportion moyenne adoptée par l'arithmétique politique, à moins qu'un climat pestilentiel ou quelque autre circonstance exceptionnelle ne vienne changer la loi obtenue en ne s'écartant pas des règles de l'hygiène, loi aussi simple du reste que facile à observer. La plus grande propreté possible, tant du navire que de l'équipage, pureté de l'air et sècheresse dans les entreponts, qualité des provisions, abondance d'eau fraîche, légumes et fruits aussi souvent que possible, et par-dessus tout, un élément presque aussi important que les autres, la bonne humeur. — Cette dernière est, en partie, le résultat naturel d'une meilleure discipline, d'un traitement plus humain des individus que l'adoucis-

sement général des moeurs a introduit dans la marine. On n'entend plus parler nulle part de ces punitions atroces qui, autrefois, étaient à l'ordre du jour, écrasant le moral des gens et les décourageant complètement.

Un autre avantage de notre profession est de nous fournir l'occasion, tout en faisant notre service, de visiter les contrées les plus éloignées du monde. — Le cercle de nos jouissances s'étend alors considérablement. Dans le cours de la navigation nous atteignons des climats très différents du nôtre; nous sommes frappés chaque jour par de nouveaux phénomènes qui, sans être complètement inattendus, ne laissent pas de nous étonner. Les nuits des tropiques, par exemple, ce phénomène de tous les jours; il se passe bien du temps avant que l'on puisse s'accoutumer à leur splendeur défiant toute description. — Le changement progressif dans la position de la sphère céleste, si l'on navigue dans le sens du méridien; la disparition des étoiles d'un côté, l'apparition de nouvelles constellations dans la direction opposée, sont encore des phénomènes que l'on ne cesse d'observer avec le plus grand intérêt. — Pour nous autres hyperboréens, il y a quelque chose de frappant dans l'abaissement progressif de la Grande Ourse que nous sommes accoutumés à voir au-dessus de nos têtes. Nous poursuivons attentivement, jour par jour, la disparition d'une étoile après l'autre; lorsque la dernière, après avoir faibli pendant quelques jours, plonge entièrement dans la mer, c'est comme si nous nous séparions de nouveau de notre patrie. Mais une nouvelle constellation qui paraît en même temps du côté opposé de l'horizon, semble venir exprès pour nous consoler; nous reconnaissons en elle le symbole de notre croyance. Les deux étoiles qui forment les extrémités de «La Croix du Sud» ayant presque la même ascension droite, les étoiles latérales diffèrent peu en déclinaison; «La Croix», inclinée à son lever, se redresse à mesure qu'elle s'approche du méridien, arrivée là, elle se tient quelques instants complètement droit, pour s'incliner plus tard de l'autre côté, ce qui produit un effet surprenant. —

On peut imaginer quelle impression l'apparition de «La Croix» a dû produire sur les navigateurs du XVIe siècle, plus habitués que leurs successeurs de notre ère philosophique à se sentir conduits par la Providence. — Un autre phénomène quotidien, le lever du soleil, pour lequel on s'extasie même dans notre climat est, entre les tropiques, d'une beauté incomparable. Combien de fois, dans mon premier voyage, mon service de quart de minuit à quatre heures terminé, suis-je resté encore sur le pont pour contempler cet admirable spectacle, le suivant dans toutes ses phases, depuis la première lueur de l'aurore à l'horizon, jusqu'au moment où, après avoir fait passer le ciel par de rapides transitions, du bleu-foncé à l'azur, au vert, au rose, et s'étant annoncé en dernier lieu par une dorure ardente des sommets des nuages, le soleil s'élance des bras de Thétis, ainsi que dirait le poète, avec une rapidité inconnue dans nos latitudes. — Le passage de la ligne, la solennité des «Neptunales» qu'on célèbre à cette occasion sont des évènements auxquels on se prépare de longue main et qui occupent beaucoup l'équipage. Le journal d'un de nos timoniers nous tomba une fois entre les mains. Nous y lûmes à la date du passage de «la ligne»: «Tel jour et à telle heure, nous passâmes l'équateur qu'à cause d'une petite brume nous ne pûmes apercevoir, nonobstant quoi on tira une salve en l'honneur du dieu marin «Neptune».

La succession de différentes espèces d'animaux, poissons, oiseaux, dont les unes disparaissent pour faire place aux autres, est encore une source fertile d'observations et d'entretiens. La mer est quelquefois extrêmement animée entre les tropiques. La chasse donnée par les requins à d'autres poissons poursuivant eux-mêmes les poissons-volants que l'on voit s'abattre parfois en véritables nuées sur le pont des navires, chasse que l'on peut apercevoir à perte de vue dans toutes les directions, présente un tableau que l'on ne peut se lasser d'admirer. Un autre spectacle, d'une magnificence inexprimable, est la phosphorescence de la mer. On a beau en jouir toutes les nuits, il ne perd jamais rien

de sa nouveauté; l'intensité de la lumière est quelquefois telle que toutes les voiles de l'avant sont éclairées, chaque fois qu'il plonge dans la mer. Les poissons qui suivent le navire laissent après eux des traces formant comme un réseau lumineux sur la surface de la mer.

La navigation aussi rapide que tranquille avec les vents alizés est extrêmement agréable. La constance de ces vents est parfois telle qu'il est inutile de toucher aux voiles pendant vingt-quatre heures, si ce n'est pour les diminuer un peu à la tombée de la nuit et les augmenter de nouveau au lever du soleil. Le bruit des vagues coupées et repoussées par le navire, de temps en temps un léger craquement des cloisons et des canons produit par le mouvement presque imperceptible du navire, les pas mesurés de l'officier de quart et les cris des vigies qui, à chaque demi-heure, examinent l'horizon annonçant s'il y a ou non quoi que ce soit en vue, c'est là tout ce que l'on entend pendant que l'on avance de 200 à 250 et même à 300 verstes par jour. On respire un air délicieux par une température constante de 18° à 20° R. Il y a une certaine volupté dans ce sentiment de bien-être, de sécurité et de repos, surtout si cela se produit après une navigation orageuse dans les latitudes élevées. Lorsque par ex., au mois d'octobre ou de novembre, après avoir attendu pendant plusieurs semaines un moment opportun pour sortir du Canal Britannique, après avoir été, plus d'une fois peut-être, rejeté dans le port avec mainte avarie, par les coups de vents d'Ouest particuliers à cette saison, lorsque, dis-je, on parvient à s'éloigner suffisamment des côtes, à diriger sa marche vers le Sud, à traverser la Baie de Biscaye célèbre par sa «mer» (c'est-à-dire ses vagues) terrible, le navire travaillant et criant sous une presse de voiles, inondé pendant tout ce temps par les «paquets d'eau» qu'il embarque, avec quelle impatience on cherche dans les nuages une petite percée vous annonçant la fin de la tourmente! Les matelots anglais disent que si l'on aperçoit un lambeau du ciel suffisant pour faire une jaquette de matelot, on

peut être sûr que le retour du beau temps n'est pas éloigné. Lorsque enfin vous apercevez un pareil lambeau qui, s'étendant de plus en plus, couvre tout le ciel, les vents, après un calme de peu de durée, passant au N. E. et franchissant insensiblement, vous amènent insensiblement les «Alizés» et vous procurent ce sentiment que j'ai comparé précédemment à la volupté. La vue de la terre, après une longue navigation, a toujours quelque chose de frappant. Le cri des vigies «Terre à l'avant»! frappe toujours l'oreille d'une manière toute particulière. Tout ce qui ressemble à un télescope est braqué sur la direction où elle doit paraître. Les mots «Je la vois» sont répétés bien des fois avant qu'elle ne paraisse effectivement au-dessus de l'horizon. On l'examine avec un intérêt toujours croissant à mesure qu'on s'en approche. Si le vent vient de la terre, il vous en apporte les parfums que les sens aiguisés du marin perçoivent à une distance de quinze à vingt verstes. Je n'oublierai jamais l'extase dans laquelle tomba mon ami et compagnon de voyage, Mertens, que plusieurs de vous, Messieurs, ont connu, lorsque, à notre approche de la côte du Brésil, je le fis monter sur le pont pour lui faire respirer l'atmosphère embaumée dont nous fûmes enveloppés subitement, dès que le vent eut tourné du côté de la terre. . . . La surprise rehausse singulièrement l'effet de l'apparition de la terre. Après avoir doublé le cap Horn en 1827, je m'approchai de la côte du Chili; une brume légère enveloppait l'horizon; je mis en panne pour la nuit, après avoir ordonné de me prévenir dès que la terre serait en vue. Un peu avant le jour, je monte sur le pont. «Voit-on la terre»? «Pas encore», répond tranquillement le jeune officier de quart, ne se doutant de rien. Quelle ne fut pas ma surprise lorsque tournant les yeux vers l'Est j'y trouve la crête crénelée de la Cordillère des Andes se dessinant sur l'azur du ciel! La muse d'un Byron fût restée muette devant la magnificence de ce tableau; à peine serait-elle capable d'exprimer l'effet qu'il a produit sur nous. Je n'ai éprouvé qu'une fois encore dans ma vie un pareil sentiment, il y

a de cela trois ans. J'allais de Bâle à Berne par Soleure; au sortir de la délicieuse vallée de Ballestuhl, lorsque j'eus franchi le défilé situé près du village de K . . ., toute la chaîne des Alpes Bernoises parut devant mes yeux subitement, sans que je m'y attendisse le moins du monde. Eclairées par le soleil couchant, elles paraissaient ne pas être distantes de plus de dix à quinze verstes, tandis qu'elles l'étaient en réalité de plus de cinquante. Je ne saurais décrire l'effet que ce spectacle aussi magique qu'imposant produisit sur moi; il réveilla en moi le souvenir de la première apparition de la chaîne des Andes.

La découverte des îles basses est aussi fort intéressante, quoique dans un autre genre; on aperçoit tout d'abord les sommets des cocotiers qui semblent sortir de l'eau; la terre ne paraît que quelques instants avant les brisants qui l'entourent.

Si la simple vue de la terre produit un pareil effet sur le marin, le plaisir d'y descendre, après une longue navigation, surpasse à ses yeux tous les autres. On en a vu qui, pour mettre le pied sur quelque îlot désert et presque stérile, construisaient des radeaux ou se jetaient à la nage, au risque manifeste de se perdre, lorsqu'une plage ouverte et battue par les vagues ne permettait pas l'accès en canot. Semblable à ce philosophe de l'antiquité qui démontrait l'existence du mouvement en se mettant à marcher, le marin prouve par de pareils arguments «ad hominem» qu'il n'est pas un amphibie. Ce serait une intéressante étude à faire que d'observer la manière dont chacun se comporte au moment où il descend à terre; jamais, j'en suis persuadé, le fond du caractère ne se manifeste plus clairement que dans ce moment; c'est une espèce d'ivresse. Les uns se jettent dans les boutiques où ils ne peuvent jamais assez acheter; l'argent leur est un fardeau dont il leur est indispensable de se débarrasser, et ils se trouvent bientôt chargés d'une foule d'inutilités; d'autres vont à la recherche d'un bon dîner ou bien «dem Wein caressiren», comme les compagnons d'Enée, si nous en croyons Blumauer. D'autres encore cherchent des émotions et

des matériaux pour leurs mémoires; et, presque tous, sans exception, des chevaux de selle. C'est une observation générale que la passion dominante du marin de toutes les nations est l'équitation, soit qu'un exercice violent devienne un besoin pour lui, soit que ce soit une faiblesse commune à tous les hommes de risquer de faire ce qu'ils ne comprennent pas; mais le fait est qu'un navire n'est pas plus tôt arrivé dans un port que l'on aperçoit de tous côtés des marins chevaucher à bride abattue comme autant de chevaliers, non pas précisément de la «Triste figure», leurs visages sont étincelants de satisfaction, mais comme de véritables chevaliers errants; il en résulte naturellement quantité de scènes tragi-comiques. (Anecdotes).

L'excentricité des marins à terre ne se manifeste jamais d'une manière plus frappante que lorsqu'un vaisseau de guerre anglais est ce qu'ils appellent «paid off», après une longue croisière. Les poches remplies d'argent, ils se livrent à toutes sortes de débauches. J'en ai vu à Portsmouth se cotiser pour louer une diligence, l'orner de pavillons, la charger de filles de joie pêle-mêle avec eux-mêmes, in-and outside, et s'embarquer de cette manière pour Londres, accompagnés d'un ménétrier payé pour leur écorcher les oreilles pendant toute la route. Arrivés à Londres, ils étaient ordinairement déjà «à sec» et n'avaient rien de mieux à faire que d'aller dans les Docks chercher un nouvel engagement. L'idée que tout ce qu'ils avaient gagné en trois ou quatre ans revenait de droit à une certaine classe de femmes était tellement enracinée chez eux que, s'ils réussissaient à sauver quelque billet de 5 Livres sterling en le cachant dans quelque coin de cravate, ils s'en vantaient comme d'une grande finesse. De nos jours, de pareilles scènes sont infiniment plus rares; elles tenaient principalement à l'ancienne manière de recruter les équipages des navires de guerre, à la «Presse».

On ne laissait presque jamais descendre à terre les matelots «pressés» qui composaient les $^2/_3$ ou les $^3/_4$ des équipages, pour empêcher les désertions, car, pris et retenus par force, ils se con-

sidéraient comme libres dès qu'ils touchaient la terre et se croyaient le droit de déserter, du moment qu'ils pouvaient mettre en défaut la vigilance de leurs surveillants. Retenus de cette façon pendant deux, trois ou quatre ans à bord, il était naturel qu'une fois débarrassés de leurs fers ces pauvres gens s'adonnassent à une gaîté effrénée et à toutes ses conséquences. Depuis lors, la presse est tombée en désuétude. Cette mesure tyrannique est tellement contraire aux idées du temps, qu'on pense sérieusement en Angleterre à la remplacer par une autre plus humaine et moins arbitraire, en gardant la «presse» comme une dernière ressource en cas de nécessité (Bill de Graham).

L'existence tout exceptionnelle des marins ne peut manquer d'influencer d'une manière très accentuée leurs mœurs, leur caractère, leurs manières. Passant sa vie sous une espèce de tutelle, le matelot reste, jusqu'à la vieillesse, une sorte d'enfant conservant toute l'imprévoyance, toute l'insouciance de cet âge, ne pensant jamais au lendemain, portant à son capitaine toute la confiance, tout l'attachement d'un fils, s'il voit en lui une sollicitude paternelle pour ses besoins et son repos. Avec ce sentiment de la justice qui tient presque de l'instinct et que nous admirons chez les enfants, le matelot sait distinguer la rigueur nécessaire de la discipline de celle qui provient du caprice et, loin de garder rancune pour un châtiment mérité, il ne déteste rien tant dans le chef que la faiblesse dont le résultat est toujours de favoriser les mauvais sujets au préjudice des bons; mais aussi, les mauvais traitements et une sévérité arbitraire l'ont porté quelquefois à des actes de désespoir et à des excès effrayants. Nous en trouvons un des exemples les plus remarquables chez l'équipage d'une frégate anglaise pendant la dernière guerre...

La rudesse des manières extérieures cache le plus souvent un fond de bonhomie; sous un abord froid et réservé couvent une chaleur de cœur, une disposition à l'enthousiasme qui n'attendent qu'une étincelle pour éclater. (Примѣры Нельсона и Кодрингтона). On l'a justement comparé à l'Hécla couvert de neiges

et cachant dans son sein un feu éternel. Réduit ordinairement à ses propres moyens, il devient par habitude un homme à ressources, perdant rarement la tête et se faisant à tout. On le voit d'une manière frapppante lorsqu'il arrive aux matelots de prendre part à la même expédition avec des soldats, à un siège par ex., de travailler à la construction des batteries dans les tranchées, etc. La maladresse des soldats forme un contraste frappant avec la dextérité des matelots.

Un des traits caractéristiques du marin, c'est d'être religieux. Les vicissitudes continuelles de son existence, la lutte contre les éléments, les tableaux imposants et grandioses que leurs fureurs lui présentent, les dangers qu'il court à chaque instant et auxquels il n'échappe souvent que par miracle, les transitions rapides, effectuées parfois en un moment, de la plus grande sécurité à un état désespéré, tout cela lui rappelle trop souvent et trop vivement sa dépendance d'un Etre suprême, et sa destinée à une autre existence, pour qu'il lui soit possible de ne pas être religieux. Je crois franchement qu'il n'y a pas un esprit fort parmi les marins, peut être oserai-je ajouter: «à l'exception des Français», mais je préfère garder le silence sur ce point, vu l'insuffisance de mon expérience. Un sentiment profond de religion n'empêche pas le matelot russe d'être en même temps très tolérant. L'équipage d'un vaisseau de guerre présente quelquefois le spectacle curieux d'une communauté composée de toutes les religions imaginables. Avec les orthodoxes qui forment naturellement la majorité, vous trouvez des catholiques des gouvernements occidentaux, des protestants de la Finlande et des provinces baltiques, des Juifs, des mahométans du gouvernement de Kazan, voire même des idolâtres parmi les Tchouvaches et les Mordwes; et tout cela vit ensemble dans la plus parfaite harmonie!

Les circonstances qui contribuent à rendre le marin religieux le rendent aussi superstitieux. Il s'en trouve peu qui ne le soient plus ou moins. Ils tiennent généralement beaucoup aux «jours

fastes ou néfastes». Chez nous, c'est le Lundi, chez les Anglais, le Vendredi qu'il est considéré de mauvais augure de commencer un voyage. Un autre trait de superstition qui paraît même en contradiction avec l'esprit religieux des marins, c'est qu'ils n'aiment pas voir l'aumônier du navire sur le pont; ils disent que cela amène le mauvais temps. Ce préjugé nous est commun avec les marins anglais. — Le sifflement soulève le vent quand il fait calme, et le fait fraîchir. Ce dernier point est si généralement reçu qu'on voit siffler dès que le vent tombe ou pendant un calme ceux-mêmes qui n'y ajoutent pas la moindre foi; on le fait involontairement et sans y penser (Насвистать вѣтеръ).

L'apparition d'une grande espèce de requin que les Anglais appellent «Ground Shark» indique, selon eux, qu'il y aura un mort à bord, ou qu'un homme tombera à la mer, parce que cet animal ne quitte son repaire habituel, le fond de la mer (d'où son nom), que lorsque son instinct lui fait pressentir un pareil évènement. Quelques effets jetés à la mer font passer le mauvais temps ou rendent le vent plus favorable; par contre, un animal favori tombé à la mer soulève un vent contraire ou même une tempête, etc., etc.

Si je devais comparer entre eux les matelots des diverses nations, je donnerais la préférence, sans crainte d'être accusé de partialité, au matelot russe. Le matelot anglais est généralement plus expérimenté, mais c'est l'affaire du temps et du hasard, et, toutes les fois qu'un équipage russe a eu l'occasion de faire une campagne de quelques années, il ne le cédait en rien aux Anglais auxquels il était même supérieur par une docilité à lui propre. La bonne conduite de nos équipages dans les ports étrangers a toujours excité l'admiration des autorités locales, comme ce fut le cas lors de mes relâches en Danemark et en Hollande l'année dernière.

Le portrait que je viens de tracer du matelot se rapporte plus ou moins aux marins des degrés supérieurs: Tout cela dépend de l'instruction et de la civilisation de chacun. L'homme civi-

lisé est, à part quelques nuances, le même dans toutes les conditions. — Je puis ajouter plus particulièrement que les officiers de notre marine, grâce à l'instruction qu'ils reçoivent au corps, et grâce aux épreuves par lesquelles ils ont à passer pendant leur service, deviennent des gens plus ou moins aptes à tout. On voit, dans toutes les branches du service, d'anciens officiers de marine, et si l'un d'eux le quitte pour se retirer dans ses terres, il est sûr d'être choisi par la noblesse de son gouvernement, à la première occasion, pour quelque fonction élective.

Dans leur retraite, au milieu de leurs nouvelles occupations, ces anciens marins ne cessent, durant le reste de leur vie, de s'intéresser vivement à la marine, de se considérer, en quelque sorte, comme y appartenant encore, car l'attachement à son métier aussi ingrat que rude est encore un des traits caractéristiques du marin. Chaque marin, pendant sa carrière navale, a eu des moments où il s'imaginait n'en pouvoir plus supporter le fardeau et où il maudissait le jour qui l'avait vu entrer dans «ce chien de service»; il jurait mille fois de prendre son congé dès sa rentrée au port. Mais, à la première éclaircie, sa résolution n'est plus aussi ferme, son arrivée au port lui donne tant à faire qu'il n'a pas le temps de songer à son congé; quelques mois après, il ne songe plus qu'à reprendre la mer. Du reste, ce dernier trait de caractère ne paraît pas être l'apanage exclusif des marins; il est particulier à tous ceux qui se sont voués à un métier pénible et hasardeux. — Le chef d'Etat-major de l'armée du Caucase m'écrivait il y a quelque temps.... «Preuve que la destinée naturelle de l'homme est la lutte, le travail, les efforts; hors de là, point de véritable satisfaction; le repos absolu, c'est la mort».

Je me suis efforcé, Messieurs, de vous tracer un tableau de la vie du marin, envisagé à un point de vue général, et particulièrement la manière dont elle s'accuse dans la marine militaire. Il serait encore possible d'en faire ressortir plusieurs variétés et modifications, car on vit différemment sur un vaisseau marchand et sur un navire de guerre; la vie d'un «collier» est bien diffé-

rente de celle d'un «baleinier» et les baleiniers du Groënland s'arrangent autrement que ceux de la Mer du Sud; être en croisière avec une frégate est tout autre chose que d'escorter un convoi de navires marchands ou de bloquer un port ennemi en automme et en hiver. Un voyage de découverte diffère essentiellement de tout ce que je viens de raconter, sans parler des négriers auxquels je ne fais pas l'honneur de les compter comme marins.

On pourrait passer en revue les nombreuses vicissitudes auxquelles l'homme de mer est exposé, naufrages, avaries, incendies, épidémies,—peut-être même les horreurs d'un combat naval.— Mais je crois avoir suffisamment mis votre patience à l'épreuve et je termine, Messieurs, en vous remerciant de l'attention toute bienveillante que vous m'avez prêtée.

II.

ОПАСНОСТИ НА МОРѢ.

—

.....Vous avez vu, Messieurs, dans l'esquisse rapide de la vie du marin que je vous ai tracée l'année dernière, son existence de tous les jours, ses occupations ordinaires. Je vous ai exposé alors, dans quelques traits généraux, les difficultés, les désagréments, les tribulations auxquels il est journellement exposé, qu'il est constamment sur le point de rencontrer, qu'il voit arriver avec indifférence et que, par habitude, il oublie le lendemain. Vous aviez alors devant les yeux, le côté normal, pour ainsi dire, de l'existence du marin. Mais il se rattache à cette vie une autre catégorie d'incidents, moins fréquents à la vérité, mais d'un alea continuel, qui peuvent à chaque instant l'exposer au danger, au péril même, et contre lesquels il doit être armé en conséquence, à chaque instant de la vie, à peu près comme la garnison d'une ville assiégée contre les bombes ennemies.

Le repos complet des éléments n'est, le plus souvent, que le prélude d'un ouragan qui, en quelques heures, l'ensevelit dans les flots; le feu le surprend au milieu de la plus complète sécurité, un volcan s'ouvre sous ses pieds et il saute en l'air avec son navire à un moment qu'il a presque pu prévoir mathématiquement, sans posséder le moyen de détourner la catastrophe; ou bien encore, son vaisseau se brise contre un rocher ignoré lorsque le navigateur s'y attend le moins, etc. etc.

Ces cas exceptionnels sont relativement fort rares, mais ils n'en sont pas moins possibles à tout moment et toujours; le marin ne perd jamais de vue cette possibilité, du moins, il ne le fait jamais impunément; il prend constamment les mêmes mesures de précaution contre les dangers possibles et contre les dangers réels; il le fait par habitude et presque instinctivement, et cette vigilance ininterrompue qui fait le fond de son existence et qui finit par devenir en quelque sorte une partie inhérente de son être, donne à sa vie un caractère tout particulier, et, si l'on veut en avoir une idée tant soit peu lucide, il est indispensable de l'envisager encore de ce côté-là.

Chacun de vous, Messieurs, sait ce qu'est un ouragan. Mais je doute fort que celui qui n'a pas observé personnellement cet effroyable phénomène, s'en puisse faire une idée quelque peu claire. J'avoue moi-même, le premier, que, malgré le nombre des descriptions et des récits que j'en ai lus, j'ai grand' peine à me le figurer distinctement. Tous les points de comparaison avec les phénomènes anologues de nos climats se trouvent être en défaut. Pour caractériser une tempête extrêmement violente, nous disons qu'elle emportait les toits des maisons, qu'elle déracinait les chênes les plus superbes etc., etc., mais une pareille force, tout énorme qu'elle soit, qu'est-elle en comparaison de celle qui est en état de démolir, pièce par pièce, les plus solides édifices, arrachant brique par brique, et les emportant à une grande distance; qui, non-seulement renverse des forêts entières, mais enlève l'écorce des arbres qu'elle n'a pu renverser, qui soulève dans les airs hommes et animaux et les tue en les jetant contre les murailles, qui va jusqu'à emporter à plusieurs centaines de pieds des canons avec leurs affûts. Nous avons vu plus d'une fois St. Pétersbourg inondé; nous nous souvenons tous de la catastrophe de 1824, mais la situation de notre capitale dans un cul-de-sac y est pour beaucoup. Mais, la petite ville de Savannah, située sur une côte ouverte, fut non-seulement inondée, mais détruite de fond en comble par les flots chassés par la seule force

des vents; et la ville de Port Royal, bâtie sur la langue de terre qui forme le port de l'île de la Jamaïque fut si nettement balayée en une seule nuit, que, le lendemain, on n'en découvrit plus la moindre trace! Dans l'ouragan de 1780, près de neuf mille hommes périrent à La Martinique, et près de six mille à La Barbade. Tels sont les ravages de l'ouragan à terre. — Figurez-vous maintenant cette même force déchaînée contre un navire en pleine mer! quel moyen de salut y a-t-il pour le malheureux navigateur? Quelques heures auparavant, une ou deux peut-être, il naviguait tranquillement encore par un vent favorable, toutes voiles dehors. Soudain le baromètre tombe, et tombe avec une effrayante rapidité; d'épais nuages s'amoncellent à l'horizon... il prend l'alarme, toutes les voiles sont serrées, la mâture supérieure descendue sur le pont, les écoutilles fermées. Mais souvent l'ouragan l'a atteint avant qu'il ait pu se mettre en état complet de défense contre l'ennemi; son vaisseau est jeté sur un côté et sombrera infailliblement si l'on ne parvient pas à faire tomber les mâts en coupant les haubans, nécessité qu'il aurait considérée, quelques instants auparavant, comme un indicible malheur et qui devient pour lui un moyen de salut. On a vu, en pareil moment, un équipage entier se réfugier sur la partie élevée du bord extérieur, celui qui, dans la position normale du navire, est vertical, y attendant, soit de couler bas, soit de voir tomber les mâts par leur propre poids. Les efforts de l'homme sont impuissants, il ne lui reste plus qu'à attendre la fin de ce déchaînement de la nature. Les éléments finissent par se calmer, laissant le vaisseau démâté, à moitié envahi par l'eau et surnageant à grand' peine en dépit du jeu de toutes les pompes. Les marins s'estiment heureux s'il se trouve dans le voisinage quelque port qu'ils puissent espérer atteindre à l'aide de ce qu'on appelle «mâts de fortune». Tout le monde, en effet, ne s'en tire pas à aussi bon compte. Dans l'ouragan de 1780 dont je viens de parler tout à l'heure, treize vaisseaux de ligne anglais périrent avec tous leurs équipages.

Mais, il n'est pas même toujours nécessaire de se trouver en pleine mer et d'être assailli par un ouragan pour essuyer le même sort; on est atteint quelquefois dans le port même et au milieu de la plus profonde sécurité. A première vue, cela peut paraître paradoxal, mais c'est un fait. Le «Royal George» par ex., vaisseau anglais de 110 canons, coula bas en plein midi, par un beau temps, dans la rade de Portsmouth, au milieu d'une nombreuse escadre de navires de guerre, entraînant plus de neuf cent hommes dans sa perte. Voici comment cette catastrophe se produisit, au mois d'août 1782. Il venait de rentrer au port après une longue croisière avec une voie d'eau considérable. On avait eu d'abord l'intention de le faire entrer dans un dock, mais comme la voie d'eau se trouvait être entre les bordages de la doublure, un peu au-dessous de la ligne de flottaison, on crut pouvoir réparer le dommage en rade, en lui donnant une petite carène, c'est-à-dire en le faisant pencher d'un côté autant qu'il fallait pour faire émerger l'endroit à réparer. Cette opération se fait en transportant plusieurs pièces de canon d'un bord à l'autre et fermant soigneusement du côté incliné chaque ouverture par laquelle l'eau pourrait entrer dans le vaisseau. Par malheur, ou plutôt par une très grande incurie, cette dernière précaution fut négligée, et non-seulement les hublots, mais les sabords mêmes n'étaient pas fermés. Le Royal George était dans cet état, la plus grande partie de l'équipage occupée à dîner dans les entreponts, lorsqu'une légère brise fit pencher le navire encore plus du même côté, l'eau y pénétrant le fit incliner encore plus, les canons du bord opposé qui, par le même malheur ou la même inadvertance, n'étaient pas bien affermis, se détachèrent et, roulant dans le même sens, firent, par leur énorme poids, tomber complètement le navire sur le même côté; il sombra et disparut sous les flots. Le tout en moins de temps que je n'en ai mis à le raconter. Il y avait à bord du Royal George plus de 1200 individus, y compris 250 femmes et enfants. L'équipage, ainsi que je l'ai dit, prenait son repas. Dès qu'on s'aperçut du danger, on fit battre le branle-

bas de combat pour accélérer sa sortie sur le pont, mais il était trop tard; l'inclinaison du navire ne permit plus de monter les escaliers, et tout ce qui était en bas, qui avait son poste à bord, l'amiral Kempenf, le commandant, les officiers à l'exception de quatre lieutenants, trouvèrent dans les flots une mort sans gloire, sans honneur, sans aucune espèce de prestige qui pût adoucir pour leurs proches et leur pays une perte si cruelle. Les hommes du quart qui se trouvaient, au nombre de 300 environ, sur le pont, furent sauvés, pour la plupart, par les chaloupes des navires qui entouraient le Royal George; ces embarcations s'exposèrent elles-mêmes à un grand danger, car la submersion d'un corps si volumineux produisit une espèce de gouffre qui menaçait de les engloutir, comme cela arriva effectivement à la gabarre «le Lark» qui se trouva au moment de la catastrophe près du vaisseau et fut entraîné par lui dans l'abîme.

C'est ce même Royal George dont la carcasse obstrua pendant près de soixante ans la rade de Portsmouth et que le colonel Poisley travaille depuis deux ans à faire sauter au moyen de mines sous-marines et d'une batterie galvanique.—Un monument à Westminster, érigé à la mémoire de l'amiral Kempenf, représente dans un bas-relief le Royal George coulant bas.

L'exemple que je viens de vous citer, bien qu'extraordinaire et dû à une incurie impardonnable, prouve néanmoins jusqu'à quel point la vigilance du marin doit être incessante; il prouve que la sécurité n'existe, en réalité, pas pour lui, pas même quand il s'imagine être arrivé au terme de tous les dangers.

Mais, toute dangereuse que soit l'eau, et quelque désagréable qu'il soit de se noyer, il est un autre danger plus redouté encore par le marin, c'est celui de brûler, et les précautions qu'il prend contre le feu sont peut-être encore plus méticuleuses que celles dirigées contre l'eau. Ces précautions, je ne craindrai pas de l'avouer, tiennent presque de la peur, de cette peur instinctive qu'il est presque naturel d'avoir contre un danger occulte. Je serais tenté de les comparer aux mesures que nous avons vu

prendre contre la contagion du choléra par des personnes timorées. La surveillance du feu est confiée à une personne solide et sûre choisie parmi les quartiers-maîtres et dont tout le devoir se borne à ce but. On l'appelle chez nous «Огневскій Капралъ». Jamais, et dans aucune partie du navire, sans en excepter la chambre du Commandant ou celle de l'Amiral, une bougie n'est allumée sans que le «Caporal du feu», (je ne connais pas le terme employé dans la marine française) après en avoir demandé la permission à l'officier de quart, y apporte la lumière dans une lanterne bien fermée. Pas une pipe, pas un cigare n'est allumé autrement qu'à une mèche envoyée par ce même caporal dans un baril à mèche. Aussi, n'entend-on dans les entreponts, à certaines heures de la journée, que le cri de «фитиль»! La chambre du Commandant jouit seule du privilège de tenir une bougie sur un chandelier, partout ailleurs elles doivent être dans des lanternes. A une certaine heure de la soirée, tous les feux doivent être éteints, il n'en reste que dans l'habitacle et la cabine du Commandant. Mais c'est surtout lorsqu'on va dans la soute aux poudres que les précautions sont multipliées. Les «sous-ordre» du «Caporal du feu» parcourent tous les coins du navire pour voir s'il reste la moindre étincelle; il ne reste que la mèche officielle sous la surveillance immédiate du «Caporal du feu», gardien de la seule source légale de la chaleur et de la lumière.....

III.

РАЗВИТІЕ МОРЕХОДСТВА.

Друзья вселенная красна;
Но ежели разсудимъ строго,
Найдемъ, что мало въ ней вина,
За то воды ужъ слишкомъ много!

Le chansonnier a seulement oublié d'ajouter que cette eau dont l'abondance extrême le scandalisait, n'était pas même bonne, étant salée et amère, pour servir d'ingrédient à son punch. Vous m'excuserez, Messieurs, mais j'ignore s'il est permis d'entamer une discussion sérieuse par une bouffonnerie; toutefois, je n'ai pu résister à la tentation de vous citer ce quatrain qui, bien que sous une forme burlesque, exprime parfaitement l'idée qui frappe l'esprit quand on aborde la question dont je me suis proposé de vous entretenir. Nous voyons, en effet, que les eaux couvrent les trois quarts de la surface du globe. A moins qu'on ne veuille rejeter nettement toute idée d'intention dans l'arrangement de la scène sur laquelle le genre humain est destiné à agir, on ne pourra échapper à la conviction que le but de cette disposition ne fût de faciliter les relations mutuelles des différents peuples. Mais, écartant même le point de vue téléologique, il nous restera toujours le fait incontestable que les abîmes, comme on se plaît à appeler les mers, ont servi, en séparant les terres, à en rapprocher les habitants, à leur fournir les moyens de communiquer entre eux,

d'échanger leurs idées et leurs productions. Qu'on se figure ce que serait devenue notre vieille Europe, quel rôle elle aurait joué dans l'histoire de l'humanité, si le bassin de la Méditerranée n'eût pas existé! Soulevez un continent à sa place et vous déchirez les plus belles pages de cette histoire. Les civilisations de l'Egypte et de la Grèce n'existent plus, nous n'entendons plus parler d'Homère, de Solon, ni de Phidias; Carthage et Rome disparaissent, le Danube devient peut-être le Niger et Vienne devient Tombouctou pour des géographes de Pekin et de Seringapatam! Apprécions donc l'immense service rendu à l'Humanité par Hercule qui, en séparant de ses deux mains les montagnes de Calpé et d'Abyla, ouvrit aux eaux de l'Océan le chemin de ce beau bassin et nous donna les moyens de devenir ce que nous sommes.

La Méditerranée, avec ses divers bassins secondaires, a été, pour les temps primitifs de l'humanité européenne, ce que les chemins de fer promettent de devenir pour nous, un des plus puissants leviers de civilisation; mais ce levier restait mort et impuissant sans la force qui le mettait en mouvement, et cette force, c'est l'art de la navigation qui, pour cette raison, mérite de plein droit une place d'honneur parmi ceux qui ont le plus contribué à humaniser les hommes.

La marche progressive de cet art important ne saurait donc qu'intéresser tout homme pensant, et je veux essayer de vous en retracer les époques les plus saillantes, depuis le tronc d'arbre creusé dans lequel l'homme fit timidement ses premières tentatives sur l'élément dangereux et perfide, jusqu'à ces léviathans vomissant par cent bouches le feu et la mort et ce mammouth dont la force égale celle de mille chevaux et auquel, entre parenthèses, on a imposé en dernier lieu le nom plus propre de «Grande Bretagne», ce mammouth politique.

L'art de la navigation a cela de particulier que son état actuel, chez les différents peuples, nous offre un tableau vivant de ce qu'il était dans les siècles précédents. C'est ainsi que les

«Balzas» de l'Amérique du Sud et les «Catomarans» de la côte de Coromandel nous offrent des échantillons des premiers commencements de cet art. Le premier n'est qu'une peau de boeuf remplie d'air et capable de supporter un homme; le second, n'est qu'une poutre munie d'un siège, qui exige une adresse incroyable et un travail continuel avec une pagaye a deux plats (ou pelles) pour ne pas faire la culbute. Ces deux espèces de navires, tout primitifs qu'ils paraissent, ne doivent cependant pas être dédaigneusement rejetés dans la catégorie des bacs ou des radeaux faits pour traverser les rivières; leur construction est si bien calculée pour tenir par les mers les plus grosses que les navigateurs les emploient de préférence pour descendre à terre lorsque des vagues monstrueuses, déferlant sur la côte, rendent impossible ou trop dangereuse toute tentative de débarquement avec un canot européen. Les «Baïdarques» de nos Aléoutes et des Esquimaux américains ont déjà une plus grande prétention à l'élégance de formes et à une finesse de lignes qui leur donnent une vitesse de marche prodigieuse. Les «Bates» de nos Coloches, énormes bateaux de 50 à 60 pieds de long, contenant jusqu'à 50 hommes, et creusés cependant dans le tronc d'un seul arbre nous montrent ce que devait être le «monoxylos» des Russes, c'est-à-dire des Varègues ou des Normands, décrits par les historiens grecs.

Moins distingués que les «Baïdarques» sous le rapport de la forme, les «Proas» des Malais et des indigènes des Iles Carolines doivent être classées avant les premières à cause des voiles qu'elles emploient, tandis que celles-là ne marchent qu'à la rame. Quelques navigateurs ont d'ailleurs appelé une espèce de ces bâtiments, «Proas volantes», à cause de leur inconcevable rapidité. Les grandes «Proas» des pirates malais, ainsi que les doubles pirogues de guerre de quelques îles de la Polynésie, rappellent déjà par leurs dimensions les galères qui figuraient dans les guerres puniques. Les jonques chinoises et japonaises, et plus encore les «Lodvi» de différentes espèces, jusqu'à cette heure en usage chez les Pomoryi de la Mer Blanche, ne diffèrent pas essentiellement, selon moi, des navires

du Moyen-Age, des vaisseaux gênois, par exemple, qui transportèrent les Croisés en Palestine; les grandes jonques de guerre chinoises, munies de tous les perfectionnements que l'attaque des «barbares aux cheveux roux» a rendus nécessaires, semblent être une caricature très ressemblante des premiers vaisseaux de guerre anglais de la fin du XVI-e siècle, et ainsi de suite. De chaînon en chaînon, nous arrivons de la «Balza» ou de la «Tamaran» au «trois-points» ce prodige de force et d'élégance; quel singulier contraste! et ce ne sont cependant que les deux extrêmités d'une chaîne ininterrompue. L'Histoire de l'art de la navigation nous présente une chaîne semblable que nous allons parcourir rapidement, ne nous arrêtant un peu plus qu'à son dernier chaînon, l'état actuel de cet art.

L'origine de l'art de la navigation remonte à celle du genre humain.—Ne vous effrayez pas, Messieurs, je ne vous parlerai pas, comme certain auteur anglais, de l'architecture navale et de la navigation des peuples antédiluviens, je ne toucherai, quant à cette époque, qu'à l'arche de Noé, et cela ême en mettant seulement sous vos yeux un dessin de ce navire mémorable, un dessin qui, à la vérité, n'a pas la prétention d'être fait d'après nature, mais pouvant être considéré, malgré cela, d'une exactitude scrupuleuse, vu qu'il est tracé dans le moindre détail d'après la description donnée dans la Genèse. Des mille faits importants qui se rapportent à ce navire, je ne citerai que ses dimensions ou plutôt ses proportions. Sur une longueur de 300 coudées, il avait une largeur de 50 et une profondeur de 30. Or, ces proportions se trouvent être précisément celles auxquelles les constructeurs modernes se sont arrêtés comme étant les plus convenables pour les bateaux à vapeur. Les nombres qui expriment les dimensions du «Mammouth» par exemple, cette plus grande des machines flottantes après l'arche de Noé, sont presque identiques avec ceux que je viens de citer; ils sont de 320, 51, 31, mais il faut changer les coudées en pieds. Quand même cette coincidence remarquable, qu'il est impossible d'attribuer au

simple hasard, ne prouverait rien pour l'origine sacrée et mystérieuse de l'architecture navale, elle nous porterait toujours à la conclusion que cet art, et par conséquent celui de la navigation, fut pratiqué dans cette partie du monde et porté même à un degré de perfection considérable, longtemps avant Moïse. peut-être même vingt siècles avant notre ère.

Les Hébreux eux-mêmes n'étaient pas un peuple navigateur. Pasteurs et nomades, ce n'est pas un séjour de quarante-cinq ans parmi les Egyptiens, qui avaient une répugnance superstitieuse pour la mer, qui eût pu leur inspirer le goût de cet élément. Ce fut encore moins possible plus tard lorsque leurs institutions civiles, politiques et religieuses leur eurent interdit toute espèce de relations avec les peuples étrangers. C'est donc d'une autre source que provenaient les notions qu'on trouve dans leurs historiens, et cette source, il n'y a pas à en douter, ce sont les Phéniciens.

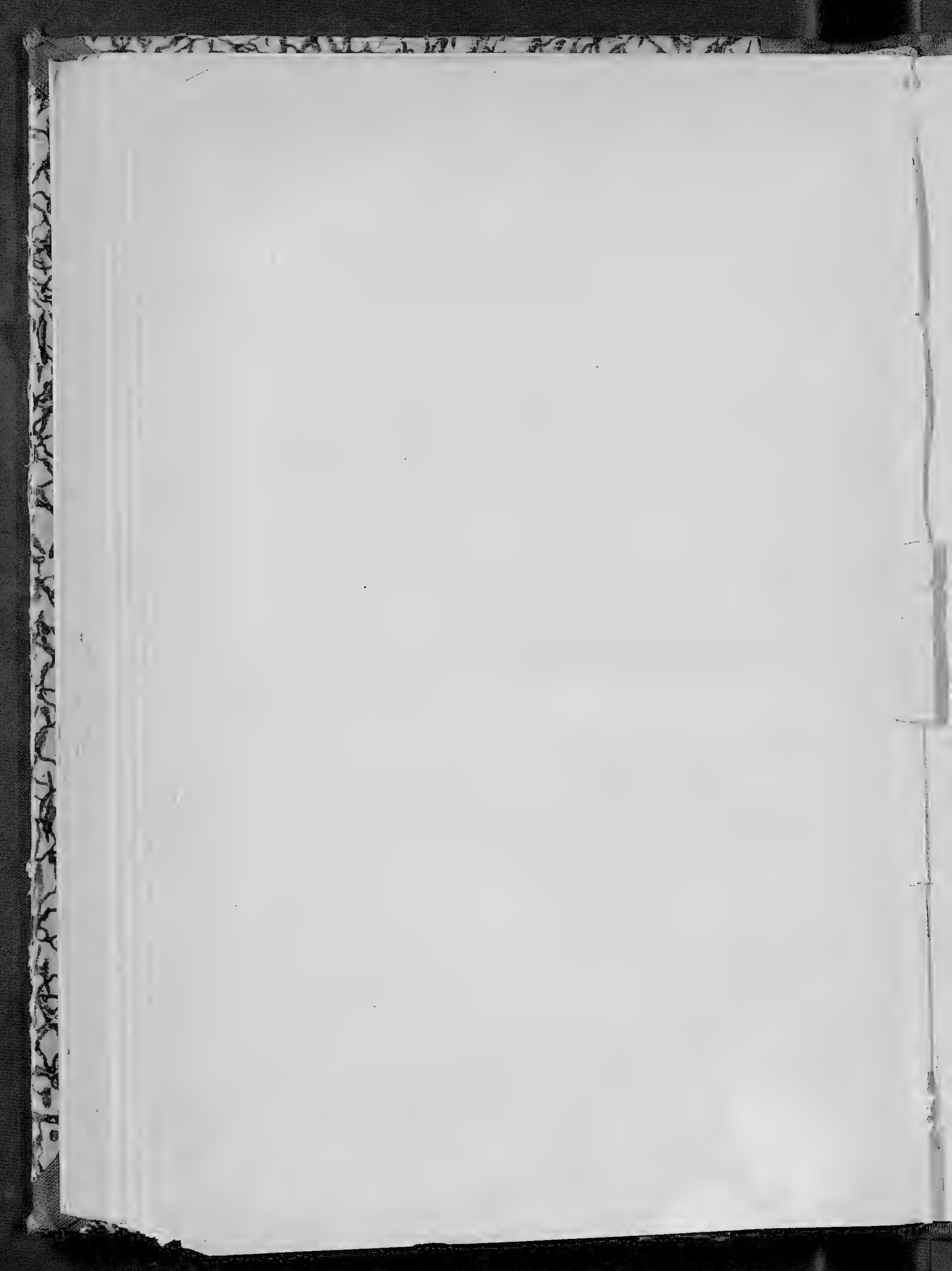
Il est fort regrettable que nous ne possédions aucun monument littéraire ou scientifique de ce peuple mémorable. Nous savons par les historiens, tant sacrés que profanes, que, quinze siècles avant notre ère, c'était déjà un peuple florissant; ils étaient les facteurs généraux de toutes les nations environnantes; ils leur fournissaient la pourpre, le verre et les étoffes précieuses, produits de leur industrie nationale; leurs expéditions maritimes s'étendaient jusqu'aux bornes du monde connu à cette époque. Les Egyptiens, les Hébreux, n'avaient pas d'autres pilotes; ils conduisirent les flottes de Salomon à Ophir qui, selon toute apparence, est l'île de Ceylan; d'un autre côté, ils pénétrèrent jusqu'aux Iles Britanniques, voire même jusque dans la Baltique, car ce n'est guère que de là qu'ils purent retirer l'ambre jaune qu'ils vendaient aux nations de la Méditerranée. Douze siècles avant Jésus-Christ, ils envoyaient déjà au loin des colonies qui un peu plus tard couvraient le littoral du bassin de la Méditerranée depuis les bords de la Mer Noire jusqu'en Espagne. Ils firent le tour de l'Afrique et quelques auteurs supposent que les Iles Ca-

naries et l'Amérique même ne leur étaient pas inconnues. En dehors de la hardiesse de toutes ces entreprises, quel développement des sciences et des arts n'est-on pas en droit de supposer chez se peuple pour le mettre à même de les conduire à bonne fin? Mais, sur ce point, malheureusement, nous en sommes réduits à de simples conjectures. On considère les Phéniciens comme les inventeurs de l'astronomie nautique, mais on ignore le point auquel ils ont porté cette science. Ils sont, sans aucun doute, les créateurs de l'architecture navale, mais nous ne savons rien, ni de la forme, ni des dimensions de leurs navires, ni de leur manière de les gouverner, car des notions telles que—ces navires étaient à fond plat, qu'ils étaient munis de voiles, d'un ou même de trois ou quatre gouvernails, — sont beaucoup trop vagues pour qu'il soit possible d'en tirer la moindre conclusion. Nous sommes tout aussi impuissants pour répondre à la question: Comment naviguaient-ils? Quels étaient leurs moyens pratiques d'accomplir ces voyages? On croit quelquefois avoir tout expliqué par la phrase banale: «Ils ne s'éloignaient pas des côtes, ils se dirigeaient par les étoiles». Mais cela est plus facile à dire qu'à comprendre. On oublie le danger de naviguer près des côtes ouvertes avec des bâtiments chargés; ce danger est si grand que, de nos jours mêmes, tout armés qu'ils sont des moyens les plus perfectionnés, les marins évitent de s'approcher de la terre plus qu'il n'est nécessaire. Cela va suffisamment bien au milieu d'un archipel où, à chaque pas, on trouve un abri, mais le commandant de la meilleure frégate de la première marine du monde y regarderait à deux fois si on lui proposait, par exemple, de se rendre du détroit de Gibraltar en Angleterre en longeant les côtes du Portugal et de l'Espagne et en suivant les sinuosités de la Baie de Biscaye. Cela pourrait réussir une fois, mais ce n'est pas une fois que les Phéniciens accomplirent ce voyage; c'était leur route habituelle, nous dit-on. Se diriger par les astres est, à la vérité un assez bon moyen, pourvu qu'il n'y ait ni nuages, ni brouillard, ni vents

contraires, ni orages. Le premier voyage de Parry nous offre un exemple de ce qu'est une navigation avec la terre et les astres pour seuls guides. La proximité du pôle magnétique réduisant presqu'au zéro la force horizontale de l'aiguille et la rendant d'autant plus sensible à l'influence du fer du navire, la boussole ne servant plus à rien (Barlow n'avait pas encore inventé son disque rectificateur), elle devenait tellement superflue qu'on fit enfin emporter les habitacles dans le magasin, comme un meuble ne faisant que gêner la manœuvre. Voilà nos navigateurs réduits à l'état supposé du Phénicien. Ils devaient se diriger par la terre et les astres. Cela allait assez bien tant que le ciel était clair, mais, lorsque la brume les enveloppait, ils n'avaient d'autre moyen de se guider qu'en tirant, sur les deux navires, des coups de canon de temps à autre. Connaissant leurs relèvements respectifs avant le brouillard, la direction d'où venait le son leur montrait à peu près celle sur laquelle ils gouvernaient.

Ecoutons maintenant ce que Parry pensait lui-même de cette manière de naviguer, dans son troisième voyage, lorsqu'il fut déjà muni du bienfaisant appareil de Barlow. Enumérant toutes les vertus de cet appareil, (je cite de mémoire): «Songeant aux «longues journées d'angoisses, aux nuits blanches passées sur le «pont, aux mille dangers auxquels nous n'échappions, pour ainsi «dire, que par miracle, nous apprenions à apprécier à toute sa «valeur le service bienfaisant rendu par Mr. Barlow aux naviga-«teurs, etc. etc.» C'est un des premiers marins de notre siècle qui parle; après cela, on ne trouvera peut-être plus aussi naturel que les Phéniciens pussent se passer de tout, sauf la terre et les astres; ils avaient donc d'autres moyens, mais lesquels? C'est là la question sur laquelle nous en sommes réduits à de simples hypothèses. Il est fort possible, fort vraisemblable même, que, rencontrant dans leurs voyages aux Indes des navigateurs chinois, ces Chinois qui, avec leur civilisation si ancienne, connaissaient dans des temps immémoriaux les vertus de l'aiguille aimantée, ils en eussent appris l'usage. Dans leurs pérégrinations d'un

côté jusqu'à Thèbes aux cent portes au-delà de 26° de latitude nord, de l'autre jusqu'à l'Ultima Thulé près du cercle polaire, voyant l'aspect du ciel changer à chaque instant, des étoiles et des constellations disparaître et se montrer de nouveau, il est peu probable que des observateurs intelligents ne soient pas tombés à la fin sur la véritable forme de la Terre. Il n'est pas plus probable que l'art de représenter la surface de la Terre, la Géodésie et la Cartographie, à l'invention duquel les Egyptiens étaient portés par les inondations périodiques du Nil, restât inconnu aux Phéniciens. En résumant toutes ces combinaisons, on reste convaincu que ces hardis navigateurs furent en possession de connaissances et d'inventions semblables à celles des temps modernes, mais que, dans leur politique jalouse, ils surent si bien dissimuler, que le tout disparut avec eux et que tout fut à découvrir encore une fois. Anglais de l'ancien monde par l'étendue de leurs relations, l'importance de leur commerce et le développement de leur industrie, les Phéniciens en furent malheureusement en même temps les Hollandais par leur caractère jaloux et ombrageux. Personne ne devait profiter de leurs découvertes. Le chemin vers les Colonnes d'Hercule était un secret d'Etat conservé si religieusement qu'un navigateur de cette nation, se voyant poursuivi par un navire romain, préféra s'anéantir au milieu des rochers pour entraîner son rival dans sa ruine, plutôt que de lui montrer la route vers les Cassitérides.



ПОПРАВКИ.

Страница 72. Адмиралъ Грейгъ (Алексѣй Самуиловичъ), о которомъ упоминается на этой страницѣ, былъ отецъ покойнаго члена Государственнаго Совѣта (бывшаго Министра Финансовъ) С. А. Грейга, а *не дѣдъ* послѣдняго, знаменитый Адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, какъ ошибочно сказано въ 43 подстрочномъ примѣчаніи.

Страница 84. Въ подстрочномъ примѣчаніи (49) на этой страницѣ Адмиралъ Графъ Гейденъ (отецъ нынѣ живущихъ Графовъ Логина и Ѳедора Логиновичей Гейденовъ) ошибочно названъ Логиномъ *Логиновичемъ*, тогда какъ онъ назывался Логиномъ *Петровичемъ*.

Страница 91. *Ѳеопемптъ* Степановичъ Лутковскій (Контръ-Адмиралъ, скончавшійся въ 1853 г.) ошибочно названъ на этой страницѣ (и въ другихъ мѣстахъ) *Ѳеопонтомъ* Степановичемъ.

Страница 129, Примѣчаніе 84. Супруга нынѣшняго Шведскаго Посланника въ Петербургѣ Г. Дуе *дочь* покойнаго Сенатора Юлія Тенгоборскаго, а *не сестра* его, какъ по ошибкѣ сказано въ упомянутомъ примѣчаніи.